

Факультет иностранных языков

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ И МЕТОДЫ
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ**

Материалы межвузовской
научно-практической конференции
(22 мая 2013 года).
Статьи и доклады участников конференции.
В 2-х томах.

Том I

Москва 2014

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бачун А.Н., кандидат педагогических наук, доцент Бондаренко М.А., кандидат филологических наук Мазурина Н.К., кандидат филологических наук Нагайцева Е.В., кандидат филологических наук, доцент Остроумова М.В., кандидат филологических наук Щемелинина И.Н., Роговская А.И., Тригубенко Л.Е.

Зыкова Н.Е.

Предисловие:

кандидат филологических наук, доцент Ненадых Т.М.

Технический редактор: Джамуханова Л.А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных условиях профессия переводчика и специалиста в области иностранных языков остается высоко востребованной. При этом требования, предъявляемые к соответствующим вузам, возрастают, а условия подготовки высококвалифицированных специалистов постоянно меняются. Дальнейшее развитие компьютерных технологий ведет к изменению цивилизационных кодов. Выросло новое поколение людей, для которых доступ к большим объемам информации и коммуникация в интернете стали естественной частью их жизни. Велико влияние глобализации. Современная система образования не может идти по пути простого увеличения объема передаваемых знаний, даже за счет интенсификации учебного процесса. Образование приобретает когнитивный стиль, требуя в дальнейшем от молодого специалиста самостоятельного пополнения знаний и ответственности за свою квалификацию. Вопросы методики обучения иностранным языкам и переводу становятся особенно актуальными.

Вместе с тем продолжают развиваться новейшие лингвистические направления, связанные с когнитивной лингвистикой и анализом дискурса, лингвострановедением и культурологией, социолингвистикой и психолингвистикой.

Для обеспечения высокого уровня подготовки профессиональных переводчиков и специалистов в области иностранных языков лингвистическому сообществу, преподавателям, переводчикам-практикам и теоретикам не только важно, но и необходимо регулярно обмениваться опытом, обсуждать актуальные вопросы в области лингвистики, методики, переводоведения. Этому призваны способствовать научные

конференции, число которых постоянно растет. Одной из таких конференций явилась ежегодная межвузовская научно-практическая конференция «Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе», прошедшая 22 мая 2013 года в Москве. Материалы этой конференции легли в основу данного сборника.

Основная работа конференции строилась по 7 направлениям, соответствующим 7 секциям: 1) Актуальные вопросы перевода и переводоведения; 2) Методика обучения иностранным языкам и переводу на современном этапе; 3) Аспекты дискурса и межкультурной коммуникации; 4) Приоритетные направления в образовании; 5) Современные проблемы языкознания; 6) Лингвокультурология и лингводидактика; 7) Проблемы социолингвистики и психолингвистики. Кроме того, в рамках конференции прошел Круглый стол на тему: «Актуальные проблемы методологии современного языкознания».

В ходе конференции рассматривался широкий круг вопросов. В частности, интерес вызвали вопросы, связанные с теорией лингвистической безопасности, с проблемами русской языковой личности и вызовами глобализации, с государственной политикой в области русского языка. Обсуждались также вопросы, связанные с особенностями современной подготовки переводчиков, с профессионально-значимыми компетенциями переводчика, с использованием информационных технологий в профессиональной деятельности, с различными аспектами методики обучения переводу, с опытом создания электронных учебников и словарей. Затрагивались спорные проблемы методологии современной лингвистики, различные аспекты изучения дискурса, особенности языко-

вых картин мира, лингводидактические и лингвокультурологические особенности организации текстов в целом ряде языков, стилистические и семантические особенности функционирования различных лексических единиц (терминов, неологизмов, заимствований и др.), а также фразеологизмов. Большой интерес вызвали вопросы психолингвистики.

Разновекторность представленных докладов отражает разнообразие подходов и многоаспектность современных научных исследований в области лингвистики, переводоведения и методики обучения иностранным языкам.

Следует отметить также разнообразие исследуемых языков: от традиционных европейских до восточных и редких языков.

Тексты публикуются без изменений, под авторскую ответственность.

К ОСНОВАНИЯМ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: *ВЕРБАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ*

Социальные функции языка многообразны. В литературе социолингвистика, лингвокультурология исследуют связи языка и культуры, религии, этногенез, национальное и политическое самосознание и государственное строительство.

«Общеизвестны связи лингвистики, которыми она весьма гордится, с биологией, психологией, географией, историей, социологией, логикой, философией и многими другими науками. Некоторые из таких связей столь устойчивы и регулярны, что на их основе сформировались самостоятельные отрасли языковедческого знания: психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика и т.д. Однако в лингвистических учебниках и справочниках за малым исключением не находится места **юридическому аспекту языка** и связям языкознания с юриспруденцией. Есть лишь отдельные замечания в специальной литературе, свидетельствующие о том, что такой аспект объективно существует и является весьма значимым предметом лингвистической науки» [Голев].

У лингвистики и юриспруденции, действительно, всегда было и есть много общих сфер, и тенденции к сближению этих наук вполне объективны. Видимо, не случайны в этом плане, например, стихийные терминологические перекрещивания, все чаще наблюдаемые в последнее время: к известным лингвистическим терминам типа норма, закон, регламентация, установление, издавна существовавшим в

языкознании, добавляются новые – прецедент, презумпция, субъект (деятельности), кодекс, лингвистическая дискриминация, экология языка и др.

В свое время Николай Данилович Голев высказал мысль о том, что стихийный этап взаимодействия юриспруденции и лингвистики закончен, поскольку четко осознается необходимость создания фундаментальных работ в рамках особой науки – юрислингвистики.

Для этого есть много оснований.

Во-первых, очевидная социальная, политическая и коммуникативно-языковая актуальность теоретического и практического характера; она проявляется, в частности, в социальной заявке на разработку юрислингвистических вопросов в юриспруденции, средствах массовой информации, некоторых сферах политики.

Значимость юридического аспекта языка имеет как универсальный, так и конкретно-исторический характер. Языковое общение – одна из форм социального взаимодействия, носящего нередко конфликтный характер, неизбежно рождает потребность его «юридизации». В самом языке во многих его сферах всегда существовала тенденция к регламентации, в результате которой стихийная нормативность, как правило, сменяется кодификацией, сначала рекомендательной, а затем и более жесткой. Так, например, было с русской орфографией. Она пережила этапы стихийности, которая развилась до этапа жесткой регламентации на уровне орфографических кодексов, неоднократно сменявших друг друга, и, наконец, достигла этапа «юридического», связанного с участием орфографии в реализации образовательного права в советском и постсоветском обществах (мы имеем в виду ее роль в раз-

ного рода экзаменах). Стихийное регулирование по мере накопления и углубления конфликтных ситуаций все более стимулирует процессы собственно «юридизации» языка, отношений людей в связи с использованием языка, которые являются весьма специфическими и поэтому требующими от юриспруденции особого отношения.

Либерализация российской общественной жизни и особенно актуализация проблемы «права человека» породила массу конфликтов, и прежде в рамках закона о защите чести и достоинства личности, где роль языка и речи является нередко определяющей. Незавершенность лингвистических аспектов права является определенным стимулом увеличения их числа, с одной стороны, и стремления уклониться от обращения в суд с другой, что придает проблемам разработки лингвистических аспектов права обостренный социальный характер.

Кроме того, юриспруденция уже давно разрабатывает лингвистические аспекты права, и это само по себе делает необходимым постановку вопроса о теоретическом и практическом взаимодействии двух наук. В настоящее время эту проблему ставят чаще теоретики права, подчеркивающие приоритетную специфику юриспруденции и обходящие или упрощенно трактующие специфику лингвистическую, хотя отдельные исследователи и поднимаются над «ведомственным» видением роли лингвистики в праве.

Мы хотели бы привлечь внимание к исследованию преступлений, предусматривающих вербальные репрезентации. Называются они вербальными преступлениями и обычно толкуются совокупностью гражданских и уголовных норм.

К правонарушениям, совершаемым словом, относится распространение сведений, задевающих честь, унижающих

достоинство и порочащих деловую репутацию: оскорбление, клевета, публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение вражды или ненависти, унижение человеческого достоинства по мотивам принадлежности к нации, расе, религиозной или социальной группе. *Предметом* вербального правонарушения признаются «речевые высказывания, фразы, произнесенные или распространенные письменно во времени и пространстве, приводящие к негативным последствиям у объекта правонарушения. Под вербальным преступлением обычно понимается общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания и направленное на причинение вреда личности, обществу или государству посредством речевой деятельности.

Но понятие *вербальное преступление* до сих пор не дефинировано и в юриспруденции, и в лингвистике. На то есть целый ряд оснований.

Почему законодатель не объединил вербальные правонарушения в отдельный вид? Юристы утверждают, что вербальность может в разных составах преступления быть признаком либо объективной, либо субъективной стороны. Но **объектом** правонарушения может выступать **только информация** и только следующие её виды:

- произведения, являющиеся объектом авторских прав;
- информация, являющаяся объектом патентного права;
- товарные знаки и знаки обслуживания.

В остальных случаях информация, выраженная в вербальной форме, может быть только **предметом** или **средством совершения** правонарушения.

Слово является **способом совершения преступления**, например, при разглашении государственной или коммерче-

ской тайны. Слово, таким образом, соотносится с правонарушением, казалось бы, неотрывно от него, но лишь потому, что вне слова выражение информации невозможно. Самостоятельным элементом состава преступления слово выступает только в статье 128.1 УК РФ «Клевета», которая понимается как «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». При этом выделяются разновидности клеветы:

- клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации;
- клевета, совершенная с использованием своего служебного положения;
- клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих;
- клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера;
- клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Более того, многие юристы полагают, что криминализация «словесных» преступлений и преследование за них таят в себе определенную возможность нарушений законности, приводя в качестве примера печально известную норму о контрреволюционной пропаганде, а позже антисоветской агитации и пропаганде, которая часто использовалась в период сталинских репрессий. Судебные прецеденты подтверждают устойчивость такой позиции. Так, в 1991 г. Прокуратура г. Москвы опротестовала решение префекта Центрального округа столицы, которым запрещалась деятельность Союза писателей РСФСР и печатывалось помещение Союза на том

основании, что руководители данной организации «идеологически обеспечивали путч и поддерживали тем самым деятельность ГКЧП». В том же 1991 г. ряд прокуроров областей и краев РСФСР поспешили возбудить уголовные дела в отношении лиц, которые выражали словесную поддержку ГКЧП. Прокуратура РСФСР прекратила эти дела за отсутствием в действиях этих лиц составов преступлений.

Однако, очевидно, что значение вербального компонента необходимо акцентировать как составляющую субъективной стороны правонарушений. Субъективная сторона правонарушения – это *психологическая деятельность лица*, непосредственно связанная с совершением правонарушения. Она характеризует процессы, происходящие в психике виновного, и не может непосредственно восприниматься потерпевшим и третьими лицами. Поэтому в судебной практике необходимо учитывать **степень влияния вербально выраженной информации на характер правонарушения**, особенно если обнаруживается непосредственная или косвенная причинно-следственная связь между текстом и противоправным деянием.

Конечно, на практике это осуществить очень сложно. К таким процессам нужно будет привлекать и психологов, и специально подготовленных лингвистов-экспертов, которые могут аргументировать связь между вербальной информацией и наступившими для объекта преступления негативными последствиями. Вообще любое судебное дело, в котором так или иначе фигурирует речевая проблема, требует очень тщательной *квалификации состава правонарушения*, определения того, к каким, внутренним или внешним, элементам состава относится использование вербальных средств.

Лингвистический подход к раскрытию правовых аспектов в языке и языковых в праве осуществляется, как известно, посредством проведения лингвистических экспертиз. Теоретической базой для проведения лингвистической экспертизы чаще всего выступает прагматика и текста, хотя в последние десятилетия актуализировались и психолингвистические основания экспертирования текста.

Прагмалингвистика привлекательна в качестве фундамента экспертирования текста потому, что центральные категории прагматики формально могут быть совпадающими или логично соотнесенными с категориями юридическими. Так, практически совпадает в прагмалингвистике и юриспруденции понятие субъекта действия.

Интенцию говорящего/пишущего можно соотнести с юридическим термином *умысел*, а лингвистические категории *события* и *оценки* вполне соотносимы с принципиально важными для юриспруденции понятиями *факта* и *мнения*. Известно, например, что от разграничения последних зависит квалификация тех или иных высказываний как соответствующих действительности или клеветнических.

Поэтому, на наш взгляд, весьма эффективным было бы объединение вербальных правонарушений **по смысловым моделям деятельности, поведения**. По сути, вербальное преступление – это некий фрейм, модель, которая содержит типовые характеристики языковой личности, реализующиеся в социальных/асоциальных контекстах. Если сказать еще проще: нужно выявить совокупность таких типовых ситуаций, образованных общностью речевых действий, направленных на причинение вреда личности, обществу или государству. Эта совокупность должна быть представлена в нормах УК РФ.

Почему возможно выделение такой совокупности типичных ситуаций? Составы преступлений, предусмотренные нормами, помещёнными в разные разделы и главы Особенной части уголовного законодательства, нередко имеют много общих признаков. Каждый конкретный состав преступления может быть соотнесен со смежными с ним составами, и на основании общности вербальных моделей их можно объединить в одну микросистему. Такие микросистемы могут стать для судей специфическими навигаторами при исследовании дел, содержащих вербальное правонарушение.

Для их создания есть лингвистическая база. Так, основатель лингвистики текста Тён Адрианус ван Дейк строил модели понимания текста с учётом таких факторов, как мнения, установки говорящего, его социальный статус, этническая принадлежность и др. В качестве основного типа представления знаний в языке Т.А. ван Дейк выделил *модель ситуации*, в основе которой лежат личностные знания конкретных носителей языка, объединяющие весь предшествующий опыт индивидов, в том числе установки, намерения, чувства, эмоции. Именно эти модели становятся основой интерпретации текста и дискурса. Наличие их объясняет, почему коммуниканты понимают неясные фрагменты текста, устанавливают их смысловую связность, а также их истинность и ложность.

Акцентируем также, что речевое произведение (текст) – это результат речевой, коммуникативной и культурной деятельности индивида. Поэтому речевое произведение как психолингвистическое образование может быть *объективным признаком состава преступления*. Кроме того, современные тексты совмещают в своей структуре вербальные и очень разные невербальные компоненты коммуникации. В

этой связи я бы хотела привести высказывание доктора филологических наук А.Г. Сониной: «Новые способы социального взаимодействия приводят к появлению новых типов текста: возникает необходимость использовать в вербальных произведениях идеографические и другие изобразительные элементы, что закономерно вызывает изменение социального статуса смешанных, поликодовых средств коммуникации».

Наблюдения показывают, что количество преступлений, связанных с информацией, растет. А значит, необходима методика лингвистического экспертирования информации как вербального правонарушения.

Доктор филологических наук,
профессор Пищальникова В.А.

ОБ ОДНОЙ ЧАСТОЙ ССЫЛКЕ

Сегодня я хочу затронуть вопрос, на первый взгляд, очень частный.

Практически все исследователи-неофиты, проходящие по когнитивной лингвистике (а таких много), ссылаются на то, что впервые термин **концепт** встречается в (отечественной) науке в работе Сергея Алексеевича Алексеева (его литературный псевдоним – С.А. Аскольдов). Работа называется «Концепт и слово» и написана в 1928 году. На этом, как правило, ссылка заканчивается, хотя С.А. Аскольдов – философ, и поэтому вдумчивый языковед должен проанализировать,

* в каком значении этот термин употреблен

* и может ли он стать инструментом анализа лингвистического объекта.

Однако дефиниция, данная С.А. Аскольдовым, не анализируется. А между тем позиция исследователя такова, что она могла бы снять многие споры, часто споры на пустом месте, относительно содержания многострадального термина **концепт**. И найти ему надлежащее место в современной лингвистической парадигме среди **значения и слова**.

Ведь без осознания логики становления научной парадигмы, без четкого понимания сущности вклада в это становление каждым серьезным ученым нельзя её понять, нельзя в ней работать. Можно только «присоединяться», не особенно понимая систему инструментов, с помощью которой мы добываем лингвистическое знание, т.е. терминологию.

А первое, что акцентирует философ, – **давность** вопроса. С.А. Аскольдов отмечал: «**Вопрос о природе общих понятий, или концептов** – по средневековой (!) терминологии **универсалий** – старый вопрос... **Общее понятие** как содержание акта сознания остается до сих пор весьма загадочной величиной – почти неуловимым мельканием чего-то в умственном кругозоре, происходящим при быстром произнесении и понимании таких слов, как «тысячеугольник», «справедливость», «закон», «право и т.п.»» [Аскольдов 2012: 157]. Таким образом, концепт, по Аскольдову, не имеет отношения к лингвистическим терминам и используется для обозначения сущностного компонента понятия. Легко предположить, что когнитивисты, отдающие С.А. Алексееву-Аскольдову пальму первенства в употреблении термина **концепт**, просто не читали статью, на которую ссылаются.

Второе. Философ акцентирует мало изучаемое **состояние человека** в процессе познания, когда «слова, – как он пишет, – в одном случае, не вызывая никакого познавательного “пред-

ставления”, понимаются и создают **нечто**, могущее быть объектом точной логической обработки. В другом случае слово, не вызывая никаких художественных “образов”, создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения. Что это за туманное “нечто”, в котором в области знания всегда, а в искусстве слова в значительной мере заключается основная ценность? **В проблеме познания** это “нечто”, – продолжает Аскольдов, – носит название **концепта**, под которым надо разуметь два его вида: “**общее представление**” и “**понятие**”» [Аскольдов 2012: 159].

Таким образом, концепт – это термин теории познания, обозначающий единую ментальную основу **для разного вида понятий**, обобщение, которое [«Концепт есть мысленное образование, которое] *замещает* нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 2012: 162]. Например, говоря о том, что растения с приходом весны оживают, мы имеем в виду неопределенное множество реальных растений.

Но оперируем мы не этим множеством, а неким ментальным образованием, которое возникает вследствие **операции обобщения**. Одни называют его понятием, другие – «общим представлением». Или, скажем, мы легко представляем *себе человека, идущего по улице*, как говорит С.А. Аскольдов, – без деталей, без представления его внешнего образа и пр. Это тоже специфическое обобщение, «схематичный остов». Главное же – **мы можем производить различные мысленные операции с этими схемами**. При этом такое ментальное образование может замещать

. * реальный предмет или их множество,

* некоторые стороны предмета или реальных действий (*возьми вот эту штучку и соедини с этой штуковиной и еще с этой пустяковиной*),

* мысленные функции и операции (это особые математические концепты).

Такие ментальные образования некоторые исследователи называют протопонятиями. (Протопонятие – это обобщение по части признаков какой-либо вещи; понятие – результат обобщения по существенным признакам).

Понятие возникает тогда, когда есть «это», – говорит С.А. Аскольдов, – прежде всего *точка зрения* на ту или иную множественность представлений и затем готовность к их мысленной обработке с этой точки зрения» [Аскольдов 2012: 165]. В точке зрения и заключена *общность* понятия, доминанта его. И она может быть распространена на неопределенное множество реалий этого класса.

В такой точке зрения, в доминанте концептуализации, обнаруживается и национальная специфика структуры понятия (*подснежник*); в ней имплицитно «заключено все то, что мы могли бы развернуть, если бы это потребовалось» [Аскольдов 2012: 165]. Концепт – это «структура возможностей», потенциальная познавательная схема, модель, а не «квант знания», как считают многие исследователи, причисляющие себя к когнитивистам. Такие схемы возникают в результате интеграции нового представления с познавательной схемой, зафиксированной в слове. Это момент рождения внутренней формы языка, **стабилизация «точки зрения» на познанное**. (Здесь обнаруживается сильнейшее влияние Вильгельма фон Гумбольдта, Г.Г. Шпета). Тем более что С.А. Аскольдов акцентирует:

. * психофизиологическую природу этого процесса, а также то, что

. * концепт – «образование ума», но имеет не только субъективное значение,

. * концепт может иметь «все степени адекватности внешнему бытию»

. * и намечает вполне определенный путь мысленной обработки действительности. (За счет чего? За счет установления связей со словом, в котором уже представлена та или иная познавательная структура).

Поэтому важен вопрос: как с помощью концепта осуществляются строгие и четкие логические операции, если он «мимолетный, зачаточный акт» становления нового понятия? Видимо, не будучи сам до конца осознанным, он объединяет разнообразные «схемы» логических действий и операций, их фрагменты. Он интегрирует их в своей чрезвычайно подвижной и неустойчивой структуре, которая стабилизируется словом. Он осуществляет «логические нормы» и отступает от них в силу того, что операции потенциально способны осуществлять разные виды ментальных действий. Это элементы действия. «Концепт с этой точки зрения есть проективный набросок однообразного способа действия над конкретностями», – пишет Аскольдов [Аскольдов 2012: 167]. «Проекция ... может быть совсем не похожа на то, что ее проектирует, однако между ними может существовать самое строгое соответствие, один и тот же закон, но выраженный в иных формах и в иных динамических и материальных стихиях. Именно поэтому-то концепт и может подвергаться логической обработке, и результат этой обработки имеет полную

значимость по отношению ко всему объему относящихся к нему конкретностей» [Аскольдов 2012: 167].

Размышления Аскольдова,- это, по сути, четкая попытка высказаться в рамках «деятельностной позиции», соотнося цель деятельности со способами ее осуществления. Только до создания общей теории психологической деятельности еще несколько десятилетий... В ее рамках операция – свернутая неосознаваемая, автоматическая схема однотипных действий, которые когда-то были осмысленными. Операция предполагает обобщение действий, схематизацию их. Такая психологическая операция и порождает концепт. «... понимающий производит некоторый мгновенный акт, служащий зародышем целой системы мысленных операций над конкретностями...» [Аскольдов 2012: 167]. Это в теории деятельности сейчас называется **мотивом**. «Концепты – это эмбрионы мысленных операций, которые в своем раскрытии могли бы занять часы, дни, иногда месяцы» [Аскольдов 2012: 168]. «Психологическая интуиция только тогда зряча, когда наблюдаемое и наблюдение есть один и тот же акт, т.е. когда это не ретроспекция» [Аскольдов 2012: 168]. В теории деятельности это выражено в простом тезисе: **динамическая структура действия уже заложена в определенной операции.**

С.А. Аскольдов говорит о **концептах понимания**, которые также называет **научными концептами** и **концептами знания**. Собственно, концепт – это ментальная универсальная операция обобщения, общая для всех видов понятий, **способ образования понятия.**

Поэтому когда лингвисты анализируют содержание понятия, используя слово как средство доступа к нему, то изучают не саму познавательную модель, а только культурное

содержание, устойчиво ассоциируемое со словом. Способ образования понятия – концепт – не может исследоваться собственно лингвистическими методами и средствами и только с опорой на лингвистические данные. Тем более что он, способ образования понятия, не актуален для носителей языка – им важно то содержание, которое конвенционально соотносится с языковым знаком. Обычный носитель языка пользуется знаками, значение которых, по С.А. Аскольдову, мертво, т.е. **не** отражает способа концептуализации мира = образования понятия. Последнее важно только ученому. Отсюда вполне очевидно, что знакомство с позицией С.А. Аскольдова сразу бы поставило вопрос о бесперспективности развития многих когнитивных направлений отечественной лингвистики, очевидно прояснив их методологическую несостоятельность. Заинтересованный слушатель может самостоятельно проанализировать эти направления.

С.А. Аскольдов затрагивает еще один очень важный вопрос: отграничение научных концептов от **художественных**. Обычное их противопоставление как общего и индивидуального, подчеркивает философ, не имеет смысла, потому что любой концепт по существу своему – это как раз обобщение, для которого «необходима всегда многосоставная “апперцепционная масса”» [Аскольдов 2012: 169]. Для исследователя важно, что «природа художественных концептов частично совпадает с природой концептов познания» [Аскольдов 2012: 170].

Другое дело, что, во-первых, именно **характер** обобщения (специфичный способ концептуализации = «опонятливания» представления) может стать их первым отграничительным признаком. Если концепт познания предполагает обобщение

конечного числа элементов, художественный – обобщение ассоциативно незамкнутое, которое может реализоваться в бесконечном ряду ассоциаций, заданных аналогией как операцией обобщения. (Ср. *смех – одна из реакций человека на юмор, щекотку или нервное напряжение, проявления которой включают в себя специфические звуки и произвольные движения мышц лица и дыхательного аппарата. Смех – это солнце: оно прогоняет зиму с человеческого лица. В. Гюго*).

Концепт познания всегда замещает какое-то множество реальных, предметностей, как пишет С.А. Аскольдов, – идеальных и реальных. «Он всегда что-то означает, что находится за его пределами» [Аскольдов 2012: 169].

Концепт представляет **высокую степень** и **определенный способ** обобщения и всегда символизирует нечто определенное и задает направление ассоциирования, по сути – направляет мыслительную деятельность индивида. Такую же функцию выполняет и художественный концепт. **Но** художественный концепт всегда сохраняет связь с чувственно воспринятыми компонентами реальности, опирается на чувственные данные вполне определенной модальности. И потому при восприятии художественного концепта индивиды «входят в неопределенные возможности, все более и более не совпадающие с намерениями автора» [Аскольдов 2012: 170]. Это определяется спецификой ассоциативно-вербальной сети индивидов и разницей в чувственном опыте. А если в художественном концепте специфическим обобщением задается потенциально **открытый** ассоциативный ряд, то включать в него можно любое аналогичное с точки зрения индивида ментальное образование. Вот как это делает Арсений Тарковский.

Пляшет перед звёздами звезда.
Пляшет колокольчиком вода.
Пляшет шмель и в дудочку дудит.
Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле.
Плачет погорелец на золе.
Плачет мать над люлькой пустой.
Плачет крепкий камень под пятой.

(Сам же С.А. Аскольдов предлагает читателю сопоставить концепты «вещий Олег» и «знающий Олег», чтобы убедиться в разнице между художественным и научным концептами). Ассоциативный ряд в художественном концепте задается личностным смыслом, в научном – схемой, моделью соотношения *существенных* признаков познанного объекта. (Эта мысль представлена в положении теории речевой деятельности об эвристичности действия и операциональности его элементов).

При этом, подчеркивает философ, «одна только динамическая направленность к не данному и только потенциальному уже имеет самодовлеющую ценность» [Аскольдов 2012: 170]. В каждом художественном концепте словно заключена задача найти по части нечто целое. Это нечто – **принцип обобщения ассоциаций**, смысловой инвариант этого обобщения. Поэтому возможно на основе имеющихся речевых операций восстановить характер авторского действия. А в **концепте познания** уже заданы и операции, и сам характер действия – в силу замкнутости ассоциативного ряда.

Во-вторых, концепты познания и художественные концепты могут быть противопоставлены по своей **психологи-**

ческой сложности, по качеству компонентов, объединенных операцией обобщения. Художественный концепт включает чувства, желания, «вообще иррациональное» [Аскольдов 2012: 168]. Следовательно, характер обобщения определяет и состав элементов каждого концепта, и его структуру.

В-третьих, художественный и научный концепты различны **по роли слова в их объективации**. Концепт – «реальность психофизиологической природы» [Аскольдов 2012: 177], а потому вне слова воспринят и понят быть не может. И тут мы сталкиваемся с парадоксальным утверждением философа: «Определяя слово как органическую часть концепта, мы должны сказать, что это верно лишь в принципе, но далеко не всегда соответствует действительности» [Аскольдов 2012: 179]. Содержание концепта не равно содержанию слова, оно лишь устанавливается **на основе слова**. Нужен специальный физиологический процесс соотнесения модели, заключенной в известном слове, со смыслом, который возникает в конкретной речевой деятельности. Это единственная возможность включения нового значения, «приращенного значения», в ассоциативно-вербальную сеть индивида. Ментальное сходство уже известной структуры, представленной в слове, и нового смысла устанавливается в процессе речемыслительной деятельности. Это и есть процесс концептуализации, рождение нового понятия на основе обобщения, в котором участвует слово. Это обобщение старых и новых ментальных образований на базе единиц языка, а следовательно, это базовый процесс развития ассоциативно-вербальной сети.

Особенно очевидны эти процессы в разговорной речи. В качестве примера проследим развитие значения слова

крутой от более раннего «отвесный, обрывистый» (*крутой берег*) до современного разговорного *крутой фильм* (*мэн, тачка* и т.п.). В первом значении в качестве значимых компонентов семантической модели выделяются «резкий, внезапно изменяющийся». По признаку «резкий» эта модель интегрируется с признаками «суровый, строгий» и возникает понятие, представленное в сочетании *крутой нрав*. А по признаку интенсивности эти модели объединяются в очередную – *крутой кипяток*. Наконец, признаки «резкий» и «сильный» объединяются со значением «впечатление» для создания нового понятия – *крутой* как «производящий сильное впечатление». То есть практически в анализе мы должны устанавливать лишь **функциональную** значимость слова как **указания на** концепт, но содержание его установить по значению слова нельзя. Развитие значения слова – это по сути развитие способов концептуализации и как следствие – развитие ассоциативно-вербальной сети индивида.

Как правило, за ссылкой на С.А. Аскольдова следует ссылка еще на одного большого ученого – Д.С. Лихачева, который также использует термин *концепт*, акцентируя соотношение концепта и значения слова. Но это отдельный разговор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С.А. Гносеология. Статьи. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской православной церкви, 2012. – 200 с.

«ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТОВ ПРАВОВОЙ ТЕМАТИКИ ФОРМИРУЮЩИМИСЯ ПРОФЕССИОНАЛАМИ)»¹

Формирование гражданского общества невозможно без формирования правосознания. Последнее понимается в виде одной из форм общественного сознания, представляющего собой «систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права» [Википедия режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>].

Определенное место в структуре правосознания занимают правовые доктрины и понятия, принципы организации права (правовая идеология), эмоциональная оценка обществом и индивидами правовых явлений (правовая психология), индивидуальные знания людей (обывателей и специалистов) о праве, норм права, сферы его действий (правовые знания), личный опыт, убеждения, сквозь которые человек оценивает правовые явления (ценности индивида) [там же].

В юридической литературе разграничивается обыденное правосознание - правосознание обывателя, ориентирующе-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-14-55001 "Лингвистика на службе гражданского общества: инновационные подходы в лингвистических исследованиях социальных процессов в Омской области».

гося на свой житейский юридический опыт, и *профессиональное* правосознание – «правовое сознание юристов-практиков, получивших юридическое образование, которое предполагает обладание систематизированными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для успешного выполнения работы в качестве юриста», индивидуальное правосознание и общественное [там же].

Поскольку анализ юридических интерпретаций правового сознания не является нашей задачей, выделим тот подход, который важен для нас, - понимание правового сознания в субъектном ключе. Он состоит в том, что акцентируется субъектная природа сознания вообще, в механизм его действия включается в качестве определяющего ценностный аспект. В духе русской психологической школы сознание понимается как «субъективный образ объективного мира, который получается путем отображения объективной действительности в виде представлений, мыслей, переживаний, созерцаний, идей и других духовных феноменов, из которых и состоит содержание сознания» [Поляков Электронный ресурс: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z566_page_1.html].

С этих позиций юристы интерпретируют правовое сознание как «осознание правовой действительности, т.е. ее отображение в чувственных и мыслительных образах» [Поляков Электронный ресурс: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z566_page_1.html].

При таком подходе противопоставление индивидуального правосознания общественному оказывается нерелевантным, т.к. мыслительные и перцептивные образы, связанные с правом, формируются в отдельно взятой голове человека с опорой на собственную практику через деятельность в социуме.

Считая основными видами отношений сознания к миру познание, ценностные отношения и практику, юристы выделяют в правовом сознании познавательные, ценностные и волевые элементы, «из которых и складывается как индивидуальное, так и общественное правосознание» [Поляков Электронный ресурс: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z566_page_1.html]. Эту совокупность квалифицируют как структуру правосознания.

Подобное понимание сознания близко психолингвистической интерпретации, в которой сознание предстает в виде открывающейся субъекту картины мира, «в которую включен он сам, его действия и состояния» [Леонтьев 2004: 96]. Эту открывающуюся субъекту картину мира А.Н. Леонтьев структурировал в виде триады чувственной ткани, значения и личностного смысла, подчеркивая неразрывность всех составляющих при формировании образа мира в сознании. Современная психолингвистика акцентирует голографичность, многоликость образа мира как достояния индивида, являющегося «продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта», функционирующего «на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании “знания” и “переживания”» [Залевская 2005: 411]. Что бы ни делал, чувствовал, познавал индивид, он делает это сам в ходе социальной деятельности, формируя субъективный образ объективного мира, актуализируя любые типы знаний, полученные «там и тогда», но важные «здесь и сейчас» в процесс смыслообразования. В этом отношении любые типы «сознаний», выделяемые представителями разных наук, условны, «модельны», т.к. важна смыслообразующая деятельность ин-

дива. Последняя никогда не бывает автономной, отличается рядом факторов:

- *уровневый характер когнитивных процессов* (отражения, мышления, сознания);
- выделенность различных форматов хранения и переработки знания.
- *уровневое строение сознания*, в результате чего сознание человека характеризуется психологической многомерностью;

В этой психологической многомерности важно то, что «... общественно накопленные знания, объективированные в слове, являются стержнем сознания», что слово «существенно для сознания именно в силу того, что в нём откладываются, объективируются и через него актуализируются знания, посредством которых человек осознаёт действительность» [Рубинштейн 1989а: 174].

Если *языковое сознание* психолингвистами определяется в виде «образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26], если любой тип языкового и иного сознания – модель, то в психолингвистической парадигме можно говорить о «профессиональном языковом сознанием» [Алферова 2005: 3-5], т.е. той когнитивной области, которая содержит терминологически ориентированные знаки и связанными с ними смысловые и семантические пространства. В сознании профессионалов и непрофессионалов одни и те же знаки будут по-разному нагружены [Бутакова, Ковальчук 2009а, Бутакова, Ковальчук 2009б], само профессиональное сознание, вероятно, будет в большей степени структурировано стереотипными образованиями.

В рассматриваемой парадигме то, что юристы называют «обыденное правосознание» - область сознания индивида, сформированная знаниями, мнениями, чувствами и пр., связанными со смысловыми и семантическими областями права, закона и пр. и права, но не связанными с профессиональной деятельностью по правосозданию и /или правоприменению. А *профессиональное* правосознание – та часть сознания юриста-практика, который получил юридическое образование, актуализировал специальные знания в профессиональной деятельности, образовав специфические когнитивные структуры, также не изолированные от всех других когнитивных структур. Вся область этого профильного профессионального сознания доступна для наблюдения лингвиста только по результатам речевой деятельности такого индивида, включая речевую деятельность в ходе экспериментов различного типа.

Студент-юрист старшего курса занимает промежуточное положение между обывателем и профессионалом. У него есть определенные устойчивые области профессионально-го типа, но нет практической деятельности, в которой эти области усложнились структурно, семантически и т.п. Языковое сознание юриста-полупрофессионала или становящегося профессионала может быть проанализировано разными способами. В данном случае речь идет об анализе результатов экспериментов с использованием методики семантического дифференциала, примененного в ходе восприятия медийных текстов с правовой тематикой.

Гипотеза эксперимента: сознание юриста - становящегося профессионала содержит области, связанные с профессиональными знаниями, отличающиеся стабильным структури-

рованием, и содержащие стереотипные участки. Восприятие текстов правовой тематики будет направляться указанными областями стереотипов, актуализируя только ту информацию, которая соответствует семантическому и смысловому полю стереотипа.

Описание эксперимента: эксперимент проведен в октябре 2012 – марте 2013 года. Участники - студенты-юристы – 4 курс ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, возраст 21-22 года, девушки и юноши, общий состав участников – 90 человек. Отказов не зафиксировано. Время выполнения задания было ограничено.

Материал для экспериментов: 3 текста, расположенные на информационном портале <http://www.bk55.ru/inform/article/15336>, имеющие правовую тематику. Анкета эксперимента содержала 2 задания: оценить предложенные тексты по 15 антонимичным шкалам, ответить на вопрос: что в данном тексте кажется Вам главным. Антонимичные шкалы были разработаны на предварительном этапе эксперимента с помощью специалистов-филологов, имеющих опыт подобной деятельности: плохой / хороший, слабый / сильный, некрасивый / красивый, актуальный / неактуальный и пр.

По результатам экспериментов были составлены общие семантические портреты текстов, выявлены области позитивных и негативных оценок, описано семантическое ядро текстов.

Метод семантического дифференциала позволяет выявлять эмоционально-чувственное отношение реципиента к речевому произведению по ряду биполярных шкал, образованных частотными прилагательными-антонимами и описывать в виде трехмерного семантического пространства, «осями которого являются три основных фактора: Оценка, Сила и

Активность» [Мягкова 2000: 64]. Классический вариант этой методики, предложенный Ч. Осгудом, был адаптирован А.В. Кинцель для исследования эмоционально-смысловой доминанты текстов научного, публицистического, официально-делового стиля [Кинцель 2000]. Вариант, предложенный В.Ф. Петренко, эффективен для определения типа коммуникативного воздействия содержания любого текста на сознание носителей языка [Петренко 1093, 2005].

Текст характеризуется небольшим объемом, стилевой, смысловой, семантической однородностью, информативной насыщенностью.

Результаты экспериментов на восприятие текста **«В одном из районов Омской области выдали права 14 наркоманам»** // 04 марта 2013 — 13:01 (с) zt.ru

Табл. 1. Универсальные факторы восприятия текста «В одном из районов Омской области выдали права 14 наркоманам»

Факторы восприятия текста	Индексы
Плохой / Хороший	0,461538
Слабый / Сильный	0,230769
Неинтересный / Интересный	0,461538
Некрасивый / Красивый	-0,15385
Злой / Добрый	-0,14286
Сложный / Простой	1,615385
Неактуальный / Актуальный	2,25
Отрицательный / Положительный	-0,08333
Лживый / Честный	0,076923
Незначимый / Значимый	1,692308
Негативный / Позитивный	-0,61538

Неприятный / Приятный	0,692308
Пассивный / Активный	-0,23077
Неважный / Важный	1,384615

Применение антонимичных шкал выявило картину разнонаправленного восприятия ОД текста формирующимися специалистами: по трем шкалам, номинирующим позитивные параметры организации текста, были получены высокие индексы – важный (1,38), значимый (1,7), актуальный (2,25). Наибольшие индексы положительного отношения зафиксированы по параметрам, отражающим оценку реципиентами семантической и смысловой составляющих текста со стороны их рациональной организации, социальной значимости, доступности для понимания (всего 4 параметра) (см. табл. 2 и диаграмму 1).

Уровень интенсивности и качества оценок оказался неодинаковым. В процессе восприятия текста правовой тематики формирующимися профессионалами выявилось позитивное и негативное отношение. Наибольшая интенсивность позитивного отношения обнаружилась в области актуальности (2,25), значимости (1,7), простоты (1,6), важности (1,4), остальные четыре параметра проявили слабо выраженные оценки восприятия формы и содержания текста.

Семантическое пространство позитивного восприятия текста значительно превышает пространство негативного восприятия текста.

Табл. 2. Семантическое пространство позитивного восприятия текста

Параметры восприятия текста	Индексы
Неактуальный Актуальный	2,25
Незначимый Значимый	1,692308
Сложный Простой	1,615385

Неважный Важный	1,384615
Неприятный Приятный	0,692308
Плохой Хороший	0,461538
неинтересный интересный	0,461538
Слабый Сильный	0,230769
Лживый Честный	0,076923
Среднее	0,985043

Семантическое пространство негативного восприятия текста сформировано оценочными факторами разного типа, в том числе эстетического, а также фактором силы.

Пространство негативного восприятия образовано параметрами слабой величины. Наибольшая сила проявленной негативного отношения была зафиксирована в области рациональной оценки (негативный), активности (пассивный), эстетической и этической оценки (некрасивый, злой).

Табл. 3. Семантическое пространство негативного восприятия текста

Негативный	-0,61538	Позитивный
Пассивный	-0,23077	Активный
Некрасивый	-0,15385	Красивый
Злой	-0,14286	Добрый
Отрицательный	-0,08333	Положительный

Обобщение шкал факторов по принятым в психолингвистике принципам [Петренко 2005: 89-97], дало следующую картину (см. табл. 4). Наиболее полно предложенные шкалы дают возможность определить оценку (рациональную и эмоциональную) разных сторон текстового объекта.

Табл. 4. Универсальные факторы восприятия правовой тематики становящимися специалистами

4.1. Фактор «Оценка»

Параметры восприятия текста	Средние индексы
Плохой / Хороший	0,461538
Неинтересный / Интересный	0,461538
Некрасивый / Красивый	-0,15385
Злой / Добрый	-0,14286
Отрицательный / Положительный	-0,08333
Лживый / Честный	0,076923
Негативный / Позитивный	-0,61538
Неприятный / Приятный	0,692308
Неважный	1,384615
СРЕДНЕЕ	0,231278

4.2. Фактор «Упорядоченность»

Параметры восприятия текста	Средние индексы
Сложный / Простой	1,615385

4.3. Фактор «Активность»

Параметры восприятия текста	Средние индексы
Неинтересный / Интересный	0,461538
Слабый / Сильный	0,230769
Пассивный / Активный	-0,23077
Неважный / Важный	1,384615
СРЕДНЕЕ	0,461538

В целом анализ результатов экспериментов подтвердил гипотезу. Область стереотипов профессионального сознания направляла

речевую деятельность по восприятию текста в сторону рационального отношения, эмоция, выраженная в тексте, игнорировалась.

Определяя главный смысл текста, студенты – юристы также действовали в области сформированных правовых стереотипов. Ответы были предельно краткими, отличались книжным характером, напоминали официальный правовой дискурс. При передаче смысловой доминанты актуализировались смыслы законности / незаконности действий, роль надзирающих органов, актуальность статьи по отношению к факту правонарушения. Типичные высказывания: соблюдение законодательства о безопасности движения; незамедлительная реакция прокурора; актуальность, т.е. то что статья вышла в тот день, когда было обнаружено правонарушение; незаконное получение водительского удостоверения; на дорогах в качестве водителей участвуют лица, которые состоят на учете в НД, тем самым создавая опасность во время дорожного движения.

Приложение 1. Текст для эксперимента

В одном из районов Омской области выдали права 14 наркоманам

04 марта 2013 — 13:01 (с) zt.ru

Проверка базы данных ГИБДД и наркологического диспансера, проведенная прокуратурой в Большеуковском районе, **привела к неожиданным результатам**. Анализ показал, что водительские удостоверения получали лица, стоящие на официальном учете. Как стало известно сегодня, 4 марта, прокуратура Большеуковского района Омской области направила в суд сразу 14 исковых заявлений о запрете управлять транспортными средствами. В исках фигурируют лица, состоящие на наркологическом учете. **Поводом для целой серии исков послужила** проверка норм по соблюдению законодательства о

безопасности дорожного движения в указанном районе. Выяснилось, что лица, состоящие на наркологическом учете с диагнозами «наркомания» и «алкоголизм», **спокойно получали** водительские удостоверения. – Установлено, что 14 местных жителей, состоящих на наркологическом учете, в нарушение закона имеют водительские удостоверения на право управления транспортными средствами различных категорий, **что создает угрозу** безопасности участников дорожного движения, – прокомментировала ситуацию старший помощник прокурора Омской области Татьяна Бородина. По результатам проверки прокурор Большеуковского района Игорь Фатьянов направил в суд исковые заявления с требованием признать недействительными выданные удостоверения. В настоящее время суд **рассматривает претензии** прокуратуры.

Инна Сальникова

Источник: <http://www.bk55.ru/inform/article/15336>

Приложение 2. Образец анкеты эксперимента

I. Краткая информация о референте

- 1) пол: _____
- 2) возраст: _____
- 3) профессия: _____
- 4) должность: _____
- 5) стаж: _____

II. Как Вы относитесь к следующим текстам?

Вам следует внимательно прочитать документы, которые прилагаются к анкете, и оценить их, используя для этого противоположные признаки: понятный/непонятный, серьезный/смешной, доступный/недоступный. Ваша задача – отметить у каждого текста цифру от +3 до - 3, т.е. ту цифру, с величиной которой соотносится, с Вашей точки зрения, интенсивность

разных параметров оцениваемого текста. Оценив по предложенным шкалам семантику первого текста, Вы переходите ко второму, затем - к третьему тексту и т.д. до тех пор, пока не оцените все тексты.

Название документа	Признаки, которыми обладает текст								
В одном из районов Омской области выдали права 14 наркоманам	Плохой	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Хороший
	Слабый	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Сильный
	Неинтересный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Интересный
	Некрасивый	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Красивый
	Злой	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Добрый
	Сложный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Простой
	Неактуальный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Актуальный
	Отрицательный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Положительный
	Честный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Лживый
	Незначимый	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Значимый
	Негативный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Позитивный
	Приятный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Неприятный

	Активный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Пассивный
	Неважный	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Важный

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алферова, Ю.И.* Профессионально маркированные компоненты языкового сознания, репрезентированные единицами родного и изучаемого языков. / Ю.И. Алферова. - Дисс. Канд. Филол. Наук. - Барнаул, 2005.

2. *Бутакова, Л.О., Ковальчук, Д.С.* Специфика смысловых структур, связанных с терминологическим языковым знаком в сознании формирующихся профессионалов / Л.О. Бутакова, Д.С. Ковальчук // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. - Вып. 15. Материалы 5 международных Березинских чтений. - М.: ИНИО РАН, МГЛУ, 2009. – С. 41-62.

3. *Бутакова, Л.О., Ковальчук Д.С.* Специфика цветового восприятия терминологически ориентированных языковых знаков / Л.О. Бутакова, Д.С. Ковальчук // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Сб. Научн. Ст. - Вып. 4. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С. 55-72.

4. *Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской госун-т, 2011. - 240 с.

5. *Залевская А.А.* Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.— 542с.

6. *Кинцель А.В.* Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. - 152 с.

7. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Едиториал УРСС, 2003б. - 248 с.

8. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2003. - 216 с.

9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

10. *Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск: Изд-во Курск. гос.п. унт-а, 2000. -110 с.

11. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М.: МГУ, 1983. - 175 с.

12. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп., спб.: Питер, 2005. - 480 с.

13. *Поляков А.В.* Введение в общую теорию права и государства. Курс лекций. Режим доступа: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=101>

Доктор педагогических наук,
кандидат психологических наук,
доцент Аркусова И.В.

**О ПРЕПОДАВАНИИ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
«НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК» ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ПОТОКА ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ПРО-
ФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)**

Преподавание учебной дисциплины «Немецкий язык» имеет существенное значение для адъюнктов потока послевузовского профессионального образования. В статье рассматриваются процесс обучения иностранному языку для специальных целей, его специфика и особенности.

Ключевые слова: преподавание учебной дисциплины; послевузовское профессиональное образование; обучение немецкому языку для специальных целей.

Главной целью обучения данной дисциплине является практическое владение немецким языком, позволяющее адъюнктам всех специальностей использовать его в научной работе.

Для достижения этой цели в процессе обучения решаются следующие задачи:

повторение полученных адъюнктами в вузе базовых знаний по фонетике, лексике, грамматике;

развитие основных иноязычных компетенций (языковой, речевой, социокультурной и компенсаторной), необходимых для практического применения немецкого языка в научной работе;

подготовка адъюнктов к сдаче кандидатского экзамена по немецкому языку.

К основным иноязычным компетенциям относятся:

Языковая компетенция – знания о немецком языке как средстве осуществления научной деятельности (в том числе его фонетическом, лексическом и грамматическом строе).

Речевая компетенция – навыки чтения: ознакомительного, поискового, просмотрового и изучающего; умение понимать оригинальные аутентичные тексты, а также речь, обращенную к адъюнкту; навыки адекватного перевода с немецкого языка на русский язык текстов по специальности, формулирования самостоятельного высказывания на немецком языке, передачи на русском языке основного содержания прочитанного на немецком языке научного текста и на немецком языке – аутентичного общественно-политического текста.

Социокультурная компетенция – владение терминологией специальности, по которой адъюнктом проводится ис-

следование, а также страноведческими реалиями немецкого и русского языков для адекватной интерпретации информации, встречающейся в научных и общественно-политических текстах, в том числе соответствующей отрасли знаний.

Компенсаторная компетенция – умения и навыки языковой догадки и прогнозирования в научной деятельности по специальности и общественно-политической сфере, используя необходимые стратегии при чтении, аудировании, говорении.

Основными требованиями к уровню освоения учебной дисциплины являются определенные навыки и умения адъюнктов:

уметь: читать со словарем на немецком языке оригинальную литературу в соответствующей отрасли знаний с целью понимания прочитанного;

владеть навыками:

перевода со словарем на русский язык научного текста на немецком языке по специальности;

аннотирования без словаря на русском языке аутентичных текстов научного содержания;

реферирования на немецком языке аутентичных текстов общественно-политического содержания;

монологической речи на темы, связанные с научной работой адъюнкта;

диалогической речи по теме научного исследования.

В соответствии с учебным планом изучение данной дисциплины проводится в течение первого года обучения адъюнкта в адъюнктуре. По окончании изучения практического курса немецкого языка по специальности адъюнктом сдается кандидатский экзамен.

Общая трудоемкость дисциплины составляет 108 часов по четырем разделам.

Среди них выделяются следующие разделы:

Раздел 1. Повторение вузовского (базового) курса немецкого языка.

Раздел 2. Изучение практического курса немецкого языка по специальности адъюнкта.

Раздел 3. Подготовка к кандидатскому экзамену по немецкому языку.

Раздел 4. Кандидатский экзамен.

Кратко остановимся на их содержании.

Раздел 1. Повторение вузовского (базового) курса немецкого языка.

Целью данного раздела является повторение адъюнктом полученных в вузе знаний, навыков и умений по немецкому языку. Его содержание зависит от уровня знаний, навыков и умений адъюнкта.

Раздел 2. Изучение практического курса немецкого языка по специальности адъюнкта.

Практический курс состоит из обучения фонетике, лексике и грамматике.

Раздел 3. Подготовка к кандидатскому экзамену по немецкому языку.

Содержание этого раздела отражает специфику обучения немецкому языку.

Особое внимание на занятиях уделяется видам чтения: просмотровому, ознакомительному, поисковому и изучающему.

Кроме того, для **обучения переводу научного текста** по специальности адъюнктов рассматриваются особенности научного функционального стиля; основы теории перевода научных текстов; переводческие трансформации; компенсация потерь при переводе; контекстуальные замены.

Для специальных целей, под которыми понимается специфика научного текста, на занятиях осуществляется **обучение аннотированию** текста по специальности адъюнкта. Здесь рассматривается понятие аннотирования и выполняются практические упражнения по аннотированию научных текстов.

Обучение реферированию общественно-политических текстов происходит на актуальных материалах аутентичных статей из газет «Süddeutsche Zeitung», «Die Welt», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», журналов «Spiegel», «Focus» и Интернета в процессе изучения понятия реферирования и выполнения практических упражнений.

В ходе **обучения беседы по специальности адъюнкта** тренируются навыки самостоятельного создания сообщений о себе (путем изложения краткой автобиографической информации), состоянии своей научной работы и перспективах научной деятельности.

Раздел 4. Кандидатский экзамен.

Этот раздел включает в себя требования кандидатского экзамена по немецкому языку: *на кандидатском экзамене* адъюнкт должен продемонстрировать владение орфоэпической, лексической и грамматической нормами немецкого языка, правильно использовать их в речевой коммуникации научной сферы.

Изучение данной дисциплины осуществляется на лекциях, практических занятиях, а также в процессе самостоятельной работы адъюнкта под руководством преподавателя. По окончании изучения данной дисциплины адъюнктом готовится реферат.

Содержание первой лекции (2 часа) составляют цели и задачи курса изучаемой дисциплины; разделы и содержание учебной дисциплины; требования, структура и содержание кандидатского экзамена; объем и содержание учебных занятий; виды занятий; основные виды иноязычной деятельности при изучении данной дисциплины (перевод и аннотирование научной литературы по специальности; реферирование текста по общественно-политической теме; беседа и вопросы по теме специальности).

Вторая лекция (2 часа) – это мини-курс по основам грамматики немецкого языка.

Третья лекция (2 часа) – мини-курс по основам перевода научных текстов с немецкого языка на русский язык.

Как правило, *аудиторные практические занятия* проходят в форме групповых и индивидуальных занятий. Однако нередки случаи их совмещения.

Для реализации задач учебной дисциплины практические занятия рекомендуется проводить в языковых аудиториях, в том числе оборудованных учебным мультимедийным комплексом.

Индивидуальная работа предусматривает индивидуальную консультацию адъюнкта с преподавателем.

Одним из важных компонентов обучения является *подготовка реферата*. Она осуществляется в ходе самостоятельной работы адъюнктов, но проверяется *преподавателем*. Под рефератом понимается выполненный адъюнктом письменный перевод научного текста по специальности с немецкого языка на русский язык объемом 25 печатных страниц. К реферату прилагается оригинальный текст на немецком языке с целью проверки правильности и адекватности перевода. Содержание перевода проверяется преподавателем и

обсуждается с адъюнктом. Качество перевода оценивается по зачетной системе.

Одним из главных компонентов обучения данной учебной дисциплины является речевая деятельность.

Кратко оговорим основные виды речевой деятельности.

Овладение основными и специальными видами речевой деятельности ведется комплексно, в тесном единстве с овладением фонетическим, лексическим и грамматическим материалом.

Языковой материал следует рассматривать не только в виде частных явлений, но и в системе, в форме обобщения, обзора групп родственных явлений и их сопоставления.

В целом обучение этой деятельности включает в себя обучение основным видам чтения, переводу, аннотированию и реферированию, устной речи.

Обучение основным видам чтения. Обучение проходит на материале аутентичных научных текстов по специальности адъюнкта и по общественно-политической тематике.

В качестве форм контроля понимания прочитанного и воспроизведения информативного содержания текста целесообразно использовать в зависимости от вида чтения: ответы на вопросы, подробный или обобщенный пересказ прочитанного, передачу его содержания в виде перевода, реферата или аннотации. При этом следует уделять внимание тренировке скорочтения про себя и чтения с использованием словаря. Все виды чтения должны служить единой конечной цели – научить адъюнкта читать оригинальный текст на немецком языке по специальности, понимая его основное содержание.

Изучающее чтение предусматривает формирование умений вычленять опорные смысловые и структурно-семантические блоки в тексте, выделять основные мысли и факты, находить

логические связи, исключать избыточную информацию, систематизировать выделенные положения по принципу общности, а также формирование навыков языковой догадки (с опорой на контекст, словообразование, интернациональные слова и др.) и прогнозирования прочитанной информации.

Обучение переводу тесно взаимосвязано с изучающим чтением. Рекомендуется обращать внимание на методические аспекты при переводе, грамматические трудности перевода научного текста по специальности адъюнкта и на примере конкретных упражнений закрепить возможные варианты перевода данного вида текста.

Обучение аннотированию и реферированию. При аннотировании информация излагается точно, кратко, без искажений и субъективных оценок. Во внимание принимается определение проблемы и ключевых моментов содержания без подробного изложения информации.

При реферировании внимание обращается на смысловое свертывание текста с целью извлечения из него наиболее важной и актуальной информации. Учитывается адекватность понимания и грамотное изложение содержания.

Обучение устной речи. Основное внимание следует уделять коммуникативной адекватности самостоятельных высказываний монологической и диалогической речи (в виде пояснений, определений, аргументации, выводов, оценки явлений, возражений, сравнений, противопоставлений, вопросов, просьб и т.д.) по теме диссертационной работы (в форме краткого и расширенного сообщения) в рамках беседы по специальности, а также реферированию материала по общественно-политической тематике.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что преподавание учебной дисциплины «Немецкий язык» на потоке послевузовского профессионального образования имеет специфические особенности. Главные из них – обучение немецкому языку для специальных целей, которые определяют педагогические методы, приемы и технологии оптимизации образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 марта 2011 года № 1365 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре основной образовательной программы послевузовского профессионального образования (аспирантура)».
2. Программа-минимума кандидатского экзамена по общенаучной дисциплине «Иностранный язык» (<http://www.edu.ru>).
3. Рабочая программа учебной дисциплины «Немецкий язык» (ОД.А.02 цикл «Обязательные дисциплины основной образовательной программы послевузовского профессионального образования») очная и заочная формы обучения / Сост. И.В. Аркусова. – М., 2013. – 16 с.

Доктор филологических наук,
доцент Данюшина Ю.В.

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ США

Рассматриваются основные направления языковых исследований Агентства по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США и предлагается авторская концепция лингвокоммуникативных составляющих государственной/ национальной безопасности.

Ключевые слова: язык; лингвистика; коммуникации; безопасность; Пентагон.

Не секрет, что в США лингвистика и коммуникативистика рассматриваются все более как стратегические области научного знания, входящие в парадигму национальной безопасности.

Официально заявляемые бюджеты Пентагоновского Агентства по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам, выделяемые на проекты по исследованию языка и коммуникаций, уже составляют 8-значные цифры. Неуклонный интерес американские военные и разведывательные структуры проявляют к лингво-коммуникативной проблематике после событий 9\11 и последовавших военных операций в Ираке и Афганистане, вызвавших всплеск внимания к азиатским и африканским языкам (в первую очередь, к арабскому, пушту, фарси).

Совместными усилиями военных и разведывательных структур была создана целая комплексная система ТИА (Terroism Information Awareness) по обработке гигантских массивов информации (телефонные разговоры, электронная почта, общение в социальных сетях, национальные и зарубежные СМИ, банковские счета, налоговые декларации, страховые полисы, резервирование авиабилетов, заказ номеров в отелях, водительские лицензии, штрафы за нарушения правил движения, заказы и покупки через Интернет и др.). Специальному текстовому и гипертекстовому анализу подвергаются и масштабные базы данных производителей и дистрибьютеров товаров и услуг с целью заблаговременного выявления потенциальных террористических опасностей (не будет лишним заметить, что цели подобных систем могут включать в себя и не только антитеррористические). Система объединяет три

взаимосвязанные составные части: автоматизированный перевод с иностранных языков на английский и обратно, выявление скрытых данных и распознавание образов, комплексный анализ информации для принятия решений.

В настоящее время в рамках концепции национальной безопасности Агентство по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам Министерства обороны США ведет разработки по 5 основным направлениям лингвокоммуникативных исследований.

Во-первых, это так называемое «глубокое» (с целью извлечения имплицитных значений) изучение и фильтрация текста, с автоматическим извлечением релевантной информации. В его основе лежат технологии автоматизированной обработки естественного языка (natural language processing - NLP) и создания искусственного интеллекта. Предполагается, что в ближайшем будущем специалисты смогут перейти от ограниченного линейного анализа языка к автоматическому выявлению интерференций, причинно-следственных связей, детекции аномалий, оценке и планированию, т.е. к стратегическому исследованию речевой информации.

Второй проект фокусируется не на «глубоком», а на «широком» анализе языковых (иноязычных) данных – широкий операционный перевод. Во время недавних военных операций специалисты Пентагона осознали необходимость уделять гораздо большее внимание иностранным языкам, особенно языкам тех стран и регионов, которые США включают в сферу своих национальных интересов. Данное направление лингвокоммуникативных исследований включает в себя изучение кросс-культурных составляющих речевого общения,

неформальных, разговорных и онлайн-жанров, а также технологические аспекты коммуникации и перевода. Практической целью проекта является, среди прочего, обеспечение американских военных надежными и функциональными средствами автоматического перевода с/на языки тех стран, где уже проведены или, вероятно, в скором времени могут быть проведены военные операции. С этой точки зрения, любопытным представляется список «востребованных» языков как вероятное отражение ближайших и долгосрочных военных планов.

Небезынтересным с этой точки зрения является, например, и то обстоятельство, что один из учебников русского языка, используемых при подготовке специалистов Министерства обороны США, начинается текстом о нефтезапасах в Каспийском море.

Третье направление – «машинное чтение», создание технологий, способных не только распознавать и переводить тексты, но и вставлять найденную релевантную информацию в контекст имеющейся в базах данных. В перспективе планируется перейти от машинного «чтения» к машинному «рассуждению» (machine reasoning) и дальнейшему развитию возможностей artificial intelligence (AI).

Четвертый проект – многоязычная автоматическая обработка документов (классификация, анализ и перевод). В этом направлении под документами понимается широкий спектр семиотических объектов – от граффити, дорожных знаков до социальных медиа.

Пятое направление заключается в разработке технологий автоматического перевода устной речи в условиях шума, помех, искажений, нестандартного произношения, а также

идентификации говорящего.

Эти и другие проекты по прикладным исследованиям языка/речи и коммуникаций, а также то растущее внимание к языковым и коммуникативным компетенциям работников государственных структур, не говоря уж о специалистах ведомств военных, разведывательных и правоохранных, которое в последнее время уделяется в США, заставляют говорить о том, что в 21-м веке понятие (государственной, национальной) безопасности расширяется и включает в себя все новые компоненты.

В современных условиях новых геополитических, экономических и технологических вызовов и «интернет-революций» все более актуальным становится ряд вопросов, которые можно определить общим понятием – лингво-коммуникативная безопасность.

Специалисты по лингвокоммунологии еще только начинают осознавать, какую роль они призваны сыграть в формировании условий национальной вербально-информационной безопасности. В классическом понимании лингво-коммуникативная безопасность видится с позиций понимания языка как воплощения ментальности нации, и в спектр этой проблематики входят вопросы функционирования государственного языка, его балансировки с национальными языками автономий, сохранения языковой нормы и т.п.

С массовой же «интернетизацией» населения обеспечение коммуникативной безопасности становится одной из важнейших государственных задач, выходящих далеко за рамки собственно филологии и языковой политики. Если рассматривать коммуникацию как «важнейший фактор совместной деятельности людей, предполагающий активность

участвующих в нем контрагентов» [Дридзе 1984: 17], то наличие коммуникативных действий и противодействий, а значит, и необходимость ведения осознанной коммуникативной деятельности и контрдеятельности следует уже из самого определения коммуникации как социального феномена. Очевидно, настало время попытаться определить всю лингвокоммуникативную безопасность в целом, в широком социальном значимом контексте.

Согласно нашему подходу [Данюшина 2011], **лингвокоммуникативная безопасность** – государственная / национальная, организационная, корпоративная и т.п. - понимается как комплексная система действий и противодействий, предпринимаемых (государством, организацией, компанией и т.п.) в своей коммуникационной политике по недопущению, исключению, пресечению негативных (для данных государства, организации, компании) перлокутивных эффектов – социально-политических, финансово-экономических, национально-конфессиональных, гендерных, культурных, профессиональных, репутационных, деловых и т.п.

Информационная, коммуникационная и лингвокоммуникативная безопасность государства и политического развития в последние годы привлекают большой интерес отечественных исследователей – Д.А. Андрианова, Н.А. Брусницина, Г.В. Грачева, И.Н. Панарина, А.А. Прохожее, Е.В. Проценко, С.П. Расторгуева, А.А. Стрельцова, В.Н. Цыгичко, Г.Л. Смоляна, Д.С. Черешкина, А.В. Шевченко и др., а также украинских коллег (в силу известных обстоятельств «оранжевых событий») Д.В. Дубова, А.Ю. Гребиниченко, Г.Г. Почепцова. Так, в работе «Теория коммуникации» Г.Г. Почепцов подчеркивает коммуникативную сущность разведки и приводит полный набор разведывательных ком-

муникативных процессов: работа с фактами (а - сбор; б - оценка достоверности; в - аналитика, сопоставление факта с системой), работа с носителями фактов: (а - вербовка; б - допрос; в - повышение имиджа спецслужб), распространение фактов (а - пропаганда; б - политические акции; в - поддержка необходимых средств массовой коммуникации), передача фактов [Почепцов 2001]. Подобный анализ особенно интересен для коммуникологов и специалистов по безопасности из всех стран, особенно в свете наделавших много шума «Викиликс-утечек» и появившихся сообщений СМИ о том, что спецслужбы США создают «теневой» интернет для «потенциальных революций» [www.vesti.ru, 2011]. Мы полагаем, что специальные мероприятия по обеспечению **коммуникационной** безопасности государства должны идти рука об руку с активной и целенаправленной работой по обеспечению его **коммуникативной** безопасности. В связи с этим необходимо еще раз четко разграничить используемые термины (путаница возможна из-за полисемантичности английского слова communication(s), означающего как связь, так и общение). Показательно, что в англоязычных Wiki-ресурсах эти понятия зачастую объединяются, и вместе с собственно техническим шпионажем, «жучками» и хакерскими атаками (т.е. угрозами для коммуникационной безопасности) рассматриваются технологии «черной пропаганды» (что входит в зону компетенции коммуникативной безопасности).

Итак, коммуникационная безопасность – это безопасность коммуникационных сетей. Коммуникативная же (точнее, лингвокоммуникативная) безопасность связана с вербальными (а также паравербальными экстралингвистическими) аспектами общения. Связывает эти два направления информационная со-

ставляющая, поскольку сутью коммуникации является передача информации.

Основными сферами деятельности по обеспечению коммуникативной безопасности страны, на наш взгляд, являются следующие направления:

- разработка принципов вербального контентообразования в создаваемой системе» электронного правительства»);

- формирование и внедрение долгосрочной языковой политики и языкового планирования в РФ (с учетом национальных аспектов);

- определение необходимого набора языковых и коммуникативных компетенций российского госслужащего (федерального, муниципального) – создание его «лингвокоммуникативного – в т.ч. иноязычного – портфолио»;

- создание единой концепции по детерминации вербального контента при формировании международного имиджа страны (наглядный пример для понимания этого аспекта: при переводе на иностранные языки боевиков-террористов вряд ли следует именовать «партизанами», «борцами» и т.п.);

- специальные исследования и мониторинг СМИ, особенно веб-медиа, сетевых сообществ, блогов и т.п. (в т.ч. и на предмет антиэкстремистских и антитеррористических задач).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Данюшина Ю.В.* Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. ИЯ РАН. — М., 2011.

2. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре

социальной коммуникации. М., 1984. - 17 с.

3. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. — 656 с.

4. США создают «теневого» Интернет для диссидентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=475468>. 12.06.2011.

Доктор политических наук,
доцент Сулейманова Ш.С.

СЕЦИФИКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В ЧЕЧЕНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Исследования теории и практики перевода чеченского языка, несмотря на достигнутые за последние десятилетия успехи в области исследования фонетики, лексики и фразеологии, грамматики и диалектологии не получили в специальной литературе систематизированного освещения. Актуальность разработки вопросов теории и практики перевода чеченского языка в настоящее время связана не только с изученностью других аспектов языка, но и с тенденциями развития мировой лингвистики.

Ключевые слова: проблемы перевода; чеченское переводоведение; специфика; переводческие соответствия; переводческие приемы; способы.

Частные теории перевода изучают системы переводческих соответствий в разных языках по отношению к единицам данного языка или системы переводческих соответствий в данном языке по отношению к другим языкам. Поскольку речь идет о соотношении между единицами языков, для каждой пары языков существует свой набор соответствий и, следовательно, своя частная теория перевода. Единицы одного языка (ИЯ), имеющие в качестве переводческих соответ-

ствий некоторые единицы другого языка, не всегда будут, в свою очередь, соответствиями последних, если данный язык будет использован как ПЯ, т.е. перевод будет осуществлен в обратную сторону [Комиссаров 2001: 424].

При сопоставлении текстов чеченско-русских переводов с их оригиналами обнаруживается значительный параллелизм в употреблении таких частей речи, как числительные и прилагательные, и поэтому нет необходимости детально рассматривать способы их передачи в переводе. Подробного изучения требуют русские соответствия различным категориям чеченского глагола и глагольным словосочетаниям (синтаксическим комплексам). Из форм чеченского глагола основного внимания требует инфинитив, а при описании способов перевода инфинитива подробно необходимо рассмотреть его употребление в функции определения, связанного со значительными переводческими трудностями.

В качестве исходного пункта анализа берутся, как правило, единицы ИЯ, для которых отыскиваются соответствия в ПЯ. В принципе такие соответствия можно обнаружить для единиц ИЯ на любом уровне языковой системы.

К примеру, соответствия на уровне слов: **И ца веара - он пришел домой, Со цуьнга дIахьаьжира - я посмотрел на него.** Здесь каждому слову чеченского предложения можно найти соответствующее слово в русском переводе. Пословный перевод подобного рода применяется и при переводе предложений более сложной структуры:

Со Москвахь хьехархойн институтехь доьшуш волу кхоалгIа шо ду.

Я третий год учусь в Москве в педагогическом институте.

Соответствия на уровне словосочетаний: - принимать уча-

стие, - выдать секрет, - обращаться не по (не к конкретному человеку) адресу. В этих случаях словосочетания в оригинале и переводе эквивалентны в целом, а в их составе нет слов, выступающих в качестве соответствий друг к другу.

Соответствия на уровне предложений: **буц гIехула ма лела** - По газонам не ходи. **Хьекъале корта!** - Вот умница! **Цуьнга хIу ала?** - Что ему передать? В эквивалентных предложениях в оригинале и переводе нет слов или словосочетаний, которые можно было бы соотнести друг с другом.

Основное внимание при описании системы переводческих соответствий следует уделять соответствиям лексических, фразеологических и грамматических единиц ИЯ, обладающим стабильным значением, которое реализуется в большом числе высказываний. Как правило, в качестве соответствия выступает единица ПЯ того же уровня. Однако речевые высказывания строятся на основе взаимодействия единиц разного уровня, и в процессе перевода не предопределяется заранее, средствами какого уровня будет передаваться в переводе данная единица оригинала. Поэтому принципиально возможны и фактически нередки случаи межуровневых переводческих соответствий [Комиссаров 2001: 424].

В пределах одного уровня в качестве соответствий могут выступать как единицы, занимающие в системе ПЯ место, аналогичное замещаемым единицам оригинала, так и иные единицы этого уровня. В словарном составе чеченского и русского языков имеются слова как с более общим значением (**лела-двигаться, йита—оставлять, хила-быть, схьакхачар – прибывать и т.п.**), так и с более конкретным значением

(вадар - удрать, латта - стоять, долахь хилар – обладать - собственность, чуэжкхар - ворваться) [Алироев 1999: 160].

Однако если рассматривать эти же слова с точки зрения их употребления в речи, то окажется, что слова с общим значением гораздо более употребительны в чеченском языке, чем в русском. Отсюда и при сопоставлении переводов чеченскому глаголу хила будет соответствовать не только русское «быть», но и «стоять», «находиться» и пр., чеченскому глаголу лела - «идти», «ехать», «летать» и пр. Это явление можно наблюдать при сопоставлении переводов и в отношении иных частей речи.

К примеру: **Дуьненаюкъяра политикашна хаало нохчийн къома векалшкара. дуьхьало (Хаа – знать, хаало – чувствовать)**

Международные политики встречают отпор со стороны представителей чеченского народа.

Использование переводческих соответствий всегда предполагает учет контекста, в котором употреблены переводимые единицы оригинала. Сопоставление потенциальных значений совместно употребленных языковых единиц позволяет определить то значение, в котором каждая из них используется в данном высказывании. Обычно это оказывается возможным уже в пределах узкого контекста. Рассмотрим следующее чеченское предложение: переводя с чеченского «Говр хахка къонаха веза», мы имеем два варианта: 1. «**Коня катать мужчина нужен**» - дословный перевод; 2) «**Ездить на коне может только настоящий мужчина**» - литературный. Контекст вынуждает отказаться от словарных значений отдельных лексем (в данном примере слово **къонаха**, не имеет аналога в русском языке) и привлечь новые, отсутствующие в оригинале, иначе не-

возможна точная передача смысла фразы [Алироев 1999: 160]. Конечно, мы не отрицаем, возможности и даже необходимости изменения структуры предложения и форм, отдельных его составляющих, но считаем, что здесь должны быть ограничения, предписывающие подобные изменения только в тех случаях, когда тех или иных структур и форм языка 1 нет в языке 2. В подобных случаях следует находить семантико-синтаксические и морфологические эквиваленты, передающие в языке перевода те же грамматические значения, которые выражаются иначе в языке оригинала. Несовпадение грамматических систем разноструктурных языков ставит перед переводчиками проблему поиска грамматических эквивалентов постоянно, но насколько обоснованно решение о выборе непараллельной структуры, действительно ли этот выбор необходим, можно выяснить, только сопоставив соответствующие формы и структуры двух языков. Из множества возможных здесь примеров приведем один. Чеченское предложение-поговорку **«Аьхка хье кхихкинчун, Iай яй кхихкина»** невозможно перевести на русский язык структурой простого предложения с необособленным причастным оборотом («аьхка хье кхихкинчун»); более того, непереводаемо и само причастие («кхихкинарг») в своем конкретном контекстуальном значении («у которого кипел»). Этим обусловлена необходимость перевода фразы на русский язык сложноподчиненным предложением: букв. пер. - **«У кого мозг (ум) кипел летом, у того зимой котел закипел»**, или **«Кто летом не работал, тот голодает зимой»**. Вместе с тем к предложениям такого рода надо подходить дифференцированно, так как, с одной стороны, тип сложноподчиненного предложения в чеченском, хотя и ограниченно, но распространен, с другой - не всегда чеченские простые распространенные предложения с необособленными

ми оборотами не имеют соответствия в русском. Правильный выбор в каждом конкретном случае зависит от того, насколько полно и точно проведено сопоставление соответствующих синтаксических структур и формирующих их групп словоформ.

Сопоставительный анализ переводов обнаруживает, наряду с языковыми единицами ИЯ, имеющими единичные или множественные соответствия в ПЯ, и такие лексические и грамматические единицы, для которых в ПЯ нет прямых соответствий.

Безэквивалентная лексика обнаруживается, главным образом, среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода [Магомедханов 1988: 104].

Наличие безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия. Мы уже отметили, что соответствия могут лишь частично совпадать по значению с переводимой единицей и что нередко при переводе используются контекстуальные замены даже при наличии регулярных соответствий. Аналогичным образом, при переводе безэквивалентной единицы переводчик тем или иным способом создает окказиональное соответствие. В области перевода безэквивалентной лексики применяются следующие типы таких соответствий:

1. Соответствия-заимствования, воспроизводящие в ПЯ форму иноязычного слова. Во многих случаях окказиональные соответствия, созданные подобным образом, могут закрепиться в ПЯ и регулярно использоваться при переводе соответствующих слов. Например, рус. Шали – чечен. **Шела**, рус.

тэйп – чечен. тэйпа – род, родовая принадлежность (слово тайпа не имеет точного аналога в русском языке) и другие.

2. Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части устойчивого словосочетания в ИЯ. Различие между окказиональными и регулярными соответствиями часто оказывается временным. Многие соответствия, созданные путем калькирования, широко распространяются в переводческой практике, а затем начинают использоваться и в непереводных материалах на ПЯ. В результате соответствующие единицы ИЯ выходят из разряда безэквивалентных, приобретая постоянные соответствия, например: административно-политической и военной лексики: **пурстоп «пристав», писар «писарь», мидал «медаль», гардавой «городовой», пирказ «приказ», надзаратал «надзиратель», комбо «конвой», эпсар «офицер», пилмот «пулемет», пичат «печать»** и т.д.: **бытовая лексика того периода: картол «картофель», испирт «спирт», палтуо «пальто», чамда «чемодан»** и др.

3. Соответствия-аналоги, создаваемые путем подыскивания ближайшей по значению единицы ПЯ для безэквивалентной единицы ИЯ, например: **Мокхазан дог** - Общее значение.

1. Бесчувственный, чёрствый (о ком-л.). 2. Об очень мужественном человеке.

Мокхаз хила - Общее значение. Не проявлять никаких признаков чувств (о бесчувственном человеке).

Моза а тIема болуш хезар долуш - Мертвая тишина.

Мозий санна эга; дала. Боккхачу барамехь охьаэга, дIакхалха, хIаллакхила. - Общее значение. Падать, умирать в большом количестве.

Кьорта чу дилла - Общее значение. Запечатлеть что-то в

памяти, крепко запомнить.

Даг чоьх латто - Общее значение. Запомнить что-л., держать что-л. постоянно в памяти.

Куьйга кЈел хила - Общее значение. Под властью, эгидой кого-либо. (быть, находиться и т.п.).

4. Соответствия-лексические замены, создаваемые при передаче значения безэквивалентного слова в контексте с помощью одного из видов переводческих трансформаций, которые лингвистическая теория использует при описании процесса перевода. При этом окказиональное соответствие создается путем семантических преобразований значения безэквивалентного слова, например **ачо** – ненависть, обида, злость (которую кто-то носит в своем сердце и которая временами проявляется в словах и поступках по отношению к обидчику).

5. В случае отсутствия возможности создать соответствие указанными выше способами для перевода безэквивалентного слова используется описание, раскрывающее значение безэквивалентного слова при помощи развернутого словосочетания: **кьонаха** – настоящий мужчина, исключительно обладающий только достоинствами, **яхь** – обладать здоровыми амбициями, чувством солидарности, **айкхаллина лушьберг** – вознаграждение за информацию о преступнике, **боршам** – жидкий раствор глины с примесью песка для притирки земляного пола и панелей нижней части дома, **гел хьовзо** – закрутить проволоку или трос так, чтобы получилась крепкая завязка, крепление для брёвен, труб, // **гел** – закрутка, полка, рычаг, **чорпаз** – нагрудная застежка на платье горянки.

Не вызывает особых трудностей при переводе и существование в ИЯ безэквивалентных грамматических единиц. Как уже было отмечено, выбор грамматической формы при пере-

воде зависит от ее лексического наполнения, т.е. от характера и значения лексических единиц, получающих в высказывании определенное грамматическое оформление. Отсутствие в ПЯ однотипного соответствия для той или иной формы ИЯ означает лишь невозможность использовать в переводе аналогичную форму или пословный перевод. Здесь можно отметить три основных случая:

1. Нулевой перевод, т.е. отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его избыточности. Грамматическое значение нередко дублируется в высказывании с помощью иных лексических или грамматических средств [Комиссаров. 2001: 424]. В таких случаях безэквивалентная единица получает в переводе «нулевое соответствие», т.е. опускается:

И Грознехь АхьмадгIаргахь сецира. Он в Грозном остановился у Ахмада. (Слово **АхьмадгIаргахь** означает, что он остановился в семье Ахмада, с которой он живет, что не имеет для нас принципиального значения при переводе, поэтому мы опускаем вторую часть слова) [Хамидова 2007: 464].

2. Приближенный перевод заключается в использовании в переводе грамматической единицы ПЯ, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице ИЯ. Так, абсолютная конструкция в чеченском языке не имеет русского соответствия, если ее рассматривать как единицу грамматического строя. Она имеет комплексное, нерасчлененное значение, объединяющее ряд обстоятельственных отношений. Однако в конкретном высказывании на первый план может выдвинуться один или два вида таких отношений (временных, причинно-следственных, условных, уступительных и пр.), что позволяет окказионально

приравнять к абсолютной конструкции в оригинале соответствующую русскую структуру. В следующем примере абсолютная конструкция имеет явно временную функцию:

И гуллакх дина ваьлча дагадеара цунна ша меца хилар.

Когда с этим делом было покончено, организм напомнил ему, что час обеда уже близок.

3. Трансформационный перевод заключается в передаче значения безэквивалентной единицы с помощью одной из грамматических трансформаций, которые наряду с лексическими трансформациями применяются при описании процесса перевода.

Хьалхалера дай, администрацин куьгалла керла кьома предприятиин директорш хилла д'ахитгина. Цул совт'етгоьхнера моттарг'ина масех профсоюзни чиновникаш а.

Старые хозяева и административное руководство стали директорами и управляющими новых национализированных предприятий. Кроме того, было добавлено для вида несколько правых профсоюзных чиновников (здесь происходит трансформация выражений: **Хьалхалера дай, моттарг'ина**).

Возникает комплекс проблем при описании фразеологических соответствий или, соответствий фразеологическим единицам оригинала. Центральное место в описании фразеологических соответствий занимает проблема эквивалентного воспроизведения значений образных фразеологических единиц. Семантика таких единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и коннотативные компоненты. Наиболее важными из них, с точки зрения выбора соответствия, в ПЯ являются следующие: 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма; 2) прямой или предметный компонент значения

фразеологизма, составляющий основу образа; 3) эмоциональный компонент значения фразеологизма; 4) стилистический компонент значения фразеологизма; 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма.

Существуют три основных типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала.

В первом типе соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы [Юсупхаджиева 2000: 176]. В этом случае в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий с фразеологической единицей оригинала, как по прямому, так и по переносному значению (основанный на том же самом образе). Как правило, такие соответствия обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из какого-нибудь третьего языка, древнего или современного: *Оцу гӀуллакхх бала пайда бац.* – букв. Из этого дела пользы не будет. Игра не стоит свеч.

Шен гӀуллакх доцург лелор. – букв. Делать то, что ему не надо. Играть кому-либо на руку. **Дош дош дацахь, дуй дуй а бац** (посл.) – букв. Если слово не слово, и клятва не клятва. Нарушивший слово, нарушит и клятву. Использование подобного соответствия наиболее полно воспроизводит иноязычный фразеологизм.

Во втором типе соответствий одинаковый переносный смысл передается в ПЯ с помощью иного образа при сохранении всех прочих компонентов семантики фразеологизма: «недовольный» - **Йитгача санна гӀаьттина метгара** (букв. Как избитый встал с постели) - Встать с постели не с той ноги; «довольствоваться тем, что есть» - **Дадин маж буйнахь тоьла** (букв. Держи бороду отца в кулаке) - Лучше синица в руке, чем журавль в небе; **Хих**

ведарг хъера кѐл иккхина – Бежавший от воды бросился под мельницу. - «Стремясь избежать малую неприятность, попадать в большую беду» / Из огня да в полымя; «бедность» - **Іайг, мІара бац цуьна** (букв. Ни ложки, ни вилки нет у него) – Ни кола ни двора; «бездельничать» - **Тховх туйнаш детгаш Іуьллуш ву** (Лежит, плюет в потолок) - Пролеживать бока. Использование соответствий этого типа обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности при условии, что русский фразеологизм не обладает ярко выраженной национальной окраской.

Нередко у переводчика имеется возможность выбирать между различными типами фразеологических соответствий в зависимости от условий контекста он может предпочесть существующий в ПЯ образ за счет утраты национально-этнического компонента. Например: В следующих ФЕ представлены и первично-образные и вторично-образные значения: **Дош дала** – «слово дать» - 1. Разрешить выступить с речью (на собрании, заседании и т.п.) – «Дош ло производствон отделан начальникана накъостана Баловна». – «Слово даётся начальнику отдела производства товарищу Балову». 2. Обещать что-либо сделать. – «Зулай: **И базар кхин лелор яц ша, аьлла, суна дош деллера хьуна Маймас**». – Зулай: «Что больше не будет вести этот базар, мне слово дала Майма». 3. Поручиться за кого-либо, чего-либо, брать на себя ответственность за кого-либо или чего-либо. – «**Тахана дуюххъара хІюьттинера цунна тІе дийнна халкъах дош дала дезаш хала киртиг**». – «Сегодня впервые представился ему трудный случай дать слово за весь народ».

Для каждой пары языков частная теория перевода описывает систему фразеологических единиц в ИЯ и их соответствий в ПЯ и формулирует рекомендации переводчику

о возможности и целесообразности использования соответствий каждого типа в условиях конкретного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алироев И.Ю.* Чеченский язык. М.: РАН – Академия, 1999. – 160 с.
2. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. - М.: «ЭТС», 2001. <http://library.durov.com/Komissarov-089.htm>
3. *Магомедханов М.М.* Проблема национально-русской фразеологии. Махачкала: Даг. кн. изд-во. 1988. – 227 с.
4. *Сулейманова Ш.С.* Частные вопросы чеченского языкознания. М. 2010. – 106 с.
5. *Сулейманова Ш.С. Тадинова Р.А.* Чеченский язык. Теория и практика перевода. Учебное пособие. М., 2013. - 176 с.
6. *Хамидова З.Х.* Основы стилистики чеченского языка. М.: Пантори, 2007. - 464 с.
7. *Юсупхаджиева Х.У.* Особенности языка чеченской художественной литературы. Автореферат кандидатской диссертации. М. 2000. – 176 с. <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-yazyka-chechenskoi-khudozhestvennoi-literatury>

Доктор филологических наук
Тадинова Р.А.

РОЛЬ МАСТЕРСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРЕВОДЧИКА

Известно, что потребности общества, условия осуществления педагогической деятельности требуют от преподавателя постоянного совершенствования и саморазвития. Поэтому и система

показателей, критериев оценки ее продуктивности и результативности не носит раз и навсегда утвержденный характер.

Мастерство характеризуется такими интегрированными характеристиками, которые можно обозначить как новообразования личности специалиста, нетрадиционные способы решения педагогических задач и творческие же результаты своей профессии. Здесь высвечивается акмеологический аспект педагогической деятельности как раскрытие психических резервов и личностного потенциала профессионала, как «высокое и постоянно совершенствуемое искусство обучения и воспитания».¹

Несомненно, успешная реализация целей обучения переводчиков во многом зависит от уровня профессиональной подготовки преподавателя иностранного языка. Одним из основных требований к уровню подготовки преподавателя ИЯ является сформированность преподавательской компетенции, включающая в себя профессиональные знания и умение применять их на практике. Таким образом, преподаватель иностранного языка «должен знать предмет, который он преподает, и то, каким образом он должен строить педагогический процесс, чтобы добиться положительных результатов в достижении цели обучения ИЯ. «... Он должен творчески относиться к своей профессии, преломляя свой педагогический опыт в соответствии с индивидуальными особенностями учащихся и конкретными условиями обучения».²

- В методической литературе, посвященной преподаванию иностранного языка в профессиональной сфере отмечается, что преподаватель решает более сложные задачи, так как помимо знаний общеразговорного языка ему необходимы знания специфической лексики, умение ориентироваться в предме-

¹ Сластенин В.А. Педагогика. Уч. пос. для студ. высш. пед. уч. зав. / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; - М.: Изд. центр "Академия", 2002.- с.24.

² Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. – М.: АРКТИ, 2000, с.3.

те (экономика, политика, и т.д.) и представление о коммуникативных потребностях, присущих данной профессии.

Для совершенствования профессионально значимых компетенций переводчиков в процессе подготовки или переподготовки следует:

- использовать на занятиях материалы с учетом специфики деятельности переводчика;
- использовать материалы, которые позволяют совершенствовать знания слушателей относительно страны изучаемого языка;
- создавать на занятиях ситуации, позволяющие слушателям применять полученные теоретические знания на практике;
- использовать материалы, уже известные слушателям, но представленные с другой точки зрения.

Немаловажной составляющей коммуникативной компетенции преподавателя иностранного языка является социокультурная компетенция. В документе «Аттестация преподавателей иностранного языка в контексте развития системы непрерывного педагогического образования» определены уровни профессиональной компетентности и параметры ее оценивания. Так, относительно социокультурной компетенции учитель высшей категории должен знать мировую культуру, уметь анализировать опыт культурного развития различных стран во взаимодействии различных культур, проследить его отражение в языке той или иной страны, не испытывать трудностей социолингвистического и социокультурного характера в практически любой сфере общения,

учитывать нормы формального и неформального общения в устной и письменной речи.¹

Преподаватель должен не только уметь взаимодействовать с иноязычной культурой, но и уметь взаимодействовать со своими учениками. Он должен сам владеть искусством общения; уметь объединять слушателей в коллектив посредством «лично и общественно значимой, интересной для него и для студентов деятельности общения»²; уметь организовывать все социальные формы работы студентов.

Как отмечает Е.Н. Соловова, компетенция «всегда сопряжена с психологической готовностью к сотрудничеству и взаимодействию в процессе решения различных проблем, с наличием определенных морально-этических установок и качеств личности».³ В этом заключается основное отличие компетенции от умений.

Преподаватель, даже блестяще владеющий всеми аспектами, видами речевой деятельности, еще не учитель, если не умеет обучать, не владеет средством, позволяющим делать это. Таким средством служит для учителя методическая культура, которая является стержнем, на который «нашивается» психологическая, педагогическая культура и владение языком, что составляет общую профессиональную культуру. Методическая культура – это накопленный человечеством социальный опыт обучения иностранным языкам.

¹ Аттестация преподавателей иностранного языка в контексте развития системы непрерывного педагогического образования (полная средняя и высшая школа), 2001.

² Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. М.: АРКТИ, 2000, с. 5

³ Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс. М.: АСТ, 2009, с. 3.

Как известно, базой методической культуры, ее основой является содержание методического образования, которое в свою очередь зависит от целей обучения. В современных условиях преподаватель иностранного языка должен обладать коммуникативной методической культурой.

Рассматривая исходные основополагающие принципы обучения, следует отметить необходимость взаимосвязанного обучения, согласно которому овладение языком происходит тем успешнее, чем больше анализаторов участвуют в нем: каждая доза речевого материала «пропускается» через все четыре вида речевой деятельности, т.е. один и тот же материал обучающиеся читают, воспринимают на слух, записывают и используют в устном высказывании. Взаимосвязанность должна присутствовать не только на каждом занятии, но и в отдельных видах упражнений, хотя на каждом определенном этапе учебного процесса один из аспектов становится ведущим, а развитие остальных является сопутствующей задачей.¹

При осуществлении принципа управления учебным процессом следует отметить правило «отсроченности результата», которое означает, что не следует добиваться немедленного доведения материала до полного владения им, а значит, и проводить специальный контроль. Данное правило значимо для всех видов речевой деятельности и возможно лишь при соблюдении другого правила – «избыточности материала», согласно которому обучающийся оперирует боль-

¹ Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Царькова В.В. Учитель иностранного языка. Мастерство и личность. – М., 1993, с. 52.

шим количеством материала, чем ему следует усвоить на данном этапе учебного процесса.¹

Вопрос о понятии «методическое мастерство» преподавателя становится актуальным, как только мы начинаем говорить об использовании коммуникативности в качестве средства обучения иностранному языку. Ефим Израилевич Пассов определяет несколько уровней мастерства, профессионализма преподавателя.

Первый уровень – это уровень грамотности, т.е. владение методическими знаниями. Следующий уровень профессионализма – это уровень ремесла, когда учитель использует известные приемы обучения, воспроизводит то, что было известно до него, чему его обучили. Переход на уровень мастерства возможен только после освоения такого элемента методической культуры, как творчество. Уровень мастерства – цель совершенствования и самосовершенствования учителя.²

Овладение всеми элементами методической культуры, а также уровнем профессионализма зависит от свойств личности, стиля ее деятельности, способностей и черт характера. По этому поводу интересны высказывания М.Л. Вайсбурда: конкретная реализация цели обучения иностранному языку зависит, во-первых, от учителя, его психологического склада, темперамента, пристрастий, владения языком, во-вторых, от аналогичных способностей обучающихся. Выбор за учителем, и он вправе выбрать то, что в большей степени отвечает его интересам. Для того, чтобы разумно осуществить этот выбор, нужно осознавать собственный стиль преподавания, отвечаю-

¹ Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранному языку. Пособие для учителя. – М.: АРКТИ, 2000, с. 15-18.

² Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Царькова В.В. Учитель иностранного языка. Мастерство и личность. – М., 1993, с.48.

щий вашим индивидуальным особенностям и интересам. Если у вас талант легко общаться и вовлекать в общение других, если вы можете петь, танцевать, вам целесообразно делать основную ставку на развитие устной речи, хоровую работу, подвижные и ролевые игры. Если же вы любите сам язык, литературу, если у вас лингвистические наклонности, то естественнее было бы ставить цели, связанные с овладением чтением на иностранном языке, наблюдением лингвистических фактов, выделением в тексте информативных признаков. Но речь может идти только о ведущем направлении вашей работы, в любом случае вам не обойтись без тренировки, синтеза, имитации, без анализа формы и содержания. Ведь ни устной речи, ни чтению не научишь, не заложив прочного грамматического каркаса.¹ Учитель, по мнению М.Л. Вайсбурда, имеет право на выбор, однако, на наш взгляд, правильнее было бы говорить не о выборе, а о разумном сочетании используемых подходов, которые взаимодополняют друг друга.

Если раскрывать компонентный состав методического мастерства преподавателя, то следует говорить об умениях и прежде всего о проектировочных умениях, т.к. любая работа начинается с замысла, продумывания и составления плана работы.

Говоря об адаптационных умениях преподавателя, т.е. об умениях приспособить, адаптировать средства обучения к определенному комплексу условий, Е.И. Пассов выделяет две группы.

Первая группа адаптационных умений связана со способностью подобрать всевозможные приемы обучения, адекватные реальным условиям. Вторая группа связана с умениями адаптировать речевой материал, свою речь, соизмерять свои действия с ходом усвоения материала, легко переключаться с

¹ Вайсбурд М.Л. Методы обучения. Выбор за вами // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 2.

одного вида работы на другой, импровизировать в неожиданных учебных ситуациях, настроить учащегося соответственно теме урока, настроиться, адаптироваться, в том числе соответственно состоянию обучающихся.

Методическое мастерство – это также организационные, коммуникативные, инновационные, исследовательские умения преподавателя.

Организационные умения – это умения организовать работу на занятии, поскольку обучение – это специально организованный процесс. Л.И. Уманским составлена специальная анкета для познания своих сильных и слабых сторон как организатора. Вот некоторые из них: способность быстро увидеть психологические особенности и состояние другого человека, способность давать людям меткие характеристики, повышенный интерес и внимание к другим людям, вера в способность других людей (коллектива), способность быстро ориентироваться во взаимоотношениях других людей, находить правильный тон во взаимоотношениях с людьми в состоянии возбуждения, способность правильно выбрать момент воздействия, способность выражать требования в адекватной форме, способность увидеть и выделить у людей существенные, но мало-заметные положительные и отрицательные стороны.¹

Быть хорошим речевым партнером, т.е. обладать коммуникативными умениями особенно важно для «разговорной профессии», поскольку необходимо, чтобы обучающийся не «подвергался обучению», а мотивированно и осознанно учился, а преподаватель выступал как речевой партнер и помощник, т.к. общение, по определению Б.Ф. Ломова, – это не воздействие одного человека на другого, а их взаимодействие как

¹ Уманский Л.И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. / Избранные труды — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. - 208 с.

партнеров. Поскольку коммуникативные навыки и умения в наших условиях вещь в основном декларативная, то атмосфера общения основана во многом на интересе не только к учению, но и к личности преподавателя как речевого партнера. Личностного контакта не возникает, если преподаватель обрывает обучающихся, возмущается их незнанием, раздражается по любому поводу, не признает шуток и не улыбается.¹

Мотивационные умения преподавателя – это стремление показать значимость своего предмета в жизни, значимость владения иностранным языком для конкретного обучающегося. Мотивируя обучающихся, преподаватель передает им необходимую для их деятельности энергию; побуждает желание, вызывает интерес, активизирует волю, помогает осознать потребность, т.к. мотив – это двигательная энергия в процессе обучения. Исследования показали, что более 97 % учащихся приступают к изучению иностранного языка на 1-м курсе ВУЗа с интересом и желанием, а к 3-му курсу интерес пропадает у 86 % учащихся. Ключом к мотивации Е.И. Пасов считает индивидуализацию учебного процесса, который начинается с определения способностей, позволяющих быстро и легко овладеть иностранным языком. По данным исследований, практически нет ни одного человека, у которого бы отсутствовала всякая готовность (предрасположенность) к овладению иностранным языком. Чаще всего отсутствуют одна-две-три способности или они недостаточно развиты. Известны основные способности, такие как: способность к восприятию на слух, к имитации, конструированию высказываний, к усвоению культуры речи, к овладению семантической стороной речи, догадке, языковым обобщениям,

¹ Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии. Вопросы психологии, 1975, № 2.

анализу языковых явлений, к запоминанию, логическому пониманию текста, комбинаторные способности и др.

Исследовательские умения многообразны и труднодостижимы. Это – энтузиазм, устойчивость к неудачам и однообразию, устойчивость к успеху, постоянная неудовлетворенность состоянием дел (ни одному невозмутимому и самодовольному человеку не удалось достичь прогресса в науке).

Самым редким даром является оригинальность мышления. Одно это качество может компенсировать недостаток всех остальных. Ведущим качеством можно считать энтузиазм, поскольку без мотивации к исследовательской работе остальные качества лишаются смысла. Творческая одаренность складывается из множества других более «мелких» способностей, например, боковое мышление, т.е. широко распределенное внимание повышает шансы на решение проблемы. Французский психолог Сурье писал: «чтобы творить – надо думать около». Так называемое «боковое зрение» развивается прежде всего благодаря изучению «смежных наук». Для преподавателя иностранного языка это, кроме методики, - психология, физиология высшей нервной деятельности, лингвистика и др.¹

В истории педагогики есть немало случаев, когда в одном лице соединялся учитель-новатор и педагог как ученый-исследователь. В.А. Сухомлинский считал, что дети должны учиться с радостью, а учитель – работать с радостью. Главное условие работы с радостью – исследовательский труд.

¹ Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Царькова В.В. Учитель иностранного языка. Мастерство и личность. – М., 1993, с 78.

Исследовательский труд преподавателя – высший уровень его профессионализма и методической культуры.

Таким образом, преподавателю иностранного языка необходимо, превосходить возможные трудности в понимании, уметь услышать своего собеседника, не использовать авторитарный стиль в общении, выбирать оптимальные пути и средства для создания коммуникации.

Преподаватель иностранного языка для эффективной организации процесса обучения должен в полной мере обладать знаниями общеразговорного языка, языка делового и профессионального общения; коммуникативными навыками и умениями; владеть методами и приемами формирования и совершенствования у слушателей письменной коммуникативной компетенции; осуществлять контроль учебной деятельности слушателей, осуществлять профессиональную рефлексию; обладать определенными личностными характеристиками. Все перечисленные выше компоненты составляют профессиональную компетенцию преподавателя иностранного языка и позволяют делать процесс обучения более эффективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аттестация преподавателей иностранного языка в контексте развития системы непрерывного педагогического образования (полная средняя и высшая школа). – М.: Еврошкола, 2001.
2. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. – М.: АРКТИ, 2000. – 131 с.
3. *Вайсбурд М.Л.* Методы обучения. Выбор за вами. // Иностранные языки в школе № 2. – М., 2000. – С. 29-34.
4. *Ломов Б.Ф.* О системном подходе в психологии. // Вопросы психологии № 2, 1975. – С. 31-45.

5. *Пассов Е.И.*, Кузовлев В.П., Царькова В.В. Учитель иностранного языка. Мастерство и личность. – М., 1993. – 159 с.

6. *Сластенин В.А.* Педагогика. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр "Академия", 2002. – 576 с.

7. *Сластенин В.А.*, Руденко Н.Г. Стратегии развития, технологии, контекстное обучение. // Педагог. – М., 1996. – № 1. - С. 18-29.

8. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс. – М.: АСТ, 2009. – 201 с.

9. *Уманский Л.И.* Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. / Избранные труды – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – 208 с.

Кандидат филологических наук,
доцент Антонюк Е.В.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ США

Для овладения иностранными языками в настоящее время приобретает особое значение знание национально-культурных особенностей употребления языковых единиц. В российской испанистике разрабатывается новое направление - межвариантная диалектология испанского языка и составляется типология классификаций диалектов испанского языка. В статье рассматриваются особенности функционирования испанского языка на территории США в рамках нового направления с учетом внутривидовых и культурно-мировоззренческих параметров.

Ключевые слова: межвариантная диалектология; языковая картина мира;

лингвистическое переключение кода; контактные языки.

Концепция равноправия национальных норм полинационального испанского языка, сформулированная Г.В. Степановым [Степанов 1976: 100] получила дальнейшее развитие в трудах Н.М. Фирсовой и Н.Ф. Михеевой, а также их учеников, которые стали разрабатывать новое направление в испанской диалектологии-межвариантную диалектологию испанского языка и составлять типологию классификации диалектов современного испанского языка с учетом внутривидовых и культурно-мировоззренческих параметров.

Лингвистическая ситуация на территории США в связи с распространением там испанского языка давно привлекала внимание зарубежных исследователей. В российской испанистике впервые исследовала социолингвистический статус испанского языка на территории юго-западных штатов Америки Н.Ф. Михеева, определив форму его функционирования в данном ареале как один из случаев межвариантной диалектологии, когда употребление диалекта прослеживается за пределами границ одного из национальных вариантов [Михеева 2003: 7].

Анализируя ситуацию с испанским языком на территории США, надо учитывать, что число *hispanos* (жителей, приехавших в США из испаноязычных стран) не является эквивалентом числу *hispanohablantes* (испаноговорящих). *Hispano* или *latino* являются этническими, а не лингвистическими концептами. Число испаноговорящих меньше, чем количество тех, кто считает себя выходцем испаноязычных стран.

По последним официальным данным *U.S. Census Bureau* (Национального Статистического Бюро США) на 1 июля 2011 г., количество *hispanos* в стране достигало 52,0 млн., т.е. 16,7 % от всего населения страны. Только Мексика (112 млн.) превосходит США по этому показателю. Наиболее

многочисленные группы американских *hispanos* имеют мексиканское (63%), пуэрториканское (9,2%) и кубинское (3,5%) происхождение, остальные проценты распределяются среди выходцев из других стран Латинской Америки. По подсчетам *U.S. Census Bureau*, к 2050 г. число *hispanos* может составить 132,8, т.е. более 30% всего населения США.

Присутствие испанского языка на территории нынешних Соединенных Штатов начинается с прибытия во Флориду 27 марта 1513 г. испанского конкистадора Хуана Понседэ Леона, опередившего более чем на сто лет группу английских переселенцев-пуритан, которые пересекли Атлантический океан на корабле Мейфлауэр (англ. *may flower* - майский цветок), и прибыли в Северную Америку в 1620 г., основав поселение Плимут - первую британскую колонию в Новой Англии. Второй период, мирное сосуществование испанского и английского языков на новой территории, продлится до 1783 г. В этом году был подписан Версальский мирный договор между США и их союзниками - Францией, Испанией и Нидерландами, с одной стороны, и Великобританией - с другой. Договор завершил победоносную для США Войну за независимость в Северной Америке 1775-83 гг. и объединил предварительные мирные договоры, подписанные Великобританией с США и их союзниками в 1782-83 гг. Нижней границей третьего периода можно считать 1848 г., год подписания мирного договора Гваделупе Идальго между США и Мексикой в одноименном мексиканском городе *Guadalupe Hidalgo* 2 февраля 1848 в результате американо-мексиканской войны 1846-48 гг., закончившейся поражением Мексики. Договор оформил захват США более половины территории Мексики (2,3 млн. км²). Согласно договору, США выплачивали Мексике за

потерянные ею территории "компенсацию" в 15 млн дол. и, кроме того, американское правительство брало на себя удовлетворение финансовых претензий своих граждан к Мексике в сумме 3,2 млн дол. Захваченная у Мексики территория составляет около четверти территории современных США (штаты Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада, Юта, часть Колорадо и Вайоминга) и обладает большими запасами нефти, золота, меди, угля, ценными пастбищами и плодородными пахотными землями. Четвертый период, период развития на территории США латиноамериканских вариантов испанского языка, начавшись в 1848 г., продолжается и в наше время. В нем можно выделить три исторических этапа: мексиканская революция 1910 г.; Великая депрессия (1929-1941 гг.); кубинская революция 1959 г. и последовавшие за ней революционные потрясения «пылающего континента», сопровождавшиеся исходом большого количества эмигрантов, направлявшихся в первую очередь в США. В последнем историческом этапе следует выделить, прежде всего, Сандинистскую революцию в Никарагуа, приход к власти Уго Чавеса в Венесуэле и нестабильную ситуацию в Колумбии в связи с действиями Революционных вооруженных сил Колумбии (*FARC*), леворадикальной повстанческой группировки. Таким образом, сама историко-политическая ситуация в регионе предопределила распространение испанского языка за пределами многих латиноамериканских государств.

В настоящее время испанский язык в США так же гетерогенен, как и сами *hispanos*, различающиеся по географическому происхождению, социокультурному уровню, возрасту и количеству лет, прожитых в США. Необычность лингвистической ситуации на территории США заключается поэтому в том, что

испанский язык не только «сосуществует» с системой доминирующего английского языка, но и одновременно происходит взаимодействие мексиканского, кубинского, пиренейского и иных национальных вариантов с их территориальными и социальными диалектами и разновидностями, что необходимо принимать во внимание, исследуя формы функционирования испанского языка в данном регионе. В соответствии с новой типологией классификации диалектов испанского языка специфика реализации национальных вариантов за пределами национальных границ позволяет сделать вывод о существовании на территории США мексиканского, кубинского, пуэрториканского, доминиканского и карибского территориальных диалектов испанского языка за пределами национальных вариантов [Михеева 2003: 166-167]. Отдельно можно было бы выделить испанский язык Нью-Йорка, являющийся собой сложный диалектальный конгломерат. Каждый из вышеуказанных диалектов обладает своей фонетической, лексической, а часто и грамматической спецификой.

Объединяющим фактором новых диалектов является влияние на них доминирующей системы английского языка: происходит диалог двух понятийных культурномировоззренческих и лингво-культурологических систем, что также сказывается на различных системных параметрах взаимодействующих языков. Взаимное влияние языков превращается, таким образом, в системообразующий фактор, несущий в себе специфику языковой картины мира жителей данного региона в данное время. Проанализируем два лингвистических феномена, возникших на территории США в результате контактного существования испанского и английского языков.

Spanglish. Термин был введен пуэрториканским филологом

Сальвадором Тьо (*Salvador Tio*) (1911-1989) и стал особенно популярен в 1980-е гг. после публикации статьи Уильяма Милана *Spanish in the inner city: Puerto Rican speech in New York* (Испанский язык в центре города: пуэрториканская речь в Нью-Йорке) [*Bilingual Education for Teacher, Teachers College Press 1982: 191-206*].

При определении социального статуса *Spanglish* большинство зарубежных ученых, среди которых Франциско Динтроно (*Francesco D'Introno*), Жаклин Торибио Альмейда (*Jacqueline Toribio Almeida*), Эдвард Рубин (*Edward Rubin*), и практически все российские испанисты сходятся во мнении, что данное явление является лингвистическим «переключением кода».

Что же такое лингвистическое переключение кода? В статье "К проблеме социальной дифференциации языка" А.Д. Швейцер определяет "переключение кода" как социолингвистическую переменную (языковой коррелят стратификационной и ситуативной вариативности), выраженный не языковыми единицами, а целыми системами. "Так называемое переключение, имеющее место у билингвов, попеременно использующих в рамках одного и того же речевого акта то одну языковую систему, то другую, является не чем иным, как реакцией на изменение социальной ситуации. При этом социально значимым является не выбор тех или иных языковых единиц, а выбор того или иного языка, предпочтение одного языка другому в определенной ситуации. Это явление наглядно отражено в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», где использование французского или русского языка в речи персонажей строго мотивировано определяется социальной ситуацией" [Швейцер 1982: 39-48].

Функция переключения кода может проявляться как на лексическом, так и морфолого-синтаксическом уровнях и,

как доказывают исследования последних лет, структурно обусловлена системами «контактных языков». По мнению Дж. Липски, для «переключения кода» необходимо наличие одного из следующих условий:

1) подлежащее, выраженное личным местоимением: *El is coming tomorrow*– *He viene mañana* 'он придет завтра';

2) местоимение в функции прямого дополнения: *Juan quiere decir it* – *John wants to say lo* 'Хуан хочет сказать об этом';

3) вопросительное слово: *¿Cuándo will you do it?* – *¿When vas a hacerlo?* 'когда ты это сделаешь?';

4) аналитическая форма глагольного времени: *Maria ha finished the job* – *María has finished el trabajo* 'Мария закончила работу'.

5) конструкция «estar + gerundio»: *María is checking her answers* – *María está checking sus respuestas* 'Мария проверяет ответы';

6) отрицательная форма глагола: *el médico no wants that. The doctor does not quiere eso* (два варианта) 'врач этого не хочет';

7) наличие в предложении имени собственного: *allá en el parque there's a little place called Sonny's* 'там, в парке есть местечко *Sonny's*'; *mucha gente no sabe where Manchester is* 'многие не знают, где находится Манчестер'; *escucharon a Lisa López latest album, una canción titulada...* 'прослушали последний альбом Лизы Лопес, песня называется...'; *I'm a Jiménez todos los demás son Torres* 'моя фамилия Хименес, все остальные носят фамилию Торрес';

8) подчинительный союз *porque*: *no podemos hacer nada porque we don't have the power* 'мы не можем ничего сделать потому, что у нас нет полномочий'; *me tiene envidia because I'm better looking than he is* 'Он мне завидует потому, что я лучше выгляжу';

9) сочинительные союзы *y* или *pero*: *they're still meeting at Ripley house every Thursday night y lagentese está juntando ahí* 'они продолжают встречаться по четвергам в Ripley house, и там собираются все'; *compran tickets en Saint Josephs and you don't have to go* 'они купят билеты в Saint Joseph's, и Вам не придется идти' [Lipski 2004: 231-260].

Spanglish на сегодняшний день является отличительной чертой разговорной речи всего испаноговорящего населения США.

Cubonics. Более 50% всех *hispanos* проживают в штатах Калифорния, Флорида и Техас. Во Флориде, в частности, компактно проживают выходцы из Кубы и велико число кубинских (кубиноамериканских) писателей: Элисео Альберто Диего (премия Альфагуара 1998 г. за роман *Caracol Beach*); Гильермо Кабрера Инфанте (премия Сервантеса за 1997 г.); Зоэ Вальдес (финалистка премии Планета 1996 г. за роман *Te di la vida entera*)¹. Как отмечает кубинская лингвист Беатрис Варела, сейчас в США популярны писатели I поколения, известные как *artistas exiliados por decisión* 'эмигранты по соб-

¹ Также отметим следующих кубиноамериканских писателей: Даину Чавиано (*Fábulas de una abuela extraterrestre*, 1987; *El hombre, la hembra y el hambre*, 1998), Рейнальдо Ареназа, его последнее произведение *Antesdequeanochezca* было экранизировано и стало знаковым для всей кубинской диаспоры; Антонио Хосе Понте (*Un se guidor de Montaign emira la Habana*, 1995; *Cuentos de todas partes del imperio*, 2000), Каролину Гарсия Агилера (*Bloody Secrets*, 1998; *A Miraclein Paradise: a Lupe Solano Mystery*, 1999), Роберто Г. Фернандеса (*La vida esun special*, 1981; *La montaña rusa*, 1985; *Raining Blackwards*, 1988; *Holy Radishes*, 1995), Оскара Ихуэлоса (*Mr. Ives' Christmas*, 1995), Рикардо Пау-Льоса (*Vereda Tropical*, 1999), Фриду Долорес (*Beautiful Señoritas and other Plays*, 1991), Омара Торреса (*Alpartir*, 1986; *Fallen Angel Sing*, 1991), Хосе Иглесиаса (*Break-in*, 1996) и многих др.

ственному решению', получившие образование и воспитание на Кубе и сохраняющие специфику кубинского национального варианта испанского языка. Но им на смену приходит новое поколение *artistas exiliados por circunstancia* 'эмигранты в силу обстоятельств', в книгах которых влияние английского заметно сильнее. Некоторые из молодых писателей, выбирая темы, связанные с Кубой, уже пишут на английском языке. Показательно, что из двух антологий, опубликованных в США в 1988 г., одна называется *Veinte años de literatura cubanoamericana* «Двадцать лет кубиноамериканской литературы», а другая *Cuban-American Writers: Los Atrevidos* «Кубиноамериканские писатели: поколение дерзких» [Varela 1992: 138].

В ситуации контакта языков фактор «языкового давления», как выясняется, может действовать в двух направлениях: кубиноамериканцы, для которых испанский язык является символом этнического единства, отвечают встречным «культурным давлением». Роберто Фернандес, кубиноамериканский писатель, в романе *Raining Backwards* (1987) «Дождь наоборот» специально создает второй уровень понимания текста путем дословного перевода идиоматических выражений и фразеологизмов с испанского языка на английский, чтобы только читатель-билингв смог понять истинный смысл текста.

Рассмотрим несколько примеров из романа этого писателя: один из персонажей называет другого *a piece of bread* по аналогии с испанским идиоматическим выражением *más bueno que el pan* 'добрейшая душа'; название главы *Good Night* калькирует испанское выражение *La Nochebuena* 'Рождество'; образец меню в ресторане *Friends of the Sea: Shrimp at the little garlic* (исп. *camarones al ajillo*) 'креветки в чесночном соусе'; *Pulp in its own ink* (исп. *pulpo en su tinta*) 'осьминог в собствен-

ном соку'; *Tongue Fish at the oven* (исп. *lenguado al horno*) 'запеченная камбала' [Frenández 1997: 35-40, 53, 169].

В 1997 г. данное языковое явление, отражающее стремление кубинской диаспоры сохранить свои языковые традиции и сконструировать собственную идентичность в ответ на политику американского государства, направленную на ограничение коммуникативной сферы испанского языка, получило название *Cubonics*¹.

Несколько примеров с переводом на английский и русский языки:

No me importa un pito. I don't care a whistle. I don't care at all. Мне все равно; *Me importa tres pepinos. I care three cucumbers. I don't care at all.* Мне все равно; *Me sacaron el hígado. They took my liver out. I worked like a slave.* Я работал как негр; *Me sacaron el kilo. They took the penny out of me. I worked like a slave.* Я работал как негр; *Tú no pintas nada. You don't paint anything. This doesn't concern you.* Не твоё дело; *Estás comiendo de lo que pica el pollo. You are eating what the chicken nibble. You're wasting your time in foolish things.* Ты теряешь время впустую; *¡Te la comiste! You ate it! You did it great! You kicked it!* Молодец! *Te estás metiendo en camisa de once varas. You are getting into an eleven yard shirt. You're getting into big trouble.* Будут неприятности! *Eramos pocos y parió Catana. We were few and Catana gave*

¹ Этот термин впервые был употреблен в статье Л. Мартина Hookedon Cubonics 'На крючке кубоникс', опубликованной в газете The Miami Herald 27 января 1997 г.

birth. There were a lot of people here, and then more showed up. Беда на беду набежала.

Таким образом, в условиях длительного контакта двух языковых систем и диалога различных культурно-мировоззренческих систем реализация языковых единиц современного испанского языка на территории США характеризуется национально-культурной спецификой, которая, проявляясь на всех уровнях языковой системы, отражает особенности языковой картины мира жителей данного региона в данное время. В наши дни межязыковые контакты, исторически очень тесные между США и странами Латинской Америки, приобрели еще больший размах в силу различного рода политических и экономических причин. США, как уже было нами отмечено, занимает вторую позицию в мире по количеству населения с испаноязычными корнями, носителей разных национальных вариантов и диалектов. Для избежания коммуникативных сбоев в сложившейся ситуации существует необходимость исследовать специфику коммуникативного поведения "*hispanos*" на территории англоязычного государства. Реальность нашего времени такова, что ознакомление с основами межкультурной коммуникации должно становиться частью коммуникативного подхода учебного процесса. Для испанского языка с его большим числом национальных вариантов (20), многие из которых существуют за пределами национальных территорий, как мы видим, это особенно актуально.

Хочется надеется, что новое направление - межвариантная диалектология испанского языка, заинтересует исследователей, которые продолжают проведение сопоставительного анализа как отдельных национальных вариантов испанского языка, функционирующих за пределами национальных территорий, так и смешанных языков, возникающих в резуль-

тате языковых контактов этих вариантов испанского языка с доминирующим языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мухеева Н.Ф.* Испанский язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие для учителей, преподавателей иностранных языков в контексте повышения квалификации в области культуроведения. М.: АПКиПРО, 2003.–219 с.
2. *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976 г. – 224 с.
3. *Швейцер А.Д.* К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. М., 1982, № 5. – С. 39-48.
4. *Fernández G.R.* Raining backwards. Houston, Texas, Arte Público Press, 1997 – 224 pp.
5. *Lipski J.M.* La lengua española en los Estados Unidos: avanza a la vez que retrocede. // Revista Española de Lingüística 33, 2004.
6. *Varela B.* El español cubano-americano. New York: Senda Nueva de Ediciones. 1992.– 239 pp.

Кандидат филологических наук,
доцент Быкова И.А.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ И ИХ КОРРЕЛЯЦИЯ ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена рассмотрению сопоставительно-переводческого аспекта межкультурной коммуникации, непосредственно связанного с функционированием в дискурсе и интерпретацией номинаций, в основе которых лежат явления национальной культуры.

Ключевые слова: язык; перевод; межкультурная коммуникация; картина мира; когнитивное пространство; национально-культурная специфика иноязычного адресата.

Изучать язык в динамике, язык в действии с учетом влияния на него внешних факторов, описывать конкретные формы погруженности языка во все сферы и стороны человеческой жизни – таковы приоритеты современных исследований в области лингвистики. Ввиду того, что их обычно связывают с прагматикой и, в более широком представлении, с функционализмом как одной из главных тенденций современной науки вообще [ср. Кубрякова 1994], в последнее время наметилась тенденция к увеличению числа междисциплинарных изысканий, требующих использования информации из смежных дисциплин (психологии, психолингвистики, социологии, когнитивистики, философии, политологии и т.д.). Такому всестороннему видению дискурса в целом, а в данном случае переводческого, соответствует, на наш взгляд, когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания, «ориентирующаяся на познание и описание языка в двух его центральных функциях, а именно, когнитивной и коммуникативной, или дискурсивной в их взаимосвязи и тесном взаимодействии» [Кубрякова 2003: 8]. Хотелось бы особо отметить, что когнитивно-дискурсивный подход представляет качественно новый уровень исследования, учитывающий единую когнитивную методологию изучения когниции и дискурса для обеспечения новых ракурсов их понимания и объяснения в рамках теории перевода.

Для современной науки о переводе характерно широкое понимание перевода как деятельности и уникальной разновидности межъязыкового и межкультурного посредничества

и связанные с этим попытки по-новому взглянуть на само понятие «перевод» и интерпретировать центральные понятия теории – «эквивалентность» и «адекватность» и др. в рамках общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах.

Прагматика связана с такими важными для опосредованной коммуникации факторами, как коммуникативная интенция адресанта и переводчика, установка на адресата, коммуникативный эффект исходного текста (ИТ) и его перевода (ПТ), находящимися в определенном соотношении, которое состоит в том, что «переводчик выявляет на основе функциональных доминант исходного текста лежащую в его основе коммуникативную интенцию и, создавая конечный текст, стремится получить соответствующий этой интенции коммуникативный эффект» [Швейцер 2009:147]. Вместе с тем следует отметить, что подобное соотношение всегда осложнено тем, что коммуникативная ситуация создания и восприятия оригинала не совпадает с ситуацией создания и восприятия перевода в виду различий по таким параметрам, место, время, язык, культура, участники коммуникации и их фоновые знания. Важное значение, среди прочих, приобретает знание определенных исторических и культурных фактов и событий из жизни данного лингвокультурного социума, контекста создания сообщения, в некоторых случаях, конкретных фактов биографии его создателя и т.д., то есть всего того, что способствует адекватному когнитивному восприятию мира в рамках предметно-пространственных и событийно-временных категорий [ср. Арутюнова 1976].

В переводе с точки зрения иерархии уровней эквивалентности (от низшего к высшему) А.Д. Швейцер выделяет

синтаксический, семантический (компонентный и референциальный) и прагматический, особо отмечая тот факт, что «прагматический... управляет другими уровнями, а прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и наслаивается на все уровни и виды эквивалентности» [Швейцер 2009: 86]. Ввиду того, что существуют большие массивы знаний, которые не поддаются стандартной лингвистической обработке и выводят сферу переводческого процесса за пределы отношений между языками, чрезвычайно важным является его утверждение о том, что «выбор уровня, на котором устанавливается эквивалентность, определяется специфической для данной ситуации конфигурацией языковых и внеязыковых факторов, от которых зависит процесс перевода» [Швейцер 2009: 86].

Цель перевода заключается в том, чтобы воспроизвести смысл текста, а не сумму значений составляющих его знаков (Швейцер А.Д., Комиссаров В.Н., Чернов Г.В. Гончаренко С.Ф., Латышев Л.К. и др.). Сам перевод рассматривается как процесс извлечения смысла из текста на исходном языке (ИЯ) и его переоформления средствами переводящего языка (ПЯ), при этом он охватывает весь комплекс проблем, связанных с воздействием на этот процесс особенностей языка, культуры и мышления человека.

Язык, являясь важнейшим средством коммуникации, формирования и выражения мысли, служит инструментом постоянного, активного осмысления мира человеком и превращения опыта в знание. В основе этого процесса лежит номинативная деятельность, которая представляет собой системно-содержательную языковую интерпретацию действительности, создание особого информационно-языкового

видения мира. Для успешной коммуникации требуется наличие когнитивного пространства, в котором определенным образом объективируются структуры знания и человеческого опыта, осмысления мира и его оценки с помощью языка. При этом понимание как таковое невозможно без осознания, осмысления (т.е. знания) объекта понимания. Так, Г. Гадамер подчеркивал, что «понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстает нам как нечто абсолютно загадочное» [Гадамер 1991:18].

Изучать язык в динамике, язык в действии с учетом влияния на него внешних факторов, описывать «конкретные формы погруженности языка во все сферы и стороны человеческой жизни» – таковы приоритеты современных исследований в области лингвистики. Ввиду того, что «их обычно связывают с прагматикой и, в более широком представлении, с функционализмом как одной из главных тенденций современной науки вообще» [ср. Кубрякова 1994], в последнее время наметилась тенденция к увеличению числа междисциплинарных изысканий, требующих использования информации из смежных дисциплин (когнитивной психологии, психолингвистики, социологии, философии, политологии и т.д.). Несмотря на все многообразие описаний и различие подходов к изучению перевода, в последнее время постулируется такое понимание этого феномена, при котором отправные точки теории перевода связаны с речевой деятельностью человека, т.е. коммуникативным уровнем, который предполагает выявление общих закономерностей взаимодействия лингвистических и экстралингвистических формантов

смысла как в процессе порождения, так и восприятия текста в исходном языке (ИЯ) и переводящем языке (ПЯ).

В условиях опосредованной межъязыковой межкультурной коммуникации представления, зафиксированные с той или иной степенью точности в коллективном сознании членов одного социума, как правило, отсутствуют в другом; изменяются сами пресуппозиции общения, что приводит к изменению когнитивного состояния переводчика (новое знание, новые коммуниканты, иные социальные условия взаимодействия и т.п.).

Языковое сознание сопричастно мировоззрению, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей картины мира. Принято считать, что когнитивные пространства национально детерминированы и национально маркированы. Вместе с тем для теории перевода существенно важным оказывается утверждение о том, что «не меньшее значение в языковом самовыражении народа имеет отбор языковых элементов в речи, в процессе организации высказывания. Этот отбор показывает, какие элементы действительности, какие их свойства и отношения имеют приоритетное значение в речевом сознании говорящих на данном языке людей» [Нотина 2009: 402].

Ментальные пространства принято рассматривать как способ организации вербальной и невербальной информации при передаче семантической информации в виде обозначения какого-либо отрезка действительности, при этом речь идет не столько о фиксации конкретных структур знания или некой порождающей среды, а в большей степени о легкости воспроизведения в высказывании (сообщении) и такой же легкости в понимании сказанного. Так, при переходе с одно-

го языка на другой взаимосвязь языковых значений и речевого смысла может проявляться в том, что передача одного и того же смысла будет обусловлена конкретными способами предпочтительного описания референтной ситуации в ПЯ: «*дедовщина*» (Рус.) – *novatadas militares*” (Esp.) – “*malos tratos*” (Chil) – “*hazing*” (Am).

В переводе возникает необходимость отразить новую информацию об объективной реальности, совместить ее с уже известными получателю сведениями, показать результат референции и объективно запечатлеть в ПЯ информацию о мире с помощью различающихся в какой-то степени языковых средств. Перед переводчиком встает задача установить корреляцию между разными ментальными мирами, в результате чего иноязычный адресат получает возможность изменять или выстраивать в своем сознании новое ментальное пространство в соответствии с имеющимися у адресанта представлениям об описываемом фрагменте картины мира (“*paladares*” (Cub.), “*economía golfa*” (Esp.).

Для перевода важное значение имеют аспекты, связанные с соотношением языковой и концептуальной организации ИЯ и ПЯ. Поиск вариантов соответствий и выбор окончательного, как правило, основан на том, что та или иная языковая форма ПЯ служит для активизации в мышлении определенных значений, поскольку «...актуализация значения... предполагает возможность высвечивания на «табло сознания» самого актуального («рельефного») для текущего момента аспекта значения, в то время как все остальное (и связанное с ним) в той или иной мере учитывается без его осознания или игнорируется. Категоризация протекает при взаимодействии двух комплиментарных направлений: по линии

языкового знания (т.е. имени объекта) и линии энциклопедического знания (т.е. имени объекта), а также при сочетании универсальных закономерностей процессов дифференцирования и обобщения национально-культурных особенностей опоры на специфику языка и на выбор наиболее типичных объектов, действий признаков, признаков признаков и т.п.» [Залевская 1999: 100]. Например, «тройки», «гражданка» (в противопоставлении службе в армии); “*destape*” (Esp.), “*destape*” (Mex.); “*estraperlar*” (Esp.); “*junta*” (Esp.), “*junta*” (Chil.), «хунта» (Рос.) etc.).

Особо следует отметить в этой связи такой исключительно «важный параметр, который способен в существенной мере влиять на эффективность двуязычного опосредованного общения, как национально-культурная специфика иноязычного интерпретатора, его принадлежность к той или иной государственной общности, в которой обладающий двуязычной спецификой язык реализуется в одном из своих национальных вариантов...» [Быкова 2005: 73].

Так, безэквивалентные и фоновые лексические единицы (ЛЕ) “*momios*” = *reaccionarios* (Chile); “*barbudos*” = *revolucionarios* (Cub.); “*escoria, gusanera, gusanos*” = *contrarrevolucionarios* (Cub.), как правило, употребляются в симметричных по принадлежности к определенной лингвокультурной общности и классу качественных ситуациях, отражающих классовую и политическую принадлежность. В асимметричных ситуациях незнание прагматической информации подобного рода может привести к их неадекватной интерпретации и употреблению, а в некоторых случаях к нарушению коммуникации. Например: “*gusano*” =

contrarrevolucionario (Cub.), “*gusano*” = *grosero* (Col.); “*tinto*” (Esp.) = *vino*, “*tinto*” (Col.) = *café*.

Сравнение стереотипов, присущих культуре оригинала, с теми, которые функционируют в культуре ПЯ, демонстрирует все типы оппозиций картин мира, в частности, общечеловеческой и национально-этнической, общечеловеческой и индивидуальной, этнической и индивидуальной, и определяет, как следствие, целесообразность осуществления разного рода трансформаций в переводе (ср. “*tertulias*”, “*cazalla party*”, “*rubalcabistas*” (Esp.), etc.).

Таким образом, исследование переводческого дискурса в рамках сопоставления концептуальных систем языковых общностей, ментальных пространств как способа организации вербальной и невербальной информации, их взаимодействия и корреляции в условиях перевода, позволяет более глубоко проникнуть в сущность такого феномена как человеческая когнитивная, выявить определенные закономерности смысловых интерпретаций высказывания, которые проявляются в процессе обмена информации (в вербальном сообщении) на фоне культуры в ИЯ и ПЯ, а также интерпретировать сообщение в терминах адекватности опосредованной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Быкова И.А. Когнитивно-прагматические основы межъязыковой межкультурной коммуникации: текст, дискурс, перевод (теоретический курс). – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 148 с.
3. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. Философия и герменевтика. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.

4. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 1999. – 382 с.

5. *Кубрякова Е.С.* Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН СЛЯ: 1994. - №2. - С. 3-15.

6. *Кубрякова Е.С.* О типах дискурсивной деятельности // Вестник МГЛУ выпуск 478. – М.: МГЛУ: ООО «Типография Сарма», 2003. – С. 5-10.

7. *Нотина Е.А.* Специфика взаимодействия концептуальных систем коммуникантов в условиях опосредованной межъязыковой/межкультурной коммуникации // Университетское переводоведение. Вып. 10: Материалы X международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». – СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 399 - 404.

8. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.

Кандидат филологических наук,
доцент Верещагина А.В.

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ ЧАСТИ СЛОВАРЯ ПО РЕАЛИЯМ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Курс обучения древним языкам подразумевает знакомство, наряду с древнегреческим языком, в значительной степени с латинским языком и погружение в античность через латинский язык.

Перед курсом «Древние языки и культуры» стоят цели:

1) показать, что древнеримская словесная культура является фундаментом европейской культуры;

2) выявить ценность латинских языковых данных для общеиндоевропейских лингвистических исследований;

3) исследовать историю славянских языков, особенно русского, сквозь призму латинского языка;

4) представить ценность латинского для выработки четкого логического научного мышления.

Кроме того, необходимо отметить, что наше желание сохранения своеобразия русской культуры в немалой степени должно выражаться в отношении к судьбе латинского языка в русской системе образования.

Исходя из целей, перечисленных нами выше, в продолжение к греческой части была создана латинская часть специализированного учебного пособия.

Словарь-справочник, составленный нами, адресован студентам факультета иностранных языков и призван в рамках курса «Древние языки и культуры» дать представление о латинском языке как об основе для формирования русской терминологической системы. Известно, что огромное количество терминов – из различных научных сфер – в русском языке, равно как и в других европейских языках, являются латинскими заимствованиями. Следовательно, сведения о латинской письменности и лексике необходимы для лингвиста и переводчика, желающего сделать процесс освоения терминологии более осознанным. Естественно, что не менее важно, эти сведения не просто позволяют будущему переводчику расширить профессиональный и культурный кругозор, но и ложатся в фундамент запаса его фоновых знаний. Ведь, как уже было отмечено, античная культура представ-

ляет собою одну из основ, на которых расцвела современная европейская цивилизация.

Пособие состоит из нескольких разделов.

Первый раздел, имеющий сугубо справочный характер, во-первых, содержит краткую хронологию основных исторических и культурных событий Древнего Рима. Во-вторых, выделяется царский период римской истории (VIII – VI вв. до н.э.), который характеризуется появлением латинской письменности (VII в. до н.э.). Во-вторых, исследуется эпоха Римской республики (509 – 30 гг. до н.э.) и Римской империи (30 г. до н.э. – 476 г. н.э.), закончившаяся падением Западной Римской империи. Периоды представлены с их основными датами.

В этот же раздел включён список имён основных древнеримских богов с необходимым комментарием об их происхождении и функциях. Кроме богов древнеримского пантеона, даются также основные древнеримские или иного происхождения, но имеющие отношение к древнеримской мифологии герои, например, Эней, Дидона, Турн, Амулий и Нумитор, и религиозные термины, например, авгуры, августалы или салии.

Второй раздел носит преимущественно технический характер; его задача – предоставить обучающемуся лингвистический инструментарий, необходимый для работы как с данным пособием, так и другими латинскими словарями. Раздел содержит сведения о латинской письменности и основных системах чтения; он также знакомит со словарными формами различных частей речи латинского языка.

Следует отметить, что латинские слова заимствовались старославянским (или церковно-славянским) и русским языками в различных системах произношения. Однако чаще все-

го по средневековому типу произношения, например, Caesar – Цезарь или Cicero – Цицерон, caesura – цезура.

Третий раздел, помимо задачи суммировать сведения справочного характера, ориентирован на развитие у обучающихся навыка анализа языковых фактов в их исторической взаимосвязи. Эта – основная – часть пособия включает словарь латинских слов, послуживших основой для создания терминов различных наук в европейских языках, в том числе и в русском. К наиболее продуктивным латинским лексемам дается по возможности полный список различных заимствований в русском языке.

Известно, что заимствования из латинского языка осуществлялись в несколько этапов, т.е. в различные периоды российской истории. Ещё в допетровскую эпоху в русском языке присутствовали слова латинского происхождения.

Однако в петровскую эпоху в русский язык пришло особенно много слов, которые относятся к различным сферам:

1) государственное устройство и законодательство (абсолютный, администратор, аккредитовать, апелляция, апробация, аттестация, губернаторство, депутат, декларация, империя, инспектор, инстанция, инкогнито, кандидат, коллега, комиссия, контракт, куратор, министр, нация, нотариальный, пакт, префект, провинция, ратификация, республика, регалии, ревизия, сенатор, трибунал, ультиматум);

2) военное дело (амуниция, армия, арсенал, артиллерия, батальный, генерал, дезертир, дивизион, диспозиция, интендант, командир, капитан, кампания, корпус, линия, парад, пост, триумф, фортификация, фронт);

3) морское дело (карта, курс, навигатор, навигация, пират, эскадра);

4) экономика и промышленность (баланс, кредит, акциз, касса, конфискация, ликвидация, миллион, монета, процент, облигация, аренда, депонирование, мануфактура, фабрика, план, фонтан, контракт, модуль);

5) наука и школа (аудитория, глобус, квадрат, лаборатория, обсерватория, профессор, таблица, термин, трактат, формула, экзамен, эксперимент);

6) медицина (госпиталь, медик, медикамент, медицина, микстура, провизор, тинктура, урина);

7) искусство (колонна, композиция, опера, тенор, терция, гравировать, галерея);

8) быт (аккуратный, аппетит, квартира, комод («удобный»), корреспонденция, люстра, станция, фамилия) и прочее.

Перечисленные латинские дериваты составляют приблизительно одну треть иностранных слов, вошедших в русский язык в эту важную и богатую на реформы петровскую эпоху. Известно, что произошли существенные изменения в жизни россиян, что и отразилось в характере латинских заимствований.

После 1725 года русским языком были приобретены лексемы, относящиеся к таким сферам, как:

1) государственное устройство (департамент, диктатура, инаугурация, конфедерация, миссия, федерализм, цензор, юрист, секуляризация);

2) военное и морское дело (ветеран, позиция, манёвры, ремонт);

3) промышленность и экономика (дебет, капитал, коммерсант, финансы, фирма, амортизация, акведук, вентилятор, консервы, пресс);

4) наука и школа:

а) общенаучные термины (компетенция, лаборант, манускрипт, норма, пунктуация, рецензент, экземпляр, эквивалент, меценат);

б) математика и физика (гравитация, квадратура, дециметр, линия, минус, модификация, нумерация, овал, сектор, фигура, сегмент, радиус, функция);

в) химия (экстракт, концентрат, сублимация);

г) медицинские науки (мускул, вена, ангина, дантист, ингредиент, консилиум (врачей), окулист, пациент, пульс);

д) филология (акцент, деривация, литература, предикат, пунктуация, пурист, солицизм);

е) философия и логика (аспект, дедукция, материализм, мораль, оптимизм, постулат, рефлексия, фатализм, эволюция);

ж) школа (лектор, бакалавр, студент, оппонент, каникулы, репетитор, диссертация);

5) искусство:

а) архитектура (орнамент, постамент, фронтон, фундамент, портик, колоннада);

б) музыка (аккомпанемент, аккорд, дуэт, кантата, квартет, композитор, консерватория, соло, соната, сопрано, fuga);

в) театр (артист, антракт, бис, бенефис, декорация, дикция, интермедия, прелюдия, репертуар, репетиция, спектакль);

г) живопись и скульптура (колорит, контраст, миниатюра, палитра, пейзаж, скульптор, статуя);

б) быт (сервиз, моцион, урна, пари, фаворит) и т.д.

В связи с этим можно подвести итоги. Слов, отражающих преобразования в государственном управлении, в военном и морском деле и экономике с латинскими корнями в русском языке появилось не так много. С другой стороны, увеличилось количество слов, связанных с медициной, наукой и культурой,

так как главнейшими событиями русской культуры 18 века были открытие Академии наук в ноябре 1725 года и МГУ в 1755 году, устав которого был написан на латинском языке, как и более 20 работ самого М.В. Ломоносова. Кроме того, открываются театры сначала в Ярославле, потом в Петербурге и Москве, появляются первые научные общества.

В 19 веке также отмечается значительное обогащение русского языка латинскими дериватами:

1) политическая и общественная жизнь (алиби, делегат, иммигрант, агитация, абсолютизм, интервенция, кандидатура, коллектив, конспирация, корпорация, легитимация, мандат, оккупация, оппозиция, протекторат, сепаратизм, социализм, экспроприация);

2) экономика и промышленность (бюджет, дебитор, дефицит, экспорт, эксплуатация, авиация, линолеум, резервуар, ирригация, велосипед, аппарат, турбина);

3) математика, физика, химия (вектор, дифференциал, диффузия, дистилляция, калория, конденсатор, молекула, нуль, спектр);

4) медицина (аборт, аппендикс, бациллы, вакцина, ветеринар, иммунитет, инфекция, рефлекс, пункция, сомнамбулизм);

5) филология (аллитерация, ассонанс, вокализм, инверсия, инкунабулы, инфикс, префикс, компиляция, сатира);

6) философия (абстракция, доктрина, иллюзия, имманентный, индукция, иррациональный, концепция, кредо, нигилизм, пессимизм, реализм, субстанция);

7) искусство (гемма, иллюстрация, импрессионизм, инкрустация, натюрморт, режиссёр, минор, октет).

Подводя итог, следует отметить, что усиление общения между странами способствовало увеличению пласта между-

народной интернациональной терминологии, имеющей латинское происхождение, и продолжает стимулировать её увеличение в 20 и 21 веке.

Так, среди латинских заимствований есть такие словообразовательные элементы, которые можно рассматривать как универсальные, имеющие интернациональный характер, не требующие перевода на родной язык, например: контра-, интер-, транс-, супер-, вице-, ультра-.

Четвёртый раздел имеет лингвокультурологический характер и содержит сведения об этимологии антропонимов, пришедших в русский язык либо непосредственно из латинского языка, либо – через его посредство – из других языков. К ним относятся, такие имена, как Марк, Максим, Константин, Виктор, Виктория, Юлия, Валентина и др. На основе приведённых в разделе данных обучающиеся получают возможность в дальнейшем самостоятельно идентифицировать антропонимы-латинизмы в других европейских языках.

Кроме того, прилагается хрестоматия, которая состоит из обязательного минимума и дополнительного списка пословиц и крылатых выражений, избранного из латинской поэзии.

Следует отметить, что приводятся избранные произведения основных древнеримских авторов, таких как Катулл, Вергилий, Гораций с наиболее известными классическими переводами С.В. Шервинского, С.А. Ошерова, А.И. Пиотровского, Ф.Е. Корша и некоторых других на русский язык, необходимыми для проведения сравнительного анализа. Кроме того, даются литургические тексты Ave, Maria и Pater noster и текст песни Gaudeamus, которая считается гимном студентов.

Наличие подобной хрестоматии должно облегчить подготовку студента к экзамену и зачёту, так как в ней компактно

и полно представлена информация, которой должен владеть студент, заканчивая изучение курса древних языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронков А.И., Поняева Л.П., Попова Л.М.* Латинское наследие в русском языке. Словарь-справочник. М.: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2002.
2. Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание: Междунар. конф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 26 – 28 января 2000 г.): Тез. докл. М.: Диалог-МГУ, 2000.
3. *Дронова Л.П.* Латинизмы русского языка: структурно-семантическое описание. Томск, 2000.
4. Интеллектуальное образование и греко-латинская словесность в России (1995 – 2010 годы). М.: Лабиринт, 2010.
5. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007.
6. Лексика латинского языка. Пособие. Составитель Л.П. Дронова. Томск, 2001.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
8. *Славятинская М.Н.* Еще раз об общенаучной терминологии (современные акценты) / EXPERIMENTA LUCIFERA: Материалы VI Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла. Н. Новгород: Изд. Ю.А. Николаев, 2009. С. 4 – 17.
9. Словарь иностранных слов в русском языке. М.: Юнвес, 1996.
10. *Сулова А.В., Суперанская А.В.* О русских именах. Спб., 2008.
11. Филологи-классики и славистика / Составитель и автор биографических заметок Славятинская М.Н.. М.: Лабиринт, 2009.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается проблема теоретического осмысления художественного перевода и делается попытка обосновать необходимость и возможность создания, если не теории, то, как минимум, алгоритма действий переводчика. Решение этой проблемы важно, с нашей точки зрения, и в дидактическом аспекте, для разработки курса художественного перевода в рамках программы «Перевод и переводоведение».

Ключевые слова: художественный перевод; переводческий анализ текста; переводческие стратегии.

Общеизвестно, что художественный перевод является, как правило, факультативным курсом или курсом по выбору, но именно здесь студентам больше всего хочется проявить себя, попробовать свои силы, именно эти курсы оказываются самыми интересными.

Многие ученые подчеркивают, что основной функцией художественного текста является эмоционально-эстетическое воздействие на реципиента. И.Р. Гальперин писал, что в отличие от «большинства текстов, которые стремятся к соблюдению норм (функциональных стилей), художественные тексты, хотя и подчиняются некоторым общепринятым нормам организации, все же сохраняют значительную долю «активного бессознательного», которое нередко взрывает правильность и влияет на характер организации высказывания» [Гальперин 1981: 25]. И хотя стиль художественной литературы и считается одним из наиболее полно описанных функциональных стилей, но «из этого вряд ли можно сделать вывод, что он наиболее изученный из них» [Тюленев 2004:

252]. Причина состоит в динамичном развитии этого стиля, который буквально не знает никаких преград на пути своего движения к новому, ранее неизвестному.

Понятие художественный стиль на самом деле достаточно условное, поскольку очевидна гибридная природа художественного текста, состоящего на самом деле из множества стилей: литературного, научного, публицистического, обиходно-разговорного и содержащего лексику самых разных уровней – от высокопарных архаизмов до жаргонизмов и пейоративов – и всевозможные, употребительные и неупотребительные языковые структуры. То есть, художественный текст представляет собой особый материал для перевода и базируется как на литературоведческом, так и на лингвистическом анализе текста.

Но возможно ли создать некий алгоритм переводческих действий, помогающий разобраться, хотя бы в целом, в его проблемах? Большинство переводчиков считают, что это невозможно, поскольку перевод – это искусство, сотворчество, а талант и процесс творчества всегда уникальны. Трудность разработки методологии переводческого процесса заключается в том, что он тесно связан с индивидуальным опытом переводчика, и часто основывается на его интуитивных озарениях, которые сам переводчик логически не может обосновать. Многие из них, вероятно, подпишутся под словами знаменитого переводчика Т. Манна, Г. Гессе, Ф. Кафки, Б. Брехта и многих других великих авторов мировой литературы Соломона Константиновича Апта, который сказал: «Вокруг перевода всегда много теоретиков, но все их труды не стоят одной книги Чуковского. ... Он понимал, что непеременимое условие для переводчика – чувствовать разные стихии

языка и отличать уличный, бытовой язык от того, который соответствует литературной задаче» [Калашникова 2008: 43]. Под «книгой» С.К. Апт подразумевал, конечно, «Высокое искусство», результат многолетних размышлений К.И. Чуковского о принципах художественного перевода, которые время от времени появлялись в виде небольших публикаций, уже начиная с 1918 г., и относились самим автором к «области теории *литературы*» [Чуковский 1968: 381]. По мнению О. Каде, «для воплощения нового текста на языке перевода нельзя обойтись без художественного дарования, без писательского таланта» [цит. по: Топер 2001: 150]. И на занятиях по практике художественного перевода на 5 курсе мы с этого начинаем, в основном занимаясь сравнением параллельных текстов и изучением переводческих трансформаций, что мне представляется естественным, потому что без них адекватный перевод почти невозможен. Но это только в начале курса, потому что студентам самим хочется творить, а не только сравнивать параллельные тексты. Хочу процитировать в связи с этим преподавателя перевода МГЛУ Анатолия Григорьевича Витренко, который пишет на своем сайте следующее: «Современные переводоведы почти поголовно утверждают, что правила перевода в принципе невозможны, потому что такого быть не может никогда (хотя, с другой стороны, «надо знать правила и условия перехода от единиц одного языка к единицам другого языка» [Комиссаров:18]), а сопоставление имеющихся переводов и исходных текстов, а также переводческих трансформаций, стало практически основным занятием исследователей, трудящихся на ниве переводоведения. Авторы некоторых учебников даже считают, что это единственный метод исследования, применимый

в теории перевода [Семенов: 21]. Между тем по полезности это занятие можно сравнить разве что с подсчетами, сколько мух улетело и сколько прилетело. Закономерности же и правила порождения текста на ПЯ – а таковые, бесспорно, существуют – практически никто в применении к переводу не изучает, хотя именно они определяют успех переводческих усилий. Но для изучения закономерностей порождения текста на ПЯ (в частности на русском языке) у переводоведов, из-за ущербности учебных планов переводческих факультетов, не хватает базовых знаний, а чтобы подсчитать, какие конструкции ИЯ какими конструкциями ПЯ переданы теми или иными переводчиками, особого интеллекта не требуется, достаточно простой усидчивости» [<http://agvitrenko.3dn.ru>].

И студентам действительно этого мало, им тоже хочется разобраться в сущности самого процесса перевода. Но то, что протекает в голове переводчика, является недоступным стороннему наблюдателю. В сфере художественного перевода – как, впрочем, и письменного перевода в целом — эта проблема до сих пор не решена. Одной из главных причин здесь А.Г. Витренко, например, считает, во-первых, «оторванность переводческой теории от переводческой практики, их слабое взаимовлияние, а во-вторых, определенное негативное воздействие на теорию художественного перевода понятийного аппарата смежных наук» [Там же], например, лингвистического и стилистического анализа текста, литературоведения, психолингвистики, культурологи, истории и т.п.

Можно предположить, что компоненты лингвостилистического анализа текста должны отличаться от составляющих переводческого анализа текста. Кстати сказать, распространенное название этого процесса – «предпереводческий ана-

лиз» представляется нам не достаточно четким, поскольку прилагательное «переводческий» относится к переводчику, а не к тексту, и означает «сделанное переводчиком», а «предпереводческий» воспринимается как «сделанное до переводчика, кем-то другим, перед тем как он начнет работать». Это, по-моему, неверная калька с немецкого языка. Немецкий термин *Vorübersetzungsanalyse* четко интерпретируется как анализ перед переводом – *Übersetzung* – как результатом процесса *Übersetzen*. О переводчике здесь никакой речи не идет. Причем, если исходить из сущности слова *Übersetzung* как результата перевода, то *Vorübersetzungsanalyse*, вероятно, включает в себя все действия, которые предпринимает переводчик: анализирует содержание, стиль, ищет информацию, консультируется со специалистами, делает записи и т.п. – до того как появляется первый, сырой вариант текста.

Процесс перевода можно представить в виде двух этапов: переводческий анализ как процесс декодирования смысла текста на ИЯ и процесс перекодирования понятого переводчиком смысла текста на ПЯ. Начиная еще с разработанной Лейпцигской школой в 60-е годы XX в теории «черного ящика», которым обозначали не наблюдаемую никем эвристическую деятельность переводчика, первый этап до сих пор считается чем-то мистическим и непостижимым. Нас интересуют такие вопросы: С чего начинается процесс декодирования смысла текста на ИЯ, какие стадии он проходит, каково их содержание? То есть, существуют ли закономерные переводческие действия, помогающие выбрать правильный путь мышления и превентивно избежать возможных ошибок? До сих пор на них нет убедительных ответов. Авторы пособий по теории и практике перевода в основном дают

только расплывчатые рекомендации в теоретической части и тренируют в практической части конкретные переводческие приемы, а применительно к художественным текстам, как правило, приводят параллельные отрывки оригинала и опубликованного перевода с заданием сравнить их на основе стилистико-сопоставительного анализа.

Нам представляется, что гибридность художественного текста требует такого же «гибридного» подхода при его анализе, потому что принцип чисто лингвостилистического рационального расчленения текста на составляющие мешает целостному восприятию его эмоционально-эстетического воздействия. С другой стороны, в чисто литературоведческом подходе есть очень много субъективизма в прочтении любого художественного текста. Т.е. лучше выбирать «золотую середину»: при первом прочтении удерживать себя от «переводческих порывов», и при этом читать не только как «простой читатель», наслаждаясь слогом автора и увлекаясь содержанием, но и отмечать, а это, кстати, у переводчика происходит всегда автоматически, возможные трудности и интересные места в тексте.

Попробуем представить переводческий анализ текста как совокупность некоторых правил, позволяющих во время первого прочтения определить основную прагматическую задачу ИТ и наметить стратегии дальнейшего поведения переводчика для ее воплощения в ПТ.

1) В первую очередь отмечаются языковые особенности авторского стиля и степень их переводимости.

2) Одновременно анализируется пространственно-временная сетка текста, а в голове переводчика строится, таким образом, некая ситуативно-аналитическая модель пе-

ревода. Т.е. сюжет художественного повествования разбивается мысленно на отдельные ситуации, которые соответственно интерпретируются.

3) Понимание текста переводчиком можно назвать «объясняющим» пониманием, когда он уже во время первого прочтения автоматически ищет возможные переводческие трудности прагматического (кто, кому, когда, с какой целью, в какой форме написал этот текст), конвенционального (какие культурно-социальные, экономические, политические, общеобразовательные и др. нормы определяет/нарушает текст) и языкового характера. Здесь уже закладываются основные переводческие стратегии, или «целенаправленное когнитивное поведение» (*zielorientiertes kognitives Verhalten*) и более или менее осознанный план решения конкретных переводческих проблем [Kautz 2002:66].

4) После первого прочтения переводчику необходимо провести анализ пресуппозиций, т.е. текстообразующих прагматических связей, которые мы еще называем фоновыми знаниями. Таким образом он переходит от эмпирического восприятия к целенаправленному исследованию и создает так называемую *переводческую импликатуру текста*.

Пресуппозицией может быть биография писателя, эстетические теории, идеология, религия, история, философия, культура эпохи и т.д. Не только внешние, но и внутритекстовые факторы, такие как тематика, лексика, синтаксис и т.д., могут содержать пресуппозиции. Например, модальные частицы в тексте маркируют интонацию, ритм, степень достоверности содержания высказывания [Nord 2003:114].

5) Затем анализируются основные языковые средства внутритекстовой связи в ИТ и их возможные эквиваленты в ПТ.

б) Далее следует деление текста на пропозициональные отрезки – макропропозиции, коммуникативное членение композиции текста и логико-семантический и стилистический анализ средств текстовой связи. На основе этой концептуальной структуры в сознании переводчика формируется единое мысленное представление всей описываемой текстом ситуации.

Естественно, что субъективность представлений переводчика о мире и его индивидуальные фоновые знания ведут к вариативности понимания ИТ. Это мне хотелось бы показать на примере трех переводов следующего отрывка из романа В. Гете «Страдания молодого Вертера»:

Ich weiß nicht, ob täuschende Geister um diese Gegend schweben, oder ob die warme, himmlische Phantasie in meinem Herzen ist, die mir alles rings umher so paradiesisch macht. Das ist gleich vor dem Orte ein Brunnen, ein Brunnen, an den ich gebannt bin wie Melusine mit ihren Schwestern. – Du gehst einen kleinen Hügel hinunter und findest dich vor einem Gewölbe, da wohl zwanzig Stufen hinabgehen, wo unten das klarste Wasser aus Marmorfelsen quillt. Die kleine Mauer, die oben umher die Einfassung macht, die hohen Bäume, die den Platz rings umher bedecken, die Kühle des Orts; das hat alles so was Anzügliches, was Schauerliches. Es vergeht kein Tag, dass ich nicht eine Stunde da sitze... O muss nie nach einer schweren Sommertagswanderung sich an des Brunnens Kühle gelabt haben, der das nicht mitempfinden kann.

1) Страсти молодого Вертера. Перевод Ф. Галченкова (первый русский перевод):

Я не знаю, волшебные ли вокруг меня летают духи, или божественное во мне действует воображение, что все окружающее меня кажется раем. Недалеко отсюда нахо-

дится источник, к которому привязан я, как Мелузина со своими сестрами. Сошед с небольшого холму, выйдешь к каменному своду, где, спустясь на двадцать ступеней, увидишь чистейшие струи, из мрамора истекающие. Окружающая его ограда, покрывающие его высокие деревья и прохлада места имеют нечто трогательное и величественное. Не проходит дня, в котором бы я по крайней мере не посидел часу при оном. ... Друг мой, кто не восхищается сим воображением, тот никогда не наслаждается во время летних жаров прохладою при потоках вод [Гете 1781: 179-180].

2) Страдания Вертера. Перевод Н.М. Рожалина

Не знаю, не духи ли очарователи витают над этой странною, или моим сердцем играет теплая небесная фантазия, которая все вокруг меня расписывает такими райскими красками. Здесь перед самым селением стоит колодец, колодец, к которому я заточен, как некогда Мелузина с дочерьми своими. Спустишься с небольшого холма и очутишься перед сводом; здесь ступеней двадцать сведут тебя вниз, и внизу самая чистая вода бьет из мрамора. Наверху небольшая каменная ограда, высокие деревья, кругом осеняющие место, его прохлада, все это вместе имеет что-то пленительное, волшебное. Нет дня, чтобы я не просидел здесь часу. ... О! тот после долговременной летней прогулки никогда не наслаждался вполне прохладою колодца, кто вместе со мною не может этого чувствовать [Гете 1828-1829:192-193].

3) Страдания юного Вертера. Перевод Г.В. Стадникова

Не знаю, то ли обманчивые духи населяют эти места, то ли мое собственное пылкое, вдохновенное воображение все кругом превращает в рай. Сейчас же за городком находится источник, к этому источнику я прикован волшебными

чарами, как Мелузина* и ее сестры. Спустившись с пригорка, попадаешь прямо к глубокой пещере, куда ведет двадцать ступенек, и там внизу из мраморной скалы бьет прозрачный ключ. Наверху низенькая ограда, замыкающая водоем, кругом роща высоких деревьев, тенистый полумрак — во всем этом есть что-то влекущее и таинственное. Каждый день я просиживаю там не меньше часа... Лишь тот не поймет меня, кому не случилось после утомительной прогулки в жаркий летний день насладиться прохладой источника!

* Мелузина – героиня французской сказки

[Гете 2002:8- 9].

Прагматика ИТ – показать романтического, восторженного, образованного молодого человека, который пока находится в полной гармонии с природой и самим собой. Он приходит в восторг от всего, что его окружает. Простой колодец на краю городка, вызывает возвышенные сказочные образы. Высокопарно-образный старомодный стиль письма Вертера, естественно, лучше всего выдержал первый переводчик. Второй оказался сдержаннее, но точнее, а стиль третьего – это стиль нашего времени – простой, прозрачный, лапидарный. Причем, интересно отметить, что наш современник посчитал, что мы, наверное, уже не знаем, кто такая Мелузина, и дает сноску.

Нам представляется, что перевод Н.М. Рожалина, своей филологичностью напоминающий продукт эпохи сентиментализма, до сих пор остается наиболее адекватным немецкому подлиннику, несмотря на некоторые смысловые ошибки и вольности, которые допускает его автор. Например, выражение «Melusine mit ihren Schwestern» переведено им как «Мелузина с дочерьми своими», хотя известно, что эта фея, дух свежей воды в источниках, не имела детей, а только сестер.

Итак, художественный текст – это очень сложный и неоднозначный феномен с многослойной и многокомпонентной семантикой и самыми разнообразными средствами выражения замысла автора. Перевод художественного текста полностью зависит от способности переводчика понять смысл его содержания и прочувствовать авторский стиль изложения. Мы попытались представить алгоритм действий переводчика при первом прочтении художественного текста и экстраполировать его на несколько вариантов перевода классической немецкоязычной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. – 125с.
2. *Гете И.В.* Страсти молодого Вертера. Спб.: Имп. Акад. наук, 1781.
3. *Гете И.В.* Страдания Вертера. М.: тип. А Семина, 1828 – 1829.
4. *Гете И.В.* Страдания юного Вертера. Спб.: Наука, 2002. – 256 с.
5. *Калашиникова Е.* По-русски с любовью: Беседы с переводчиками. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 608 с., ил.
6. *Топер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. – 254 с.
7. *Тюленев С.В.* Теория перевода: Учебное пособие. – М: Гадарика, 2004. – 336 с.
8. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. – М: Советский писатель, 1968. – 384 с.

9. *Kautz U.* Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens. Goethe Institut. 2. Aufl., - München: Iudicium, 2002. – 643 s.

10. Nord Chr. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. 3. Aufl., Tübingen: Groos, 2003. – 284 s.

11. <http://agvitrenko.3dn.ru>

Кандидат филологических наук
Григорьева И.В.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕДИАТЕКСТОВ

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью разработки эффективных переводческих методик, обеспечивающих глубинное проникновение в национально обусловленные смыслы оригинальных медиатекстов и быстрому распространению новых понятий и способов употребления новых слов в текстах СМИ. В медиатекстах используется описание явлений, которые воспринимаются по-новому в связи с политическими, экономическими, социальными изменениями.

Глобализация мирового информационного пространства привела, в частности, к тому, что тексты массовой информации превратились в один из основных видов текстов, так или иначе используемых при обучении иностранному языку, особенно языку английскому как средству международного общения. Можно смело утверждать, что тексты массовой информации сегодня являются неотъемлемой частью преподавания иностранных языков: они используются в учебном

процессе в качестве аутентичного материала, оформляются в виде самостоятельных учебных пособий, моделируются, подвергаются тематическому мониторингу, из них постоянно черпаются актуальные сведения о стране изучаемого языка.¹

Исследователи рассматривают медиатекст в системе коммуникативного действия как «звено культуры», подчеркивают, что язык СМИ, охватывая значительную часть общества через его единое информационное пространство, предстает как национальный поток сознания современного человека.²

Сегодня под медиатекстом понимают конкретный результат медиапроизводства, медиапродукт — сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, рекламное сообщение, фильм и пр.), адресованное массовой аудитории. Для создания медиатекстов используется медиаязык — комплекс средств и приемов выразительности, в значительной степени определяющий характер медиакультуры — совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа.³

Одним из главных факторов, определяющих лингвистическую ценность медиатекстов, является их аутентичность. Реальные тексты, отражающие особенности одной из основных сфер современноречеупотребления, массмедиа, привлека-

¹ Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языкаСМИ: современнаяанглийскаямедиааречь. –М.:Флинта,2008. –С.243.

² Лисицкая Л.Г. Медиатекст в языковом и функциональном аспектах // Вестн. ун-та Российской Академии образования. 2008. № 3. - С. 22–25.

³ Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог,2010 // evarist.narod.ru/jour

ют внимание преподавателей и авторов учебных материалов. Вместе с тем можно выделить целый ряд случаев, когда именно аутентичность медиатекста затрудняет его эффективное использование в лингводидактических целях: так новостные тексты мгновенно устаревают, становится неинтересно обсуждать то, что утратило свою актуальность; а полезные с познавательной точки зрения тексты оказываются насыщенными избыточной лингвистической информацией, которая не соответствует уровню языковой подготовки студентов.

Концепция медиатекста выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, представляя собой последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных, специфика сочетания которых обусловлена конкретным каналом массовой информации. В средствах массовой информации технологические особенности каждого конкретного канала распространения, будь то печать, радио, телевидение или Интернет, оказывают огромное влияние на форму и содержание сообщения. Именно это и имел в виду известный исследователь средств массовой информации Маршалл Маклюэн, говоря о том, что канал СМИ определяет сообщение - “the media is the message”.

Культуроспецифичность информационной картины мира проявляется также в национально-культурных особенностях организации медиатекстового потока, которые зависят от многих факторов, в том числе от преобладания того или иного типа культуры в данном языковом ареале. Для телевидения характерен определенный программный контент. Чаще всего это: художественная продукция (сериалы, теле- и кинофильмы, мультфильмы), документалистика (документаль-

ные фильмы, аналитические программы), новости, развлечения, спорт, специальные тематические передачи.

Как показывает практика, моделирование новостных и информационно-аналитических текстов обусловлено, прежде всего, конкретными дидактическими целями. Так, новостной текст может быть использован в качестве образца в течение долгого времени, если его моделирование сводится к удалению тех компонентов, которые указывают на соотнесенность текста с конкретным ограниченным отрезком времени. Иначе говоря, из текста убирается все, что может быстро превратить актуальное сообщение во вчерашнюю устаревшую информацию – временные привязки, даты, имена конкретных политических деятелей.¹

Если же цель состоит в том, чтобы обратить внимание студентов на определенные языковые структуры, сохранив при этом актуальность материала, то текст перерабатывается в плане удаления избыточных с дидактической точки зрения элементов.

Приводимый ниже текст «EU summit in Brussels» является практическим примером лингводидактического моделирования текста, который может быть использован на занятиях со студентами.

Исходный текст

EU summit in Brussels

European Union leaders have discussed how to reinvigorate the Union's economies.

The European Union's aim was to produce the most *dynamic and competitive* knowledge-based economy in the world by 2010.

¹ Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М.: Едиториал, 2005. – С.251

It is nowhere near on target to achieve that. Halfway through the process the European Commission President Jose Manuel Barroso has described the results as not very satisfactory.

Many of the reforms *envisaged* in the *Lisbon Agenda* are about making the European Union a more effective market economy. One important element is to remove barriers to companies wanting to provide services outside their home country. A Directive *intended* to achieve this *has been very controversial* and the summit has decided that its proposals *should be watered down*.

Some countries, notably France were worried about job losses and lower standards of regulation. The Lisbon Agenda also saw the need *for a more flexible workforce*. But the kind of flexibility wanted by many businesses is politically difficult for some European leaders. Many businesses complain that health care, pensions and other costs make it too expensive to create new jobs. There have been moves to reduce these costs in some member countries. But such moves *go against the grain* in countries where elaborate social welfare and strong job security laws are very popular.

dynamic - быстро развивающуюся

It is nowhere near on target to achieve that -зд. ЕС пока далек от достижения этой цели

envisaged - намеченных

in the Lisbon Agenda - в Лиссабонском плане экономического развития (который был принят лидерами стран ЕС в 2000 году)

intended - цель которой

has been very controversial - вызвала массу споров

should be watered down - зд. следует смягчить

for a more flexible workforce - в большей гибкости рынка рабочей силы (речь идет о необходимости либерализации рынка услуг, чтобы граждане Евросоюза смогли свободно трудоустроиваться в тех странах ЕС, где есть соответствующие вакансии)

go against the grain - непопулярны¹

Лингводидактическая модель

EU summit

European Union leaders have discussed how to intensify the Union's economies.

The European Union's aim was to produce the most *dynamic* and competitive knowledge-based economy in the world by 2010. *It is nowhere near on target to achieve that.*

Many of the reforms *provided* in the *Lisbon Agenda* are about making the European Union a more effective market economy. One important element is to remove barriers to companies wanting to provide services outside their home country. A Directive *intended* to achieve this *has been very controversial* and the summit has decided that its proposals *should be watered down*.

Some countries, notably France were worried about job losses and lower standards of regulation. The Lisbon Agenda also saw the need *for a more flexible workforce*. But the kind of flexibility wanted by many businesses is politically difficult for some European leaders. Many businesses complain that health care, pensions and other costs make it too expensive to create new jobs. There have been moves to reduce these costs in some member countries. But such moves *go against the grain* in countries where elaborate social welfare and strong job security laws are *very popular*.

¹ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/learn_english/newsid_4388000/4388063.stm

dynamic - быстро развивающуюся

It is nowhere near on target to achieve that -зд. ЕС пока далек от достижения этой цели

in the Lisbon Agenda - в Лиссабонском плане экономического развития (который был принят лидерами стран ЕС в 2000 году)

intended - цель которой

has been very controversial - вызвала массу споров

should be watered down - зд. следует смягчить

for a more flexible workforce - в большей гибкости рынка рабочей силы (речь идет о необходимости либерализации рынка услуг, чтобы граждане Евросоюза смогли свободно трудоустроиваться в тех странах ЕС, где есть соответствующие вакансии)

go against the grain - непопулярны¹

Аналогичным образом производится и моделирование информационно-аналитических медиатекстов (группа features): текст может сокращаться, перерабатываться, перестраиваться с тем, чтобы соответствовать как поставленным дидактическим целям, так и уровню подготовки студентов.

Таким образом, наиболее типичными случаями лингводидактического моделирования медиатекста являются: удаление из текста т.н. синхронизирующих, т.е. «привязывающих» данный текст к ограниченному временному отрезку признаков; переработка текста с целью сохранения дидактически значимых компонентов и удаления избыточной лингвистической информации.

¹ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/learn_english/newsid_4388000/4388063.stm

**ВЛИЯНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАССЛОЕНИЯ
ФРАНЦУЗСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
НА ЕГО ГРАММАТИКУ**

В настоящей работе грамматические особенности таких разновидностей современного французского литературного языка, как телевизионная речь и устная разговорная речь, рассматриваются сквозь призму усиления их функционального размежевания. При этом особое внимание уделяется вопросу о соотношении предложенческих и непредложенческих структур в данных типах речи.

Современный французский литературный язык как весьма сложное и неоднородное образование с исторически изменчивым составом и функциями обслуживает коллектив пользующихся им говорящих применительно к самым разнообразным нуждам коммуникации. К настоящему времени довольно основательно изучены его основные функциональные разновидности. Выявлены и описаны специфические средства французской научной, публицистической, деловой, отчасти художественной и устно-разговорной речи.

Вместе с тем продолжают оставаться неизученными (или слабо изученными) весьма важные для понимания структуры и состава современного французского языка вопросы. Так, еще не подвергались изучению те процессы, которые охватывают грамматический строй французского литературного языка в связи с явлениями усиления его функционального размежевания, свойственными любому развитому литературному языку. Такие процессы проявляются в первую очередь

как отход от единообразия речевой реализации грамматического строя, которое диктуется требованиями консолидирующей нормы. Складывается парадоксальное положение: консолидация литературного языка знаменуется на одном полюсе упрочением его нормативности, на другом – усилением функционального размежевания. Такие процессы ведут к диаметрально противоположным последствиям: первый к единообразию норм, и в том числе грамматических, второй – к возникновению особых внутрстилевых норм, отличающихся от общелитературной и друг от друга.

Следует отметить, что начало функционального разделения французского литературного языка, которое легло в основу современного его состояния и сопровождалось выработкой набора собственных средств языкового выражения и их организацией, относится к довольно позднему периоду. На первых порах оно знаменовалось прежде всего лексическими различиями и не могло оказать существенного воздействия на грамматический строй. Только в последнее время функциональное размежевание, все углубляясь и захватывая все уровни языковой системы, начинает активно влиять на грамматику, определяя разнообразие ее реально-языковых воплощений.

В настоящей работе на примере современной французской устно-разговорной и телевизионной речи мы попытаемся осветить вопрос о том, каким образом функциональная специфика речевой сферы оказывает воздействие на организацию и реализацию предложения.

Мы привыкли, что «универсальной единицей синтаксиса принято считать предложение» [Скребнев1971: 19], участвующее в организации композиционно-смысловых

единиц текста и самого текста как некоторого целостного образования. История синтаксических учений в значительной мере сводится к серии попыток дать исчерпывающее, универсально адекватное определение этого основополагающего понятия синтаксиса.

Между тем предложение не обладает свойством универсальной заданности, поскольку в основе его выделения положено наблюдение над письменным монологическим текстом. В устной же речи, которая чаще всего строится как свободное нанизывание самостоятельных и несамостоятельных смысловых отрезков, в различной степени связанных друг с другом, возникает проблема вычленения дискретных единиц из устно-речевого потока, обусловленная в первую очередь диффузностью семантико-синтаксических отношений в предложении.

Кроме того, характерными признаками устной речи являются перестройки, добавления, повторы, исправления, которые приводят к тому, что характер структурно-смыслового членения устной речи принципиально отличается от членения текста письменной речи.

Если в письменной речи единицей членения выступает предложение, которое отграничивается прописной буквой и точкой, то в устной речи часто отсутствуют однозначно выраженные пограничные сигналы. С нашей точки зрения, при выделении в устной французской литературной речи предложений целесообразно учитывать четыре признака, а именно: синтаксический (наличие структурной завершенности), семантический (наличие смысловой завершенности), интонационный (наличие интонации завершенности), темпоральный (наличие паузы повышенной длительности). Наличие этих

признаков может позволять выделить предложение как самостоятельную дискретную единицу. Между тем названные критерии далеко не всегда выступают в их однофункциональном значении и в их совокупности. Именно поэтому семантический критерий был нами принят в качестве основного признака при выделении предложений. Ср.:

Les gens/sont restés debout toute la nuit//Je n'ai pas dormi /et beaucoup de mes amis/n'ont pas dormi non plus//Les gens attendaient//de sortir et de venir/parce que nous n'avons jamais eu/cette chance/nous n'avons jamais eu/un gouvernement/qui finisse son mandat de 5 ans//C'est la première fois/que nous avons la chance/d'être dans un processus/démocratique et cela rend/tout le monde/au Pakistan très enthousiaste/car on sent qu'on a du pouvoir//(1);

Cet enthousiasme/des électeurs a été tel/que la presse pakistanaise/parle de triomphe/de la démocratie//Mais le scrutin est/tout de même loin//d'avoir été exemplaire/nombre d'observateurs/dénoncent les irrégularités/qui l'ont entaché/(2).

Данные примеры, взятые из современной французской телевизионной речи, показывают, что в этой разновидности литературного языка предложение является основной коммуникативной единицей.

Анализ материала устно-разговорной речи свидетельствует, что весь корпус предикативных конструкций данной разновидности современного французского литературного языка состоит из средств специфического грамматического оформления (типизированные построения), принадлежащих только устно-разговорной разновидности современного французского литературного языка, средств общелитературного синтаксиса и средств, не обнаруживающих четкого грамматического

оформления и приближающихся к окказиональным образованиям (непредложенческие структуры). Для того, чтобы убедиться в этом достаточно проанализировать следующий фрагмент, заимствованный из устно-разговорной речи. Ср.:

R: Ils se plaignent/que soit disant//les **gens**/ils veulent plus y aller là-bas//mais il y en a certains//ils savent pas accueillir les **clients**//Tout ça/ça s'apprend//Il y a plein de problèmes...//

E: Ouais, mais bon heu...//

R: ...comme ça//

E: Ici c'est pareil/hein//

R: Ouais/mais d'accord ici c'est pareil/mais enfin bon/ici si tu veux/l...//on va dire/le petit **avantage**/qu'il y a par rapport à la Corse/c'est que tu as pas payé/le voyage pour aller/en Corse// Le **mec**/il se paie le voyage déjà/bon ben/il trouve que c'est **cher** /comme si c'était nous qui faisons le **tarif**//Nous/on n'y est pour rien nous//Les **tarifs**/ils sont élaborés/par l'office des transports là-bas en Corse//...

D: Hum//

R: ...qui décide que...//

D: Mais bon c'est/c'est pas donné hein//

R: ...il faut/il faut 'tant de départs/tant de ci tant de ça/comme ça/comme ça/c'est eux qui/le cahier des charges//c'est eux qui l'ont défini//et après nous/on s'y **adapte**/ou on s'y **adapte** pas// Alors/après/une fois qu'on a le cahier des charges on dit on peut/ on peut pas//Nous voilà/pour faire ça, on/on/on veut tant//

D: Et puis bon / c'est normal que ça coûte / **des ronds** aussi / c'est...//

Приведенные примеры показывают, что «незавершенные, брошенные на полдороге конструкции, заранее незапланированные говорящим «добавочные» конструкции, нагромождения

однородных членов-синонимов и другие слабооформленные построения, производящиеся непосредственно в речи, организуются по-разному» [Долинин 1978: 281]. Такие построения соседствуют с целым рядом остро специфических моделей предложения, не свойственных синтаксису общелитературному.

Таким образом, по отношению к грамматическому строю функционально-речевые ограничения проявляются как ограничения двух типов: 1) они могут определять употребление данного грамматического средства в пределах данной функционально-речевой сферы; 2) они могут определять варьирование в данной функционально-речевой сфере определенных характеристик грамматического средства (например, системы его форм).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. - 343 с.
2. *Скрёбнев Ю.М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Автореф. докт. диссерт. М. 1971. - 43 с.

Кандидат филологических наук
Зверева Е.В.

АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ "КОМПЛИМЕНТ" В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Комплимент является неотъемлемой частью испаноязычной культуры, ярким проявлением характера испаноязычных этносов. В статье описывается функционирование единиц речевого этикета в конкрет-

ных типизированных ситуациях общения, объединенных общей интенцией комплимента. Предлагается определение комплимента-пиропо и комплимента-кумплидо, выделяются основные факторы стратификационной и ситуативной вариативности, влияющие на выбор речевых единиц в этой тематической ситуации, подтверждается существование механизма воздействия социальных факторов на коммуникативную ситуацию "комплимент".

Ключевые слова: речевой этикет; коммуникативная ситуация; комплимент; пиропо; кумплидо; адресат; адресант.

В последние десятилетия во всех гуманитарных науках резко возросло внимание к проблемам коммуникации. По мнению А.А. Леонтьева, "невозможно исследовать развитие и функционирование человеческой личности, не обращаясь к понятию общения, ... не анализируя его конкретных форм и функций в тех или иных социально-исторических условиях [Леонтьев 1974: 6]. В поддержании существующих и вырабатываемых в обществе в процессе его развития стандартизированных норм социального поведения особую роль играет язык, вернее, речь, выступая как одно из средств передачи социального опыта.

Естественно, что если мы говорим о соблюдении в речи норм социального поведения, присущего тому или иному обществу, ключевым понятием будет речевой этикет (РЭ). Н.И. Формановская понимает под речевым этикетом "регулирующие правила речевого поведения, систему национально - специфических стереотипов, устойчивые формы общения, принятые и предписанные обществом для установления контакта собеседников, прерывания и поддержания контакта в избранной тональности" [Формановская 1982: 9]. Среди этих стереотипных ситуаций взаимодействия возможно вычленение тематических ситуаций

таких как, например, "комплимент" - самостоятельное лингвистическое и социальное явление.

Социолингвистическое рассмотрение единиц РЭ связано с их регулярной прикреплённостью к тем или иным группам носителей языка, ведь одна из функций этикета состоит в сохранении системы социальной стратификации. Стандарты поведения и, в частности, речевого поведения, коррелируют с реальной стратификацией общества, т.е каждая половозрастная, конфессиональная, этническая, профессиональная и другие группы и субкультуры общества имеют свои специфические стереотипы речевого поведения и общения. Наши наблюдения, связанные с ситуацией "комплимент" в испанском языке, подтверждают точку зрения Н.М. Фирсовой о том, что для испанского языка, обслуживающего народы стран с разным социальным строем и культурами, описание РЭ в аспекте социолингвистики особенно важно [Фирсова 1991: 13].

Одной из основных проблем, изучаемых социолингвистикой, является вопрос социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры. Комплимент, как и другие ситуации РЭ, имеет высокую степень социальной дифференциации. Его структура многомерна и включает как стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций. Стратификационная вариативность комплимента проявляется в тех языковых и речевых различиях, которые существуют у представителей различных групп социума, участники которых, в свою очередь, различаются с точки зрения постоянных (статусных) социальных признаков: возраста, собствен-

но социальной принадлежности с точки зрения рода занятий, уровня образования, места жительства, пола.

Описываемая нами тематическая группа, имея общую значимую основу (комплимент), реализуется в вариантных формулах в зависимости от статусных характеристик коммуникантов. Так, уровень образования и степень культуры отражаются в комплиментах следующим образом: *Señorita, le favorece mucho el color de su vestido* - *сеньорита, как Вам идёт красный цвет* (образованный адресант); *quien fuera toro, mijita* - *хотел бы я быть быком, дочурка* (малообразованный адресант); *por la de rojo te ensojó* - *из-за этой в красном я готов стать хромым* (малообразованный адресант). Первый комплимент маркирован вежливой окраской, два последующих имеют вульгарный оттенок и находятся на границе этикетной нормы (все комплименты адресованы одному лицу). Многие авторы отмечают, что комплимент служит показателем уровня культуры адресанта [Diosdado 1990:8; El piroпо s/a:12].

Принадлежность к определённомu социальному слою влияет на приоритетное использование в речи того или иного вида комплимента. Так, пиропо - комплимент, адресуемый непосредственно лицу женского пола и касающийся только внешних данных объекта, который, как правило, не знаком адресанту [Зверева 1995: 22], будет в основном употребителем лишь в низших слоях населения. "Высшие классы не поддерживают традицию пиропо, в этом плане их можно охарактеризовать как апатичный конгломерат, хотя есть и исключения" [Enríquez 1991: 7]. Неодинаковыми будут формулы комплиментов, используемые лицами, принадлежащими к различным возрастным группам. Так, молодой аргентинец адресует незнакомой девушке с красивой грудью

пиропо *¡Qué gomas!* - Ну и резиновые подушки! или *¡Le viste las lechosas!* - Ты видел её молокозавод! Более поэтичные, не несущие вульгарной окраски пиропо, используемые старшим поколением типа *En tu pecho anida la miel, ven, por favor y se va dulce la vida* - Твоя грудь из мёда, подойди поближе и моя жизнь станет сладкой - становятся анахронизмом.

Отдельным фактором, влияющим на реализацию комплимента, является род занятий адресанта. По мнению большинства опрошенных информантов наиболее "продуктивными" авторами пиропо можно признать рабочих строительных специальностей, много времени поводящих на улице и имеющих возможность с высоты подъёмных кранов и строительных лесов рассматривать проходящих красавиц. Второе место в этой области приписывается продавцам на различных праздничных ярмарках [Enríquez 1991: 6]. Если говорить о комплименте - кумплидо, другой выделяемой нами разновидности комплимента, "лестные слова похвалы, адресуемые знакомому партнёру по коммуникации любого возраста и пола и реализуемые в качестве проявления вежливости" [Зверева 1995: 22], то он также свойственен определённым профессиям в большей степени, чем другим. Так, очень важной эта формула вежливости представляется для бизнесменов, задача которых, особенно во время первой встречи, установить контакт с собеседником. Психологи советуют в такой ситуации использовать особый приём - сочетание комплимента, который непременно должен быть искренним и значимым для адресата, и вопроса, призванного обеспечить возможность завязывания разговора. *Me encanta su capacidad de apreciar cualquiera situación que vive nuestro negocio. ¿Como será su pronóstico para el mes que viene?*- Меня

восхищает Ваше умение оценивать любую ситуацию, которую переживает наш бизнес. Каким будет Ваш прогноз на следующий месяц?

Фактор половой принадлежности находит самое яркое выражение в рассматриваемой ситуации. Так, пиропо не может быть адресован лицам того же пола: с точки зрения общественных норм это неприлично и расценивается как признак гомосексуализма [Díaz-Plaja 1972: 149]. На современном этапе развития пиропо его особенностью является изменение "половой" прикреплённости. Если раньше пиропо был исключительно "мужским" жанром, то сейчас, в связи с женской эмансипацией, феминизацией практически всех областей жизни наблюдается эволюция взглядов на этот вопрос и нередко адресантом комплимента становится женщина, а адресатом мужчина. На некоторых форумах испаноязычных сайтов можно найти примеры пиропо, посвящённых мужчинам: *Ese tozo que está enfrente me tiene loca de amor - нар-нишка напротив сводит меня с ума; hola, mi princesito lindo - привет, мой хорошенький принц; qué guapo eres, amorcito - какой ты хорошенький, любовь моя*. Появляются даже забавные рубрики, где женщины приводят свои пиропо, например "Если бы я была каменщицей..." (мужчины-каменщики в испаноязычной традиции считаются рекордсменами по количеству изобретённых пиропо).

Помимо рассмотренной нами стратификационной вариативности в комплименте проявляется также ситуативная вариативность, выражающаяся в использовании тех или иных формульных моделей комплиментов в зависимости от ситуации общения. Ситуация общения определяет ролевые отношения между участниками коммуникативного акта "компли-

мент", поведение индивида в определённой ситуации. Как указывалось выше, набор статусных характеристик, присущих собеседникам, весьма ограничен, тогда как количество ролей, которые могут быть "сыграны" любым представителем языкового сообщества, необычайно велико и связано с конкретными ситуациями общения. По мнению Н.Д. Арутюновой, "в нормальной речевой обстановке параметры говорящего и адресата должны быть между собой согласованы" и "всякий речевой акт рассчитан на определённую модель адресата" [Арутюнова 1981: 358]. Так, на улице молодой человек адресует незнакомке следующий пиропо: *¡Qué ricura!* - *Какое богатство!*; *¡Qué hembrón!* - *Ну и женщищица!* Если же адресатом является немолодая женщина, подруга матери адресанта, то он, приобретая уже иную социальную роль, использует в качестве этикетного речевого действия, так же, как и в первом случае, направленного на описание внешности адресата, кумплидо такого рода: *Vd. luce bien* - *Вы замечательно выглядите* (запись информантов).

Одним из важнейших факторов, влияющих на выбор вида комплимента, выступает обстановка общения. Понятие обстановки общения соотносится с понятием места и официального/неофициального регистра общения. Сравним пиропо *¡Qué bebé haríamos juntos!* - *Какого бы малыша мы могли сделать вместе!* (неофициальная обстановка, улица) и *¡Teneis muy buen aspecto!* - *Вы замечательно выглядите* (официальная обстановка, учреждение). Адресат и адресант подобных комплиментов могли бы быть одними и теми же людьми, но, в зависимости от ситуации, выбор формулы комплимента будет сделан в пользу той или иной фразы.

Реализация коммуникативной ситуации "комплимент" связана с рядом других социальных факторов. Например, социальная и политическая обстановка в стране, в частности, такое явление как безработица, служит основой для создания пиропо: *Contigo aunque sin trabajo - с тобой я готов даже не иметь работы*. Другой социальный момент - пессимизм в отношении будущего, также проявляется в комплиментах: *Tienes ojos más negros que el futuro de mi país - Твои глаза чернее, чем будущее моей страны* (Испания). На Кубе, по крайней мере в общественных местах, такой пиропо прозвучать не может. Религиозность также включается в число социально значимых явлений. В Испании и Латинской Америке очень распространены пиропо, обыгрывающие религиозные понятия. Примером этого будет такой испанский комплимент: *Niña, no le canto una saeta porque ha pasado la Semana Santa - малышка, я не буду петь тебе саэту, ведь Святая Неделя уже прошла*. На Кубе, где новый строй вытеснял старые традиции, подобный пиропо не актуален.

Большую роль играет также национальный, этнический фактор. В тех странах, где исторически проживали выходцы из африканских стран, большую долю составляют пиропо в адрес представительниц чёрной расы, чьи достоинства, по мнению авторов пиропо, значительно превосходят красоту белых женщин: *Eres simpática y bella y vales más que una blanca, suspiro por ti - Ты очень милая и хорошенькая, ты стоишь гораздо больше белой, я вздыхаю по тебе*. Этот факт отмечают опрошенные информанты и кубинский лингвист С. Фейжоо [Feijoo 1977: 201].

Следует также сказать, что в настоящее время в Испании чётко прослеживаются изменения в области социальных и

психологических стереотипов речевого поведения. Общение идёт по пути демократизации, в значительном числе коммуникативных ситуаций происходит изменение тональности общения от официальной к неофициальной. Как считает Н.М. Фирсова, в этих случаях использование языковых средств, передающих неофициальную тональность, становится нормативным [Фирсова 1999:6]. В обществе, прежде всего среди молодёжи, а также лиц среднего возраста, речевое поведение меняется в сторону интимизации общения, сближения дистанции между коммуникантами, непринуждённости, этической сниженности речи. Следует отметить, что современная эволюция обиходно разговорной речи вызывает резкую критику со стороны ведущих испанских лингвистов, таких, например, как председатель Испанской Королевской Академии Л. Карретер, расценивающей данный процесс как "деградацию языка"[es.wikiquote.org/wiki/Fernando_Lázaro_Carreter].

Изученный материал доказывает, что оба измерения социальной вариативности (стратификационное и ситуативное) настолько тесно связаны между собой, что выбор той или иной формулы комплимента зависит от ряда факторов, большинство из которых носят смешанный социально - стратификационный характер.

Наши исследования позволяют нам предложить следующий перечень подобных факторов: социальная принадлежность, род занятий, уровень образования, уровень воспитания, степень знакомства, ролевые отношения коммуникантов, тональность отношений между коммуникантами, обстановка общения, коммуникативная установка, возраст, пол, место жительства (город, сельская местность), этнический склад характера, темперамент. Подчеркнём, что при выборе той

или иной этикетной единицы существенными являются не все названные факторы, а лишь некоторые из них, релевантные для данной конкретной ситуации общения.

Наблюдения над языковым материалом подтверждают существование механизма воздействия социальных факторов на коммуникативную ситуацию "комплимент". В этой связи нам кажется, что некоторые положения данной статьи могут быть использованы в процессе преподавания испанского языка, в составлении курсов по лингвострановедению, лексикологии, в переводческой практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Известия АН СССР. - Сер. лит-ры и языка. - М.:1981. - Т.40. - С.356-368.
2. *Зверева Е.В.* Коммуникативно-речевая ситуация "Комплимент" (на материале испанского языка) - Дис. ... канд. филол. наук. - М.: 1995. - 330 с.
3. *Леонтьев А.А.* Психология общения. - Тарту: 1974. - 186 с.
4. *Фирсова Н.М.* Испанский речевой этикет. - М.: 1991. - 174 с.
5. *Фирсова Н.М.* Испанская разговорная речь. - М.: 1999. - 262 с.
6. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. - М.: 1982. - 192 с.
7. *Díaz-Plaja F.* El español y los siete pecados capitales. - Madrid: 1972. - 306 p.
8. *Diosdado E.* Los mejores piropos. - Barcelona: 1990. - 158 p.
9. El piropo "un orgasmo verbal" || Sexologia Luz. - S[a. - N 85. - P.12-14.
10. *Enríquez D.* Breve antología del piropo. - Santiago de Chile: 1991. - 51p.
11. es.wikiquote.org/wiki/Fernando_Lázaro_Carreter

12. *Feijoo S.* Influencia africana en Latinoamérica: literatura oral y escrita || *Africa en América Latina.* - México: 1977. - P. 185-215.

Кандидат филологических наук,
доцент Карпина Е.В.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕРАКТИВНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО)

В рамках доклада рассматриваются принципы и опыт реализации интерактивного подхода в обучении иностранному языку в рамках ВУЗа, рассматриваются возможности использования игровых методов в обучении: деловых игр, ролевых игр, кейс-стади, тренингов и учебного видео (подкаст). Даются некоторые рекомендации по работе с разными типами аудиторий, приводятся методы мотивации и организации групповой работы.

Ключевые слова: интерактивный подход обучения, игровые методы обучения, активные методы обучения, образование в ВУЗе.

В рамках системы образования в ВУЗе XXI века в качестве одной из задач ставится повышение эффективности учебного процесса. А именно: повышение целенаправленности обучения, усиление мотивации, информационной ёмкости содержания образования, применение современных методов обучения, активизация методов обучения, использование подкастов, интернет-ресурсов, а также новейших информационных и технических средств обучения (электронные учебники, интерактивные доски и т.д.). Бесспорно, в настоящее время многие методисты отдают приоритет в обучении иностранным языкам коммуникативности, аутентичности общения, изучению языка в культурном контексте,

автономности и интерактивности обучения. Это объясняется тем, что использование интернет-технологий в обучении иностранному языку не только помогает в формировании навыков разговорной речи, в обучении лексике и грамматике. Всё более актуальным и важным становится применение информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения иностранному языку как главного способа развития самостоятельной познавательной деятельности студентов. Здесь играют роль не только новые технические средства, но и новые формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения, связанный, прежде всего, с мыслительными операциями анализа, синтеза, абстрагирования, идентификации, сравнения, сопоставления, вербального и смыслового прогнозирования. Именно поэтому в последние годы в методике преподавания иностранных языков наряду с коммуникативным подходом все чаще используется интерактивный метод обучения, получивший широкое распространение как в европейской системе образования так и в отечественной. Интерактивный – означает способность взаимодействовать, а интерактивное обучение – это прежде всего диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и студента.

Говоря об интерактивном методе обучения (где язык — это средство создания и поддержания социальных отношений), зарубежные исследователи выделяют:

1. *Прямой метод (The direct method)* — предполагает обучение на изучаемом языке с самого начала, не используя родной язык. Идея заключается в «естественном» освоении материала - так же, как ребёнок учит свой первый язык.

2. *Метод последовательностей (The series method)* — вариант прямого метода. Учебные тексты в данном случае — это временные последовательности, часто используются последовательности действий («Я просыпаюсь, иду в ванную комнату, открываю кран, чищу зубы...» и т.п.). Метод подразумевает большое количество повторений изучаемого материала, разнесённых по времени для лучшего усвоения.

3. *Коммуникативное обучение (Communicative language teaching)* — предполагает использование изучаемого языка как в заданиях, так и для общения с преподавателем внутри группы. Включает большое количество интерактивных упражнений — ролевые игры, опросы, работу в парах и т.п.

4. *Погружение в язык (Language immersion)* — метод применяется на начальном этапе обучения, провоцируя билингвизм путём преподавания предметов на неродном языке. При этом даже чтение на родном языке даётся позже чтения на изучаемом языке.

5. *Метод молчания (Silent Way)* — преподаватель здесь больше слушает, чем говорит. Обучая произношению на начальных уровнях, преподаватель применяет различные цветные таблицы, на которых каждый цвет или символ обозначает определенный звук. Таким образом изучаются новые слова.

6. *Естественный подход (Natural Approach)* — акцент делается на том, что студент не может учить всё подряд. Каждая следующая порция материала должна обязательно базироваться на уже пройденном и при этом быть легко усваиваемой.

7. *Метод физического реагирования (Total Physical Response)* — подразумевает, что студенты сначала пассивно воспринимают материал, не используя его. На следующем эта-

пе они должны физически реагировать на некоторые слова, например на глаголы действия. И только после прохождения первых двух этапов студенты начинают практиковать язык сами.

8. *Навык преподавания посредством чтения и рассказывания историй (Teaching Proficiency through Reading and Storytelling)* — метод является ответвлением метода физического реагирования. Заключается в рассказывании преподавателем коротких историй, насыщенных новыми словами и дальнейшей серии вопросов к студентам, требующих от них простых, но эмоционально окрашенных ответов.

9. *Метод обучения языку Догма (Dogme language teaching)* — метод отказывается от применения учебников. Вместо этого наибольшее внимание уделяется общению преподавателя и студента. Материалы, которыми студент пользуется, должны быть написаны им самим [Brown 2001; Hall 2011; Kumaravadivelu 2006; Richards 2001].

Таким образом, мы согласимся с мнением ряда отечественных ученых в том, что интерактивность – это объединение, координация и взаимодополнение усилий коммуникативной цели и результата речевыми средствами [Бедулина 2011; Белая 2010; Гейхман 2002]. Следовательно, можно говорить о том, что интерактивный подход служит одним из средств достижения коммуникативной цели на занятии, отличаясь при этом от принципа коммуникативности наличием истинного сотрудничества, где основной упор делается на развитие умений общения и групповой работы. Среди ведущих признаков и инструментов интерактивного взаимодействия принято выделять полилог, диалог, мыслительную деятельность, творчество, межсубъектные отношения, свободу выбора, ситуацию успеха, позитивность и оптимистичность

оценивания и др. В аспекте функциональных особенностей сети Интернет «интерактивность» можно рассматривать как способ самореализации: синхронной коммуникации (средства, позволяющие общаться в режиме реального времени) и асинхронной коммуникации (средства общения, позволяющие обмениваться информацией с задержкой во времени). К последним, наряду с голосовой почтой и голосовым форумом, относятся вебинары, аудиоблоги и подкасты. Технически подкастинг представляет синтез преимуществ Интернета и радио (телевидения), открывая невероятные возможности для тех, кто желает слушать речь на иностранном языке и совершенствовать свои речевые навыки. В качестве примера подкаста по испанскому языку можно привести <http://www.audiria.com>, который содержит фильмы, песни, аудио- и видеоуроки и т.д., озвученные носителями языка.

С появлением и распространением подкастов, в основе функционирования которых лежат принципы автономности, продуктивности и интерактивности, традиционное использование аудиоматериалов с целью развития рецептивных умений перешло в разряд средств обучения, обеспечивающих развитие созидательных, творческих способностей учащегося. Целью такой модели, кроме того, становится формирование у учащегося осознания языкового обучения, самостоятельного выбора стратегии обучения, а также способности к саморефлексии и самооценке. А развитие или совершенствование аудитивных, произносительных навыков, навыков устной и письменной иноязычной речи являются более или менее успешным результатом такой учебной (изначально продуктивной) деятельности.

Согласно Ковальской Е.П., дидактический потенциал подкастинга основывается на таких технических и дидактических характеристиках данной интернет-технологии, как:

1. *Аутентичность*. Подкасты в большинстве своем представляют аутентичный материал, предназначенный для прослушивания на продвинутом этапе изучения языка.

2. *Актуальность*. Система подкастинга позволяет пользователям регулярно пополнять свой архив новыми аудио- и видеоматериалами из Интернета.

3. *Автономность*. Являясь одним из основных преимуществ интернета как обучающей платформы, автономность позволяет действовать в соответствии с потребностями в учебе, с темпами обучения и уровнем обученности. Это не только достойно конкурирует, но и превосходит традиционное коммуникативное занятие.

4. *Многоканальное восприятие*. В рамках подкастов часто предлагаются учебные материалы, которые строятся на комбинации звукового ряда, фото- или видеокартинки, а также текстовых материалов. Это дает возможность одновременно задействовать разные органы восприятия, что, безусловно, расширяет рецептивные возможности учащихся, становится важным ключом к пониманию информации на иностранном языке и, как следствие, стимулом к устному или письменному высказыванию по теме.

5. *Многофункциональность*. С ее помощью при обучении иностранным языкам развивается несколько видов речевой деятельности: наряду с классическим аудированием актуальным является совершенствование навыков устной и письменной речи. Также немаловажно то, что подкасты дают

знания о многообразии самого языка и культуры изучаемого языка в удобной для слушающего обстановке.

6. *Продуктивность*. Использование воспроизведенных материалов - это первый этап работы с подкастами на занятии иностранного языка, создание и дальнейшее распространение собственных подкастов – второй. С точки зрения продуктивности подкастинг является значимым импульсом для изучения иностранного языка в рамках деятельностного подхода. Это объясняется тем, что, создавая и публикуя в сети аудио- или видеоматериалы, учащиеся работают с перспективной информационной технологией в реальной ситуации.

7. *Интерактивность*. На современном этапе развития Интернета интерактивность представляется главной идеей концепции, согласно которой важным является не только потребление (прослушивание, прочитывание или просматривание информации), но и активное взаимодействие между людьми в Интернете. Интеграция подкастинга в обучение иностранному языку с его возможностями кооперативного взаимодействия как нельзя лучше способствует интерактивности учебного процесса [Ковальская 2012].

Говоря об интерактивных методах, нельзя не затронуть вопрос активности личности в обучении.

Проблема активности личности в обучении - это ведущий фактор достижения целей обучения, общего развития личности, профессиональной ее подготовки. Поэтому стратегическим направлением активизации интерактивного обучения является не увеличение объема передаваемой информации, не усиление и увеличение числа контрольных мероприятий, а создание дидактических и психологических условий интерактивного обу-

чения, включения в него учащегося на уровне не только интеллектуальной, но также личностной и социальной активности.

Определяя активные методы обучения, отечественные и зарубежные исследователи подчеркивают тот факт, что это методы, которые побуждают учащихся к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом. Активное обучение предполагает использование такой системы методов, которая направлена главным образом не на изложение преподавателем готовых знаний, их запоминание и воспроизведение, а на самостоятельное овладение учащимися знаниями и умениями в процессе активной мыслительной и практической деятельности. В зависимости от типа аудиторий, можно привести такие методы мотивации и организации групповой работы, как: урок – деловая игра, урок – соревнование, урок – семинар; интегрированные занятия, объединенные единой темой, проблемой; комбинированные, проектные занятия, творческие мастерские; использование проблемно-задачного подхода, игровых форм, диалогическое взаимодействие. В свою очередь, среди активных методов обучения выделяют: брейнсторминг, или мозговой штурм, деловую игру, круглый стол, кейс-стади и проблемное обучение. Остановимся более подробно на данных методах.

Брейнсторминг, или мозговой штурм (мозговая атака), - широко применяемый способ продуцирования новых идей для решения научных и практических проблем. Его цель — организация коллективной мыслительной деятельности по поиску нетрадиционных путей решения проблем. Как правило, применяется на втором этапе обучения иностранному языку (уровень В1-В2).

Деловая игра — метод имитации ситуаций, моделирующих профессиональную или иную деятельность путем игры, по заданным правилам. Может применяться на любом уровне обучения иностранному языку, в зависимости от контента ситуации (уровень А1-С2).

«Круглый стол» — это метод активного обучения, одна из организационных форм познавательной деятельности учащихся, позволяющая закрепить полученные ранее знания, восполнить недостающую информацию, сформировать умения решать проблемы, укрепить позиции, научить культуре ведения дискуссии. Рекомендуется для студентов уровня владения иностранным языком В2-С2.

Кейс-стади, или анализ конкретных ситуаций (case-study), — один из наиболее эффективных и распространенных методов организации активной познавательной деятельности обучающихся. Метод анализа конкретных ситуаций развивает способность к анализу жизненных, профессиональных и производственных задач. Сталкиваясь с конкретной ситуацией, обучаемый должен определить: есть ли в ней проблема, в чем она состоит, определить свое отношение к ситуации. Как правило, данный метод лучше всего подходит для студентов уровня владения иностранным языком С1-С2.

Проблемное обучение — такая форма, в которой процесс познания учащихся приближается к поисковой, исследовательской деятельности. Успешность проблемного обучения обеспечивается совместными усилиями преподавателя и обучаемых. Основная задача педагога — не столько передать информацию, сколько приобщить слушателей к объективным противоречиям развития научного знания и способам их разрешения. В сотрудничестве с преподавателем учащиеся

«открывают» для себя новые знания, постигают теоретические особенности отдельной науки. Данный метод также рассчитан на студентов владения иностранным языком С1-С2.

Подводя итог вышесказанному, бесспорно, интерактивный подход является перспективным направлением в современной дидактике, повышающим эффективность обучения общению на иностранном языке. Навыки и умения, формируемые с помощью интерактивного обучения, выходят за пределы иноязычной компетенции в рамках языкового аспекта. Интерактивный метод развивает социальные и психологические качества обучающихся: их уверенность в себе и их способность работать в коллективе; создает благоприятную для обучения атмосферу. Кроме того, использование интерактивных ресурсов и средств в обучении демонстрирует мобильность современной системы образования в целом, ее адаптивный характер, т.е. своевременное приспособление к инновационным технологиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бедулина Г.Ф.* Интерактивные методы в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // *Женщина. Общество. Образование: Материалы 13-ой междунар. науч.-практ. конф., 17 декабря 2010г./Минск. Женский институт Энвила. – Минск, 2011. – С. 281-283.*

2. *Белая А.Л., Шульга О.Н.* О роли средств интерактивной коммуникации в обучении иностранному языку // *Женщина. Общество. Образование: Материалы 13-ой междунар. науч.-практ. конф., 17 декабря 2010 г./Минск. Женский институт Энвила. – Минск, 2011. – С. 284 -286.*

3. *Гейхман Л.К.* Интерактивное обучение общению: подход и модель. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002. – 260 с.
4. *Ковальская Е.П.* Подкастинг как средство интерактивной коммуникации в обучении иностранному языку // <http://jurnal.org/articles/2012/ped33.html>
5. *Brown, H.* Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy (2nd ed.). White Plains, NY: Longman, 2001.
6. *Hall G.* Exploring English Language Teaching: Language in Action. London, New York: Routledge, 2011.
7. *Kumaravadivelu B.* Understanding Language Teaching. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 2006.
8. *Richards J., Rogers T.* Approaches and Methods in Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Кандидат филологических наук
Картушина Е.А.

**ОДИНОЧЕСТВО В СЕТИ:
К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ ЭМИ-
ГРАНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОРУМОВ РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ В ФИНЛЯНДИИ)**

Под воздействием фактора глобализации изменяется характер взаимодействия языков, их взаимовлияние друг на друга. Новые условия, создаваемые глобализацией, зачастую требуют пересмотра вопроса о соотношении языка с другими социокультурными феноменами, что и придает рассматриваемым вопросам о взаимной обусловленности языка и социальной реальности еще более многосторонний и неод-

нозначный характер. Многогранность социальных, культурных и идеологических процессов не позволяет выработать определенный алгоритм соотношения этих метафизических понятий. Но, тем не менее, это лишь доказывает их тесную взаимосвязь: любой культурный, идеологический или другой социальный феномен репрезентируется в языке.

Кроме того, с развитием глобализации усиливаются миграционные процессы, формируются разные по количественному составу этнические группы на территории иностранных государств, и, как следствие, изменяется присутствие языков в определенном ареале.

В связи с этим вопросы рассмотрения языковой лояльности, языковой терпимости приобретают особую актуальность не только для социолингвистики, но и для смежных отраслей гуманитарного знания – антропологии, межкультурной коммуникации, социологии, этнографии.

Значимость измерения языковой лояльности в эмигрантской среде определяется также следующими факторами: 1) отсутствие сплоченности среди российской диаспоры проявляется, в том числе, и в отказе от использования родного языка в пользу титульного языка страны, на которой проживают эмигранты (что, в свою очередь, предопределяет языковой сдвиг) 2) определение механизма языкового контакта, перехода к двуязычию.

Согласно определению, данному в Словаре социолингвистических терминов [под ред. Михальченко 2006 г.], языковая лояльность – это «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку, проявляется, в частно-

сти, в признании родным своего этнического языка, в выборе его в качестве языка обучения, языка общения» [с. 261 – 262].

Учитывая актуальность данного исследования, в качестве исследовательской задачи нами ставилось рассмотрение понятия языковой лояльности при общении на форуме русских эмигрантов в Финляндии. В качестве материала анализа был выбран популярный среди русских эмигрантов форум Russian.fi.

Выбору именно этого форума для наблюдения в качестве материала исследования способствовала большая популярность этого форума среди русских эмигрантов в Финляндии и среди русскоговорящих финнов. Кроме того, разнообразие обсуждаемых на форуме тем также значимо для лингвистического анализа, поскольку представляет с точки зрения того, какие темы являются наиболее значимыми для обсуждения на титульном языке, а какие темы и/или аспекты (социальной, культурной или даже виртуальной) реальности репрезентируются на официальном языке в стране постоянного или временного проживания.

Общение в Интернет было выбрано не случайно, поскольку виртуализация коммуникации признается одной из наиболее характерных черт социально-глобальной реальности [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012]. И выбор языка в виртуальной коммуникации – это один из тех параметров изучения, который представляет интерес для социолингвистики как элемент новой глобально-виртуальной реальности.

Относительно выбора языка в виртуальной коммуникации примечательны результаты статистических данных в рамках проекта изучения социально-политических исследований eurobarometer.com европейских стран за 2011 год. Согласно им, Финляндия занимает одно из последних мест

среди тех, кто хотел бы видеть интернет-ресурсы на другом языке помимо своего родного - 50% (для сравнения в Греции интернет-ресурсы на своем родном языке хотели бы видеть 96% опрошенных). Только 64% опрошенных используют финский для общения с друзьями в сети.

Возможно, это связано, во-первых, с некоторой «закрытостью» титульного языка, его сознательной ограниченности в наборе коммуникативных ситуаций в силу определенных причин, связанных с показателями национальной идентичности, отстаиванием национальных интересов. Тут мы имеем ввиду некоторую (зачастую умозрительную) «сакральность» национального языка, его значимость для противопоставления «своих» и «чужих».

А, во-вторых, результаты этих исследований показывают значимость других языков в качестве языков общения в Интернет. Это формирует еще одну коммуникативную область распространения определенного языка, и, как следствие, изменение языкового репертуара в виртуальном общении.

Ведь нельзя отрицать, что виртуальное общение создает мощную коммуникативную сферу, и уже есть все основания предполагать, что общение на форумах, социальных сетях задает определенный домен (по терминологии Дж.Фишмана) – определенную область использования языка, заданную институционализированным контекстом в многоязычном обществе [Fishman Greenfield 1970].

Согласно его концепции, использование языка в рамках определенного домена не является раз и навсегда заданным, оно ощущается интуитивно или осознается эмпирически.

Анализ использования языка в домене позволяет посмотреть тот контекст, который создает предпосылки для выбора

языка, предсказать его употребление, и, более того, рассмотреть то, насколько стабильно то или иное использование языка в определенной (социально-институциональной) сфере.

Признание виртуальной сферы как определенного домена использования может позволить определить наиболее предпочтительный язык для общения в этой сфере и рассматриваться в рамках теории доменов. Но тут мы сталкиваемся с некоторой терминологической тавтологией, связанную с использованием термина домен в интернете.

Однако виртуальная коммуникация по области своего распространения сосуществует с реальной, а, в зависимости от индивидуального использования языка, может и вытеснять традиционные коммуникативные ситуации.

Возможно, именно этим «наложением» виртуальных и реальных плоскостей и объясняется смешение языков в виртуальном общении. Кроме того, общение в сети – это в некотором роде опыт межкультурного общения, поскольку участники виртуального общения являются представителями не только различных (молодежных) субкультур, но и представителями разных стран и национальностей.

В этой связи виртуальная коммуникация – это своего рода «полукультура» (в терминологии Р.М. Фрумкиной), – промежуточное состояние, возникающее при отдалении от своей родной культуры и освоением ценностей другой культуры.

Именно маргинальность культурного контекста виртуального общения является причиной коммуникативных и культурных конфликтов в данной коммуникативной сфере.

Тут мы сталкиваемся со своего рода парадоксом виртуального общения: с одной стороны, виртуализация коммуникации приобретает все больший охват, однако, с другой

стороны, она приводит к различного рода коммуникативным конфликтам, и даже, как показывают статистические данные является причиной стрессовых ситуаций.

Совмещение различных языков и культурных практик и приводит к разнообразию обсуждаемых тем, широкому выбору языковых средств при их обсуждении, и – выбору языка в целях формирования идентичности.

Это позволяет нам говорить об уместности применения понятия «полиреальность» к анализу используемых в сетевом общении дискурсивных практик. Данное понятие рассматривается либо как совокупность образов, концептов, репрезентаций, получаемых в результате анализа (демаркации) коммуникативных практик, либо как результат создания альтернативных миров в процессе общения [Боронин, Сологубов 2010]. Понятие полиреальности, в отличие от принятого всеми термина «виртуальная реальность», подразумевает многосторонность дискурсивных практик в общении в сети.

Полиреальность, многомерность виртуальной коммуникации, связанная с отсутствием единых правил общения в сети, единого языка (несмотря на все возрастающую роль английского), обуславливает еще одну характеристику сетевого общения – снятие запретов, дестабуляризацию. Дестабуляризация не только к обсуждаемым темам, но и к выбору языковых средств своего родного языка.

В ходе наблюдения за форумом обращают на себя внимание следующие закономерности, которые (в большинстве случаев) взаимоисключают друг друга.

Первая, достаточно противоречивая тенденция виртуальной коммуникации на форуме и касающаяся выбора языка заключается в том, что русские эмигранты в Финляндии, имеющие

возможность использовать финский язык во многих других коммуникативных ситуациях, на русскоязычном форуме, должно быть, будут стремиться общаться по-русски, но использование слов из финского языка «перекрывает доступ к общению на форуме тех эмигрантов, которые недавно прибыли и больше склонны к использованию русского языка, чем финского.

Указание на эту особенность можно увидеть в следующей на форуме: *«Я в Финляндии недавно, и зашла на форум, чтобы понять, где что покупать и как лучше адаптироваться к жизни в этой стране, но вместо этого на форуме я читаю описание финской жизни финскими словами. Вы все русский забыли что ли?»*.

В ответ на эту запись другие участники форума отвечают, что «финский язык является государственным» и если вы живете в Финляндии, то «без финского никуда».

Примером непонимания русскими финских слов (зачастую по причине использования их в том контексте, где подразумевается слово и другого семантического поля) может служить следующий диалог, относящийся к теме покупки одежды: *zitelfinlandii 23/05\2012 кстати, да многие в соболях - по цене местного ривитало, а на счет простыней не знаю.*

Гость: Не знаю что такое ривитало, наверно что-то плохое, сродни московскому черкизово... Но насчет одежды я не могу согласиться - в Москве в среднем одеваются более-менее прилично... Скажем откровенный casual в Москве солидный мужчина вряд ли выберет, а вот среди иностранцев это обычное дело...

Lundgvist ривитало (дословный перевод-"рядный дом") больше известен в России под названием "таунхаус". Заме-

тим, что в этом диалоге встречаются и английские слова, выступающие в том числе и для толкования финских слов.

Частое использование слов из финского языка (транслитерированных на кириллицу или с использованием финского алфавита) можно отнести к интерферентным явлениям, но сами условия осуществления коммуникации – написание текста на форуме, ответ на коммуникативное сообщение, написанное на русском языке, неограниченность по времени – ставят под сомнение произвольность проявления интерференции в виртуальной коммуникации. Объяснение причин использования иноязычных слов при общении среди эмигрантов И.А. Зимняя относит к социально-психологическим причинам.

Однако нам представляется, что данный аспект связан с проявлением конструирования идентичности, формированием образа «свой» как жителя уже той страны, в которую переехал эмигрант. Это позволяет нам утверждать, что интерферентные явления, заключающиеся в употреблении слов из более престижного в данном окружении (территории страны эмиграции) языка (т.е. проявление языковой лояльности) происходит с определенной степенью намеренности. Интерференция в данном контексте допускается сознательно (в целях создания самоидентичности. Говорящий намеренно смешивает коды двух языков, показывая принадлежность к обеим культурам – родной лингвокультуры и культуры страны эмиграции.

Другой аспект проявления языковой лояльности связан с приверженностью к нормированности речи – причем как в речи на русском языке, так и на финском. Арто Мустайки, в частности, отмечает, что указанное «чувство нормы» характерно только для речи русских. Оно заключается в том, что

речь русских эмигрантов более правильная по сравнению с эмигрантами из других стран.

Но по нашим наблюдениям, приверженность языковой норме в речи эмигрантов характерна не только для русских эмигрантов. Как правило, родной язык эмигрантов всегда более стандартизирован, чем этот же язык в естественном окружении, в ситуации постоянного изменения. Приверженность норме в речи эмигрантов исходит из стремления сохранить родной язык в чужом окружении. Это сказывается и в некотором устаревании употребляемых в речи эмигрантов слов, относящихся ко времени отъезда в другую страну. Например, в речи эмигрантов конца девяностых встречаются слова «дефолт», «черный вторник», «девальвация курса рубля», обозначающие экономические реалии России на момент эмиграции.

Возможно однако, что среди русских эмигрантов, приверженность норме более выражена, чем среди переехавших в Финляндию из других стран. По собственным наблюдениям можем сказать, что нередки случаи, когда русские поправляют финский язык у финнов.

Поправление финского языка имело место и на рассматриваемом форуме русских эмигрантов, в специально отведенной «ветке» для общения на финском языке. В ответ на это последовала реакция участника форума - 26-01-2008 Olikainen *Fiksu kaveri...mutta et varmasti tiedä,että perussuomalaiset keskustelupalstoilla ja chattilla kirjoittavat AINA puhekielellä ..... ja usein murteellakin tästä just johtuu ongelma - vaikka opiskelen suomea monta vuotta en ymmärrä sanaakaan...siksi ,että opiskelen suomea, jolla ei kukaan puhuu (Какой умный... но очевидно ты не знаешь, что коренные финны общаются и пишут в чатах ВСЕГДА на разговорном финском ...и иногда на диалек-*

те, поэтому и возникает проблема, типа учу финский много лет, и не понимаю ни слова.. потому что вы учите язык, на котором никто не говорит).

Данная реплика на форуме наглядно показывает отрицательную оценку поправлений со стороны тех, для кого финский язык не является родным. И также здесь содержится указание на значимость диалектов и увеличивающуюся значимость разговорного финского языка (puhekieli), его распространение в виртуальной коммуникации.

Обращает на себя внимание момент переключения с русского на финский участниками общения на форуме. В ряде случаев переход на финский язык в ходе русского используется для выражения негативного, пренебрежительного или иронического отношения к теме разговора. При этом может использоваться как латиница, так и кириллица.

Lika358: «Мне вот в контула в алко 2 евро сдачи недодала коза молодая...саатана сиссамаалаисия» (Примечание: контула – пригород Хельсинки, алко – магазин алкогольной продукции, саатана сиссамаалаисия черт деревенский).

DREaM's: «Русские по ходу дела лишь вещи со скидками покупают или в кирпутори (блошинный рынок). Se nyt vain tuhmää maksaa liika». (Сейчас глупо переплачивать).

Scobl: «Люди разные есть кто и хук справа... а есть кто любимому(ой) всю недвижимость и в США и Испании отписывает еще при жизни.. у меня таких знакомых тоже достаточно. .gyssä sulla housuissa, typärä vajakki.. если на вашем... лучше помолчи, о вещах в которых ты ни уха ни рыла». В данном случае мы наблюдаем перевод своих же слов с финского.

Заметим также, что использование латинского шрифта в ходе общения на форуме в большинстве случаев не привет-

ствуется. В ответ, как правило, предлагаются ссылки на сайты автоматической транслитерации: «что с translitom?»

Языковая лояльность, как следует из приведенного выше определения, связана с внутренней оценкой престижности своего языка, что позволяет нам увязать данное понятие с конструированием идентичности и ее репрезентацией в языке.

В качестве параметра изучения идентичности в переплетении с измерением языковой лояльности могут быть примечательно изучение ников, регистрационных имен у пользователей.

Кроме того, для конструирования идентичности может быть применена дихотомия «свой» - «чужой», часто используемая в социолингвистике. При этом парадоксальность переплетения взаимоисключающих друг друга элементов данной оппозиции при изучении языка (или, более точно – метаязыка, возникшего от смешения родного языка и НЯСЭ) наиболее очевидна при измерении языковой лояльности.

Дихотомичность проявляется, с одной стороны, в приверженности норме родного (своего) языка, а с другой – в большем использовании (а следовательно, принятии) в сфере образования, в социальных и коммуникативных ситуациях НЯСЭ – чужого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боронин А.А. Сологубов А.М.* Полиреальность и речевое общение // Вопросы психолингвистики №2 (12), 2010. – С.151-158.
2. *Кирилина А.В. Грищенко Е.С. Лалетина А.О.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики, №1(15), 2012. – С.18-38.

3. Словарь социолингвистических терминов. – под ред. В.Ю.Михальченко. – М., 2006.

4. *Fishman, Joshua and Laurence Greenfield.* 1970. Situational measures of normative language views in relation to person, place and topic among Puerto Rican bilinguals. *Bilingualism in the barrio.* 1970.

Кандидат педагогических наук
Ким Т.М.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Русский язык принадлежит к наиболее распространенным и развитым языкам мира. Он обладает богатой литературной традицией, разветвленностью лексики, упорядоченной грамматикой, высокой информационной и коммуникативной способностью.

Различным официальным статусом обладал русский язык в Российском государстве — от общегосударственного языка в Российской империи, официального языка и языка межнационального общения в Советском Союзе и до государственного языка в Российской Федерации.

Для этого периода характерно наличие широкой документальной базы, позволяющей с уверенностью говорить об историческом развитии и становлении русского языка как общегосударственного. Все современные исследователи выделяют XVIII век как переломный период в истории современного русского литературного языка. Россия времен Петра I сделала в своем развитии огромный шаг вперед. Экономическое и социально-политическое развитие страны вы-

звало к жизни бурное обогащение лексики русского языка. Весь XVIII век прошел в острой борьбе различных языковых направлений, единые нормы литературного языка только зарождались, но еще не стали единой литературной системой, обязательной для всех грамотных людей. В пределах одного и того же жанра нередко сталкивались различные нормы, во многом еще чужеродные друг другу (элементы общенародной речевой основы, церковнославянизмы, западноевропейские и иные заимствования). Особенно такое состояние было характерно для петровской эпохи и примыкающих к ней годам первой половины XVIII в.

В 1708 г. по повелению Петра I создается гражданская азбука, которой (после некоторых изменений) мы пользуемся и теперь. «Это был первый шаг к созданию народно-письменного языка» и сильный удар по позициям церковнославянского языка. Образованное русское общество говорило на народном русском языке, Как утверждает В.В. Виноградов, при Петре «светско-деловой язык решительно выступил в роли средней нормы литературности».¹

Наряду с разнобоем, создававшимся разными языковыми средствами, в бумагах Петра I проступает некая средняя литературная норма, делавшая его язык достаточно эффективным средством общения. Эта средняя норма, достаточно устойчивая и определенная, прослеживается и в деловых письмах, документах, донесениях, реляциях и других текстах, написанных Веселовским, Макаровым, Матвеевым, Головкиным, Шафировым, Брюсом, Щукиным, Остерманом, Мусиным-Пушкиным и другими деятелями петровского вре-

¹ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938, с. 63.

мени, в «Ведомостях», «Журнале или поденных записках» и некоторых других изданиях.

Изучение законодательства Российской империи показывает, что официальных привилегий русские не имели, но государство поддерживало не только православную религию, но и русскую культуру, и русский язык.

В Своде Основных Государственных Законов Российской Империи указывалось: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами».¹

Так, например, 15 мая 1812 г. Государственный Совет рассмотрел вопрос «О нерадении в губерниях, от Польши присоединенных, и остзейских, о русском языке, и о мерах против его нерадения». Виленский гражданский губернатор докладывал в министерство просвещения, что в его губернии русский язык до сих пор не вошел в употребление. Дети мелкой шляхты, вольных людей учатся в школах, но среди учеников крайне редко можно найти умеющих читать и писать по-русски. Министр разработал предложения из семи пунктов по исправлению ситуации, которые были утверждены членами Государственного Совета. Среди мер: не присваивать 14-й ранг по Табелю о рангах тем выпускникам вузов, кто не овладел русским языком; при приеме на государственную службу подвергать кандидатов строгому экзамену на знание русского языка и пр.²

¹ Свод Основных Государственных Законов Российской Империи. Т.1. СПб., 1906. С.3.

² Архив Государственного Совета. – СПб., 1881. Том 4. С. 100-101.

Российская империя конца XIX — начала XX вв. представляла собой многонациональное государство, в состав которого входили государства — Бухарский эмират и Хивинское ханство, автономная Финляндия и Урянхайский край. Население империи классифицировалось не по национальностям, а по вероисповеданиям. В число русских включались украинцы и белорусы, другие православные народы. Большинство нехристианского населения входило в категорию так называемых инородцев.

Наиболее жесткая и последовательная языковая политика в России проводилась в шестидесятые годы XIX века в период царствования императора Александра II, реформы которого были направлены на ускоренную капитализацию России, развитие единого рынка, единой административной системы, усиление армии, а также на распространение русского языка и русской культуры.

Определенный интерес представляет вопрос происхождения современного русского литературного языка, пути его становления и развития, определяющих место и роль русского языка как общегосударственного в эпоху правления династии Романовых.

С восхождением на престол Екатерины II в 1762 г. начинается век «Просвещенного абсолютизма». Развивается и русский литературный язык. Еще в середине XVIII в. Сумароков выступал против «подъяческого слога» как книжной, архаичной разновидности русского языка. Творчество таких крупнейших русских писателей, как Новиков, Фонвизин, Державин, Радищев, Крылов, внесло большой вклад в развитие русского литературного языка а также нового литера-

турного направления, за которым укрепилось название просветительского реализма.

Рассматривая развитие русского литературного языка в конце XVIII в., можно обратиться к трактовке В.В. Виноградова, где стержнем этого вопроса является тезис о формировании реализма в зависимости от формирования национального литературного языка: «Реализм как словесно-художественная система в литературе того или иного народа не может сложиться до образования соответствующего национального литературного языка, он возникает и развивается или *в связи с созданием нормы национального литературного языка* и осознанием многообразия социально-речевых стилей народно-разговорной речи, или в зависимости от специфических социально-исторических условий течения этих процессов в той или иной национальной культуре — *после* того, как сформировался национальный литературный язык».¹

М.В. Ломоносов предложил упорядочить русскую языковую стихию рамками трех стилей: высокого, посредственного (среднего) и низкого. В высокий стиль допускаются церковнославянизмы, которые известны и русскому языку (т.е. слова общеславянского происхождения и церковнославянизмы, укоренившиеся в языке образованных русских людей): *бог, слава, рука, ныне, почитаю*. Высшим стилем надо писать героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях. В посредственный стиль вводятся все общерусские слова и церковнославянизмы, «вразумительные» всем грамотным людям: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Запрещается «обветшалая» лексика: *обаваю, рясны, овогда, свене*

¹ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 466.

«и сим подобные». «Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребляемых».¹

Как известно, авторитет Ломоносова во второй половине XVIII и начале XIX в. был огромен. Пушкин назвал его «нашим университетом», что не было преувеличением. Крупнейшие деятели того времени старались идти по его путям. В реформе Ломоносова были правильно отражены тенденции развития русского литературного языка, пути его нормализации: через упорядоченное разделение к объединению. Это был необходимый этап в нашей культурно-языковой истории. Конечно, суть дела заключалась не в букве, а в духе этой реформы. «Буквы» тогда и не могло быть, так как еще не существовало научного понятия исконно русских языковых явлений, церковнославянизмов и иных составных элементов языка, все нащупывалось интуитивно, поэтому во многих частностях имелись ошибки, но в общем направление было взято правильное. Как уже неоднократно отмечалось исследователями, сам Ломоносов в своей языковой практике в ряде случаев выходил за рамки своей теории трех стилей. Однако не следует понимать эти рамки как жесткие и неизменные рекомендации. После того как был возведен в права литературного гражданства средний стиль, началось перерастание его в общелитературную систему. «Перед русским обществом того времени стояла задача создания единого литературного языка, который бы применялся в различных жанрах литературы и в различных функциональных стилях».²

Неоценимый вклад внес А.С. Пушкин в развитие русского языка. Языковая реформа Пушкина (от Пушкина до начала XX в.) завершает период формирования национального

¹ Ломоносов М. В. Поли.собр. соч., т. 7. М. —Л., 1952. с. 587.

² Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 223.

русского литературного языка и открывает новый — период функционирования и развития современного национального русского литературного языка.

Резкий сдвиг в системе русского литературного языка был связан с отрывом от традиций художественной литературы предшествующего периода и с развитием и углублением национальных стилей научной и газетно-публицистической речи. Если со второй половины XVIII в. до 30-х годов XIX в. основное организующее значение в структуре литературной речи принадлежало стилям "изящной словесности" (сперва стиховым, а потом прозаическим), то с половины XIX в. понятие "литературности языка" отделяется от понятия „художественности выражения". Развитие жанров беллетристики, публицистики, научно-популярной статьи и трактата выдвинуло на первый план проблему газетно-публицистического и научно-популярного языка...

Если в эпоху расцвета дворянской культуры художественная речь была идеальной нормой, последним пределом "литературности", если тогда под знаком художественного слова строилось само понятие литературного языка, то во вторую половину XIX в. система "общей" литературной речи резко отделяется от поэтических стилей и находит себе стилистическую и идеологическую опору в языке научной и газетно-публицистической прозы.

Ведущую роль в развитии новых стилей русского литературного языка играла революционно-демократическая публицистика, представленная трудами таких выдающихся деятелей, как Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев. Их вклад в развитие русского литературного языка должен быть изучен и оценен по достоинству.

Итак, русский язык в период правления династии Романовых претерпел множество изменений как в лингвистическом аспекте, так и в отношении своего статусного положения, но одно можно сказать с уверенностью: он всегда развивался, изучался, совершенствовался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Государственного Совета. – СПб., 1881. Том 4. С. 100-101.
2. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка. XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938. - 63 с.
3. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959. - 466 с.
4. *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. - 223 с.
5. *Ломоносов М.В.* Поли.собр. соч., т. 7. М. —Л., 1952. - 587 с.
6. Свод Основных Государственных Законов Российской Империи. Т.1. СПб., 1906. С.3.

Кандидат педагогических наук,
доцент Колотуша Е.Э.

ОБУЧЕНИЕ АННОТИРОВАНИЮ И РЕФЕРИРОВАНИЮ АДЪЮНКТОВ

Статья посвящена проблеме формирования навыков аналитико-синтетической обработки текста. В статье приведены последовательные этапы работы над аннотированием и реферированием и типы упражнений, формирующих навыки письменной формы общения.

Ключевые слова: аннотирование; реферирование.

В соответствии с требованиями программы подготовки адъюнктов по иностранному языку у обучаемых должны быть сформированы умения письменной формы общения: составление плана или конспекта к прочитанному; изложение содержания прочитанного в письменном виде. Исходя из этого, на продвинутом этапе изучения иностранного языка в адъюнктуре наряду с обучением специальным терминам, грамматическим структурам большее значение приобретает работа над сложными видами аналитико-синтетической обработки текста: реферированием и аннотированием. Задача развития навыков ориентации в структуре текста, его целостного восприятия осложняется тем, что у адъюнктов за достаточно краткий курс обучения должны быть актуализированы базовые языковые навыки и умения (адъюнкты имеют значительный перерыв в изучении иностранного языка), а также сформированы навыки перевода, который как аспект языка в неязыковом вузе не преподаётся.

Аннотирование и реферирование различаются степенью обобщения прочитанного материала, предполагают обучение просмотровому, ознакомительному и изучающему видам чтения. Цель чтения заключается не только в извлечении информации, но и переработке её. Реферирование и аннотирование являются также способом контроля знаний в процессе обучения переводу.

Аннотация – краткая характеристика печатного произведения с точки зрения содержания, назначения, формы и др. особенностей [Словарь по педагогике (междисциплинарный) 2005: 18]. Аннотация носит рекомендательный характер. Она даёт представление только о тематике оригинала, перечисля-

ет главные проблемы и вопросы, но не раскрывает их. Для написания аннотации достаточно осуществить просмотровое и ознакомительное чтение. Существует множество видов аннотаций. Наиболее актуальной для адъюнктов является справочная аннотация, которая включает:

- сведения об авторе;
- сведения о форме первичного документа;
- характеристику аннотируемого документа;
- читательское предназначение документа.

Для написания аннотации необходим анализ содержания прочитанного и обобщение наиболее значимой информации, следовательно, процесс аннотирования должен включать ряд последовательных этапов работы:

- просмотровое чтение всего текста с целью получения общего представления о содержании аннотируемой работы;
- выделение основных положений;
- обобщение полученных сведений в связный текст;
- фиксирование обобщённой информации в форме аннотации.

В отличие от реферата содержание текста в аннотации излагается своими словами, поэтому характерно использование клише. В текст аннотаций рекомендуется включать следующие сочетания: *«подробно излагается»*, *«кратко рассматриваются»*, *«делаются попытки»*, *«особое внимание уделено»*, *«проблема решена путём»*, *«даются примеры»*, *«обобщается опыт»* и т.д. В настоящее время адъюнктам часто приходится писать аннотации на иностранном языке к собственной статье при публикации в различных журналах. Исходя из этого, в учебном процессе необходимо уделять особое внимание пассивным конструкциям и инфинитивным оборотам, т.к. в немецком языке в данном случае они чаще

используются: “*es wird behauptet*”; “*es handelt sich um*”; “*es ist zu unterscheiden*”; “*der Autor kommt zum Schluß*”; “*es ist zu unterscheiden*” u.s.w. В тексте аннотаций необходимо избегать сложных грамматических конструкций.

В учебных пособиях для адъюнктов нами разработаны упражнения четырёх типов:

1) упражнения на развитие общего понимания текста (толкование заглавия; выделение предложений в тексте и их анализ; отыскивание в тексте ответов на вопросы; пересказ содержания текста или его отрывков своими словами);

2) упражнения на развитие умения обобщать текст (суммирование сведений отдельных абзацев или отрывков текста; суммирование информации текста);

3) упражнения на фиксирование информации в форме краткой справки (фиксирование выходных данных текста, основных положений; фиксирование вопроса, которому уделено особое внимание);

4) контроль полученных навыков (самостоятельное составление аннотации).

Обучение аннотированию должно предшествовать обучению реферированию, т.к. последнее является более совершенным методом обработки источников информации.

Реферат – краткое изложение основных идей источника с лаконичной оценкой; изложение состояния проблемы в литературе на основе обзорного сопоставления и анализа нескольких источников [Словарь по педагогике (междисциплинарный) 2005: 291]. Реферат характеризуется наличием терминов, констатирующих сообщений. Объём учебного реферата составляет 50-100 слов.

Обучение реферированию - это важный метод обработки источников информации. При реферировании происходит осмысление отдельных положений, представляющих существо содержания оригинала, сокращение всей малосущественной, не относящейся к теме, обобщение наиболее ценной информации и фиксирование слов автора в конспективной форме. Содержание информации представляет собой:

1. Выходные данные печатного произведения.
2. Главная идея реферируемой работы.
3. Примечания референта, дополнения, уточнения и пояснения, раскрывающие главную идею оригинала.

Из существующих видов рефератов наибольший интерес для практики преподавания иностранного языка в адъюнктуре представляют рефераты-конспекты, которые должны объективно излагать сведения оригинала, фиксировать все существующие положения оригинала и сохранять единство стиля, т.е. использование единой терминологии, сокращений и т.д.

Процесс работы над реферированием включает следующие этапы:

- ознакомительное чтение текста информации и её оценка;
- выделение в тексте оригинала абзацев, содержащих важную информацию, с помощью определённых знаков;
- изучающее чтение всего текста;
- лексико-грамматический анализ сложных предложений, содержащих нужную информацию;
- сокращение всей малосущественной информации;
- обобщение оставшейся после сокращения информации;
- фиксирование обобщённой информации в форме реферата или аннотации.

На основании этого для обучения собственно реферированию нами используются:

1) упражнения на развитие точного понимания текста, подлежащего реферированию (постановка поисковых задач; деление текста на смысловые отрезки; озаглавливание каждого абзаца; составление перечня проблем, затронутых в тексте);

2) упражнения на развитие умения сокращать текст (сокращение информации, не относящейся к теме; сокращение сложных предложений);

3) упражнения на фиксацию информации в конспективной форме (выходные данные текста, главная идея и сути проблемы; наиболее существенные положения и выводы автора).

В ходе обучения реферированию и аннотированию необходимо прививать адъюнктам умения логико-смысловой ориентации во внешней структуре текста с опорой на формальные средства межфразовой связи. Как известно большинство научно-популярных и научных работ имеют рамочное строение. Рамочная структура состоит из стимула (т.е. постановка темы) и реакции (т.е. её разрешения), которые совпадают с начальным и заключительным тематическими высказываниями. Первое и заключающее предложения являются элементами сильных позиций [Зорина 1974: 109].

При чтении научно-публицистической литературы по специальности адъюнкт реализует коммуникативную задачу - отыскать в тексте определённую информацию (дефиниции, факты и т.д.). Обучение аннотированию и реферированию способствует также установлению межпредметных связей (в данном случае с педагогикой, психологией), повышает мотивацию изучения иностранного языка в адъюнктуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зорина Н.Д.* К вопросу о методике обучения аннотированию и реферированию. Сборник научных трудов. Методика преподавания иностранных языков в вузе, МГПИИЯ, выпуск М – 1974. С. 102-112.
2. *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Словарь по педагогике (междисциплинарный). – Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2005. – С. 18, 291.

Доцент Кулакова Т.И.,
Доцент Фомченко М.Н.

О ТРЕБОВАНИЯХ К УЧЕБНЫМ ТЕКСТАМ

Статья посвящена принципам отбора аутентичных и создания учебных профессионально ориентированных текстов, используемых в учебном процессе для формирования навыков извлечения профессионально значимой информации, ее оценки с точки зрения профессиональных интересов на основе коммуникативного подхода.

Ключевые слова: активизация навыков осмысленного чтения; учебный текст; аутентичный текст; активный словарь по специальности; речевые задания; умение переводить; ознакомительное; просмотровое и поисковое виды чтения; креативное переосмысление текста.

В настоящее время все большее количество специалистов нуждается в умении не только прочесть, понять и оценить иноязычную статью по специальности. Им необходимо научиться писать аннотации к своим статьям на иностранном языке, принимать участие в международных конференциях, разрешать конфликтные ситуации, возникающие в процессе выполнения ежедневных профессиональных задач. Поэтому все виды речевой деятельности по подготовке специалистов

со знанием иностранного языка ориентированы на достижение вышеперечисленных навыков.

В частности, для работы с текстом используется коммуникативный подход, который предполагает освоение обучаемыми не только «рецептивного» знания языка, но и «репродуктивного», т.е. умения выразить свои мысли как в письменной, так и в устной форме. Речь может быть монологической и диалогической. Если для первой важно умение выразить свои мысли, то для второй не менее важно восприятие слов собеседника на слух. Следовательно, обучая активно владеть языком, мы должны помнить об этих двух особенностях речи, дополняющих друг друга.

Обучение монологической речи по специальности на текстовой основе связано с применением более сложного речевого действия, чем бытовая речь, так как говорящий должен обладать специфической информацией, связанной с его профессией, и уметь найти для нее форму высказывания. Для этого ему необходимо прежде всего иметь в своем распоряжении активный словарь по специальности, содержащий тщательно отобранные, наиболее употребительные лексические единицы, важные для формирования активных навыков.

Для пополнения и расширения словарного запаса, его активизации и развития навыков осмысленного чтения и навыков устной речи традиционно используется учебный текст. Он представляет собой дидактически и методически обработанный материал. Тематика учебных текстов определяется учебной программой по специализации. При отборе и создании текстов мы прежде всего должны помнить - кому они (или учебник) адресуются и, следуя тематике, отражать в текстах весь спектр связанных с ней проблем. Здесь важно

учитывать такие требования, как преемственность при изложении материала, реализация принципа обеспечения внутридисциплинарных связей, использование общего понятийного аппарата, унификация в использовании терминологии.

При обучении чтению, по выражению Л.В. Щербы «... смысл - это искомое» [Щерба 1974: 112]. По словам А.А. Леонтьева «Понимание текста - это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления» [Леонтьев 2005: 141 - 142]. Исследования показали, что понимание иноязычного текста включает в себя формирование:

- 1) общего метода ориентации в иноязычном тексте;
- 2) умение переводить текст на родной язык;
- 3) умение понимать текст без перевода как свернутый вариант первоначально полного, развернутого анализа и перевода иноязычного текста.

В наших конкретных условиях при обучении чтению профессионально ориентированных текстов необходимо сформировать:

- умения, связанные с пониманием текста и его информационной ценности;
- умение адекватно передать на русском языке (письменно или устно) основное, главное с точки зрения профессиональных интересов, содержание текста.

Репродуктивное знание языка, предполагающее сформированность умения выражать свои мысли на иностранном языке, при работе с профессионально значимыми текстами, как правило, формируется с помощью заданий к текстам (обсуждение проблемы, выражение своего мнения, согласие или несогласие с выводами, ситуативные диалоги, ролевые игры и т.д.).

Но, как справедливо замечают преподаватели и методисты, невозможно сформировать одноуровневые навыки

продуктивного владения языком, то есть коммуникативную компетенцию, при совершенно разных часах, отведенных на изучение языка, например за 200 часов и за 1000 часов.

Проблема понимания содержания печатных материалов тесно связана с необходимостью формирования навыков изучающего, ознакомительного, просмотрового и поискового видов чтения. Для изучения профессионального английского наиболее важны последние три из упомянутых, причем основной показатель зрелости чтения - гибкость, то есть способность к изменению характера чтения в зависимости от конкретных задач и условий.

Иноязычные тексты, по замечанию И.А. Зимней, как бы гипнотизируют учащихся, и они, независимо от трудности текста, его темы, читают, пользуясь одной и той же стратегией чтения и психологической стратегией понимания. [Зимняя 1978: 110-120] Это обстоятельство может привести к быстрому утомлению учащихся и к угасанию интереса к чтению на иностранном языке. Реализация когнитивного подхода при формировании навыков работы с печатными материалами при несовершенном владении иностранным языком предусматривает развитие умения креативного переосмысления текста на основе личных профессиональных оценочных критериев, то есть применяя свои знания по профильным дисциплинам. Важно, чтобы содержание учебных текстов было неизвестным для учащихся и, безусловно, оно должно быть интересным и значимым с профессиональной точки зрения. Факты, включаемые авторами в учебные тексты должны быть конкретными, точными и достоверными, следовательно, убедительными. Необходимо стремиться к системности изложения материала, аргументировать выводы, приводить доказательные положения. Выполнение этих требо-

ваний позволит учащимся сформировать систему взглядов по конкретной проблематике. Языковой материал текстов должен быть доступен для учащихся.

То есть в качестве основных требований к учебному тексту можно назвать содержательность, информативность, проблемность, познавательность, языковую доступность. Так как речь идет о текстах профессиональной тематики, то здесь важны следующие характеристики:

- органическая связь со специальным языком соответствующей науки или сферы деятельности;
- полнота и точность использования основного терминологического фонда данной области деятельности;
- правильное введение в учебный текст стандартизированной лексики и фразеологии данной сферы деятельности;
- единообразии оформления постановки сходных проблем, введения терминов и понятий, развертывания суждений, формулировок и выводов;
- ясность, четкость изложения;
- понятность для определенной категории учащихся;
- правильность выбора типа изложения материала (описание, изложение, рассуждение и т.д.);
- соответствие изложения общелитературным нормам;
- подчиненность обучающим и образовательным задачам.

Задания к текстам должны быть познавательного характера и побуждать учащихся учиться извлекать различную (по количеству и качеству) информацию и выполнять различные мыслительные операции с ней, например, такие как селекция, перегруппировка, анализ, сравнение, обобщение, оценка, аргументация, принятие профессионально обоснованных решений.

При отборе текстов нужно учитывать и их объем. Так, при виде слишком длинного текста учащиеся могут потерять к нему интерес, даже еще не читая его. Более того, такие тексты могут привести к мысли о невозможности их усвоения: «Я с этим никогда не смогу справиться. У меня не получится прочесть и понять этот текст». Ощущение успеха и определенных достижений, доступности информации для понимания, а также интереса к ней очень важны при работе с текстом.

Однако только на коротких текстах невозможно формировать навыки некоторых видов чтения, необходимых для реальной профессиональной деятельности, в том числе и учебной (подготовки к докладу, сообщению по теме и т.д.). Значит, при отборе текстов для чтения следует соблюдать разумный баланс, который позволит преподавателю вызвать и поддержать у учащихся интерес к тому, о чем они читают, сохранить заданный темп занятий, успеть выполнить разнообразные виды заданий для работы с текстом и тем самым достигнуть поставленных целей.

Несомненно, важнейшей задачей является изыскание путей увеличения объема лексического материала. Исходя из своего опыта работы с профессионально ориентированными текстами, а также опираясь на мнение авторитетных педагогов, для активного усвоения на один текст достаточно 15-20 лексических единиц, которые с переводом выписываются на карточку или в словарь-минимум. Это удобно для закрепления знания лексики, так как преподаватель может:

- проконтролировать знание слов, проверяя одновременно правильность произношения;
- отработать на базе этих слов изучаемые грамматические конструкции;

- выполнить задание на составление примеров и т.д. Работа по карточкам проводится на протяжении всего курса и дает хорошие результаты.

Методисты считают, что основным способом закрепления дозированно вводимой лексики является ее включение в речевые задания, обеспечивающие ее многократное употребление. Причем эти задания к текстам должны быть обязательно связаны с интеллектуальными процессами, способствующими произвольному запоминанию лексики.

Тогда интерес будет стимулировать внимание, охватывать все психические процессы - восприятия, памяти, мышления, - создавая условия для произвольного запоминания материала. Все это особенно важно для профессионально ориентированных текстов, которые при сегодняшних информационных возможностях должны отражать или затрагивать самые актуальные проблемы, важность которых осознается учащимися (если, конечно, межпредметные связи не нарушены и изучение темы на иностранном языке не опережает изучение дисциплины на русском). Профессионально ориентированные тексты должны быть, с одной стороны, информативны, а с другой стороны, опираться на профессиональные знания учащихся. Задания к текстам должны побуждать учащихся применять эти знания при решении поставленных задач, обсуждении проблем. То есть речь идет о мотивированной деятельности учащихся. Фактор создания мотивированности обязательно должен учитываться при разработке или отборе аутентичных текстов.

В последнее время мы часто говорим об аутентичности текста. Далеко не всегда понятно, что под этим подразумевают. Изначально аутентичными текстами считались те тексты, которые были созданы не для учебного, а для реального об-

щения. В современной специальной литературе выделяются следующие типы аутентичных текстов: дидактизированные, полуаутентичные, квазиаутентичные, аутентичные. Дидактизированные тексты - это тексты, подготовленные носителями языка специально для методических целей. Полуаутентичные тексты - это аутентичные тексты, адаптированные, как правило, путем сокращения и компиляции в интересах реализации задач обучения. Квазиаутентичные тексты - это тексты, в которых допускаются некоторые сокращения, например за счет имен собственных, если их много, за счет исторических сносок, т.е. это текст со снятыми особо трудными местами, которые могут оказаться недоступными для учащихся. Аутентичные тексты - это собственно оригинальные тексты, написанные носителями языка для носителей языка. Возникает вопрос: «Можно ли полностью перейти на аутентичные тексты, а если нет, то почему?». Однозначного ответа нет и быть не может. Психологически преподаватель должен быть готов к принятию самостоятельных решений, исходя из условий и поставленных задач. С одним и тем же аутентичным текстом можно использовать различные приемы работы, в зависимости от языковых и речевых умений, которые необходимо сформировать на этой основе.

Часто незначительная адаптация текста может облегчить работу с ним, при этом сохраняется стиль и многие другие характеристики аутентичных текстов. В данном вопросе, как и везде, надо избегать крайностей и искать наиболее рациональное решение.

Следует сказать еще об одном моменте при работе с аутентичными или частично аутентичными текстами. Чем выше уровень коммуникативной компетенции учащихся, тем шире спектр аутен-

тичных профессионально ориентированных текстов, возможных для использования в учебных целях.

Эти тексты становятся все более доступными благодаря расширяющимся международным контактам и новым информационным технологиям.

Но аутентичные тексты могут быть и проводниками определенной идеологии, не всегда приемлемой для нас. При работе с такими текстами необходимо формировать критическое осмысление прочитанного. Критическое мышление является основой критического чтения, без которого невозможно глубокое понимание коммуникативного смысла. Все эти факторы целенаправленно формируются в ходе обучения чтению и предполагают работу над текстовой информацией, эмоциональным восприятием содержания, проникновением в подтекст и формированием отклика читателя, то есть собственных мнений и суждений по поводу прочитанного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зимняя И.А.* «Психологические аспекты обучению говорению на иностранном языке». М., Просвещение 1991. - 219 с.
2. *Леонтьев А.А.* «Основы психолингвистики» М, 2005.- 351с.
3. *Щерба Л.В.* «Преподавание иностранных языков в школе. Общие вопросы методики» М. 1947. - 450 с.

Кандидат филологических наук
Мазурина Н.К.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время по инициативе Института русского языка РАН ведется работа над проектом «Расшифровка и издание рукописи «Словаря речений из богослужбных книг» протоиерея А.И. Невоструева»,

который является не только памятником славянской лексикографии, но и ценным пособием, предназначенным для широкого круга читателей.

Ключевые слова: церковнославянский язык; лексикография.

Наша современность и особенно повседневность противоречивы и сложны. Преодолевая трудности и противоречия, мы стремимся к полнокровной духовной и светской жизни, к обновлению и в то же время к возвращению многих утраченных и почти забытых ценностей. К таким наследиям относится древний книжный церковнославянский язык.

Церковнославянский язык – один из немногих языков мира, имеющих статус сакрального (сейчас таких лингвостем порядка 10). Без церковнославянского, бытовавшего на Руси, трудно представить развитие наших (русского, украинского) литературных языков во все эпохи их существования. Церковный язык, подобно латыни в западных романских странах, был всегда опорой, гарантией чистоты и источником обогащения наших нормированных языков. Мы и сейчас, порой подсознательно, несем в себе частицы священного общеславянского языка и пользуемся им.

С генетической точки зрения данный язык является прямым потомком старославянского языка. Последний был создан в середине IX века святыми братьями Кириллом и Мефодием и изначально предназначался для перевода греческих богослужебных книг. Более того, русский язык, берущий свое начало также в конце X века, всегда развивался в непротиворечивом добрососедстве двух стихий: устно-разговорной и книжно-письменной, что представлено по преимуществу именно церковнославянскими образцами. Недаром в настоящее время язык Русской православной церкви включен в на-

учной типологии в разряд классических. Связано это с его актуальной и высокой социокультурной ценностью.

С начала 90-х годов прошлого века расширяется преподавание и изучение церковнославянского языка, его истории. Усилиями чешских и российских ученых был издан «Старославянский словарь», работа над которым шла долгие годы. За последние 20 лет неоднократно переиздавался «Полный церковнославянский словарь» прот. Григория Дьяченко, дважды издавались «Церковнославяно-русские паронимы (материалы к словарю)» О.А. Седаковой, в Болгарии вышел словарь церковнославянского языка архим. Афанасия Бончева - современное научное издание, но малодоступное для русскоязычного читателя и не содержащее иллюстративных примеров-цитат, дающее только ссылки на богослужебные книги.

В России началась работа над словарем современного церковнославянского языка (грант РГНФ 10-04-00274а Описание лексики богослужебного языка Русской православной церкви), в связи с чем важное значение приобретает учет материалов всех существующих лексикографических источников, к числу которых, безусловно, относится и «Словарь речений из богослужебных книг» прот. А.И. Невоструева.

Имя прот. Александра Ивановича Невоструева известно филологам-русистам во многом благодаря его брату, Капитону Ивановичу Невоструеву, одному из авторов фундаментального описания рукописей Синодальной библиотеки. «Словарь речений из богослужебных книг» возник как пособие в работе А.И. Невоструева по сверке церковнославянских богослужебных книг с греческими. Словарь должен был состоять из двух частей. Первая содержала церковнославянские слова, встречающиеся в богослужебных книгах,

с соответствующими им греческими, с точным значением по греческому подлиннику и указанием мест, откуда слово выписано. Вторая часть содержала все собранные в первой греческие слова со всеми церковнославянскими, с которыми оно соотносится в первой части, но уже без ссылок на богослужебные тексты.

Первое современное описание и анализ Словаря Невоструева принадлежит ученому из среды русской эмиграции во Франции, выпускнику Свято-Сергиевского института в Париже Б.И. Сове.

Идея издать сохранившуюся черновую рукопись Словаря принадлежит научному сотруднику Института русского языка РАН А.Г. Кравецкому. В настоящее время научными консультантами издания являются научные сотрудники Института русского языка РАН Р.Н. Кривко и А.А. Плетнева.

Работа по подготовке к изданию «Словаря речений из богослужебных книг» ведется на филологическом факультете ПСТГУ с весны 2006 г. Основное значение работы состоит в издании почти не доступного для пользователей текста, не утратившего практической и научной ценности, который может стать ценным источником церковнославянской лексикографии.

Словарь издается как памятник, что обусловило появление ряда проблем, в частности, связанных с орфографией церковнославянского текста, расшифровкой сокращений, с подбором источников для сверки церковнославянских и греческих цитат. Особых усилий потребовало оформление глагольных словарных статей, так как А.И. Невоструев избрал в качестве заголовочной форму 1 л. ед. числа настоящего времени глаголов несовершенного вида, но при этом в цитатах часто оказываются другие глаголы (совершенного вида, с другой пристав-

кой и т.д.). Это связано в первую очередь с тем, что в то время еще не существовало научной базы для описания славянских (в том числе русских и церковнославянских) глаголов. В то же время эти особенности являются отражением лингвистических воззрений и установок своего времени, что также может представлять интерес для истории науки.

Таким образом, основной целью работы является введение в научный оборот нового текста, который может быть использован и уже используется при подготовке современного словаря церковнославянского языка, работа над которым ведется в Центре по изучению церковнославянского языка при ИРЯ РАН. Поскольку рукопись уже сильно изветшала, существует опасность, что этот уникальный материал будет навсегда утрачен для отечественной науки и широкого читателя.

Для работы необходимо решение следующих задач: 1) прочтение и компьютерный набор текста с некоторым изменением системы сокращений и орфографии; 2) сверка греческих параллелей; 3) сверка славянских ссылок на источники и подбор цитат как по современным изданиям, так при необходимости и по изданиям XVIII - первой половины XIX вв.; 4) компьютерный набор цитат; 5) издательское редактирование текста (в частности, восстановление точного следования алфавиту, введение необходимого филологического комментария и справочного аппарата).

На данный момент издан текст рукописи словаря по первым четырём буквам («А», «Б», «В», «Г»). На разных этапах подготовки к изданию находятся буквы «Д», «Е», «Ж», «З», «И», «І». За три года планируется подготовить к публикации и издать материал до буквы «О» включительно.

Подготовка текста по каждой букве Словаря является отдельным этапом работы, поскольку работы по проекту требуют значительных временных и трудовых затрат не только в связи с плохой сохранностью единственной сохранившейся черновой рукописи, но прежде всего в связи с обилием дополнительных записей, которые вносились автором в ее текст на протяжении всего периода работы над словарем и которые делают необходимым не просто чтение, а практически дешифровку рукописи.

Словарь публикуется в периодическом издании филологического факультета ПСТГУ — филологической серии «Вестника ПСТГУ», который входит в РИНЦ и в перечень ведущих рецензируемых научных изданий и журналов ВАК, содержит аннотации на английском языке, доступен в электронном виде на сайте ПСТГУ, выходит четыре раза в год.

При подборе цитат из церковнославянских источников используются современные издания, кроме Пролога. В том случае, если иллюстративный пример отсутствует в современном издании, в Словаре приводится цитата из другого доступного издания, близкого по времени публикации ко времени создания черновой рукописи А.И. Невоструева. Пролог цитируется только по доступным изданиям XVIII - первой половины XIX вв., близким ко времени создания рукописи. Именно в подборе цитат по Прологу и их компьютерной обработке и заключается мое участие в данном проекте.

Пролог — славяно-русский церковно-учительный сборник, иначе именуемый Синаксарь или Синаксарий. Свод сокращенных житий святых, а также поучительных слов Василия Великого, Иоанна Златоуста и проч., в котором они расположены по дням года. Название *Пролог* произошло от-

того, что переводчики этой книги на славянский язык восприняли соответствующий подзаголовок как название всего сборника. Прототипом Пролога послужили греческие Миналогии и Синаксари; древнейший славяно-русский список восходит к XII веку, но сам перевод, несомненно, более древний и был сделан при самом начале введения христианства в Болгарию и Сербию и на Руси.

Введение в научный и культурный оборот созданного во второй половине XIX в. труда ученого и переводчика протоиерея Александра Невоструева способствует восстановлению культурной традиции и научной преемственности (в области гуманитарных наук).

Словарь Невоструева является ценным источником церковнославянской лексикографии, поэтому работа ведется в тесном сотрудничестве с Центром по изучению церковнославянского языка при ИРЯ РАН, в котором идет подготовка нового, отвечающего современным научным требованиям словаря церковнославянского языка.

Словарь предназначен для российских и зарубежных ученых-славистов, преподавателей и студентов филологических факультетов высших учебных заведений, для учащихся и преподавателей духовных школ, священнослужителей, для широкого круга читателей, интересующихся историей русской словесности и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боголюбский М.* Об ученых трудах покойного прот. А.И. Невоструева // Православное обозрение. 1874. - №7. - с.97-124; №10. - С.504-521.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ЛИНГВИСТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Профессия переводчика уже давно входит в перечень самых востребованных на международном рынке труда. Процессу подготовки специалистов в данной области уделяется большое внимание в различных российских и зарубежных вузах. Новая компетентностная парадигма в образовании, и в том числе в области подготовки будущих специалистов в переводческой деятельности, должна была разрешить существующее противоречие между традиционными подходами в обучении переводчиков и необходимостью усиления профессиональной, деятельностной и личностной составляющей данного процесса.

Известно, что успешность подготовки специалистов в сфере перевода находится в прямой зависимости от оптимального выбора педагогических технологий и подходов, используемых в обучении данной специальности.

Под подходом к обучению подразумевается методологическая основа, определяющая стратегию обучения и выбор методов обучения, т.е. подход к обучению является теоретической базой, которая строится на данных базисных для методики преподавания иностранных языков наук. [Андронкина 2009: 3]

Следует отметить, что исследования в области теории и методики преподавания иностранных языков по переводческой специальности начали активно проводиться лишь в последние два десятилетия. Однако даже за такой непродолжительный временной период удалось разработать целый комплекс

эффективных методик формирования и развития различных компетенций переводчика.

Перечень подходов повторяется с некоторыми количественными и терминологическими различиями во многих работах.

Работы, в которых предлагаются новые методы и технологии обучения переводчиков на основе конкретных подходов, можно условно разделить на две группы. В одних в качестве методологической основы предлагается комплексное использование элементов уже известных подходов для формирования различных компонентов переводческой компетенции. В других обосновывается разработка авторского подхода для создания методики обучения будущего специалиста-переводчика.

В первой группе исследований, посвященных формированию отдельных компетенций переводчика, все более настойчиво прослеживается потребность в «выращивании» (по А.А. Вербицкому) переводчика как личности. Если измерять уровень сформированности профессиональной компетентности будущего лингвиста-переводчика тремя уровнями, то теоретическая компетентность (наличие теоретических знаний по всем циклам учебных дисциплин) соответствует низкому уровню, практическая компетентность (сформированность системы общепрофессиональных и лингвистических умений и навыков) – среднему, а личностная компетентность – высокому уровню. При этом личностная компетентность определяется наличием положительной мотивации к будущей профессиональной деятельности и сформированностью профессионально важных качеств личности [Шапошников 2006].

Структура личностных характеристик переводчика, имеющая в своем составе постоянные константы, наращивается и

дополняется в условиях постоянно развивающегося общества и изменяющихся требований к профессиональной деятельности.

Так, в условиях активизации диалога культур все большую актуальность приобретает задача формирования *поликультурных ценностных ориентаций личности* будущих переводчиков, представляющих собой важнейший компонент структуры личности переводчика. Они отражают устойчивое стремление человека к конструктивному освоению ценностей иной культуры в условиях культурного многообразия общества и детерминируют сознательный выбор поведенческих моделей, направленных на реализацию данных ценностей в повседневной социально-профессиональной деятельности [Брагина 2011].

Среди важных составляющих переводческой компетенции во многих работах признается *социолингвистическая компетенция*, которая определяется как комплекс знаний, умений и личностных качеств, необходимых для использования языка в соответствии с параметрами социального контекста общения [Лапина 2010]. Для специалиста, профессиональные задачи которого предполагают прежде всего продуктивное владение иностранным языком, социолингвистическая компетенция представляет собой способность к внешне выраженному речевому поведению, соответствующему ситуации, традициям и нормам общения, принятым в обществе. Рецептивный компонент данной компетенции включает умения ориентироваться в параметрах коммуникативной ситуации с помощью восприятия и интерпретации языковых единиц, используемых участниками общения. В этой связи возникает необходимость подготовки лингвистов, способных узнавать произносительные маркеры национальной, региональной, социальной и эт-

нической принадлежности коммуникантов в условиях устного общения на иностранном языке.

Интегральным качеством поликультурной личности будущего переводчика в современных условиях признается их *лингвоинформационная самостоятельность* [Ожегова 2011]. Она представлена совокупностью профессионального, психологического и информационного компонентов и выражается в его готовности и способности самостоятельно конструировать собственную переводческую стратегию в соответствии с требованиями профессионального сообщества. Методологической основой формирования лингвоинформационной самостоятельности студентов вуза – будущих переводчиков являются положения синергетического, компетентностного и лингво-информационного подходов. Процесс формирования лингвоинформационной самостоятельности студентов предполагает целостность лингвистической и информационной подготовки будущего переводчика как поликультурной полилингвальной личности; информатизацию и техническое обеспечение образовательного процесса; ориентацию на развитие самообразовательной деятельности, а также поэтапное использование в учебном процессе эффективных средств обучения.

На основе компетентностного подхода разработана методика формирования *компенсаторной компетенции* как средства упреждения и преодоления социокультурной интерференции. [Папикян 2011]. Социокультурная интерференция представляет собой процесс и результат влияния первой языковой картины мира на вторичную языковую картину мира, когда студенты подменяют понятия, образы и картины инокультурного пространства своими собственными. Подобное явление имеет место на всех уровнях: фонологическом, лексико-

семантическом, фразеологическом, текстовом. Средством упреждения и преодоления социокультурной интерференции является компенсаторная компетенция, которая восполняет недостающие социокультурные элементы для адекватного понимания аутентичных текстов и тем самым подавляет влияние социокультурной интерференции.

Как было отмечено выше, в ряде исследований представлены авторские подходы в качестве основы подготовки специалистов в области перевода.

В одной из работ обосновано использование *дифференцированного подхода* в иноязычном образовании переводчиков [Старикова 2011]. Дифференцированный подход – это комплекс средств и механизмов, который позволяет не только адаптировать образовательную систему к уровню подготовки, индивидуальным особенностям и интересам отдельных студентов-переводчиков, но и обеспечивает свободу выбора и вариативность иноязычного образования, а также формирует стремление к саморазвитию и творческой самореализации в профессиональной переводческой деятельности. При этом речь идет о многоаспектной дифференциации, которая предусматривает учет особенностей каждого индивида (индивидуальные, возрастные, профессиональные интересы); учет комплекса и сочетаемости учебных и в дальнейшем профессиональных способностей (например, умственные способности: память, внимание, восприятие, воображение, лингвистические способности); учет некоторых психических свойств и состояний, которые важны именно для данного индивида в процессе выполнения его переводческой деятельности (переводческая харизма, преобладающий тип темперамента, переводческий такт и др.).

Одним из возможных путей подготовки студентов неязыковых вузов к деятельности переводчика является *интегративная модель* обучения переводу, построенная на сочетании личностного, деятельностного, социокультурного и дискурсивного подходов [Гавриленко 2011].

Личностный подход предполагает ориентацию обучения на личность обучающегося, т.е. на формирование личности переводчика профессионально ориентированных текстов и его профессиональной компетентности. Деятельностный подход является средством обеспечения поэтапного формирования переводческой компетентности в процессе последовательного выполнения профессиональных задач, стоящих перед переводчиком. В качестве основных этапов в деятельности переводчика выделяются: профессионально ориентирующий (подготовка к переводу), аналитический (понимание и интерпретация иноязычного текста), синтезирующий (создание понятого текста на языке перевода), корректирующий (коррекция переведенного текста). Социокультурный подход обеспечивает направленность обучения не только на понимание и передачу социокультурных особенностей общения в профессиональной сфере отправителя иноязычного высказывания и получателя текста перевода, но и на умение будущего переводчика общаться в профессиональной среде, в которой протекает его деятельность. Дискурсивный подход позволяет учесть все исторические, социальные, культурные, ситуативные факторы, которые оказывают влияние на создание иноязычного текста и которые следует учитывать при создании текста перевода на русском языке. Такой подход обуславливает целесообразность введения понятий «дискурс» и «дискурсивный анализ» в содержание обучения переводу.

Не вызывает сомнения диалектическая закономерность о взаимосвязи преобразований в современном мировом сообществе в целом (процессы глобализации, увеличение информационных потоков, стремительное распространение новых технологий, интенсивное развитие международного сотрудничества) и коренных изменений в любой профессиональной сфере. В контексте переводческой профессии это влечет усложнение профессиональной модели переводчика как специалиста интерлингвокультурной коммуникации. Необходимость повышения качества подготовки специалиста в данной области деятельности неизбежно ведет к признанию *междисциплинарного подхода* к обучению в качестве приоритетного. Так, в докторской диссертации Поршневой Е.Р. разработана междисциплинарная дидактическая система базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика [Поршнева 2004]. При этом так или иначе признается интегративность междисциплинарного подхода, базирующегося на совокупности взаимодополняющих методологических подходов (системно-функционального, личностно-деятельностного, контекстного, компетентностного, интегративного, межкультурного). Междисциплинарная система позволяет объединить программы по психологии, стилистике русского языка, древним языкам и культурам с программами практического курса первого и второго языков, а также введение профессионально направленного тестирования, пропедевтического модуля, использование мультимедийных обучающих программ. Междисциплинарный подход к обучению ведет к изменению цели лингвистического образования – обучение студентов стратегиям освоения иностранных языков, методологическим осно-

вам текстовой деятельности, профессионально значимым действиям на родном и иностранном языках.

В течение последних нескольких лет проводились исследования в области разработки технологий в обучении переводчиков на основе *проблемно-деятельностного подхода*. Данный подход предполагает овладение профессиональной деятельностью посредством решения профессиональных задач. В процессе реализации проблемно-деятельностного подхода происходит вовлечение студентов в проектировочную деятельность, которая представляет собой приобретение студентом-переводчиком собственного опыта через решение проблемных профессиональных задач с использованием приемов коллективной творческой деятельности и моделирования профессиональных ситуаций. Основными составляющими данного процесса являются: планирование, прогнозирование, анализ и синтез. Проблемно-деятельностный подход создает интегративную обучающую среду, которая направлена как на формирование отдельных переводческих компетенций, так и на расширение профессионального переводческого кругозора и мышления [Тарасюк, Дорохов 2010].

Когнитивно-деятельностный подход базируется на теоретических данных когнитивной лингвистики, когнитивной психологии, психолингвистики, социологии, культурологии и педагогики. Данный подход позволяет объединить черты когнитивного и деятельностного подходов, учитывать лингвистические, социальные культурологические и психологические аспекты функционирования языка как средства общения, дает возможность моделировать реальное общение в различных видах деятельности, учитывая его интерактивную, коммуникативную и перцептивную стороны. Данный подход поло-

жен в основу создания методической системы формирования лингвосоциокультурной компетенции, которая определена как одна из целей обучения иностранному языку в языковом вузе. [Андронкина 2009]. Лингвосоциокультурная компетенция поглощает такие компетенции, как коммуникативная и социокультурная, языковая и речевая, лингвокультурная и социолингвистическая. Данный термин обозначает определенную содержательную основу и уровень владения культурно-историческими, лингвострановедческими, социокультурными и лингвистическими (языковыми) знаниями, а также вербальным кодом и паралингвистическими средствами того или иного языка, что позволяет адекватно использовать их в соответствии с социокультурными условиями общения.

*Синергетический подход*¹ к языку и к его обучению – это новое формирующееся направление, которое находится на современном этапе в стадии становления. Оно развивается известными американскими учеными С. Пинкером, Н. Хомским, а также чилийскими учеными, удостоенными Нобелевской премии У. Матураной и Ф. Варелой. Они анализируют коммуникативную природу языка и показывают, что через язык мы координируем наше поведение и как бы творим мир.

Синергетический подход к обучению иностранному языку (иноязычному дискурсу) является одним из междисциплинарных подходов, который направлен на изучение языковых и речевых явлений и процессов на основе принципов самоорганизации и саморегуляции системы языка и отражения в ней культурно-исторических явлений.

¹ Термин «синергетика», введенный немецким физиком Г. Хакеном, происходит от латинского слова *sinergia* – сотрудничество, кооперация, совместная деятельность.

На основе синергетического подхода разработана методика обучения иноязычному дискурсу как сверхсложной саморазвивающейся системе. В основе методики лежит модель обучения, обладающая междисциплинарным статусом и основанная на синергетических принципах, в которой язык, среда, языковая личность являются открытой сверхсложной саморазвивающейся системой со значительным акцентом на самостоятельную работу, опирающуюся на аутентичные тексты, задания и упражнения. Центральный элемент в реализации системы занимает дискурс-анализ, который позволяет студентам увидеть и объяснить существующее разнообразие языковых форм в разных вариантах (диалектах, социолектах) одного и того же языка, что дает им возможность приблизиться к более глубокому пониманию функционирования реального языка, пониманию целостной языковой картины мира носителя изучаемого языка [Гураль 2009].

Концептуальный подход является определенным развитием существующих в профессиональной педагогике подходов (деятельностный, герменевтический, аксиологический, парадигмальный, системный, компетентностный, культурологический и др.), актуализируя системность, целостность, взаимообусловленность языка и речи, деятельность и продукт деятельности.

Центральным понятием подготовки студентов в русле данного подхода признан концепт как ментальная единица общения. Концепт – это объективное явление, которое становится таковым после осознания личностью определенных психолингвистических связей и отношений, осуществляемых через практическую коммуникативную деятельность. Чтобы стать концептом, некий смысл, отправленный препода-

давателем обучаемому, должен быть воспринят, включен в ассоциативно-вербальную сеть, соотнесен с базовыми концептами своей культуры.

Становление и развитие профессиональной языковой личности происходит через взаимодействие культур, соотношение языковых картин мира, межкультурное общение. К важнейшим критериям показателей эффективности профессиональной подготовки студентов отнесены: выведение концептуального смысла, выявление национально-культурного компонента, построение моделей базовых концептов культуры, овладение операциями концептуального описания языковых единиц [Макшанцева 2011].

Креативно-когнитивный подход предусматривает формирование языковой личности будущего переводчика как носителя индивидуального культурно-когнитивного пространства, отражающего национально-культурную специфику контактирующих в учебном процессе лингвокультур [Тарнаева 2011].

Сущность данного подхода состоит в построении образовательной системы, все звенья которой направлены на активацию и всестороннее использование когнитивных и креативных ресурсов языковой личности будущего переводчика. Креативность понимается как проявление общих творческих способностей индивида, направленных на продуктивную деятельность в заданной области и актуализующихся в ответ на требование решить поставленную задачу. Креативность переводчика проявляется на двух уровнях: как интуитивная репродукция и актуализация знаний, так и выработка новых знаний и способов действия с ними.

Результатом образовательного процесса в заданных условиях, построенного на основе креативно-когнитивного подхода, является становление лингвокультурологической компетентности, которая представляет собой целостную многоуровневую личностную характеристику переводчика, обладающего способностью на основе определённой совокупности профессионально-ориентированных знаний, речевых навыков и коммуникативных умений осуществлять трансляцию культурно-маркированной информации в ситуациях межкультурного делового общения.

Контекстный подход предполагает организацию процесса подготовки специалистов с учетом специфики будущей профессиональной деятельности путем включения студентов в деятельность, приближенную к реальным условиям профессии. Контекстный подход основан на интеграции системного, культуросообразного и личностно-деятельностного подходов. При этом системный подход позволяет на основе взаимосвязи связи процесса обучения и воспитания выстроить структурно-функциональную модель формирования профессиональной компетентности будущих лингвистов-переводчиков в системе высшего профессионального образования. Культурологический подход, рассматривающий человека как субъект культуры, дает возможность представить процесс профессиональной подготовки лингвистов-переводчиков как процесс познания иной культуры и, следовательно, осознания ими своей принадлежности к определённому социокультурному сообществу. Личностно-деятельностный подход, реализуя важнейшие положения диалектики о единстве сознания и деятельности, дает обоснование для организации работы основных субъектов образования в сотрудничестве посредством включения их

в профессиональную деятельность с учётом индивидуальных и возрастных особенностей студентов и качественных характеристик психических процессов, происходящих в личности будущих специалистов.

Контекстный подход к формированию профессиональной компетентности будущего лингвиста-переводчика определяет особенности организации процесса обучения в целом и методики преподавания учебных дисциплин в частности, а именно: познавательная деятельность студентов чаще всего носит проблемно-поисковый характер; широко используется технология коллективного обучения; большое значение придается созданию и решению конкретных педагогических ситуаций; происходит моделирование в учебном процессе вуза конкретных условий и содержания будущей профессиональной деятельности; широко используются такие формы обучения, как проблемная лекция, лекция-визуализация, лекция с заранее запланированными ошибками, семинар-«круглый стол», семинар-дискуссия, деловая игра и целый ряд других педагогических приемов, воссоздающих педагогическую ситуацию, максимально приближенную к будущей профессиональной деятельности [Шапошников 2006].

Социокультурный подход основан на взаимосвязи коммуникативно ориентированного обучения будущих переводчиков иностранному языку с его использованием как инструмента познания культуры, национальных традиций страны изучаемого языка, как способа достижения межкультурного понимания [Корнеева 2011].

Комплекс педагогических условий, обеспечивающих формирование готовности студентов – будущих переводчиков к профессиональной деятельности на основе социокультур-

ного подхода, предполагает межпредметную интеграцию в процессе обучения иностранному языку (взаимосвязь и взаимовлияние иностранного языка и блока культурологических и гуманитарных дисциплин); применение технологий индивидуального обучения; сотрудничество участников учебного процесса (субъект-субъектный тип отношений, обучение в малых группах); предметную насыщенность обучающей среды (аутентичная литература, аудио- и видеоаутентичные курсы с заданиями, которые отражают особенности языка, быта, жизни, истории, культуры стран изучаемого языка).

Акмеологический подход заключается во взаимосвязи между процессом становления профессионального мастерства и формированием профессионально-личностной целостности, а также в развитии рефлексивных способностей анализировать и оценивать свои действия и поступки, методы и приемы управления переводческой деятельностью и способности личности к прогрессивному саморазвитию, самоорганизации, самоподготовке [Левковская 2007].

Как видно из приведенного краткого анализа, современные подходы в обучении будущих переводчиков существуют в отношениях взаимосвязи и взаимодополнения. Исследования ученых-методистов направлены прежде всего на выявление рационального и эффективного сочетания составляющих известные подходы компонентов, определение среди них приоритетных с учетом конкретных целей и задач подготовки специалистов в данной профессиональной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андронкина Н.М. Когнитивно–деятельностный подход к формированию лингвосоциокультурной компетенции

в обучении немецкому языку студентов языкового вуза. Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Санкт-Петербург, 2009.

2. *Брагина А.Д.* Формирование поликультурных ценностных ориентаций будущих переводчиков в условиях профессиональной подготовки. Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Ульяновск, 2011.

3. *Гавриленко Н.Н.* Программа-концепция подготовки переводчиков профессионально ориентированных текстов. Книга 3. – М.: Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова, 2011.

4. *Гураль С.К.* Обучение иноязычному дискурсу как сверхсложной саморазвивающейся системе (языковой вуз). Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Томск, 2009.

5. *Корнеева Н.А.* Социокультурный подход к профессиональной подготовке студентов – будущих переводчиков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Самара, 2011.

6. *Лапина В.Е.* Методика формирования социолингвистической компетенции на материале аудиотекстов. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Москва, 2010. МГЛУ.

7. *Левковская Я.В.* Формирование профессиональной компетентности будущих переводчиков в вузе на основе акмеологического подхода. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Магнитогорск, 2007.

8. *Макшанцева Н.В.* Профессиональная подготовка будущих специалистов по направлению «Лингвистика и межкуль-

турная коммуникация» в вузе. Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Шуя, 2011.

9. *Ожегова Е.В.* Методика формирования лингвоинформационной самостоятельности студентов вуза – будущих переводчиков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Пермь, 2012. 13.00.02

10. *Папикян А.В.* Формирование компенсаторной компетенции как средства упреждения и преодоления социокультурной интерференции. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Пятигорск, 2011.

11. *Поршнева Е.Р.* Междисциплинарные основы базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика. Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Казань, 2004.

12. *Старикова О.В.* Методика реализации дифференцированного подхода в иноязычном образовании переводчиков на основе применения программно-педагогического средства. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Москва, 2011.

13. *Тарасюк Н.А., Дорохов Р.С.* Технология реализации проблемно-деятельностного подхода в профессиональной подготовке переводчиков. – Курск: Курский государственный университет, 2010.

14. *Тарнаева Л.П.* Обучение будущих переводчиков трансляции культурно-специфических смыслов институционального дискурса. Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Санкт-Петербург, 2011.

15. *Шапошников М.В.* Контекстный подход в процессе формирования профессиональной компетентности будущих

лингвистов-переводчиков. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Москва, 2006.

Кандидат филологических наук,
доцент Масленникова Е.М.

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ТЕКСТОВОЙ ПРОЕКЦИИ:
К ВОПРОСУ О (НЕ)ПЕРЕВОДИМОСТИ**

Культурная модификация художественного текста особенно ярко проявляется в двух случаях интерпретации вербального знака: при межсемиотическом переводе и межъязыковом переводе. Обсуждаются трудности, возникающие при передаче этнокультурной специфики исходного текста в процессе перевода.

Ключевые слова: художественный текст; перевод; интерпретация; проекция текста; переводимость / непереводимость.

Установление художественным текстом границ и параметров его собственного интерпретирующего диапазона зависит не только от жанра и связанных с ним культурно-историческими традициями текстопостроения и текстосприятия, стилистических особенностей, контекстуального окружения и т.д., но и от способности читателя-интерпретатора (само)определиться относительно Мира текста.

Художественный текст практически всегда «встроен» в определенную социокультурную среду, поэтому особое значение приобретает дискурсивное взаимодействие автора и читателя, а также возможность для последнего активно включиться в диалог с текстом, который приобретает осложнённый характер по причине лингвоспецифического способа экспликации невысказанного. Например, желание главной

героини книг Л. Кэрролла стать герцогиней напрямую отражает события и факты реального мира:

'When I'M a Duchess,' she said to herself, (not in a very hopeful tone though)... L. Carroll. Alice's Adventures in Wonderland

Реплика Алисы указывает на реализацию общественно-социального идеала. С точки зрения английского общества для девушки из среднего или высшего класса по-настоящему выгодным брак оказывался в том случае, если её удавалось получить титул, что было возможным только по двум основным причинам: либо благодаря размеру её приданного, либо исключительной красоте, которые бы заставили свет смириться с подобным мезальянсом. Только титул давал его обладателю неограниченную свободу действий, только титулованному лицу позволялись вольности в общении, а на многое в его поведении закрывались глаза. Как показывают примеры из английской литературы, авторы часто целенаправленно подчеркивают невозможность отличить герцогиню от служанки только по их внешнему виду. Красота у лиц, стоящих на низших ступенях общества, воспринималась как нечто неподобающее. В романе А. Кристи «Sad Cypress» поклонник и ухажёр девушки, отличавшейся особой утончённой красотой и изысканными манерами, пытается сделать ей незамысловатый комплимент:

Lord, Mary, you look like a duchess or a countess or something.

A. Christie. Sad Cypress ↔ *Ты почти леди, Мэри.* А. Кристи. Чаепитие в Хантебери (Перевод Н. Бужинской)

В конце романа выясняется, что девушка была воспитана привратником: на самом деле она – незаконнорожденная дочь

богатой леди, но окружающие относятся к ней как к выскочке. Девушка пытается определить собственную социальную идентичность: хорошим и дорогим заграничным образованием она обязана покровительнице, но именно оно препятствует ей найти и занять соответствующее место в жизни. Тонкая социальная игра между категориями *леди* и *не-леди* остаётся актуальной до сих пор, о чём свидетельствуют примеры из «Национального корпуса английского языка».

Незнание культурологического фона, который стоит за СЛОВОМ как за смыслообразующей единицей, не позволяет на основе извлекаемой из текста и из опыта информации выделить авторские доминантные смыслы, препятствуя перераспределению выделенных смыслов.

Личностная культура зависит от культуры общества в целом и связана с разделением индивидом действующих в социуме обычаев, интересов, системы ценностей и норм, правил поведения, в том числе коммуникативных правил и предписаний. Т. Элиот [Eliot 1962] отмечает, что понимание «чужой» культуры предполагает потерю или разрыв связей со «своей» культурой, представляя культуру не как просто набор «культурных» компонентов, а, в значительной степени, как образ жизни (*a way of living*), поэтому культура связана в первую очередь с самоидентификацией индивида как члена «своего» социума, что предполагает наличие знаний о том, что стоит за определенными понятиями, и о связанных с ними традициях. Так, в качестве национально-специфических элементов культуры Т. Элиот называет сложившиеся в пределах одной и той же культурной традиции географические, этнографические, фольклорные, бытовые, общественно-политические, исторические и т.д. реалии. Культурная бли-

зость складывается в случае общего культурного и исторического опыта. Английскую культуру воплощают: *Derby Day* – день ежегодных скачек лошадей трехлеток на ипподроме Эпсом-Даунс; *Henley Regatta* – ежегодная регата на Темзе в городе Хенли (традиционные ежегодные международные соревнования по гребле в июле); *Cowes* – ежегодная парусная регата и крупное светское событие в курортном городе Кау-се в начале августак; *the twelfth of August* – начало сезона на тетеревов; *a cup final* – финал розыгрыша кубка по футболу; *the pin table* – бильярд-автомат; *the dart board* – пробковый разграфленный круг для игры в дартс / дротики; *Wensleyday cheese* – сыр типа рошфор и т.п. В рамках лингвострановедения, теории и практики перевода подобные единицы относят к реалиям или безэквивалентной лексике, а в качестве основных способов их передачи средствами другого языка обычно предлагаются практическая транскрипция, транслитерация или описательный перевод.

Этнопространство текста образовано культурноспецифичными и социумнозначимыми переменными. Одним из средств организации этнопространства текста являются реалии, часто превращающиеся для читателя в некий «барьер», препятствующий активному диалогу с текстом. В отдельных случаях возникает необходимость вводить дополнительный комментарий, призванный облегчить для читателя понимание того, что стоит за той или иной реалией, разъясняя читателю параметры и элементы, имеющие для Мира текста особое значение.

Переводческая деятельность является обобщенной порождающей моделью восприятия иноязычного и инокультурного текста, когда получаемый текст перевода при-

зван «заменить» собой оригинал в принимающей новой для него системе. При гетерогенности сфер двух языков и культур адаптация оригинала к принимающим условиям неизбежна. Как подчеркивает В.Н. Комиссаров, «рассмотрение перевода с позиций языкознания четко определило невозможность полного тождества содержания оригинала и перевода. Языковое своеобразие любого текста, ориентированность его содержания на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими “фоновыми” знаниями и культурно-историческими особенностями, не может быть с абсолютной полнотой “воссоздано” на другом языке. Поэтому перевод не предполагает создания тождественного текста и отсутствие тождества не может служить доказательством невозможности перевода» [Комиссаров 1990: 39]. С другой стороны, «строго говоря, перевод с одного языка на другой невозможен даже для совершенно жестких языков», но возможна только интерпретация, так как «все наше языковое поведение пронизано процедурами интерпретирования» [Налимов 1979: 59]. Следовательно, для художественного текста возникают следующие типы отношений: текст → интерпретация, текст → трактовка и текст → перевод. Данные типы текстовых отношений опираются на определенные упорядоченные правила оптимального использования текстового пространства. На степень упорядоченности этих правил влияют следующие факторы:

- контактная зона культур, когда автор, переводчик и читатель как члены коммуникативной триады «автор ↔ текст ↔ читатель» находятся внутри одной культурной традиции, но необходимо принимать во внимание тот факт, что переводчик, являющийся первичным читателем оригинала

наряду с другими его читателями из системы исходного языка, может не находиться внутри одной с автором культурно-языковой традиции;

- «рассеивание» зон культуры, в результате чего возможны изменения в характере языка;
- заимствование культурных достижений, что может привести к перераспределению ценностей.

Принципиальная языковая переводимость достижима в тех случаях, «когда речь идет о народах стоящих примерно на одном уровне культуры, научно-технического развития, тогда все, что выражено на одном языке, может быть выражено на другом языке» [Нелюбин 2003: 167]. Культура и система ассоциируемых с ней культурных артефактов несут в себе ряд духовно-ценностных компонентов, раскрывая особенности национального этнокультурного сознания. В тексте находят отражение лингвокультурные доминанты; этнокультурные параметры соответствующей культуры; стандартные этикетные ситуации, формулы и т.д.

Если подходить к художественному тексту как отчужденному фрагменту отраженной в нем культуры, то он получает культурно-установочное значение, которое способно стать препятствием, затрудняющим двуязычную текстовую коммуникацию перевода, когда возникает проблема понимания переводчиком как первичным читателем исходного текста, созданного в условиях другой культуры и её традиций и изначально предназначенного для «своего» настоящего первичного читателя, находящегося в нем в единой пространственно-временной среде.

По мнению ряда авторов контрастивное сравнение безэквивалентной лексики, традиционно являющейся предметом

переводоведения, и лакун позволит судить о наличии / отсутствии того или иного национально-специфического концепта (см.: [Стернин и др. 2003]). Актуальный характер концепта *the County* обеспечивается его регулярной вербализацией: английские писатели часто обращаются к ностальгическим воспоминаниям о старых добрых временах, к образу *Old Merry England*. Героиня романа А. Кристи сообщает своей бывшей подруге по пансиону причину, из-за которой её жених вынужден искать работу. Передача слова *county* не должна вызывать трудности для переводчика: в англо-русских словарях объясняется, что под *county* понимается ‘местная знать, помещики, дворянство’. Таким образом, англоязычный читатель понимает, что жених девушки – по происхождению из мелкопоместного английского дворянства. Если один из переводов романа на русский язык утверждает об аристократических корнях молодого человека, то другой перевод присваивает ему графский титул (*count* ‘граф’ ≠ *county*).

He's what you call 'county' all right – but very impoverished county – a younger son and that all. A. Christie. *Death on the Nile* ↔ *Он из аристократической семьи, но совсем обедневшей – знаешь, младший сын и тому подобное.* А. Кристи. *Смерть на Ниле* (Перевод Е. Васильево); *Он беден – ни гроша за душой, хоть и настоящий граф, только граф из очень обнищавшей семьи! Младший сын и всё такое.* А. Кристи. *Смерть на Ниле* (Перевод С.Н. Павловской)

Понятие *county* тесно связано с ностальгической тоской по патриархальности «Доброй старой Англии» / *Old Merry England*, которая выходит на первый план во многих произведениях английских авторов первой половины XX века.

Неправильное прочтение слова *county*, перепутанное переводчиком со словом *country* 'страна', привит в итоге к полному изменению исходного контекста: герои рассуждают об изменившемся ритме привычной жизни в Англии, когда люди постоянно меняют места проживания, и никто не знает об их прошлом.

It's not what it used to be down here. The oddest people come here. There's no what you might call 'county' left. It's all money, money nowadays. A. Christie. *The Horses of Diomedes* ↔ *Туда приходят определенные люди. Нет, не то, что призывают оставить страну. В наши дни причиной этого являются деньги, деньги, деньги.* А. Кристи. *Лошади Диомеда* (Перевод Н. Уманца) ↔ *Здесь ведь теперь совсем не то, что было раньше. В наши дни только и слышишь: деньги, деньги, деньги... Кругом вертятся какие-то странные личности – их никак не отнесешь к тем, кого называли «джентри» – распространяются разные дикие сплетни.* А. Кристи. *Кони Диомеда* (Перевод П.В. Рубцова)
Увидев девушку, Пуаро сразу оценивает её истинное положение:

... she is 'the County' but no money. A. Christie. *The Cretan Bull* ↔ *... она с титулом, но без денег...* А. Кристи. *Критский бык* (Перевод Л. Жуковой); Ср.: *Родом из мелкопоместного дворянства - но с полным отсутствием денег...* А. Кристи. *Критский бык* (Перевод В.В. Тирдатова)

Этнокультурная специфика художественного текста предполагает со стороны переводчика наличие умений найти необходимые способы экспликации имплицитной информации. Смысловые контексты культуры требуют своего прочтения, что иногда предполагает диахронно-культурологическую компенсацию.

Проблема переводимости / непереводимости разрешается по мере развития культур и литератур исходного и переводящего языков: «переводимость не есть какая-либо природная способность того или иного языка или литературы по отношению к другим языкам, другим литературам. Эта способность развивается в процессе общего движения культур, литератур, контактов между народами» [Федоров 1983: 181]. Непереводимыми оказываются слова или выражения, за которыми стоят ситуации, предметы и понятия, не существующие или не существовавшие в практическом опыте носителей языка. По мере сближения культур идет знакомство с ее составляющими и их постепенное проникновение в другую «принимающую» культуру. Перевод предполагает передачу не только «сухой» структуры переводимого им текста, но и построение текстового Мира таким образом, чтобы читатель из системы переводящего языка получил возможность построить проекцию текста, исходя из принципа «что-есть-текст-для-меня».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
3. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
4. *Стернин И.А., Попова З.Д., Стернина М.А.* Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.А. Сорокина, Г.В. Быковой. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 206-225.
5. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. – М., 1983.

6. *Eliot T.S.* Notes towards the definition of culture. – London: Faber and Faber, 1962. – 124 p.

Кандидат филологических наук
Нагайцева Е.В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСА СПОНТАННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ЭКСПЕРТИЗЕ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА

В статье рассматривается проблема использования языковых данных для лингвистической экспертизы текста, анализируются принципы сбора материала и структурирования электронной базы «Мозаика разговорной речи».

Ключевые слова: электронная база высказываний; разговорная речь; лингвистическая экспертиза текста; оскорбление.

Появляющиеся в результате многочисленных исследований коммуникации человека данные могут обрабатываться с позиций как позитивизма, так и интерпретивизма. «Истоки противоречия между позитивистами и интерпретивистами нередко трактуются в связи со стремлением первых *объяснить* человеческое поведение влиянием воздействующих на него внешних сил, в противовес желанию вторых *понять* его внутренние причины» [Леонтович 2011: 12].

Исследователь разговорной речи В.К. Харченко, используя метод наблюдения, в течение 30 лет собирала материал и затем представила его в структурированном виде как корпус высказываний с возможностью выборки по какому-либо аспекту (возраст, пол, профессия и др.). Кратко излагая свою концепцию спонтанной речи, В.К. Харченко обращает внимание на мотивацию к порождению речевых партий. Непосредственные участники коммуникативных актов, по мне-

нию исследователя, руководствуются пятью состояниями: 1) уважением к перманентной необходимости сиюминутного отражения жизни (в речи проскальзывают *междометия, ошибки, паузы хезитации*), 2) уважением к информативности ситуации общения (появляются *эллипсисы, метонимия, контаминация, семантические конденсаты*), 3) уважением к адресату (проявляется в использовании *вокативов, диминутивов, литот, цитат, приставочного смягчения глагольной семантики*), 4) заботой о запасе понимания (реализуется наличием *эпитетов, метафор, сравнений, перифраз, гипербол, фразеологизмов*), 5) речевой поддержкой адресата и самоподдержкой говорящего (в высказываниях присутствуют *сентенции, комплименты, аутолозунги*) [Харченко 2012: 16]. Требуется объяснения факт отсутствия в сводной картине предречевых установок нацеленности на конфликтное общение. Возможно, это связано с небольшим удельным весом одного из маркеров *коммуникативного дисбаланса* [Воронцова 2012: 575] – дисфемизма; из 3610 высказываний корпуса «Мозаика разговорной речи» всего 123 содержат дисфемизмы (около 3,4%). *Дисфемизм* – это «намеренное использование грубых, вульгарных, стилистически сниженных (иногда нецензурных) слов и выражений с целью выражения (резко) отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление. Современная общественно-речевая практика демонстрирует случаи намеренного использования дисфемизмов с целью дискредитации оппонента, нанесения ему морального ущерба» [Культура русской речи 2003: 169]. Таким образом, шестой установкой в ситуации неподготов-

ленной коммуникации должен быть настрой одного или всех коммуникантов на *деструктивное речевое поведение*.

«В последние десятилетия XX века в лингвистике произошел принципиально важный сдвиг направленности исследований от структурально-системной к когнитивно-концептуальной. Последняя часто определяется как антропоцентрическая» [Кузнецов 2012: 4]. Социальная составляющая проявляется и в организации экстралингвистических данных корпуса «Мозаика разговорной речи»: каждое высказывание имеет четкую хронологическую отсылку, сопровождается кратким описанием ситуации, данными о возрасте, профессии и половой принадлежности информанта.

Приведем несколько примеров из корпуса.

22.06.2009 (муж., 60 лет, ректор) На совещании: Сейчас мы готовим список проблемных преподавателей, которые «БУРОВЯТ», то есть рассказывают, как он шёл через площадь, где он вчера отдыхал...

05.03.2006 (муж., 22 года, прохожий) Молодой человек девушке, идущей с ним: Чё ты МОРОЗИШЬ, чё?

03.10.2012 (жен., 59 лет, профессор) Во время застолья: Вела девчонка урок. Ну, среднеарифметически, нормально. Учительница вдруг сама стала говорить, а потом ей: «Продолжайте!» А ничего перед этим не объяснила. А потом при детях говорит: «Что вы БЛЕЕТЕ?»

24.08.2012 (жен., 71 год, врач) г. Харьков: А он сказал: если ты не женишься, я тебя УРОЮ!

18.10.2008 (жен., 44 года, сотрудник) Икру спрячьте! Превратили защиту в ЖРАЧКУ! <...> Ты смотри не напейся! Что ты всё ЖРЁШЬ!

Интерпретация небольших диалогов и монологических высказываний в «Мозаике разговорной речи» опирается на традиционные лингвистические понятия; чтобы данные могли быть востребованы в юридическом языке (например, при проведении лингвистической экспертизы), их нужно «развернуть в другой плоскости, пока мало известной лингвистам» [Кузнецов 2006: 8]. На рубеже XX-XXI веков активизируются исследования давней проблемы взаимоотношения языка и права. «Область масс-медиа, включающая и журналистику, и политический дискурс, характеризуется высокой степенью конфликтности. В ряде случаев коммуникативный конфликт заходит за законодательно допустимые рамки публичного или бытового общения и тогда квалифицируется с правовых позиций как речевое преступление» [Кара-Мурза 2012: 849]. Многочисленные публикации на эту тему доказали актуальность и востребованность новой смежной дисциплины – юрислингвистики. В становлении и развитии данного направления в нашей стране особая роль принадлежит Алтайскому государственному университету (г. Барнаул) и выпускаемым здесь с 1999 г. сборникам с одноименным названием (Юрислингвистика-1, Юрислингвистика-2 и т.д.).

Такие правонарушения, как диффамация, клевета, оскорбление, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти и вражды, совершаются вербально. Показателями речевых преступлений являются не только стилистически маркированные языковые и речевые единицы, но и в целом *речевое поведение* коммуникантов (их целенаправленный и мотивированный выбор стратегий и тактик).

М.А. Осадчий предлагает дополнить трехчастную модель коммуникации Р.О. Якобсона *адресант – текст – адресат*

третьим лицом коммуникативного события – *внешним наблюдателем*. «Применение к событию коммуникации правовых параметров актуализирует свойства и характеристики, значимые с точки зрения третьего лица, не являющегося участником коммуникации. Этим третьим лицом является Правоприменитель – субъект, квалифицирующий событие коммуникации в терминах действующего законодательства» [Осадчий 2013: 11].

Таким правоприменителем в определенных ситуациях выступает лингвист-эксперт. Его работа со спонтанным речевым материалом кардинально отличается от структурирования коммуникативного события, представленного в корпусе «Мозаика разговорной речи». Материал организуется с помощью кейс-метода, или метода анализа ситуаций, предполагающего детальное и интенсивное изучение целостных коммуникативных явлений в их естественном окружении.

Приведем примеры кейсов, «смоделированных по материалам судебных экспертиз, проведенных автором» [Осадчий 2013: 89].

Кейс А: На рабочем месте в закрытом помещении между работниками в присутствии двух других работников состоялся диалог:

Работник 1: Тварь паршивая!

Работник 2: На себя посмотри, дурища!

Работник 1 обратился с заявлением о привлечении Работника 2 к ответственности за оскорбление.

Кейс В: На рабочем месте в закрытом помещении между работниками в присутствии двух других работников состоялся диалог:

Работник 1: Глупый ты человек.

Работник 2: Да сам ты дурак!

Работник 1 обратился с заявлением о привлечении Работника 2 к ответственности за оскорбление.

Оценки кейсов, основанных на однотипных диалогах, в которых бранное высказывание, ставшее предметом экспертизы, является ответным, не одинаковы. «Высказывание «*На себя посмотри, дурища!*» не может быть оценено на предмет приличности/неприличности, так как инерционно заимствует стилистические характеристики стимульного высказывания. Ответное высказывание Кейса В является источником и самостоятельным носителем признака ненормативности, эксперт имеет все основания для квалификации реплики «*Да ты сам дурак!*» как неприличной» [Осадчий 2013: 91].

Таким образом, речевой материал корпуса «Мозаики разговорной речи» может быть использован для создания учебных кейсов, которые помогут систематизировать знания об оскорблении, клевете, угрозе и будут способствовать оптимизации навыков их восприятия и порождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия, толерантность, вежливость // *Язык СМИ и политика* / Под ред. Г.Я. Солганика. – М., 2012. – С. 569-611.
2. *Кара-Мурза Е.С.* Лингвистические показатели речевых преступлений в политике // *Язык СМИ и политика* / Под ред. Г.Я. Солганика. – М., 2012. – С. 797-855.
3. *Кузнецов А.М.* Лингвистическое толкование правового смысла «преступления» и «наказания»: Юридическая теория и бытовые стереотипы: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 76 с.
4. *Кузнецов А.М., Бурдин Л.С., Солнцева Н.В.* Юрислингвистика (Язык и право): Научно-аналитический обзор // РАН. ИНИОН. – М., 2006. – 70 с.

5. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003. – 840 с.
6. *Леонтович О.А.* Методы коммуникативных исследований. – М., 2011. – 224 с.
7. *Осадчий М.А.* Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. – М., 2013. – 256 с.
8. *Харченко В.К.* Мозаика разговорной речи: аспекты исследования, электронная база высказываний. – М., 2013. – 192 с.

Кандидат филологических наук,
доцент Нотина Е.А.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с сопоставительными исследованиями в области языкового оформления когнитивной деятельности представителей разных лингвосоциокультурных обществ.

Ключевые слова: языковая картина мира; инвариант научного знания; язык-посредник; межъязыковая опосредованная научная коммуникация.

Специфика языковой картины любого языка раскрывается как на фоне языковых картин других языков, так и на фоне общего для всех инварианта научного знания. Конечно, знание и первоначальная форма его фиксации нераздельны, поскольку изначально оформление инварианта происходило с помощью национального языка, поэтому разделение содержательного инварианта научного знания и языковой формы

его выражения в определенной степени условно. Вместе с тем, следует заметить, что научная картина мира получает в каждом национальном языке свою национальную форму выражения, иначе говоря, национальная научная картина мира - это национальное оформление единой, общей для всех научной картины мира.

Национальная научная картина мира (ННМК) – это инвариант научного знания о мире в языковом оформлении конкретного национального языка. Необходимо отметить, что национально-языковое оформление НМК существует при наличии соответствующей научной традиции. При ее отсутствии содержательный инвариант оформляется в языковую оболочку того языка, на котором осуществляются приоритетные разработки в той или иной области знания или языка-посредника. Национальное языковое оформление НМК может быть полным, фрагментарным или отсутствовать вообще, в зависимости от того, когда и на каком языке осуществлялось первичное накопление знаний в данной области, на каком языке изначально формулировались базовые понятия, сложились ли на этом языке собственная научная школа и научные традиции. При условии существования научной традиции в том или ином языковом социуме язык науки обязательно имеет национальное языковое оформление.

Научная картина мира и представляющий ее особый язык науки определяются, с одной стороны, конкретными объектами изучения, а с другой – типом научного мышления, совокупностью научных методов и специализированных приемов для соответствующих наук. Специфика каждой научной сферы предопределяет свою картину мира, диктует особый отбор языковых средств. В образующемся научном знании

те или иные научные идеи, направления, течения часто переплетаются с другими современными им идеями, направлениями, течениями, дают жизнь новым традициям. В процессе создания научных ценностей участвуют независимо друг от друга ученые и исследователи, говорящие на разных языках, живущие в разных странах, и, как правило, именно публикации знакомят их друг с другом, превращая в единое научное сообщество. Однако для реализации научного общения необходимо, чтобы ученые владели не только научной картиной мира, но и общим языковым кодом. «Диалог культур может осуществляться либо напрямую, если один из участников межкультурного общения способен мыслить категориями другой культуры, либо через перевод» [Быкова 2004: 11]. В этой связи особую актуальность приобретают сопоставительные исследования в области научной коммуникации. Результаты этих исследований имеют большую практическую ценность, так как способствуют повышению эффективности как непосредственной, так и опосредованной межъязыковой научной коммуникации, имеют выход в методику преподавания иностранных языков. В качестве материала для такого межъязыкового сопоставления могут привлекаться так называемые специальные «прагматические» тексты, то есть зафиксированные в письменной форме речевые произведения, порожденные с определенными конкретными целями в определенных условиях коммуникации для определенного конкретного адресата [Райс 1978: 203]. При этом необходимо учитывать, что «в классификации исходных текстов на основе прагматического фактора научные тексты рассматриваются как тексты, предназначенные для обладателей определенных фоновых (экстралингвистических, энциклопедических)

знаний, общность которых является необходимым условием адекватного восприятия сообщения как при внутриязыковой, так и при межъязыковой коммуникации» [Нотина 2004: 24].

Известно, что идея сопоставительного изучения стилистических особенностей родного и иностранного языков принадлежит швейцарскому лингвисту Ш. Балли. Еще в начале прошлого столетия он утверждал, что развитие имеющих множество общих черт европейских языков ведет к их еще большому сближению. Эти общие черты служат основой, позволяющей «стилистике расширить сферу своей деятельности, центром которой является родной язык, и изучать с точки зрения последнего другие современные языки. Стилистика может сопоставлять их, чтобы выявить в первую очередь сходные черты, а затем и различия» [Балли 1961: 41].

Швейцарский ученый А. Мальблан разработал метод сопоставительно-стилистических исследований различных пар языков, основанный на сопоставительном синхронном исследовании выразительных средств генетически неродственных языков – метод перевода [Malblanc 1961]. По мнению А. Мальблана, сопоставительная стилистика должна пройти два этапа. Первый этап посвящается изучению ресурсов сопоставляемых языков, путем перехода от одного языка к другому, иначе говоря, с помощью перевода описываются эквивалентные формы выражения в сопоставляемых языках. На втором этапе должны сопоставляться жанры и стили сравниваемых языков. Второй этап, сопоставление «жанров и стилей» предполагает выход за рамки художественной речи, выход на уровень текста, относящегося к одной из жанрово-стилевых разновидностей одного из функциональных стилей. В этом случае целью второго этапа

сопоставительно-стилистического исследования становится выявление сходств и различий в организации речевых произведений средствами сравниваемых языков на фоне конкретных функциональных задач речевой деятельности, то есть «с необходимым «подключением» анализа целого комплекса экстралингвистических факторов речевого акта (содержание целей, задач, формы высказывания, сферы общения, взаимоотношения коммуникантов, жанра сообщения и т.п. [Кожина 1979: 6], иначе говоря, объектом наблюдения на втором этапе становится текст, завершённое речевое произведение, созданное в результате речетворческого процесса в соответствии с определенной целью, прагматической установкой и традиционно принятыми нормами, в определенной ситуации общения, части которого объединены между собой «разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи» [Гальперин 1981: 18].

Сопоставление оригинальных текстов, основанное на общности их функционально-стилистических признаков, иначе говоря, жанров и стилей, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Такое сопоставление позволяет сделать выводы об особенностях организации речи средствами сопоставляемых языков в соответствии с целями, задачами, условиями коммуникации, содержанием и формой сообщения, взаимоотношениями коммуникантов и т.п...» [Гарбовский 2007: 197]. А. Мальблан полагал, что для сопоставительного анализа необходимо подбирать только «как можно лучше переведенные тексты» [Malblanc 1961: 19]. Однако у такого метода сопоставления есть недостатки, связанные с критериями отбора подобных текстов: (лучше/хуже переведенный текст), индивидуальными характеристиками

переводчика, его языкового опыта, ограниченностью переводного материала и др. А.В. Федоров отмечает, что сопоставительная стилистика «может строиться на основе анализа не только переводов и их отношения к оригиналам, но и *оригинальных* текстов, представляющих те или иные аналоги или параллели (употребление одинаковых средств языка – например, архаизмов или варваризмов, или глагольных форм или одинаковых типов предложений, либо принадлежность к одинаковым функциональным стилям или литературным жанрам, либо близость индивидуальной манеры в произведениях двух авторов), а результаты такого анализа могут быть полезны и для теории перевода, как и все, что помогает установлению закономерностей в отношениях между двумя языками. С другой стороны, сопоставление переводов с оригиналами может вызывать и выводы, выходящие за пределы перевода, т.е. имеющие более общий интерес» [Федоров 1970: 44]. Важно понимать, что для сопоставления на уровне функционально-стилистических особенностей стилей, жанров, жанрово-стилевых разновидностей можно использовать созданные в типовых ситуациях общения оригинальные тексты на двух или нескольких языках.

Сопоставление на материале оригинальных (аутентичных) текстов, конечно, также ограничено в выборе непосредственного предмета сопоставления вследствие проведения исследования на материале не адекватных, а лишь функционально аналогичных текстов. Тем не менее, мы разделяем точку зрения тех ученых, которые полагают, что «для изучения сходств и различий в речевой реализации текстовых категорий, формирующих специфические черты жанров и

стилей, функциональной аналогичности речевого материала оказывается достаточно» [Гарбовский 2007: 197].

Описание сходств и различий, иначе говоря, контрастных и конвергентных черт в организации средств выражения в подобных текстах с последующим обобщенным анализом полученных данных на современном этапе развития языкознания является одной из приоритетных задач сопоставительной стилистики конкретных пар языков. Следует учитывать, что перед теми, кто изучает язык конкретной науки, научный стиль речи на родном языке, предстает иная картина мира, отличная от той, в которой реализуется разговорная речь, что непосредственным образом связано с научной и языковой картинами мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балли Ш.* Французская стилистика. М.:Изд-во Иностранной литературы, 1961. – 394 с.
2. *Быкова И.А.* Коммуникативное сознание, имплицитный смысл и перевод. «Вестник» РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность» М., Изд-во РУДН, 2004. №1. - С. 11–17.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. – 138 с.
4. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник . – 2 изд. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2007. – 544 с.
5. *Кожина М.Н.* Соотношение стилистики и лингвистики текста // Филологические науки, 1979. №5. – С. 62-68.
6. *Нотина Е.А.* Фоновые знания переводчика в аспекте сопоставительной типологии текстов // Вестник РУДН, серия «Вопросы образования: языки и специальность». М.: Изд-во РУДН, 2004, №1. - С. 23 – 30.

7. *Райс К.* Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.:Международные отношения, 1978. – 232 с.

8. *Федоров А.В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Изд-во Высшая школа, 1970. – 194 с.

9. *Malblanc, A.* Stylistique comparee du francais et de l'allemand: Essai de representation linguistique comparee et etude de traduction / Paris, Didier, 1961. – 351 p.

Кандидат филологических наук
Опарина О.И.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ Ч.Р. ДАРВИНА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

Язык отражает представления людей об окружающем мире. Личность Ч.Р. Дарвина и его исследования сыграли важную роль в изменении мировоззрения общества в 19 веке. Особую значимость имел язык его научных работ, на что обращали внимание представители литературных кругов, в частности О.Э. Мандельштам.

Ключевые слова: научная картина мира; научная революция; междисциплинарность исследований; стиль научного изложения.

Развитие языка естественно отражает развитие общества. Все процессы, происходящие в обществе, неминуемо проявляются в системе языка. В некоторых аспектах эти изменения более очевидны, чем в других.

Одна из основных функций языка – это познание мира. Человек познает мир посредством языка, и изменения в восприятии мира отражаются в языке. Как правило, это происходит в процессе формирования представлений, со временем

формирующих систему взглядов, понятий, ценностей. Таким образом создается **картина мира**.

Говоря о **научной картине мира**, можно выделить несколько ее типов. **Общая, естественнонаучная, социально-научная, специальная**. Безусловно, все вышеперечисленные типы взаимосвязаны.

Особая роль в формировании общей картины мира принадлежит ученым, роль которых в науке имеет особую значимость. Их учения носят характер революции в мировоззрении людей и в дальнейших исследованиях. Революционность отражается в отходе от общепринятой системы понятий, ценностей и идеалов.

Если окинуть взглядом историю науки, то можно выделить ряд этапов в ее развитии. Каждому этапу предшествовал период накопления знаний, и выводы из этих накопленных знаний изменяли восприятие окружающего мира. Традиционно принято говорить о трех эпохальных революциях в истории науки.

Первая научная революция относится к концу 17 – началу 18 веков. Главное, что отличало этот период – новый подход к познанию окружающего мира. Революционным стал метод исследования и получения научных результатов. Сведения получали не только в ходе логических умозаключений, но и посредством наблюдения, обобщения и, как следствие, научно обоснованных выводов. Вторым важным моментом, характеризующим данный период, была междисциплинарность в исследованиях. И третье нововведение – отход от латыни как языка науки и переход к национальным языкам. Первоначально появились научные исследования на французском и частично на немецком языках.

Вторая революция в истории науки – это конец 18 – начало 19 веков. Научные статьи публикуются на национальных языках, в том числе и на английском. Возникает дисциплинарность в оформлении научных знаний. В это же время появляется идея развития, ставшая главной в середине 19 века, то есть во время третьей научной революции.

Ключевой фигурой третьего периода революции в истории науки стал Чарльз Роберт Дарвин. Имя Дарвина ассоциируется с теорией эволюции животного мира. Основное значение этого человека для истории науки не только в стройной, логически организованной теории эволюции растительного и животного мира на нашей планете, и происхождении человека как элемента животного мира, но и в революционной смене мировоззрения людей. С точки зрения теории познания важно было другое. Как уже отмечалось выше, идея последовательного развития появилась в науке в конце 18 века. Новым в научной теории Ч.Р. Дарвина стал мировоззренческий подход. По сути дела он стал первым ученым, который не только подробно описывал увиденное, систематизировал результаты своих наблюдений, но и предпринял попытку ответить на вопрос «почему?», обосновывая выводы научными фактами, материалом, добытым эмпирическим путем. Дарвин не опирался на догмы, существовавшие в обществе. Исследование как бы начиналось с «чистого листа». Религиозный подход, который на протяжении многих веков формировал восприятие окружающего мира, не принимался во внимание. Начиналась новая эра в науке. Теперь научные исследования не воспринимали как аксиому религиозное объяснение о происхождении и строении земли, живых существ на ней, строении живых существ (клеточная теория Матиа-

са Якоба Шлейдена и Теодора Шванна). Д.И. Менделеевым был открыт периодический закон химических элементов, Д.К. Максвеллом разработана математическая теория электромагнитного поля, М. Фарадеем установлена связь между магнетизмом и электричеством.

Все вышеперечисленные открытия создавали новое видение мира, или иными словами – новую научную картину мира. Мироззрение, заложенное в этой новой картине мира, становилось популярным не только среди людей науки.

Во многом этому способствовал стиль изложения материала. Следует отметить, что Ч. Дарвин обращал внимание на то, как нужно излагать материал, о чем он пишет в своей автобиографии, имеющей значимое название, характеризующее видение мира автором *“The Development of my Mind and Character”*.

При написании любого научного труда нужно учитывать три основных момента: подбор материала, организацию изложения и стиль изложения (хотя Дарвин не употребляет слово «стиль»).

Итак, подбор материала. Материал должен быть интересным и актуальным (*“the subject was in the air”*, *“... men’s minds were prepared for it”*, *“What I believe was strictly true is that innumerable well-observed facts were stored in the minds of naturalists ready to take their proper places as soon as any theory which would receive them was sufficiently explained. Another element in the success of the book (“The Origin of Species”) was its moderate size; ... very few would have had the patience to read it.. Everything about which I thought or read was made to bear directly on what I had seen or was likely to see; and this habit of mind was continued during the five years of the voyage. I feel sure that it was this training which has enabled me to do whatever I have done in science.”* [Darwin 1887: 24]

В процессе написания статьи или книги нужно хорошо продумать материал, который в нее войдет и как он будет изложен. Описание не должно быть длинным, факты следует отбирать внимательно и не перегружать ими текст.

“The success of the 'Origin' may, I think, be attributed in large part to my having long before written two condensed sketches, and to my having finally abstracted a much larger manuscript, which was itself an abstract. By this means I was enabled to select the more striking facts and conclusions. I had, also, during many years followed a golden rule, namely, that whenever a published fact, a new observation or thought came across me, which was opposed to my general results, to make a memorandum of it without fail and at once; for I had found by experience that such facts and thoughts were far more apt to escape from the memory than favourable ones. Owing to this habit, very few objections were raised against my views which I had not at least noticed and attempted to answer.” [Darwin 1887: 24]

Важно и то, как преподнести читателю или слушателю материал. Язык не должен быть сложным. Письменное изложение должно восприниматься как звучащая речь, которую вам кто-то читает. Тогда научная статья заинтересует вас. Она будет понятной, и вам захочется узнать о предмете больше.

Интересно отметить тот факт, что новый стиль научного изложения Дарвина привлек внимание такого мастера художественного слова, как О.Э. Мандельштам. В 1932 году О. Мандельштам написал небольшое эссе «К проблеме научного стиля Дарвина». В этой статье он обозначил в тезисной форме основные, на его взгляд, положения, объясняющие успех сугубо научных трактатов, в основном «Происхожде-

ние видов» и «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль», среди широкой публики.

Мнение Мандельштама о стиле Дарвина совпадает с теми положениями хорошего научного стиля, которые провозгласил сам ученый. Как пишет поэт: «Сочетание мысли с могучим инстинктом естествоиспытателя позволило добиться таких результатов» [Мандельштам 1994:213]. Данная цитата говорит о личности человека. В дальнейшем любопытно посмотреть, как сам Дарвин объясняет свой успех в науке. В автобиографии он пишет: «*My habits are methodical, and this has been of not a little use for my particular line of work. ...*

Therefore my success as a man of science, whatever this may have amounted to, has been determined, as far as I can judge, by complex and diversified mental qualities and conditions. Of these, the most important have been - the love of science - unbounded patience in long reflecting over any subject - industry in observing and collecting facts - and a fair share of invention as well as of common sense. With such moderate abilities as I possess, it is truly surprising that I should have influenced to a considerable extent the belief of scientific men on some important points.» [Darwin 1887: 32]

Для человека науки важно всецело посвятить себя тому, что он делает, а именно, скрупулезно собирать материал, наблюдать, уметь и любить думать, быть способным осмысливать имеющуюся информацию по-новому. При этом здравый смысл обязательно должен присутствовать при создании инновационных теорий.

Итак, возвращаясь непосредственно к стилю Ч. Дарвина, как его видел О. Мандельштам. Первое, это как изложен материал. Анализируя произведение «Происхождение видов», Мандельштам обращает внимание на объем и организацию

материала. Научная работа состоит из 15 глав, каждая из которых в свою очередь разбита на 10-15 подглав. Как замечает Мандельштам, размером «не больше воскресного фельетона из Таймса» [Мандельштам 1994: 214]. Факты «наступают на читателя не в виде одиночных примеров-иллюстраций, а развернутым фронтом – системой. ... Приливы и отливы научной достоверности, подобно ритму фабульного рассказа, оживляют дыхание каждой главы и подглав». Дарвин «пользуется природой как великолепно организованной картотекой. В результате - изумительная свобода в расположении научного материала, разнообразие фигур доказательства и емкость изложения» [Мандельштам 1994: 214].

Вышеприведенная цитата подтверждает слова Дарвина о необходимости продуманного подхода к отбору материала для научной книги, способу его изложения. Цель, которую ставил себе ученый как автор произведения, выполнена, исходя из отзыва Мандельштама.

Второй момент – язык научного текста. Говоря о языке, следует остановиться на основных четырех аспектах.

Первое – стилистика текста, использование стилистических приемов и фигур речи. Мандельштам отмечает «красочность» описания [Мандельштам 1994: 215]. Само изложение напоминает фильм, где кадр следует за кадром, детально и живописно описывая животных. Такое описание «заставляет вспомнить самые смелые красочные достижения импрессионистов» [Мандельштам 1994: 215]. Именно такое впечатление создается от чтения научной работы. Примером использования метафор, неожиданных, при этом прекрасно поясняющих и иллюстрирующих научную теорию, может

служить следующее выражение: «*рабовладельческий инстинкт муравья*» («ants slavery instinct»).

Второе – это объемность изложения. Как пишет О. Манделъштам: «Он (Дарвин) протягивает координаты от примера к примеру – в ширину, в глубину, в высоту, воздействуя с помощью селекции материала» [Манделъштам 1994: 215]. Манделъштам имеет в виду сравнения, используемые ученым, метафоры, основанные на ассоциациях с разными отраслями знаний: от архитектуры до истории, что видно из приведенного выше примера. Таким образом, излагаемые факты легко представить, они образуют картинку, что привлекает читателя, помогает ему продолжить изучение.

Третий аспект тесно связан со вторым. По мнению О. Манделъштама, Дарвин «изгнал красноречие, велеречивость из литературного обихода натуралиста» [Манделъштам 1994: 214]. В настоящее время язык научных произведений отличается научной лексикой, сложным синтаксисом. Что делает научные произведения сложными для понимания не только для специалистов, а порой и для начинающих ученых. Язык Дарвина прост в восприятии.

Для научного текста характерно употребление большого количества терминов. Как пишет О. Манделъштам, терминология Ч.Р. Дарвина «обладает исключительной, впечатляющей, образной силой. У Дарвина названия животных и растений звучат как только что найденные меткие прозвища» [Манделъштам 1994: 215]. В своей автобиографии ученый отмечает особое место названий, которые заинтересовали юного исследователя и обратили его внимание к растениям и животному миру. Эти названия имели для него магическую привлекательность.

Интересно отметить, что, как пишет О. Манделъштам, «Дарвина и Диккенса читала одна и та же публика. Научный

успех Дарвина в некоторой своей части был и литературный» [Мандельштам 1994: 215]. Таково мнение известнейшего поэта, мастера слова, которого отделял от Ч. Дарвина небольшой отрезок времени. То, что он посвятил эссе особенностям стиля Дарвина, уже говорит о значимости Ч. Дарвина не только как автора научной теории, с которой можно соглашаться или спорить, а как явления, изменившего мировоззрение людей.

Восприятие мира, истории человека, его происхождения, развитие, собственно биологические, химические, геологические процессы, имеющиеся в природе, стало новым для человека конца 19 века. Сказать, что идея эволюции принадлежит только Дарвину, нельзя. В июне 1858 года ученый получил письмо от английского натуралиста А.Р. Уоллеса с рукописью статьи последнего. Статья содержала краткое изложение теории естественного отбора. Работа Дарвина была опубликована лишь в 1859 году. Таким образом, два ученых пришли к идее естественного отбора независимо друг от друга и разработали идентичные теории. Следует отдать должное человеческой порядочности Ч. Дарвина, он никогда не приписывал себе единоличное авторство идеи естественного отбора. В историю же науки эта идея вошла как теория Дарвина, возможно, благодаря его стилю, репрезентативности, прагматики текста. На это надо обращать серьезное внимание при обучении студентов нефилологического профиля при написании рефератов, эссе на иностранном языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам О.Э.* Собр.соч. в 4 т., М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994.т.3. – 368 с.

2. *Charles R .Darwin. The Autobiography. From The Life and Letters of Charles Darwin/ edi. by his son, Francis Darwin. – London, 1887. – 31 pp.*

3. http://books.eserver.org/nonfiction/darwin_autobiography.html

Кандидат педагогических наук,
доцент Пивкин С.Д.,
кандидат медицинских наук,
доцент Березина О.В.

АББРЕВИАЦИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ СТИЛИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО РАЗГОВОРНОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются механизмы образования аббревиации в современном разговорном английском языке Интернет-пользователей. Дается описание структурно-формальных признаков аббревиаций коллоквиальной лексики. В работе разбираются грамматические и лексические характеристики аббревиатур современного разговорного английского языка Интернет пользователей, в арсенале которого значительное место отводится различного рода сокращениям.

Ключевые слова: аббревиация; акроним; инициальная аббревиатура; «смайл».

Сокращения, являющиеся достаточно распространенным явлением в современном английском языке, часто встречаются в электронных средствах передачи информации и вызывают повышенный интерес исследователей. В специальной литературе принято различать три типа сокращений: аббревиатуры (*abbreviations*), акронимы (*acronyms*) и инициальные аббревиатуры (*initialisms*). Так, например, GM представляет

собой инициальную аббревиатуру, AIDS – акроним, так как первое слово произносится как ДжиЭм, второе – Эйдс, то есть как одно неразделимое слово. По подобным основаниям в английском языке в качестве акронимов рассматриваются AIDS, BP, HIV и т.п. То же самое касается сокращенных вариантов наименований различных стран, например, USA, RF, UK и т.д.

Примечательно, что акронимы приживаются в языке намного легче в силу их легкой запоминаемости, удобства пользования и благозвучия. Этим объясняется тенденция преимущественно сводить вновь появляющиеся сокращения к акронимам. Стремление сократить текст характерно для многих видов деятельности. Особенно этот способ «облегчения текстовой нагрузки» в коммуникации нашел много приверженцев в бюрократической среде. Примером тому служит характерная для такого стиля общения фраза, *Better On Lips Than On Paper*, превратившаяся в акроним *BOLTOP*, которая означает: нет необходимости вести запись, поскольку, как известно, что написано пером, не вырубишь топором. Еще более характерной фразой из бюрократического лексикона является *ASAP*, которая приглянулась не только служащим государственных учреждений и работникам офисов, но и достаточно широкому кругу лиц.

Широкое использование аббревиации в современном английском языке как чрезвычайно продуктивного способа словообразования в эпоху непрерывного совершенствования средств коммуникации и ускоренной передачи информации заставляет исследователей внимательно отнестись к этим явлениям с точки зрения описания механизма их образования.

Структурно-формальные признаки аббревиаций и словосочетаний коллоквиальной лексики дают основание исследователям разделять их на три основные группы.

1. Контрактуры, то есть слова, образовавшиеся вследствие сокращения любой части слова и набора слов. Это наиболее многочисленная совокупность сокращений. К указанному ряду относятся следующие словосочетания и группы слов: gym (“gymnasium”), demo (“demonstration”), ad (advertisement), euro (“eurocurrency”) и т.п. Приведенные примеры относятся к инициальным контрактурам, поскольку от исходного слова остается лишь начальная структура. Существуют также и финальные контрактуры, где в результате усечения, остается соответственно, финальная часть слова: paper (“newspaper”), Atomic bomb (“A bomb”), PC technology (“personal computer aided technology”), the States (“The United States of America”) и т.п.

2. Слоговые аббревиатуры, то есть образования, возникшие вследствие усечения с одновременным сочленением начальной и конечной частей сложного словосочетания до размеров одного-двух слов: BBC news (“British Broadcasting Corporation news”), surfer (“surfboarder”), gambling casino (gambling room in a casino), turboprop plane (“turbopropeller plane”), horse-drawn sleigh (“horse sleigh”), attacking fencer (“attacker”), pop music (popular music”) и т.п.

3. Буквенные аббревиатуры, то есть слова, образовавшиеся вследствие сокращения буквенной записи словосочетания или слова до одной или несколько букв корня: laser (“light amplification by stimulated emission of radiation”), k.o. (“knock out”), mps (“meters per second”), MT (“mean time”),

VCR (“video cassette recorder”), DC (“direct current”), AD (Anno Domini – лат.) и т.п.

В современном английском языке сокращения являются довольно частым явлением: AC (ante Christum – лат), Co. (company), Mr. (Mister), USD (United States dollar), Jan. (January), Wed. (Wednesday), GMT (Greenwich mean time), ft (foot), pcs (pieces) и т.д. Часто в виде сокращений выступают знаки: & (and), # (number), @ (at the rate of) и т.п.

По мнению ряда исследователей, буквенные аббревиатуры не несут сами по себе смысловой нагрузки до тех пор, пока их значение не станет понятным путем расшифровки смысла, связанного с ними сложного словосочетания. Без знания оригинального значения прототипа эти слова остаются скрытыми для понимания пользователями языка.

Что касается легитимизации усеченных слов и словосочетаний в качестве общепринятых единиц литературного языка, то здесь нет единодушия среди лингвистов. Большинство из них склонны рассматривать аббревиатуры вне литературной нормы, поскольку их стилистическая окраска не позволяет им войти в «общепринятый регистр». Тем не менее, с течением продолжительного времени и при более или менее регулярном их употреблении эти ограничения теряют свою силу и в дальнейшем не препятствуют обретению ими статуса нейтральной единицы в общепринятой литературной норме.

Этот процесс приобрел лавинообразный характер среди пользователей «всемирной паутины» Интернета и потому нуждается в особом взгляде на проблему вхождения сокращений в общепотребительный язык.

Глобальная сеть Интернета является уникальным инструментом коммуникации, не ограничивающимся рамками от-

дельного региона и даже страны, а имеющим выход в самые отдаленные уголки мира и открывающим колоссальные возможности для прямого общения между людьми, говорящими на различных языках. При таком «экстратерриториальном» интенсивном контакте пользователей всемирной сети возникает необходимость в «глобальном» языке, роль которого во многом взял на себя английский язык. Одновременно с этим он претерпел такие сильные изменения, что позволило некоторым специалистам говорить о некоей новой языковой форме. Появился «язык чатов» (от английского слова “chat” – болтать), который пестрит различными оборотами разговорной речи, отличающейся ультракраткостью, эмоциональной несдержанностью и удивительной небрежностью.

Грамматические особенности этого языка также вызывают интерес у исследователей. Происходит упрощение грамматических норм за счет сокращения количества видовременных форм глагола, в речевом обороте – в основном посредством употребления самых распространенных и несложных времен: Present Simple, Present Progressive, а также Past и Future Simple. Очень часто вместо наречий используются прилагательные (it was returned quick), вместо личных местоимений в именительном падеже предпочтение отдается объектным формам (me joined the project, too).

Еще больше удивления вызывают «вольности», которыми грешат пользователи Интернета в области синтаксиса. Так зачастую вопросы принимают форму утвердительных предложений с небольшим уточнением (You took a decision then?). В вопросах нередко пропускаются вспомогательные слова (What message you talking about?). Укороченные вопросы приобретают самые причудливые формы, которые вызы-

вают изумление изобретательностью неназванных авторов: 4U? (for you), 2G2BT (too good to be true).

Интернет-сообщения изобилуют огромным количеством эмфатических и эллиптических конструкций. Опускаются все служебные слова, артикли, притяжательные местоимения, союзы, которые не несут с собой явного смысла: see U Sunday (I'll see you on Sunday), Нередко пропускаются подлежащее или сказуемое в предложении, поскольку это утяжеляет конструкцию: got to remind U (I've got to remind U).

Обычным явлением для «обитателей» Интернета является использование инверсий, безличных предложений, то есть той техники конструирования речи, которой они нигде не обучались специально, но которой овладели достаточно хорошо, чтобы обрести имидж современного уверенного пользователя «Интернет глотосферы».

Вне всякого сомнения, изобретательность в недрах Интернета достигла своих высот в области орфографии и пунктуации. Практически все пользователи сети пренебрегают пунктуацией: заглавные буквы игнорируются, а точки и запятые ставятся в редких случаях. Что еще хуже того: написание слов претерпевает существенные изменения, в особенности, когда нормативная форма «недопустимо усложнена»: through (thru), 'cos (because). Особое изящество с точки зрения догадливости коммуниканта обретает послание, в котором целое слово заменяется цифрой: any1 (anyone), 2 (to), d8 (date), gr8 (great), 4 (for), b4 (before). Часто вместо вопросительного слова why ставится знак у, или предпочтение отдается исключительно согласным буквам: PPL (people). Нередко от словосочетания остаются только начальные буквы, которые требуют большого мастерства от говорящего для

того, чтобы понять, что на самом деле эти сокращения обозначают: bbl (be back later), lol (laughing out loud).

Дружелюбным и во многом иррациональным знаком Интернета можно безошибочно назвать «смайл», выполняющий в киберпространстве сети отчасти функцию средства электронной пунктуации. Эта функция, надо сказать, понимается весьма своеобразно, используется довольно своеобразно и не всегда диктуется правилами пунктуации в обычном понимании этой нормы синтаксиса, а больше отражает настроение и акцентуацию коммуниканта. «Пунктуация» такого рода больше служит средством создания игровой среды и непринужденной обстановки общения, нежели отвечает прямому назначению.

Существует множество словарей смайликов в Интернете, отличающихся большим разнообразием включенных в него единиц. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие различные подходы к рассматриваемому явлению.

:-& – лишившийся дара речи; :-р – высывающий язык; :-s – бессвязный; :-/ – скептик; :-\ – нерешившийся; o:-) – ангел; >:-) – дьявол; :-e – разочарованный; :-o – ох-ох; :-9 – облизывающий губы; :-O – не ори; 8-) – носящий солнечные очки; B-) – носящий очки; :-> – саркастическая улыбка; 8-) – маленькая девочка; :-)~ – валяющий дурака; ;'-) – плачущий от счастья; :-) – ваша основная улыбка; ;-) – улыбка с подмигиванием; :-) – панк; (8-o – с похмелья: :-)x – носящий галстук-бабочку; :-% – банкир; [:-) – в наушниках; :| думающий; :(– опечаленный; :O – громко говорящий; O | -) – религиозный; :-| – дежурная улыбка; :Y – зевает; =:-) – неинтересный тип; :-/ – скептически; :-1 – нормально; :-\$ – рот закрыт на замок; :-e – разочарован; :-I – полуулыбка; :-\ – нерешительно; :-c – плохо и т.д.

Любопытно отметить, что при наборе определенных знаков из приведенного глоссария на клавиатуре компьютера, на его экране автоматически отображаются смайлики в готовом виде. Пользователь таким образом приучается «компьютеризованным сообществом» вводить в свою письменную речь готовые штампы из сложившегося как данность лексикона Интернета.

Аббревиатура обрела свой статус в Интернете как жизненно необходимая для его пользователей по вполне понятным основаниям: общение в режиме реального времени требует от коммуниканта незамедлительной реакции. Своеобразная «скоропись» в виртуальной среде прибегла к технике сокращений как вынужденной мере с целью ускорения передачи информации. Хотя аббревиации в Интернете с трудом поддаются расшифровке грамотными пользователями английского языка, тем не менее они стали частью субкультуры Интернета и не могут игнорироваться с неприкрытым высокомерием и неприятием в широких академических кругах. Ниже даются наиболее популярные и часто встречаемые сокращения из накопленного арсенала Интернета.

@ - At; AFAIK – as far as I know; ANB – all the best; b – be; BBL – be back later; BCNU – be seeing you; B4 – before; BRB – be right back; BTW – by the way; C – see; CUL8R – see you later; F2F/FTP – face to face; F2T – free to talk; FYI – for your information; GAL get a life; GR8 – great; HAND – have a nice day; H8 – hate; IC – I see; ILUVU – I love you; IMHO – in my humble opinion; JIC – just in case; JK – just kidding; KIT – keep in touch; KWIM – know what I mean; MOB – mobile; MSG – message; MYOB – mind your business; NE1 – anyone; NO1 – no one; OIC – oh I see; OTON – on the other hand; PCM – please,

call me; PLS – please; PPL – people; RUOK – are you OK; SIT – stay in touch; SPK – speak; THKQ – thank you; TTYL – talk to you; TX – thanks; U – you; WAN2TLK - want to talk? W/ - with; WKND – weekend; WU – what’s up? X – kiss; XLNT – excellent; XOXOX – hugs and kisses; YR – your; 2NITE – tonight; L8R – later; LOL – lots of luck / laughing out loud; 3SUM – threesome.

Учитывая вышеприведенные сокращения, характерные для стиля Интернет-пользователей, приведем в качестве примера следующее высказывание.

I don't KWUM when U say it. It is a strange MSG. I H8 2 think what horrible language PPL SPK on net. IMHO it is sometimes a headache 4 me 2 get thru all that. Anyway, PCM, we'll discuss in detail by MOB. SIT. – I don't know what you mean when you say it. It is a strange message. I hate to think what horrible language people speak on the net. In my humble opinion it is sometimes a headache for me to get through all that. Anyway, please, call me later we'll discuss it in detail by mobile. Stay in touch.

Набор такого рода выдержек из текстов, которыми изобилует Интернет, огромен. На этой основе может оказаться востребованной разработка ряда тренировочных упражнений, которые помогут неопытному пользователю ориентироваться в мало читаемом потоке фраз и сообщений, заполонивших всемирную сеть. Экскурс в новые реалии коммуникативной среды может быть небесполезным ни для обычного пользователя, как правило, молодого человека студенческого возраста, ни для специалиста, внимательно следящего за развитием языка в стремительном несущемся потоке речи в виртуальном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The American Heritage Abbreviations, Third Edition: A Compilation of Today's Acronyms and Abbreviations Including Cyberspeak. Houghton Mifflin, 2005, 2007.

Кандидат филологических наук,
доцент Романович М.Ю.,
кандидат педагогических наук,
доцент Маткова М.В.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
СОВРЕМЕННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ**

Ключевые слова: кинематограф; студент; жест; мимика; кинесика; просодия.

Не секрет, что студенты старших курсов лингвистических специальностей просят преподавателей сделать акцент на обучении так называемому «живому» английскому языку, максимально приближенному к тому, с которым будущим специалистам вскоре предстоит работать.

Разумеется, существуют различные методы и подходы к «оживлению» речи на иностранном языке: зарубежные стажировки студентов, привлечение преподавателей – носителей языка к образовательному процессу и т.д. Однако и традиционный преподаватель, не являющийся англоговорящим от рождения, способен в данном направлении предпринять многое. Например, использовать в аудитории видеозаписи учебных, документальных и художественных фильмов, новостных роликов и т.п. Остановимся на англоязычных худо-

жественных фильмах как одной из возможностей оптимизировать процесс обучения.

При этом отметим целесообразность работы именно с британскими кинолентами в студенческих группах, ориентированных на изучение британского варианта английского языка. В целом, британская кинематографическая традиция ориентирована на воспроизведение издавна устоявшихся форм жизни. Британский кинематограф имеет своеобразный стиль, основными чертами которого являются переплетение документализма с реализмом, эмоциональная окрашенность, английский юмор, традиционная недоговоренность, зачастую романтизация сюжетов (1).

Тем не менее невозможно недооценить необходимость просмотра и американских кинолент, т.к. именно Голливуд доминировал на мировом кинорынке почти всю историю развития кинематографа. Вся американская культура определяется понятием «американская мечта», которое уходит своими корнями в пуританское прошлое Америки. Жизненные конфликты, обусловленные борьбой добра и зла, отличаются моральной определенностью, построение сюжета носит условный характер.

Определим, в каких направлениях может вестись аудиторная работа с данным видеоматериалом.

Прежде всего преподаватель работает с языковым материалом, давая студентам задания на фиксирование в ходе просмотра изученных ранее лексико-грамматических явлений, а также исключений из правил, разговорных речевых оборотов и т.п. Можно также попросить студентов воспроизвести максимально близко к оригиналу некоторые эпизо-

ды фильма, имеющие, с точки зрения преподавателя, существенную языковую ценность.

Кроме того, при работе с англоязычным фильмом, так же, как и с любым обширным художественным материалом, возможны задания обобщенно-аналитического плана, начиная с самых простых упражнений – типа детального устного или письменного изложения содержания или ответов на детализирующие вопросы, и заканчивая всевозможными творческими заданиями типа рецензии, изложения с самостоятельными выводами, эссе по проблематике фильма.

Однако преподавателю следует помнить о том, что киноматериал, в отличие от читаемого текстового материала, также дает массу возможностей работать с фонетическими особенностями английского языка, с жестовым и мимическим языком, обращая внимание студентов на невербальные средства передачи информации, эмоций, смысловых подтекстов. Жесты подразделяются на незнакомые (ритмические, эмоциональные), а также на знаковые (изобразительные). Ритмический жест выделяет речевые синтагмы, отмечает их границы. Он соотносится с темпом, интонацией речи, со скоростью артикуляции. С помощью эмоциональных жестов достигается выразительность лексической информации (2). Представляется необходимым акцентировать внимание студентов на тесной жесто-просодической связи, на том, что кинесический сигнал зачастую опережает звучащую речь, а подчас и выразительно заменяет ее.

Как показывает аудиторный опыт, эффективными являются задания студентам на жестовые реакции, а также дальнейший анализ и обсуждение адекватности таких реакций. Разумеется, преподаватель в своих объяснениях и коммен-

тариях отталкивается от просмотренного студентами в аудитории киноматериала. При этом следует учитывать тот факт, что жанровая обусловленность фильмов определяет разные виды жестов. Например, для драмы свойственны более сдержанная, содержательная жестикуляция. Для жанра комедии с элементами эксцентрики типичны более динамичные и утрированные жесты.

Информативную нагрузку несет не только жест, но и мимика. Лицо человека имеет сложную мускулатуру, и с ее помощью осуществляются мимические движения. Мышцы лица, в силу своего свойства сокращаться под влиянием нервного возбуждения, образуют на лице человека то или иное выражение. Связь мимики и просодии подчеркнул режиссер, театровед и педагог Ю.Э. Озаровский в книге «Музыка живого слова», указав на то, что мелодика голоса, передающая изменения психологического состояния коммуниканта, рождается именно в мимике (3). Поэтому целесообразно, на наш взгляд, после просмотра того или иного эмоционально выразительного эпизода даже «проиграть» просмотренный фрагмент фильма со студентами, буквально актерски подражая мимике киногероев. Опыт показывает, что подобные мимико-имитирующие упражнения неизбежно влекут за собой и фонетико-подражательные интонации, что, безусловно, отвечает изначально поставленной задаче – обучать студентов в аудитории так называемому «живому» английскому языку.

Особое внимание при просмотре англоязычного фильма преподаватель должен, на наш взгляд, уделять мимике рта, что важно и для актера на экране, и для будущего переводчика в аудитории. Изучая специфику мимических проявлений, психологи пришли к выводу, что выражение эмоции опреде-

ляет главным образом рот. В соответствии с характером переживаемых эмоциональных состояний рот по-разному может приоткрываться и передавать страх, страдание, изумление, восторг и т.д. Плотно стиснутые губы могут выражать гордость, замкнутость, упрямство, жестокость и т.д. При этом целесообразно обращать внимание студентов на нюансы изменений классической английской фонетики под влиянием передаваемых эмоций. В отдельных случаях преподаватель может даже остановить или перемотать назад просмотр киноэпизода, акцентируя на той или иной красноречивой детали. И опять-таки можно в таких случаях рекомендовать студентам имитационные упражнения.

Следует также при просмотре фильма проанализировать и отработать ритмическую скоординированность жеста или мимики с вербальным высказыванием. При любом кинесическом сигнале коммуникант акцентирует параметры ритма, делая более энергичные движения нижней челюстью и произвольные кивки головой. Микродвижения рук, ног, головы, зрачков осуществляются согласно ритму речи человека, что рождает речежестовое взаимодействие, т.е. просодия и кинесические сигналы взаимозависимы. Любой жест имеет определенные фазы выполнения: подготовительную, удар и стягивание. Результаты экспериментов различных исследователей показали, что удар либо предшествует, либо заканчивается на ядре информационного центра высказывания и никогда не следует за ним (2). Замедленный просмотр и анализ со студентами эпизодов фильма помогает выявить данные речевые особенности, а последующие имитационные задания дают обучаемым возможность «вжиться» в реальную устную речь.

Кроме того, внимательный просмотр кинофильмов дает простор всевозможным аналитическим и творческим заданиям для студентов. Ведь отношение просодических характеристик и невербальных средств коммуникации зависит от многих факторов, таких, как разыгрываемые социальные роли коммуникантов, жанр картины и степень стилизации фильма, типы коммуникативных ситуаций, психофизиологические особенности персонажа, цели, которые ставит перед собой актер и т.д. Фонетические особенности английской речи можно ведь не только имитировать, но и анализировать, а поскольку в аудитории любое обсуждение или речевое упражнение ведется на английском языке, всё это в совокупности оптимизирует работу над совершенствованием речи обучаемых.

Таким образом, мы видим, что аудиторная работа с художественными фильмами является для преподавателя кладом вариантов и возможностей оживить и разнообразить академический процесс, что, как показывает опыт, всегда позитивно встречается студентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дорошевич А.* Полвека британского кино. Очерки. – М.: НИИ киноискусства, 2008. – 480 с.
2. *Корлыханова Е.Л.* Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 178 с.

3. *Озаровский Ю.Э.* Музыка живого слова: Основы русского художественного чтения. – М.: Либроком, 2009. – 336 с.

Кандидат педагогических наук,
доцент Сосунова Г.А.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ТАМОЖЕННОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОНОМИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ)**

В настоящее время лингвисты проявляют повышенный интерес к понятию *дискурс*, вопросы которого отражены в работах таких исследователей, как Н.Д. Арутюнова, Г.В. Баева, И. Беллерт, Е.Н. Белова, Е.И. Беляева, Э. Бенвенист, В.Г. Борботько, В.А. Кох, Т.М. Николаева, Г.А. Орлов и многих других авторов. Понятие дискурс переводится с французского *discours* как «речь, процесс языковой деятельности» и имеет различные трактовки: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность, письменная или устная [О’Коннор Дж., Сеймор Дж.: 479]. Широко известны представители французской школы дискурса – М. Пеше, К. Фукс, Ж. Гийому, Д. Мальдидье и другие лингвисты. Так, Ж. Гийому, Д. Мальдидье полагают, что «дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим» [Гийому, Мальдидье 1999: 124]. Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный

текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1990]. Швейцарский лингвист Патрик Серио выделяет восемь значений понятия «дискурс», среди которых: любое конкретное высказывание, эквивалент понятия «речь»; единица, превосходящая по размеру фразу; воздействие высказывания на получателя с учетом ситуации – субъект высказывания, адресат, момент, место высказывания; беседа как тип высказывания; речь говорящего в противоположность высказыванию, не принимающему такую позицию; употребление единиц языка, их речевая актуализация единиц языка; социально или идеологически ограниченные высказывания – «административный дискурс» и др.; теоретический объект для исследований условий производства текста [Серио 1999: 16].

Современное интенсивное развитие социально-экономических отношений, увеличение ежегодного товарооборота между развитыми странами мира отдает приоритет некоторым общественным сферам, в том числе таможенной, дискурс которой наиболее полно представлен в профессионально ориентированной литературе. Семантика содержащейся здесь терминологии раскрывает таможенную, таможенно-экономическую, таможенно-юридическую сферы деятельности: участие во внешних торгово-экономических операциях, оформление таможенных процедур, деятельность в области логистики, борьба с таможенными нарушениями, в том числе с контрабандой товаров, подделкой торговых марок, развитие новых технологий в таможенной сфере. Профессиональная подготовка служащих таможенной сферы деятельности осуществляется в Российской таможен-

ной академии и её филиалах. Используемая в процессе образовательной деятельности различная документация – рабочие программы, материалы кодексов, законов – представляет интерес для лингвистического исследования как информация, включающая профессиональную терминологию. При составлении такого рода документации используется язык специального назначения, или так называемый «профессиональный подъязык». Содержащаяся информация обозначенной документации, даже самая небольшая – названия читаемых дисциплин, кафедр, специализаций, представляет собой аспекты таможенного дискурса, определяемого В.А. Звегинцевым как «два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи» [Звегинцев 1980].

В ходе анализа учебных дисциплин по специальностям «Экономика и управление на предприятии (таможня)», «Мировая экономика» было отмечено, что название данной специальности, а также кафедр, обеспечивающих образовательную деятельность, как это видно из названия, раскрывают аспекты деятельности в экономико-таможенной сфере: *кафедра экономической теории, кафедра финансовых дисциплин, кафедра экономики таможенного дела, кафедра таможенной статистики*. В названиях экономических дисциплин используется как профессиональная терминология – *экономическая теория, актуальные проблемы экономической теории, комплексный экономический анализ*, так и таможенная – *экономический потенциал таможенной территории России, анализ хозяйственной деятельности таможенных организаций*. Дисциплина «*Международная торговля товарами и услугами*» также раскрывает смежную деятельность: торговлю как экономическую операцию и в то же время та-

моженную сферу, так как речь идет о международной деятельности.

Названия кафедр *«Кафедра экономики таможенного дела»*, *«Кафедра таможенной статистики»* также отражают смежную экономико-таможенную деятельность. Дисциплины кафедры таможенной статистики содержат следующую экономическую терминологию: *математика, статистический анализ с применением современных программных средств, статистика, эконометрика*; терминология дисциплины *«Экономико-математические методы в ВЭД»* отражает как экономическую деятельность – ВЭД (внешнеэкономическая деятельность), так и таможенно-математическую – *экономико-математические методы*.

Большим количеством дисциплин отличается кафедра экономики таможенного дела, из названия которой видно, что читаемые дисциплины отражают таможенно-экономическую деятельность: *экономика предприятия, планирование на предприятии, экономика таможенного дела, организация, нормирование и оплата труда в таможенных органах, логистика, анализ хозяйственной деятельности таможенных организаций, экономическая оценка рисков, планирование бюджетных показателей в таможенных органах*. Можно также перечислить дисциплины, которые больше раскрывают экономическую сферу: *экономическая оценка инвестиций, экономика недвижимости, комплексный экономический анализ*; частое используемый термин *предприятие* в данной ситуации эквивалентен слову *таможня*.

Отметим, что специальность «Мировая экономика» больше ориентирована на макро- и микроэкономику, и в названии дисциплин чаще звучит экономическая терминология, в

том числе: *математика эконометрика, международные валютно-финансовые и кредитные отношения, налоги и налогообложение, основы аудита, рынок ценных бумаг, страхование, финансы*, однако в названии читаемых дисциплин отражена и таможенная сфера, связанная в том числе и с международной деятельностью: *экономика организаций (предприятий), международные валютно-финансовые и кредитные отношения, налогообложение участников внешнеэкономической деятельности, страхование во внешнеэкономической деятельности*. Среди наиболее часто встречающихся экономических документов следует отметить *финансово-бухгалтерские отчеты*, названия которых говорят об экономической деятельности, и в то же время таможенная сфера может быть затронута, если речь идет об отчетах таможенного ведомства. Такие документы, как контракты, договоры также могут отражать таможенную деятельность в сфере экономики.

Анализ учебных программ экономических факультетов французских университетов позволил сделать вывод том, что среди изучаемых дисциплин экономического направления обозначена логистика, т.е. часть экономической науки, предмет которой заключается в организации рационального процесса продвижения товаров и услуг от производителей к потребителям, функционирования сферы обращения продукции, товаров, услуг, управления товарными запасами, создания инфраструктуры товародвижения. Следует добавить, что речь здесь также идет и о передвижении иностранных товаров и услуг, и, следовательно, логистика и таможенная сфера находятся в непосредственной связи. Для анализа учебных программ экономических факультетов были выборочно

взяты учебные программы французских вузов: Университет города Лиль, Университет Страсбурга, Университет города Ренн, Университет Средиземноморья, Университет Лиона, Университет города Пуатье, Университет Монтеस्कье – Бордо, Университет Гавра.

Анализ учебных программ обозначенных вузов показал, что семантика названий дисциплин, читаемых во французских университетах, отражат следующую тематику:

– экономическую (*finance, banque, assurance, finance, économie et gestion, analyse économique, statistique et économétrie, économie quantitative, macroéconomie, gestion financière de la banque, pratique des marchés financiers, économie du développement etc.*);

– промышленно-экономическую (*économie et management des entreprises, économie de l'industrie et des services, choix de financement, économie de l'industrie et des services etc.*);

– таможенно-экономическую (*gestion des stocks, relations avec les fournisseurs, logistique et stratégie, logistique de soutien, douane et logistique, logistique internationale, Logistique - Transport et Supply Chain Management, transports internationaux etc.*);

– торгово-экономическую (*relations avec la clientèle, publicité, commercialisation des biens et des services industriels, commercialisation des produits des filières vitivinicole et agrodistribution, etc.*);

– социально-экономическую (*ressources humaines, sociologie du travail, sociologie des organisations, enquêtes quantitatives et qualitatives en sciences sociales, gestion et administration du personnel, encadrement et animation des équipes commerciales, commercialisation des produits touristiques, etc.*);

– экономико-юридическую (*commercialisation et sécurité des produits alimentaires, conseiller de clientèle particuliers*).

Обучение специалиста юридической квалификации по специальности «Юриспруденция» в Российской таможенной академии и его филиалах осуществляется на базе следующих специализаций: гражданско-правовая, уголовно-правовая, международно-правовая. Знания специалисту в области юриспруденции предоставляют кафедры юридической направленности, в частности, кафедра теории и истории государства и права, кафедра гражданского права, кафедра уголовного права, кафедра административного и таможенного права, кафедра технических средств таможенного контроля и криминалистики и ряд других кафедр.

Как видно, семантика названий кафедр отражают историческую, правовую, таможенно-правовую понятия. Дисциплины исторической тематики содержат такую лексику и терминологию, как *история, консерваторы, реформаторы, социальная структура, социальная стратификация, государство и право*, но, несмотря на отсутствие слова *таможня*, практически все перечисленные дисциплины не могут не отражать таможенные аспекты. Так, например, дисциплины «Отечественная история», «История государства и права зарубежных стран» включают вопросы развития таможенного ведомства страны. Дисциплины «Консерваторы и реформаторы России», «Социальная структура и социальная стратификация общества» пусть кратко, но содержат информацию о деятелях таможенного ведомства, а дисциплины «Теория государства и права», «История политических и правовых учений», «История отечественного государства и права» содержат вопросы законодательства в области таможенной

деятельности.

Семантика названий правовых дисциплин, несмотря на более узкую направленность, также раскрывает аспекты законодательства, в том числе и в области таможенной сферы: «*Валютное право*», «*Международное право*», «*Криминалистика*», «*Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования*», «*Уголовно-процессуальное право*», «*Экологическое право*». В семантике таможенно-правовых и таможенно-исторических дисциплин тематики более полно выражены вопросы законодательства в области таможенного дела: *контрабанда, таможенные органы, таможенное делопроизводство и корреспонденция, таможенные платежи; таможенная статистика, таможенные оформления товаров и транспортных средств* и др.

Анализ учебных программ юридических факультетов французских учебных заведений, таких как Университет Лиона, Университет Франсуа Рабле, Университет города Руан, Международный юридический институт транспорта, Университет Монтеस्कье Бордо IV, позволил сделать следующие выводы:

– отмечается идентичность в тематике специальностей и читаемых дисциплин российских и французских вузов, что отражается в используемой терминологии: административное право *Droit administratif*, международное право *Droit international*, частное право *Droit privé*, страховое право *Droit des assurances*, право социального обеспечения *Droit social*, транспортное право *Droit des transports*, экологическое право *Droit de l'environnement*, таможенное право *Droit Douanier, Des*

Transports et de la Logistique, гражданское процессуальное право *Droit public* и др.;

– некоторая тематика представлена для конкретного государства или сообщества: конституционное право России /*Droit constitutionnel*, правовое регулирование нотариата в РФ/*Droit notarial, Pratique européenne du droit, Droit communautaire général, Pratique européenne du droit* и др.;

– невозможен дословный перевод на русский язык некоторых читаемых французских дисциплин: *Droit fluvial, Droit des libertés fondamentales, Contentieux, Techniques de commercialisation, Contentieux douanier, Contentieux des transports, Droit des biens* и др.;

– среди юридических дисциплин, так же как и среди экономических, встречается дисциплина логистика и смежная с ней деятельность: *Introduction à la logistique, Droit Douanier, Des Transports et de la Logistique, Droit douanier européen, Stratégie douanière d'entreprise, Commission de transport / douane, Contentieux douanier, Contrats de prestation logistique, Fiscalité douanière*.

Изучение вышеназванных образовательных дисциплин предполагает использование в учебном процессе различных первоисточников – государственных документов, кодексов, законов, статей в УК: «Международное таможенное право», «Международное уголовное право»; «*Droit pénal international*», «*Code des douanes français*», «Новый Таможен-

ный кодекс Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана» и других.

Таким образом, анализ вузовских дисциплин в области экономики и юриспруденции, юридических документов позволил выявить, что:

– экономическая деятельность неотрывно связана с таможенной, так как включает раздел международно-экономических отношений, а также логистику – отрасль, отвечающую за организацию передвижения товаров и услуг, в том числе из иностранных государств;

– юридическая деятельность также непосредственно связана с таможенной, так как процесс передвижения иностранных товаров и услуг реализуется на базе законодательных актов – кодексов, законов и др.;

– таможенный дискурс функционирует в анализируемой документации, содержащей таможенно-юридическую и таможенно-экономическую терминологию, раскрывающую аспекты деятельности в названных сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 136 с.

2. *Гийому Ж., Мальдидье Д.* О новых приемах интерпретации, или Проблема смысла с точки зрения анализа дискурса. Перевод с французского И.Ю. Юдиной. - 124 с.

3. *Звегинцев В.А.* О цельнооформленности единиц текста / В.А. Звегинцев // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 13–21.

4. *О'Коннор Дж., Сеймор Дж.* Введение в нейролингвистическое программирование. Как понимать людей и как

оказывать влияние на людей. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 1998. – 34 с.

5. *Серуо П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Пер. с франц. и португ. – М.: Прогресс, 1999. – С. 14-53.

6. <http://www.univ-lille1.fr/>

7. <http://www.unistra.fr/index.php?id=accueil>

8. <http://www.univ-rennes1.fr/>

9. <http://www.univ-mrs.fr/>

10. <http://www.univ-lyon2.fr/>

11. <http://www.univ-poitiers.fr/>

12. <http://www.u-bordeaux4.fr/>

13. <http://www.univ-lehavre.fr/>

14. <http://www.univ-tours.fr/>

15. <http://www.univ-rouen.fr/>

Кандидат исторических наук,
доцент Тихонова Е.В.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОЯВЛЕНИЯ
РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В СТРАНАХ
С МУЛЬТИЭТНИЧНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ
(НА ПРИМЕРЕ КАНАДЫ)**

В статье рассматриваются основные стратегии и тактики вербальной агрессии в коммуникативном взаимодействии основной «европейской» части населения Канады с представителями общин «видимых меньшинств». Вербальная агрессия анализируется с позиций этнопсихолингвистики сквозь призму исторической обусловленности формирования канадского социума.

Ключевые слова: вербальная агрессия; дискурс; стратегии вербальной агрессии; тактики вербальной агрессии; коммуникативное поведение; «видимые меньшинства»; этноконфессиональная напряженность.

Вербальная агрессия является неотъемлемым феноменом современности. Ни одну из сфер жизнедеятельности общества XXI века невозможно представить свободной от вербальной манифестации агрессии. Агрессивность коммуникативного пространства больших городов, жаргонизация и вульгаризация речи, резкое снижение уровня речевой культуры в целом, являющиеся закономерным следствием напряженного социокультурного положения, порождают многочисленные случаи использования вербальной агрессии.

Современный этап развития общества изобилует множеством явлений и процессов, порождающих агрессивную реакцию. Одной из причин подобного положения вещей является крайняя этнокультурная мозаичность населения современных государств. В связи с этим крайне актуальным представляется выявление эффективных способов и механизмов предупреждения и максимально возможной минимизации возникновения и развития агрессии в современном поликультурном социуме, что невозможно без изучения языковых средств проявления речевой агрессии.

Долгое время статус речевой агрессии как лингвистического явления представлялся весьма неопределённым как вследствие отсутствия четкой терминологии (наряду с термином «речевая агрессия» активно использовались термины «вербальная агрессия», «языковая агрессия», «коммуникативная агрессия», «словесная агрессия», «язык вражды» и др.), так и вследствие отсутствия универсального определения самого понятия «агрессия» [Воронцова 2006: 83]. К тому

же, само понятие речевой агрессии рассматривалось и рассматривается лингвистами неоднозначно - от явления с явно негативной окраской до вполне приемлемого речевого действия, способствующего разрядке (в случае, если она не выходит за рамки принятых «культурных сценариев» некоторых культур или отдельных социальных групп) или же как стратегии, абсолютно уместной в рамках деловой коммуникации [Вежбицкая 1999: 635-655; Желвис 1987: 35 - 43]. Термин «вербальная агрессия» употребляется как в обыденном понимании, так и в различных терминологических значениях в отдельных научных дисциплинах, каждая из которых реализует свое видение данного явления. Это свидетельствует о том, что феномен вербальной агрессии нельзя считать «единой формой поведения, отражающей какое-либо одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности» [Щербинина 2004: 14].

Несмотря на то, что в современной науке существует множество подходов к изучению феномена агрессии, большинство исследователей трактуют её в качестве явления лингвopsихологического. При этом исследование агрессии в психологии предшествовало интересу лингвистов к данной сфере человеческой коммуникации. Психологи определили агрессивное поведение как выходящее за границы социально одобряемого (в том числе и с точки зрения его вербализации) с непосредственной интенцией причинить вред. Психолингвистическое направление (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.) описыва-

ет механизм возникновения агрессии как преобразование внешних реакций на негативные раздражители во внутренние, связанные с речемыслительной деятельностью и находящие выражение в речевых реакциях, которые, являясь сложной нервно-психической деятельностью, опираются, в свою очередь, на интеллектуальные процессы. В результате такого преобразования появляются знаки, репрезентующие эмоции, происходит перестройка структуры высказывания и возникает эмоциональная окраска языковых единиц [Шабес 1992: 205].

По мере антропологизации современной и создания гибридных отраслей на стыках наук, лингвистический аспект агрессивного поведения выходит на аванпост научной парадигмы и превращается в одно из самых приоритетных направлений исследования. Ю.Б. Можгинский, проанализировав все существующие определения агрессии, выработал собственное, определяя агрессию как «действия и высказывания, направленные на причинение вреда, душевной и физической боли другому человеку» [Можгинский 2006: 10]. Исследователь исходит из того факта, что речевая деятельность человека включается в общую систему деятельности с различными её формами, а потому отдельные формы его поведения имеют аналоги в коммуникативном поведении и в речевой деятельности.

К началу третьего тысячелетия сложился целый ряд подходов к изучению агрессии:

1. теория когнитивной неоассоциации, согласно которой «то, как люди реагируют на прочитанное, услышанное или увиденное, зависит в основном от их интерпретации этого сообщения, идей, заложенных в нем, и мыслей, им пробуж-

даемых» [Бэрон 1977: 53]. Таким образом, неприятные события провоцируют негативные эффекты, стимулирующие агрессивные мысли, воспоминание и поведение;

2. теория скриптов (сценариев), представляющих собой концепты, прочно ассоциирующиеся в памяти с определёнными ситуациями и, соответственно, определяющие ситуацию и поведение человека в последующих коммуникативных интеракциях [Шабес 1992: 46-58];

3. теория социального обучения, утверждающая, что агрессивная модель поведения провоцируется в результате наблюдения за поведением окружающих;

4. теория социальной интеракции, рассматривающая агрессивное поведение как средство воздействия на социальное поведение в целом. В рамках данной теории выделяют три типа социальной интеракции: неявные насильственные деяния (педагогическое насилие, социализационное насилие, информационное насилие), проявление агрессии, предопределяющей последующие насильственные деяния (преступления), имитация агрессивного поведения без последующего очевидного насилия (молодые люди, громко обсуждающие девушку на улице) и др. [Щербинина 2004: 68-75].

Существует, соответственно, и множество классификаций агрессии.

Исследователи предлагают различные классификации видов речевой агрессии исходя из различных оснований: по интенсивности проявления, направленности, количеству участников ситуации общения, однако ни одна из классификаций не является исчерпывающей и полностью приемлемой [Филиппова 2009].

Л.В. Енина выделяет активную прямую вербальную

агрессию (высказывания с семантикой команды, требования к другому человеку) и активную непрямую агрессию (распространение злостной клеветы или сплетен) [Енина 2000: 206-210].

А.А. Фокин подразделяет вербальную агрессию на прямую: непосредственный обмен информацией между отправителем и получателем в процессе коммуникации и опосредованную (косвенную): получатель текста не является объектом агрессии, им является третье лицо [Фокин 2005: 231-235].

Е.И. Шейгал классифицирует эксплетивную вербальную агрессию: прямая, резкая, импульсивно-эмоциональная форма вербализации агрессии (бранные инвективы, речевые акты угрозы, экспрессивные волитивы, вердикты, категоричные требования и призывы); манипулятивную вербальную агрессию: более рационально осознанная форма вербальной агрессии, как правило, связанная с идеологическими трансформациями исходного смысла (инвективные ярлыки, клевета, запрет на речь); имплицитную вербальную агрессию, связанную с завуалированным выражением соответствующего коммуникативного намерения (косвенные речевые акты, не прямые предикации, иронические инвективы) [Шейгал 1999:204-210].

Н.Д. Левитов предложил подразделение вербальных форм агрессии на внешнюю и внутреннюю (имея в виду автоагрессию, самокоммуникацию) [Левитов 1967].

К.Ф. Седов, проанализировав различные виды классификаций, предлагает классификацию видов вербальной агрессии, включающую в себя 7 бинарных оппозиций:

1) прямая (результат коммуникативного акта, содержащий открытую очевидную враждебность) – косвенная (негативный коммуникативный результат не вытекает из суммарного

значения входящих в высказывание компонентов - колкость, насмешка);

2) инструментальная агрессия (агрессия ради агрессии, разрядка за счет коммуникативного партнера, имеющая аффективный характер) – неинструментальная (направлена на достижение определенной цели);

3) инициативная (агрессия в ракурсе нападения, реакция на фрустрирующий фактор) – реактивная (агрессия в ракурсе защиты от агрессора);

4) активная (агрессия на агрессию) – пассивная (агрессия методом прекращения контакта или демонстрация нежелания в него вступать);

5) непосредственная (вид вербальной агрессии, протекающей в рамках речевого акта, в котором коммуниканты находятся в одном пространстве и времени) – опосредованная (речевое воздействие, осуществляемое в разных хронотопах);

6) спонтанная (мотив и коммуникативное намерение речевого высказывания реализуются практически одновременно с их словесным выражением) – подготовленная;

7) эмоциональная (аффективное речевое действие) – рациональная (рациональное коммуникативное действие) [Седов 2005].

Классификация Ю.В. Щербининой, представляющаяся нам наиболее полной и систематизированной, градуирует вербальную агрессию по:

1. интенсивности (степени выраженности) - здесь вербальная агрессия варьируется от слабой («стертой», «размытой») до сильной («максимальной», «предельной»). К сильным словесным проявлениям агрессии следует отнести брань, ругань. Сильно агрессивными можно считать не толь-

ко жесткие словесные выпады, но и особо язвительные насмешки, злые шутки, веские угрозы. К слабым проявлениям вербальной агрессии относится скрытый или косвенный упрек, отказ с отсутствием извинения и необходимых формул вежливости, а также не прямое оскорбление;

2. степени осознанности (рефлексируемости) и целенаправленности воздействия. Необходимо различать осознанную, целенаправленную вербальную агрессию, связанную с выражением негативных чувств и отрицательных эмоций и представляющую собой агрессивное речевое поведение, и неосознанную, нецеленаправленную, выражающую негативные намерения и являющуюся речевой деятельностью. Целенаправленная агрессия имеет следующие частные разновидности: непреднамеренная (инструментальная, реактивная) и преднамеренная (враждебная, инициативная). Преднамеренная речевая агрессия сфокусирована на причинении коммуникативного вреда, нанесении морального урона адресату, как следствие мотивированности внутренним побуждением (желанием самоутвердиться, повысить самооценку за счет унижения собеседника); инструментальная же агрессия, наоборот, описывает случаи, охарактеризованные отсутствием интенции причинения вреда. В подобных ситуациях речевое нападение не самоцель, оно обусловлено внешним раздражителем и используется преимущественно для разрядки негативных эмоций;

3. направленности: инициативная и реактивная агрессия. Инициативная агрессия возникает в речи зачинщика, являясь, по сути, словесным нападением или речевой атакой. Реактивная агрессия чаще носит оборонительный характер, является ответом на словесное нападение;

4. характеру и способу выраженности. Выделяют явную (открытую, прямую), воплощенную как в форме, так и в содержании высказывания, и скрытую (неявную, непрямую) вербальную агрессию;

5. отношению к объекту. Выделяют переходную (объект четко определен) и непереходную («рассеянная» брань) вербальную агрессию. При непереходной агрессии возможны несколько способов смещения ее объектов: генерализация (агрессия захватывает объекты, сходные с «жертвой»), перенос через ассоциации (агрессия направлена на конкретные предметы, личные вещи, принадлежащие «жертве», или на связанные с ней общие представления и понятия), перенос на «жертву» (агрессия направлена на человека или неодушевленный предмет, который первым встретился на пути или обычно безропотно сносит ничем не заслуженные нападки);

6. числу участников. Массовая и социально-замкнутая (групповая, межличностная) вербальная агрессия. Массовая и групповая разновидности агрессии преимущественно целенаправленны и инициативны, носят открытый и явный характер, чаще всего сильно и ярко выражены [Щербинина 2013: 205-215].

Стремясь к конкретной цели, из нескольких возможных вариантов коммуникативного поведения индивид нередко выбирает агрессивный путь её достижения, предполагающий вербальную агрессию в отношении другого индивида. Наличие у говорящего желания достичь в процессе коммуникации определённых социальных целей определяет стратегию коммуникации (вектор речевого поведения, выражающийся в выборе продуманных поэтапных речевых действий), которая, в свою очередь, детерминирует стилистический, семантический и прагматический выбор говоря-

щего [Иссерс 2006]. Исходя из классификации речевой агрессии, можно выделить:

- стратегию прямой активной агрессии;
- стратегию прямой пассивной агрессии;
- стратегию косвенной активной агрессии;
- стратегию косвенной пассивной агрессии;
- стратегию автоагрессии [Сковородников 2004: 6].

Коммуникативная стратегия реализуется через отдельные речевые действия (тактики):

- тактика возмущения;
- тактика упрека;
- тактика оскорбления;
- тактика враждебного замечания;
- тактика грубого требования;
- тактика угрозы;
- тактика насмешки;
- тактика колкости;
- тактика демонстрации обиды;
- тактика прерывания контакта;
- тактика констатации некомпетентности (понижения статуса противника / повышения статуса говорящего);
- тактика злопожелания (отсылы) [Шамне 2011; Фомин 2012].

Вместе с тем вполне очевидно, что агрессивное поведение любого индивида будет максимально определено его этнокультурными корнями: в рамках каждой конкретной этнической культуры оно имеет собственные нормы и рамки (универсальный или идиоэтнический). Отсюда представляется необходимым и дискурсивный анализ,¹ предполагающий рассмотрение агрессивной сферы человеческой ком-

¹ Дискурс есть фрагмент лингвокультурной реальности конкретного языкового общества, опирающийся на сложную систему традиций, обрядов, обычаев, неписанных правил, задающих параметры порождения и интерпретации любого социально значимого поведения человека, в том числе и его речевых произведений. Таким образом, дискурс является «живой прецедентностью» любой коммуникации, постоянно изменяющейся под воздействием огромного количества независимых переменных.

муникации с точки зрения всей когнитивной деятельности человека, а значит, выходящей далеко за рамки текстового смысла. Данный подход предполагает апелляцию не только к лингвопсихологии, но и к культурным традициям, невербальным сигналам и иным способам выражения негативных интенций.

Согласно разделяемой нами концепции исследователей МГПУ, у дискурса в данном понимании существуют два аспекта: потенциальный (совокупность устных и письменных текстов, уже созданных в конкретной коммуникативной среде; система норм, определяющих в ней правила социального поведения; набор культурно-специфических клише, прецеденты - гендерные роли, традиции, предрассудки) и актуальный (реально существующие социально-значимые ситуации, в которых коммуниканты применяют различные дискурсивные практики, реализующие комбинации потенциально возможных средств и создающие на их основе индивидуальные стратегии социального поведения) [Радченко 2009: 62].

Таким образом, агрессивный дискурс является фрагментом этноспецифической лингвокультурной реальности, выходящей за рамки вербального оскорбления и демонстрирующей возможные и реальные фреймы и сценарии поведения, направленные на других лиц с непосредственной интенцией причинять вред. Логика же протекания агрессивных сценариев поведения (в подавляющем большинстве случаев имеющих вербальное оформление) предопределяет необходимость рассмотрения агрессивного дискурса в качестве «интрадискурса», так как он, пронизывая целый ряд других частных дискурсов, не включает их целиком [педагогический (педагогическая

агрессия), бытовой (персуазивное воздействие), политический (агрессивная политическая борьба), гендерный (феминистские дискурсивные практики), виндиктивный (дискурс мести), религиозный (религиозная агрессия), социальный (этническая, расовая рознь, мигрантский дискурс) и др.].

Интрадискурсивность агрессивного вербального поведения легко отследить, анализируя факты канадской лингвокультурной реальности, особенно через её социальный и религиозный дискурсы.

Канада рассматривается сегодня в качестве земли обетованной для эмигрантов со всего мира. Данная ситуация предопределена логикой иммиграционной политики официальной Оттавы, долгое время нуждавшейся в притоке людских ресурсов для освоения огромных территорий Канады. И если в течение первых волн иммиграции в Канаду прибывали в большинстве своем носители европейских культур, адаптация которых к жизни в стране протекала относительно безболезненно, то последняя треть XX и начало XXI веков ознаменовались преобладанием в рядах иммигрантов так называемых лиц неевропейского и неаборигенного происхождения («видимых меньшинств»). Согласно данным Статистического бюро Канады, к 2031 г. «видимые меньшинства» составят треть населения. Эта статистика на фоне явного нежелания этой группы населения (особенно в отношении волн переселенцев начала XXI в.) полноценно интегрироваться в лингвосоциокультурную реальность принимающего общества и стремительность демографических процессов, протекающих в недрах общин «неевропейских» иммигрантов, предопределили явный раскол между

«белым - христианским» и «небелым - преимущественно мусульманским» населением страны кленового листа [Тихонова: 85].

Потомки «видимых меньшинств» устали быть лицами второго сорта в стране, в которой они родились - отсюда некоторая радикализация требований не только относительно гарантированной политикой официального мультикультурализма культурно-религиозной автономии, но и относительно своих политических прав и свобод. Данная радикализация вылилась в целый ряд кампаний: так, мусульманская часть канадского социума требует права посещения школьниками-мусульманами учебных заведений в национальных костюмах (предполагается, например, что девочки-мусульманки должны посещать занятия по физкультуре в хиджабах), разрешения прерывать занятия для отправления намаза. При этом неприятие детьми из таких семей устоев, навязываемых им родителями, иногда приводит к непредсказуемым последствиям (так, например, канадец пакистанского происхождения Вакса Парвез вместе со своим сыном задушил собственную дочь за отказ безусловно следовать нормам и устоям мусульманского образа жизни). Лица негроидной расы также зачастую характеризуются достаточно агрессивным поведением в быту, апеллируя при попытке сделать им замечание к дискриминации по расовому признаку.

В результате англо-французская часть населения Канады начала испытывать определённое беспокойство перед лицом тотальной исламизации и этнизации социума. По большому счету, канадцы так и не создали национальную общность, оставаясь канадцами украинского, русского и др. происхождения, то есть обществом, в среде значительной части которого преобладают

этнические и конфессиональные принципы самоидентификации. Сложилась парадоксальная ситуация: в рамках глубокой толерантности, воспитанной политикой мультикультурализма в его мозаичном варианте, принимающее общество столкнулось с явной агрессией со стороны «видимых меньшинств» как в религиозном отношении (мусульмане требуют инкорпорации норм шариата в правовое поле Канады, организуя акции и митинги, риторика которых включает достаточно агрессивные религиозные слоганы), так и в социальном (демонстративное выкрикивание молитв при выселении из квартиры за неуплату, агрессивные реакции по поводу замечания о неприемлемом поведении в общественном транспорте, сопровождающиеся агрессивными вербальными угрозами). Принципиально различные принципы самоидентификации для «европейской» и «неевропейской» частей населения, когда первая исходит из принципов этнической и культурной самоидентификации, а для второй первостепенными являются принципы конфессиональные, предопределили противоположные мировоззрения, примирить которые, не ущемив права и интересы противоположной стороны в рамках канадской светской культуры, крайне сложно. «Принимающая» сторона не всегда понимает, почему должна уступить агрессивному поведению иммигрантов последних волн, «принимаемая» сторона зачастую не может изменить ориентиры с глубоко религиозных на светские. А потому агрессивный интрадискурс стал неотъемлемой частью целого ряда конкретных дискурсов (особенно политического, религиозного и социального) канадской действительности с характерной реализацией устоявшихся в рамках культур этноконфессиональных общин, представленных в Канаде, свойственных им скриптов и когнитивных неоассоциаций. При этом имеет место несовпадение потенциального

и актуального аспектов агрессивного интрадискурса в сфере этнорелигиозных взаимоотношений. Потенциальный пропагандирует намного более мирные постулаты взаимоотношений, нежели актуальный реализует.

И хотя поведение каждой из сторон определяется лингвокультурной реальностью страны-прародительницы, канадская действительность, на наш взгляд, в большей мере характеризуется на данном этапе своего развития неявными и имитационными агрессивными проявлениями. Вместе с тем, по мнению ряда канадских исследователей, процессы, латентно вызревающие в недрах канадского общества сегодня, приведут, в случае сохранения сложившейся логики развития социальных процессов, к сопровождению вербального враждебного противостояния инструментальной агрессией.

Для диагностики уровня этнокультурной напряженности в канадском социуме нами было проведено лингвистическое исследование. Методом сплошной выборки было проанализировано 500 статей из канадских газет различного уровня (федеральных, региональных) и 500 блогов, созданных канадцами различного этнокультурного происхождения, с точки зрения преимущественных тактик вербальной агрессии, маркирующих этноконфессиональную напряженность в обществе.

Из данных статей и блогов методом сплошной выборки были выделены стратегии и маркеры вербальной агрессии.

Гипотеза исследования: чем более агрессивные тактики и маркеры речевой агрессии используются в поле интернет- и массмедиакоммуникации в Канаде, тем большую степень социальной напряженности в канадском социуме они отражают. Адресность тактик агрессивного поведения позволит

выявить линии наибольшего раскола в канадском социуме.

Были получены следующие результаты. В рамках прямой активной стратегии выражения речевой агрессии нам встретились следующие тактики: враждебное замечание, насмешка (колкость), оскорбление, грубое требование, порицание (обвинение, упрек), угроза.

Преобладающей тактикой выражения вербальной агрессии является враждебное замечание (49% всех случаев).

Пример (блог): «The problem is these hordes of Asian people that UCLA [University of California, Los Angeles] accepts into our school every single year, which is fine. But if you're going to come to UCLA then use American manners.»

Пример (статья): «Then I said to this semi-literate man, 'you should thank me and those you call infidels'. He asked me why and I said: 'Because the taxes I pay are putting food on your table as are the taxes of the so-called «infidels»».

Второе место занимает тактика оскорбления (18,5%); она встречается в 2,5 раза реже, чем тактика враждебного замечания.

Пример (блог): «I have something I need to talk about. And I can't talk about it to anybody at my school, because you know what? Everybody at my school is brown.»

Пример (статья): «If Muslims, or anyone else, doesn't like living in a land filled with Christians or in a democracy they should get the hell out».

Тактика грубого требования и насмешки (колкости), частотность которых приблизительно одинакова (13,5% и 11% соответственно), встречаются приблизительно в 4,2 раза реже, чем тактика враждебного замечания, и в 1,5 раза реже, чем тактика оскорбления.

Пример (блог): «But anyway, if you're brown and watching

this, go back to your own country. I'm getting really tired of you guys taking over my city.»

Пример (статья): «I didn't come to Canada to live in an oppressive society where women wear headbags. I came here to get away from all that medieval crap».

Пример (блог): «I noticed how our local ABC television Channel 7 news reported this story at noon today, describing the family only using the words, «Conservative Afghan background»».

Пример (статья): «Will ham sandwiches be banned from police stations due to dietary restrictions?»

Наименее частотна тактика порицания (обвинения, упрека) (6,5%) и угрозы (1,5%). Тактика порицания встречается приблизительно в 7,2 раза реже тактики враждебного замечания и в 2,7 раза реже тактики оскорбления. Частотность тактики угрозы приблизительно в 15 раз ниже частотности тактики враждебного замечания и в 12,3 раза ниже частотности употребления тактики оскорбления.

Пример (блог): «They [Chinese] don't teach their kids to fend for themselves. You know what they don't also teach them, is their manners.»

Пример (статья): «City of Toronto bows to Allah, allows Muslim cab drivers the freedom to discriminate against certain passengers.»

Пример (блог): «I hate Chinese people!»

В статьях стратегия выражения прямой активной агрессии встречается в 2,7 раза реже, чем в блогах (33 и 89 случаев соответственно), что является следствием функционального различия и статей и блогов: в статье автор информирует читателя о том или ином событии, выражая свое (или заданное) отношение к этому событию с целью формирования опреде-

ленного общественного мнения; в блоге читатели сообщения (или пользователи Интернета в целом) выражают свое мнение по тому или иному вопросу, и, по причине большого количества откликов и комментариев, имеет место гораздо больше случаев проявления вербальной агрессии; кроме того, высказывающие свое мнение в блогах зачастую не заботятся о политкорректности.

Сравнительный анализ частотности употребления тактик выражения вербальной агрессии в статьях и блогах показал следующее:

В статьях преобладающей тактикой является враждебное замечание (14,5%); второй по частотности является тактика насмешки (колкости) (5,5%), что в 2,7 раза ниже частотности тактики враждебного замечания. Тактика порицания (обвинения, упрека) встречается в 3,25% случаев, т.е. в 4,7 раза реже тактики враждебного замечания и в 1,7 раза реже тактики насмешки (колкости). Такие тактики, как оскорбление и угроза, для статей не характерны (0,8% и 0% соответственно), что, возможно, объясняется требованиями политкорректности.

В блогах, как и в статьях, преобладает тактика враждебного замечания (34,5%), однако ее частотность приблизительно в 2,3 раза выше, чем в статьях.

На втором месте по частотности находится тактика оскорбления (17,7%) и грубого требования (11,75%). Частотность тактики оскорбления и грубого требования примерно в 2,5 раза меньше частотности тактики враждебного замечания.

Частотность употребления тактики оскорбления в блогах примерно в 22 раза выше, чем в статьях, а частотность тактики грубого требования в 7 раз выше, чем в статьях.

Тактика насмешки (колкости) встречается в блогах с такой же частотностью, как и в статьях (5,5%). Ее частотность в 6,3 раза ниже частотности тактики враждебного замечания, в 3,2 раза ниже частотности тактики оскорбления и в 2,1 раз ниже частотности тактики грубого требования.

Тактики порицания (обвинения, упрека) и угрозы мало характерны для блогов (3,25% и 1,5% соответственно). Частотность употребления тактики порицания (обвинения, упрека) в блогах такая же, как в статьях, а частотность употребления тактики угрозы в блогах в 1,5 раза выше, чем в статьях.

Таким образом, уже сегодня для канадского социума характерны тактики и маркеры речевой агрессии, характеризующиеся высоким уровнем неприятия «адресата»: враждебное замечание, сопровождаемое колкостями и насмешками, оскорбление, требование.

Нами было выявлено, что наибольшее число агрессивных речевых выпадов направлено в сторону эмигрантов из азиатских регионов и в сторону эмигрантов-мусульман. Это позволяет говорить о социальной напряженности не только по этническому, но и по конфессиональному принципам.

Ситуация межкультурной коммуникации всегда потенциально конфликтогенна, в условиях же поликультурной канадской мозаики и трансформаций, ею переживаемых, конфликтообразующим фактором зачастую становится взаимное неприятие участниками коммуникационного процесса особенностей чужой культуры. Социальные реалии между тем требуют налаживания продуктивного диалога, максимально свободного от проявлений речевой агрессии, ибо современный мир уже невозможно представить вне концепции мультикультурных социумов. А потому дальнейшее

изучение стратегий и тактик вербальной агрессии для формирования толерантности как интеркультурной коммуникативной компетентности языковой личности представляется не просто желательным, но жизненно необходимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бэрон С., Ричардсон Д.* Агрессия. – СПб: Питер, 1977. – 352 с.
2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
3. *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2006. – 43 с.
4. *Енина Л.В.* Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно – речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 207 – 210.
5. *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.
6. *Иссерс О.С.* Коммуникативный менеджмент: типы речевых стратегий // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 82. Т. 1. – С. 183-185.
7. *Левитов Н.Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. – 1967. – № 6. – С. 118-128.
8. *Можгинский Ю.Б.* Агрессивность детей и подростков: распознавание, лечение, профилактика. – М.: Когито-центр, 2006. – 184 с.
9. *Налчаджан А.А.* Агрессивность человека. – СПб: Питер, 2007. – 736 с.

10. *Радченко О.А.* Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2009. № 1 (3). – С. 60-67.
11. *Седов К.Ф.* Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Проблема речевой коммуникации. – Саратов, 2005. – С. 8 – 14.
12. *Сковородников А.П.* О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика-Лингвистика. 2004. Вып. 5. – С. 5-11.
13. *Тихонова Е.В.* Этноконфессиональное измерение Канады: состояние и перспективы // Ученые записки Российского государственного социального университета. - 2011. - № 10. – С. 83-96.
14. *Филиппова О.А.* Явление речевой агрессии в современных условиях общения // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2009. № 3. – С. 87-92.
15. *Фокин А.А.* Речевая агрессия на примере мифологических текстов в свете идеи «Похищение языка» Р.Барта // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск, 2005. – С. 231 – 235.
16. *Фомин А.Г., Якимова Н.С.* Тактики и маркеры вербальной агрессии в коммуникативном поведении россиян и американцев // Сибирский филологический журнал. – 2012. № 2. – С. 197-207.
17. *Хекхаузен Х.* Агрессия // Мотивация и деятельность. – М.: Смысл, 1986. Т. 1. – 860 с.
18. *Шабес В.Я.* Речь и знание. – СПб: Образование, 1992. – 84 с.
19. *Шамне Н.Л., Карякин А.В.* Речевая агрессия как

нарушение экологичности политического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. № 1 (13). – С. 204-208.

20. *Шейгал Е.И.* Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Антропоцентрические исследования. – Саратов, 1999. – С. 204 – 210.

21. *Щербинина Ю.В.* Русский язык: речевая агрессия и пути её преодоления. - М.: Флинта, 2004. – 221 с.

22. *Щербинина Ю.В.* Экскурсия по окрестностям: игра на понижение. Виды речевой агрессии // Речевая агрессия. Территория вражды. – М., 2013. – С. 205-215.

Кандидат исторических наук,
доцент Тюменева Е.И.

«ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ» В ЯЗЫКЕ ВЬЕТНАМСКИХ СМИ

В программных требованиях практически всех высших учебных заведений, где изучаются восточные языки, записано, что выпускник должен уметь читать и понимать аутентичную общественно-политическую литературу, переводить устно и письменно на русский язык тексты общественно-политического характера. Источником таких текстов служат печатные и электронные СМИ. В последние годы авторы текстов, публикуемых во вьетнамских СМИ всё чаще используют так называемые «прецедентные тексты». Этот термин был введён Ю.Н. Карауловым [1, с. 19] для обозначения высказываний, хорошо известных всем членам общества и не требующих дешифровки. К числу «прецедентных текстов»

принято относить цитаты, пословицы, поговорки и фразеологические сочетания, которые многократно воспроизводятся в речи носителей языка в готовом виде.

Большинство «прецедентных текстов», встречающихся в общественно-политических текстах вьетнамских СМИ, относятся к двум группам народных речений: тукнгы (tục ngữ) и тханьнгы (thành ngữ). Тукнгы относятся к сфере паремии. Одна их часть - независимые полные предложения, которые могут употребляться самостоятельно: nước đến chân mới nhảy/прыгать только тогда, когда вода дошла до ног/ «гром не грянет, мужик не перекрестится». Другая часть - фразеологические сочетания с предикативным центром: chuột sa chảo/мышь попала в кувшин с рисом/ «как сыр в масле кататься». Такие тукнгы самостоятельно употребляются только в газетных заголовках, а в текстах обычно играют роль какого-либо члена предложения.

Тханьнгы или «готовые выражения» встречаются только в изолирующих языках, к которым относится и вьетнамский. Большинство вьетнамских авторов определяет тханьнгы как устойчивое словосочетание, выражающее готовое понятие [3, с.5]. Однако, этого недостаточно, чтобы чётко разграничить часть паремий и «готовые выражения». У «готовых выражений» особая форма, своя структура, семантические и фонетические особенности. Прежде всего «готовые выражения» всегда состоят из четырёх морфем. Однако, по некоторым данным, весь фразеологический фонд вьетнамского языка почти на 80% состоит из четырёхсловов [2, с.5]. Следовательно, количество морфем не может являться единственным критерием выделения «готовых выражений». Помимо четырёхморфемного со-

става особенностью «готовых выражений» является особый порядок соединения морфем. Во вьетнамском языке грамматическую нагрузку выполняет порядок слов. Однако, в «готовых выражениях» морфемы соединяются в порядке, не характерном для вьетнамской грамматики, например, отсутствуют служебные слова, а определение помещается перед определяемым словом: *đục nước, béo sò*/мутная вода, жирные цапли/ «ловить рыбу в мутной воде».

Ещё один критерий отличия тханьгы от тукнгы – это парность и параллельность. Четырёхслог состоит из двух частей (парность), морфемы каждой из которых являются либо синонимами, либо антонимами (параллельность). Приведём несколько примеров: *hẹn non thề biển*/обещать горы, клясться морями / «обещать золотые горы». Это готовое выражение построено по модели глагол-существительное-глагол-существительное. Оно состоит из пары синонимичных глаголов и пары близких по образности имён существительных. *Khó người đẽ ta*/придирчивый к другим, снисходительный к себе/ «в чужом глазу соринку видит, в своём бревна не замечает». Данное «готовое выражение построено по модели прилагательное-существительное-прилагательное-существительное и состоит из двух параллельных пар: придирчивый-снисходительный и я-другие. *Đầu voi đuôi chuột*/голова слона, хвост мыши/ «гора родила мышь». Модель этого «готового выражения», где присутствует параллель между антонимичными парами голова-хвост и слон-мышь, существительное-существительное-существительное-существительное.

«Прецедентные тексты», к которым в СМИ Вьетнама в большинстве случаев относятся паремии и «готовые выражения», употребляются с целью эмоционального воздействия на чита-

теля. Они делают общественно-политические тексты ярче и экспрессивнее. Этот тезис можно проиллюстрировать данными ниже примерами.

В связи с продолжающимся валютно-финансовым кризисом в Европе авторы текстов по экономической проблематике часто употребляют четырёхслог *thắt lưng buộc bụng*, что в буквальном переводе означает «подпоясать спину, завязать живот». В русском языке этому четырёхслогу соответствует выражение «затянуть потуже пояса». Однако, употребление тханьнгы на месте какого-либо члена предложения делает подбор для его перевода эквивалентным фразеологизмом достаточно сложным. В статье **Liệu Hy Lạp có rời khỏi Eurozone ?** / «Выйдет ли Греция из еврозоны» (NDĐT, 16/06/2012) эта паремия встречается три раза. В первый и во второй раз она появляется как определение к слову *biện pháp* «меры». В третий раз – как дополнение к глаголу *phản đối* «протестовать». Вариант «затянуть пояса» выглядит наиболее эквивалентным в лексическом и эмоциональном плане. Однако, он не согласуется ни с именем существительным «меры», ни с глаголом «протестовать». Поэтому в качестве перевода был выбран не фразеологичный вариант «жесткая экономия».

В статье **Cuộc "vượt bão" đầy chông gai** / «Опасный шторм» (NDĐT 29/03/2012), где речь идёт о событиях на Ближнем Востоке, употребляется тукнгы *nồi da nấu thịt*, что означает «кожаный котелок варит мясо». Эту паремию можно перевести как «варить своё мясо в котелке из собственной кожи». В работе Нгуен Лана «Словарь «готовых выражений» и паремий вьетнамского языка» автор так объясняет область

использования этого фразеологизма: братья в одной семье или близкие родственники вредят друг другу. [3, tr. 242]

Перевести такой четырёхслог путём подбора соответствующей пословицы или поговорки русского языка не представляется возможным, так как у нас «прецедентные тексты» подобного типа отсутствуют. В статье *nhà da nâu thit* употреблено как определение к слову *nhà chiến* «гражданская война», следовательно его следует перевести эмоционально окрашенным определением, например, «братоубийственная гражданская война».

Паремии встречаются в газетных текстах как в готовом, так и в изменённом виде. Изменение фразеологизмов, пословиц и поговорок позволяет журналистам избегать штампов, чтобы получить помимо свойств, заложенных в них самих, новые экспрессивные свойства.

Сложным событиям в экономической жизни Европы посвящена статья **Cứu Eurozone: Phải đợi thêm 2 đến 4 tháng nữa ?/** «Спасти Еврозону: надо подождать ещё несколько месяцев?» (NDĐT, 28/02/2012) В этой статье для характеристики финансовой политики Греции используется паремия *tiền vào nhà khó như gió vào nhà trống*, что в буквальном переводе звучит как «деньги входят в дом бедняка, как ветер входит в пустой дом». Составитель словаря вьетнамских народных речений Нгуен Лан объясняет употребление этой пословицы следующим образом: раз уж ты беден, то сколько денег не дай, всё потратишь. (5, tr. 308). При переводе этой пословицы следует сохранить какой-либо её образ, например «ветер». Тогда перевод предложения, где была употреблена данная паремия, выглядит следующим образом: «... экономика

Греции слишком слаба, и раз уж ветер в карманах гуляет, этой стране сколько не дай, всё потратит».

Заголовок статьи **Gieo gió, gặt bão**/ «Кто сеет ветер, пожнёт бурю» (NDĐT 26/12/2012) является «готовым выражением». Однако в последнем абзаце автор его изменяет, добавляя два слова *ắt* «наверняка» и *phải* «должен». Статья заканчивается изменённым четырёхслогом, вынесенным в заголовок: **Gieo gió ắt phải gặt bão**: кто сеет ветер, наверняка вынужден будет пожать бурю.

«Готовые выражения» и паремии часто являются источником «прецедентных текстов», употребляющихся в газетных заголовках вьетнамских СМИ. Авторы обращаются к таким изречениям, так как их легко опознать и запомнить, используя многовековую мудрость народа для оценки современных событий. В большинстве случаев, употребляя «готовые выражения», авторы не вносят в них изменений. Тханьнги *đục nước béo cò*/ мутная вода, жирные цапли/ «ловить рыбу в мутной воде» использовано в качестве заголовка статьи, посвящённой событиям на Ближнем Востоке (*Đục nước béo cò*. NDĐT, 25/11/2012). Четырёхслог *quýt làm, cam chịu*/ манарин делает, апельсин терпит/ «нести ответственность за чужие ошибки» является заголовком статьи, в которой речь идёт о скандалах в правительстве президента Франции Ф.Оланда. (*Quýt làm, cam chịu*. NDĐT, 04/04/2013).

В ряде случаев авторы вносят в тханьнги минимальные изменения, которые не затрагивают его внутренней формы. В заголовочном комплексе *Giới hạn "thắt lưng buộc bụng"*/ «Долго ли ещё итальянцам «затягивать пояса»? (NDĐT, 23/12/2012) к «готовому выражению» *thắt lưng buộc bụng*/ «затянуть пояс» добавлено слово «срок». В заголовке *Coi*

chùng "nuôi ong tay áo"! / Берегитесь, пригрили змею на груди! (NDĐT, 29/10/2012) к паремии со структурой предикативного словосочетания nuôi ong tay áo/ «вскормить пчелу в рукаве» добавлен глагол coi chừng «остерегаться, беречься».

Пословицы, вынесенные в заголовочный комплекс, гораздо чаще подвергаются трансформации. В основном заменяются одна или несколько морфем или добавляются новые. Приведём два примера на использование в заголовках тукнгы mất bò mới lo làm chuồng /«только потеряв корову, беспокоится о том, чтобы сделать клетку». Эта паремия высмеивает тех, кто заранее не бережёт себя от возможного ущерба. В русском языке существует эквивалент - пословица «гром не грянет, мужик не перекрестится».

Заголовок статьи, где речь идёт о защите информации, почти буквально воспроизводит эту пословицу: **Đừng mất bò mới lo làm chuồng**/ «Не теряй корову, а потом беспокойся о строительстве клетки» (NDĐT 06/04/2011). Так как в заголовке автор употребляет модификатор побудительного наклонения в отрицательной форме **đừng** «не», употребление русского эквивалента в полной форме проблематично по стилистическим соображениям. Наиболее подходящий вариант перевода «Не дожидаться, пока грянет гром!». Ещё одна модификация этой паремии – заголовок статьи **Mất bò vẫn chưa lo làm chuồng!**/ «Потерял корову, а всё равно не беспокоится о том, чтобы построить клетку!» (NDĐT, 18/12/2012).

В газете Nhân dân от 13 июля 2008 года была опубликована статья под заголовком **Hãy sờ lên gáy mình trước đã rồi mới đủ tư cách rao giảng về nhân quyền**/ «Прежде потрогайте свой затылок, и только потом беритесь судить о правах человека». Выражение **sờ lên gáy mình**/ «потрогать свой затылок»

вьетнамцы употребляют, когда хотят показать собеседнику, что его собственное поведение небезупречно. Это выражение встроено в заголовочный комплекс и ему предшествует побудительный модификатор *hầu*. При переводе таких сложных заголовков иногда уместно подобрать соответствие, которое вызовет у русскоязычного читателя аналогичные эмоции, например, «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться».

Авторы текстов вьетнамских СМИ всё чаще обыгрывают специфические фразеологические единицы, к которым мы относим «готовые выражения» и паремии. Они употребляются для краткой и эмоциональной интерпретации статьи и получили название «прецедентные тексты». «Прецедентные тексты» употребляются как в их обычной языковой форме с присущим им значением, так и с некоторыми изменениями. Изменённые фразеологизмы сохраняют образность, афористичность и ритмико-мелодическую структуру. Употребляясь в качестве «прецедентных текстов», вьетнамские «готовые выражения» и паремии маркируются кавычками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. *Нгуен Ван Ханг.* Структурные и семантические особенности четырёхкомпонентных фразеологизмов в современном вьетнамском языке. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1994.
3. *Nguyễn Lân.* Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam (Нгуен Лан. Словарь вьетнамских устойчивых выражений и

пословиц). Hà Nội, 2007.

4. Nhân dân điện tử (Электронная версия газеты «Народ»).

Кандидат педагогических наук,
доцент Тюрина Т.Н.

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА

Статья посвящена проблеме профессиональной культуры, включающей иностранный язык в качестве её составляющей. Освоение иностранного языка позволяет говорить о достижении нового этапа в профессиональном развитии личности, об акмеологии совершенствования и коррекции профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная культура специалиста; акмеология.

Мотивация в изучении иностранных языков – основа эффективности его усвоения. Начать изучать тот или иной иностранный язык следует с постановки кратного вопроса «Зачем»? Для взрослого человека ответ очевиден. Иностранный язык на сегодняшний день – важнейший элемент общей и профессиональной культуры специалиста. Безусловно, свою роль здесь способны сыграть курсы иностранного языка для специальных целей, но не менее важны волевые усилия самого обучающегося.

Воля – осознание необходимости выполнения той или иной деятельности. Внутренние усилия определяются словами «*надо*», «*должен*», «*необходимо*». Благодаря воле осуществляется переход от сознания конкретной цели к конкретным практическим действиям. Именно здесь и проявляется самосознание

человека, как говорят американцы, «*The buck stops here*» - «дальше стихивать не на кого».

Целями профессиональной деятельности, как правило, являются две составляющие:

1. Достижение высоко уровня профессионализма.
2. Достижение карьерного роста.

Едва ли возможна реализация данных составляющих без определенного уровня владения иностранным языком / иностранными языками. Доминирующую роль здесь по праву, играет английский язык, который еще в прошлом веке называли «Латынью XX века», однако его уверенно догоняют другие европейские языки (немецкий, французский, испанский, итальянский).

В настоящее время идет тенденция отказа от изучения данных языков в вузах в пользу английского. «Загнанным» языком, как правило, выступает немецкий язык. Будь я адвокатом со стороны языка, привела бы три аргумента в его пользу, а именно:

1. В рейтинге предпочтения работодателей немецкий язык занимает второе место среди европейских языков.
2. По востребованности иностранных языков среди обучающихся он занимает ту же позицию.
3. «Окно в Европу» открыли впервые в Немецкой слободе Москвы. С историей не поспоришь!

Да и спорить не надо... На наш взгляд, следует отыскать возможность обучения двум языкам параллельно (хотя бы в статусе факультативного курса для неязыковых вузов), недаром XXI век объявлен ООН веком полиглотов.

Освоение иностранного языка позволяет говорить о достижении нового этапа в профессиональном развитии личности, об акмеологии совершенствования и коррекции

профессиональной деятельности. В данном случае идет речь о профессиональной мобильности, т.е. способности переключения на другой более совершенный вид деятельности.

Профессиональный аспект акмеологии связан с определением возможностей и результатов осуществления трудовой деятельности через выяснение профпригодности, психологической готовности к данному виду труда и степени социальной ответственности за его процесс и результаты (по А.А. Дергачу). Образовательный маршрут личности на всем своем протяжении должен иметь целевые установки, определяющие конечные результаты обучения. Только конечные результаты, имеющие социальную значимость, позволяют говорить об эффективности учебной деятельности.

Критерий качества того или иного учебного заведения – развитие у всех или подавляющего большинства выпускников творческой готовности к самообразованию, связанному с овладением основами профессионализма, профессионального искусства, мастерства и творчества (по Н.В. Кузьминой).

Проводимый кафедрой иностранных языков нашего вуза мониторинг качества языковой подготовки обучающихся позволил сделать вывод о возросшей их ответственности за итоговый результат освоения дисциплины «Иностранный язык».

Так основной акцент был сделан на реальный уровень владения иностранным языком, а не на конкретную оценку по дисциплине. Рассматривалась возможность получения дополнительных знаний по языку вне стен института с целью расширения языкового поля. Обучающиеся выразили желание иметь «запас» профессионально-ориентированного текстового материала. Появилась заинтересованность в проведении научных исследований и участии в конференциях и

симпозиумах по профилю кафедры. Особенно радует преподавателей кафедры участие обучающихся во внеаудиторной работе: выпуск газет на иностранном языке, участие в страноведческих конкурсах и олимпиадах, проведение языковых экскурсий по Институту, помощь преподавателям в разработке компьютерных обучающих и контролирующих программ. Если абстрагироваться от конкретных форм деятельности обучающихся, а принять за существенное только их желание заниматься иностранным языком помимо основных учебных занятий (при острой нехватке времени), то в данном случае можно представить себе, какую работу должны были проделать преподаватели кафедры, чтобы выйти на данный уровень взаимодействия.

Исследования показывают, что только 5% преподавателей становятся Мастерами своего дела. Им свойственно подлинное, а не декларативное желание саморазвиваться в своих учениках.

Как правило, такие преподаватели имеют свои авторские системы деятельности (АСД), особенностью которых является искусство превращать учебный предмет в средство развития личности обучающегося, его индивидуальности и творческой готовности к продуктивному решению основных профессиональных задач.

Кандидат филологических наук,
доцент Фридрих С.А.

ЭКСПРЕССИЯ ЯЗЫКА И ЭКСПРЕССИЯ ТЕКСТА

В сообщении сделана попытка на основании разграничения понятий стилового и экспрессивного показать их различное место в системе языка и, отсюда, несостоятельность рассмотрения их как фактов единой науки

стилистики.

Ключевые слова: стилистика; стилелогия; экспрессивность; текст; язык; речь.

Самым распространенным определением стилистики является следующее: раздел языкознания, изучающий стили языка и его выразительные средства.

С точки зрения дихотомии языка стилистику делят на стилистику языка и стилистику речи. С точки зрения сферы применения стилистики получаем стилистику лингвистическую (или, что то же, лингвостилистику) и литературоведческую стилистику. Если расширить дихотомию языка на трихотомию - язык, речь, текст - то получим еще стилистику текста. Но и здесь необходимо терминологически рассматривать стилистику в качестве общей территории сосуществования стилистики от автора (стилистика кодирования) и стилистика от читателя (стилистика декодирования).

С точки зрения уровневого строения языка и речи получаем соответственно: стилистику фонологическую и фонетическую, стилистику графемную и грамматическую, стилистику лексемную и лексическую, стилистику синтаксемную и синтаксическую. Тут, правда, не совсем все столь очевидно, поскольку необходимо при отсылке к синтаксическому (или синтаксемному) уровню всегда иметь в виду, о какой конкретно области синтаксиса идет речь: о синтаксисе словосочетаний, или предложений, или надфразовых единств, или текста. Если, как утверждают некоторые лингвисты, текст - это наивысший уровень языка, то стилистика текста составляет одну из подсистем языка. А если текст - это реализация речи

в письменном виде, то стилистика текста есть стилистика речи.

Все это скорее можно было бы назвать злой и неуместной шуткой, если бы дела обстояли иначе и сказанное выше не отражало бы реальное положение дел в сфере обсуждаемой проблемы.

Первым шагом к выходу из терминологической путаницы, в которой мы оказались, могло бы стать более жесткая дифференциация внутри самого понятия стилистики, поскольку именно то ее определение, которое принимается на веру почти всеми лингвистами, противоречиво по своей сути и устранение его могло бы, на наш взгляд, в какой-то степени выправить положение в данной области исследования и проложить путь к более точным и однозначным определениям и других сфер, волею судеб втянутых в орбиту этой лингвистической дисциплины.

Итак, необходимо жестко дифференцировать категории стилевого (функционального стиля) и экспрессивного (способов придания языковым единицам выразительных свойств, не закодированных в системе языка). Области стилевого и экспрессивного естественно пересекаются в речи, но по существу резко отличаются друг от друга. Отсюда любые попытки подчинить одно другому либо описывать одно через другое ведут к дальнейшему запутыванию истинного положения дел.

И стиль, и экспрессивность составляют интегральную часть языковой системы, существуя в нем, однако, не в виде неких закрытых подсистем, как это обычно утверждается, а как факторы системных отношений на разных уровнях языка, обеспечивающих гибкость использования языка в раз-

личных целях и ситуациях. Отсюда очевидно, почему поиски т.н. «стилей языка» всегда оказывались безуспешными, тогда как определение более или менее внятного понятия функциональных стилей и их количества почти всегда были успешными. Это объясняется тем, что функциональный стиль, будучи внешним по отношению к языковой системе, для своего построения использует внутрисистемные языковые отношения, отбор и комбинация которых диктуется той конкретной целью, которую тот или иной стиль выполняет в той или иной конкретной ситуации.

Что касается экспрессивности, то ее языковой характер определяется наличием у языковых единиц ингерентной (системно обусловленной) коннотации, тогда как адгерентная (не обусловленная, а навязанная системе) коннотация экспрессивности так же, как и функциональный стиль, является внешней по отношению к языковой системе, представляя собой результат «работы» неких общесемиотических категорий, ориентированных на любую коммуникативную систему, включая язык. Таким образом, то что ранее понималось как стилистика во всем многообразии своих проявлений, речь о которых шла выше, на самом деле оказывается научной фикцией.

То, что раньше определялось как теория тропов и фигур, дошедшая до наших дней из древности почти без изменения, на самом деле представляет собой конечный результат обработки сориентированных на языковую систему семиотических категорий. В основе всех тропов и фигур лежит один и тот же принцип манипуляции языковыми единицами разных уровней, что естественно никак не может быть задано системными отношениями языка. Данный принцип манипу-

ляции языковыми единицами с целью навязывания им экспрессивных отношений, не закодированных в системе языка, можно распространить на все известные фигуры речи и образные средства. Таким образом, прием создания экспрессивности языковых единиц, находясь вне системы, ориентирован на ее коммуникативные возможности.

Сказанное в равной степени относится и к тексту, поскольку в основе разграничения экспрессивных (художественных) и неэкспрессивных (нехудожественных) текстов, если они внутренне завершены, другими словами, являются не знаками, а собственно текстами, лежит использование художественными текстами принципа манипуляции инвариантными текстовыми единицами с целью навязывания им экспрессивности, которой данные единицы вне рамок использования категорий экспрессивности, никак обладать не в состоянии.

Дифференциация стилевого и экспрессивного позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения стиля и стилистических приемов и сосредоточиться на изучении либо одного, либо другого явления независимо друг от друга и, естественно, вне рамок одной и той же лингвистической науки - стилистики.

Завершить хотелось бы собственным переводом на русский язык небольшого стихотворения Дороти Паркер:

Краткая автобиографическая справка

От бритвы лицо в кровавых крапинках;
 С речки затхлой сыростью веет;
 От кислот вся одежда заляпана;
 А от лекарств руки-ноги немеют.
 Оружие поставлено вне закона;
 Петли все время расходятся;

Газы нос забивают зловониями;
А иного от жизни ждать не приходится.

Кандидат филологических наук,
доцент Ходькова А.П.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЫБОРА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЁН ИНДИКАТИВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В статье отмечается тенденция современной французской литературы к использованию глагольных временных форм, состоящая в определённой «размытости» их функциональных границ, что является выразительным средством для создания различных семантических и стилистических эффектов.

Ключевые слова: временная форма; оттенки значения; дискурс; новые тенденции.

Выбор глагольных форм во французском языке является одной из ключевых проблем, несмотря на то, что ни одна из грамматик не может обойтись без акцента на множественные нюансы значений разнообразных глагольных форм, что уже свидетельствует о её сложности.

Временные формы французского глагола выражают не только значение времени осуществления действия, но и видовые оттенки, значение которых особенно проявляются в сочетании глагола с наречиями или наречными выражениями. Одна и та же глагольная форма может приобретать различные видовые оттенки в зависимости от её окружения:

1. *Pierre est venu vous voir* – одноразовое действие в

прошлом.

2. *Pierre est venu vous voir plusieurs fois* – повторяющееся действие.

Нам представляется интересным наблюдение над употреблением глагольных форм в несвойственном для их основного значения контексте, в случаях, когда они употребляются не в соответствии с общеизвестными правилами.

Интересным представляется подход к проблеме чередования и «смешения» временных форм во французском дискурсе Тарасовой А.Н., которая выявляет закономерность на первый взгляд несочетающихся временных форм в одном и том же тексте. В результате тонкого анализа значений форм *Passé composé* и *Passé simple*, автор говорит о чередовании времён и обосновывает смену времён сменой точки зрения рассказчика от внешней (*Passé simple*) к внутренней (*Passé composé*) и наоборот. Отмечается переключение внимания с одной композиционно-речевой формы на другую и выделение субъективно-модальной информации (оценки, мотивации, результата) [Тарасова 2006: 216-225].

Непрост и выбор между основными глагольными формами прошедшего времени *Passé simple* (PS) и *Passé composé* (PC), с одной стороны, и *Imparfait* (Imp), с другой, по видовым оттенкам, хотя он отражён во всех грамматиках. У некоторых авторов находим особенности глагольных форм, не обозначенные у других. Так, не касаясь стилистических различий данных форм, С. Пуассон-Кэнтон отмечает следующие семантические нюансы: PS обозначает процесс, завершённый полностью, в то время как Imp. обозначает про-

цесс в развитии без определения его начала или завершения [Poisson-Quinton 2005: 109].

В грамматике Г. Може более подробно излагаются нюансы значений PS, PC / Imp. Что касается PC, акцентируется выражаемая им временная завершённость действия к моменту речи, а также возможность его употребления вместо Plus-que-parfait (PQP), однако, как отмечает автор, PC обозначает отзвук действия в настоящем времени:

Il s'est réveillé (il est encore réveillé) parce qu'il a entendu du bruit [Mauger 1968: 239].

В грамматике И. Шолле и Ж. - М. Робера, как и во многих других, акцентируются стилистические различия PS и PC: PS – это временная форма рассказа, PC – прошедшее время речи. Однако далее авторы добавляют и менее известные нюансы: если в диалоге присутствует рассказ, то возможно употребление PS и в устной речи. Не употребляющееся обычно в устной речи PS может встречаться и в радиопередачах (своего рода устный рассказ) и в спортивных репортажах, как правило, с глаголом être:

L'hiver dernier, ma femme et moi étions au chômage, ce furent des mois difficiles [Chollet 2009: 133].

В современной литературе, как отмечается в этой грамматике, можно встретить PC и PS в одном и том же контексте, если рассказ прерывается комментариями, связанными с моментом речи. Мы можем это проиллюстрировать следующими примерами из современной литературы:

1. *Personne, dans les rangs des Français, ne poussa le moindre cri de victoire. Mais quand nous tîmes pour certain que les hordes ennemies étaient parties, qu'elles ne reviendraient plus, c'est le sommeil qui nous a saisis. Je me suis couché par terre, là où j'étais, à*

côté de mes camarades, la tête sur mon sac et mon fusil joint aux faisceaux. Je me souviens à peine d'avoir lutté contre le sommeil. J'ai dormi profondément, jusqu'à la nuit [Le Clézio J.M.G. 2003: 131].

2. *Il est mort avant que nous n'arrivions en Angleterre. Il mourut une nuit où le roulis était doux [Gaudé 2006: 124].*

В данных примерах, где основная канва повествования традиционно приводится в PS, которое излагает события исторического прошлого, смена формы прошедшего на РС изменяет фокус повествования, переводя его ближе к моменту речи, последствия которого ощущаются и тем, кому адресовано повествование. Подобную «игру» перемещения фокуса повествования мы можем наблюдать и в следующем примере, где в одном и том же контексте сочетаются РС и PS:

De notre amour, j'ai oublié un personnage pourtant présent dans la chambre, dès le début, et toujours au coeur du tendre combat: le pendilu, mon pagne de coton brodé d'une déclaration à Ballewell que je ne vous révélerai jamais. Cinq fois je dus en changer tant nos escarmouches en éprouvaient le tissu. Au matin, profitant sans doute de mon sommeil abyssal de femme épuisée, quelqu'un les avait subtilisés. Je les retrouvai tous les cinq, bien alignés sur une corde à linge, sales et frénétiquement tachés, tels que nous les avons laissés, tachés et saletés commentées, à ma honte immense, par la moitié du village [Orsenna 2003: 165].

Отметим, что в современной литературе становится распространённым повествование не в PS, а в РС. Этот приём авторов создаёт впечатление беседы с читателем, эффект приближения события к моменту речи:

1. *Laure a su se rendre utile sur le bateau. Elle a confectionné de petits gâteaux avec la pulpe de coco, et elle les a distribués aux hommes de l'équipage, ce qui l'a rendue populaire. Ces*

hommes sont, pour la plupart, des rustres sans éducation habitués aux coups et à la vie dure, et pour eux la jolie créole toujours souriante est devenue une bonne fée. Lors du passage de la ligne, qu'elle franchissait pour la première fois, elle a participé à la fête en chantant ses chansons... [Le Clezio J.M.G. 2003: 247].

2. *Un peu absurdement, j'ai décidé de rester à Rouen ce week-end. Tisserand s'en est étonné; je lui ai expliqué que j'avais envie de visiter la ville, et que je n'avais rien à faire à Paris. Je n'ai pas vraiment envie de visiter la ville. Pourtant il y a de très beaux vestiges moyennâgeux, des maisons anciennes d'un charme réel. Il y a cinq ou six siècles, Rouen a dû être une des plus belles villes de France ; mais maintenant tout est foutu* [Houellebecq 1994: 68].

В этой связи небезынтересно процитировать высказывание Ж. Эшено по поводу выбора временных форм в его романе “Je m'en vais”, которое находим в его интервью журналистам: “... un texte écrit au passé composé ne donnera pas du tout la même efficacité, la même vitesse, que le même texte écrit au plus-que-parfait, à l'imparfait ou au présent. Passer d'un temps à un autre permet de varier le rythme de l'action – en fait, les temps grammaticaux fonctionnent un peu comme une boîte de vitesse, à chacun correspondent un rythme et une efficacité spécifiques» [Echenoz 2001: 244].

В грамматике И. Шолле и Ж.-М. Робера Imp противопоставляется PC по параметрам, отмеченным и другими грамматистами: PC обозначает действие точечное, кратковременное, Imp – действие длительное. Они могут употребляться в одном и том же сложном предложении с quand, lorsque, comme. Но далее авторы добавляют, что если оба длительных действия происходят в одно и то же время и их длительность совпадает, употребляется два Imp, если же два кратковременных действия следуют одно за другим, употребляет-

ся два PC: *Quand Mario étudiait à Paris, il habitait dans le Quartier latin. Quand Paul m'a vu, il m'a souri* [Chollet 2009: 121-122].

Сравнивая употребление трёх глагольных форм прошедшего времени в литературном языке (PS, PC, Imp), Г. Може обращает внимание на предпочтение выбора PS перед PC в крылатых выражениях и поговорках, поскольку эта форма является более краткой и шокирующей: *Jamais mauvais ouvrier ne trouva bon outil*. И далее автор говорит, что из-за «шокирующей краткости» иногда писатели предпочитают PS форме PC, поскольку PS передает более энергично факт, а иногда даже личного характера. Г. Може подтверждает свою мысль примером С.де Бовуар: *Elle travaillait, lisait, buvait du thé sans témoin: comme je l'enviai!* [Mauger 1968: 242]. Автор отмечает также определённое возрождение PS в языке средств массовой информации, в особенности в 3-м лице.

Как отмечалось выше, в данной статье нас интересуют не «классические» употребления трёх форм прошедшего времени, а те случаи, когда та или иная форма употребляется в несвойственном ей окружении. Это могло бы позволить выявить либо появляющиеся новые её функции в современном литературном языке, либо констатировать стилистические особенности автора произведения. Так, перфективные глаголы в Imp обычно сочетаются с наречиями *souvent*, *parfois*, *toujours* и наречным выражением *chaque fois*, обозначая многократно повторяющееся действие, часто переходящее в привычку. Однако в современной литературе мы находим примеры сочетаемости подобных наречий с глаголами в PS или PC, что создаёт эффект повторяемости законченных действий, в то время как повторяемость, выраженная Imp, содержит значение стабильности, фона. В предложении *«Tous les jours elle*

allait voir sa mère» действие в Imp указывает на образ жизни персонажа. В примерах с PS или PC в подобном контексте (в зависимости от помещения действия в контекст диалога или цельного рассказа) повторяемость приобретает иной характер: повторяющееся действие каждый раз имело своё завершение:

1. *Le lundi, Mathias alla chercher les enfants à l'école. Le mardi, ce fut au tour d'Antoine* [Levy 2006: 84].

2. *Je voulais te dire aussi que j'ai téléphoné à la clinique plusieurs fois pour avoir des nouvelles d'Anna et que chaque fois je suis tombé sur la même personne qui a refusé de me passer l'autre* [Dubois 2008: 135].

В современном литературном языке отмечается довольно частое «нарушение» согласования времён, которое свойственно произведениям, авторы которых этим приёмом стремятся приблизить литературную речь к разговорной. Как известно, в разговорной речи правила согласования времён часто не соблюдаются, что становится уже нормой. Этот феномен отмечается в выражениях, обозначающих общеизвестные истины или другие понятия, содержащие идею стабильности, как-то: *Galilée a dit que la terre tourne*.

В литературных диалогах вместо Plus-que-parfait в плане прошедшего часто употребляется PC:

1. *Il m'a dit* une fois, quand les nouveaux épisodes *sont* enfin *sortis*, vingt ans plus tard: «C'était ma façon d'être un garçon » [Garcia 2008: 17].

2. *J'ai appris* vaguement par ta mère qu'il *a* brillamment *terminé* son doctorat, qu'il *a travaillé* pour une société de produits alimentaires, qu'il l'*a quittée* pour partir en Afrique, puis il *est revenu* habiter rue des Sybarites, où personne n'*a* plus *entendu*

parler de lui jusqu'à son décès [Werber 2009: 20].

3. C'est en étrangère, en somnambule qu'elle *participa* aux cérémonies de sa propre noce. Une autre *avait pris* sa place et *suivait* pas à pas, mot à mot, le vieux rituel [Orsenna 2003: 164]

4. *J'ai eu* le temps de voir qu'il *a sorti* de sa poche un objet, mais trop petit pour que je le voie, que je comprenne [Mauvignier 2011: 16]

Иногда вместо Imp в плане прошедшего употребляется Présent:

Ce monde qui lui *était* interdit malgré son argent *fascinait* Janine, et elle *semble* être réellement tombée amoureuse de Marc [Houellebecq 1994: 29].

Часто в плане прошедшего в одном и том же контексте употребляется то одно из прошедших времён, то настоящее. Настоящее, как известно, в плане прошедшего придаёт рассказу динамизм, приближает событие к моменту речи:

1. - *Il a soixante-trois ans, il est célibataire. Comme la soeur, disons, mais en homme. Mais lui a fait du chemin. Import-export dans la conserverie de légumes, grosse usine à Lille, grosse fortune, installation en Suisse et retour il y a dix ans. Il vend l'affaire, réalise ses biens, prend sa retraite et vit de ses rentes à Paris.*

- *Largement ?*

- *Très. C'est à son retour en France qu'il a acheté cet hôtel pour sa soeur* [Vargas 2002: 85].

2. La fouille de l'appartement d'Annie Rochelle *commença* vers cinq heures du soir, lente, monotone. On *cherche* le sac à main [Vargas 2002: 86]

Но иногда настоящее время в контексте прошедшего не создает эффекта динамизма:

1. *Je leur ai payé un voyage à Venise, encore, ils ont râlé, ils*

m'ont dit qu'ils sont bien à la maison [Garcia 2008: 87].

2. *Lesbowitz est devenu célèbre, au milieu des années quatre-vingt, grâce à un livre qui n'avait rien à voir avec ses réflexions politiques de ce temps-là, en tout cas en apparence. Un livre sur l'amour. Même le président Mitterand avait lu «La fidélité d'une vie». Il en parle dans un entretien avec Jean Lacouture* [Garcia 2008: 73]

3. *Une tradition de confidences mutuelles lui donnait des droits, elle ne comprenait pas que Frédérique se dérobe et sans cesse revenait à la charge, en variant les manoeuvres d'approche* [Carrère 1988: 161]

Иногда в плане настоящего находим употребление времён, сходное с формальным согласованием времён в плане прошедшего:

Nous savons qu'ils portaient notre image en eux lorsqu'ils traversaient la haine et la peur, lorsqu'ils se heurtaient dans le noir. [Houellebecq 1998: 9]

В других случаях в плане прошедшего нарушается логика повествования:

A côté de lui, Suzy était resplendissante dans une robe blanche. Quelques années plus tard, elle s'était mariée, mais avait toujours tenu à conserver comme seul patronyme Wells. [Werber 2009: 20]

Иногда нарушаются правила выбора временных форм в соответствующем стиле. Так, например, в следующем примере из разговорной речи употреблена форма Subjonctif imparfait, свойственная литературному стилю:

Je crois que je n'ai jamais connu personne qui se révélât plus différente de son apparence qu'Emma Van A. [Schmitt 2007: 9].

В другом случае, наоборот, в тексте с PS употреблены формы Présent de l'indicatif и Subjonctif passé, свойственные

разговорной речи:

*Sur ce qu'il **advint** ensuite, on n'a aucune certitude. Le fait que sa voiture **ait été retrouvée** à proximité immédiate d'Aughrus Point devait naturellement faire penser au suicide – d'autant que ni Walcott, ni aucun technicien du centre ne se **montrèrent** réellement surpris par cette issue [Houellebecq 1998: 303].*

Следовательно, фактический материал из художественной литературы последних десятилетий позволяет заключить, что в системе глагола, несмотря на разветвлённую систему временных форм, включающую в свои функции и выражение видовых оттенков, наблюдается размытость их функциональных границ. Многие современные авторы следуют описанному в грамматиках правилам и достигают желаемых стилистических и семантических эффектов, не прибегая к «нарушению» грамматических правил употребления глагольных форм (Ж. Дормессон, Д. Пеннак, М. Леви, Ф. Бурдэн и др). Однако следует отметить ярко выраженную тенденцию использовать временные формы в несвойственном для них контексте и стиле как выразительное средство, использующееся для создания эффекта беседы, обмена мнением с читателем. Данная тенденция наблюдается особенно в произведениях молодых авторов (Ж.М.Г. Леклезю, М. Уэльбек, Ж.-П. Дюбуа, И. Вербер, Л. Годе, Э. Каррэр, Л. Мовинье и др.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 831 с.
2. Тарасова А.Н. Чередование и «смешение» временных форм во французском дискурсе. Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака / А.Н. Тарасова. – М.: URSS, 2006. – 225 с.

3. *Carrère E.* D'autres vies que la mienne / E.Carrère. – P.O.L. éditeur, 2009. – 334 p.
4. *Carrère E.* Hors d'atteinte? / E. Carrère. – P.O.L. éditeur, 1988. – 279 p.
5. *Chollet I.* Précis de Grammaire / I.Chollet, J.-M. Robert. – CLE international, 2009. – 224 p.
6. *Le Clézio J.M.G.* Révolutions / J.M.G. Le Clézio. – Editions Gallimard, 2003. – 555 p.
7. *Dubois J.-P.* Les accommodements raisonnables / J.-P. Dubois. – Les éditions de l'Olivier, 2008. – 275 p.
8. *Echenoz J.* Je m'en vais / J. Echenoz. – Les éditions de Minuit, 2001. – 250 p.
9. *Garcia T.* La meilleure part des hommes / T.Garcia. – Gallimard, 2008. – 359 p.
10. *Gaudé L.* Eldorado / L.Gaudé. Actes Sud, 2006. – 220 p.
11. *Houellebecq M.* Extension du domaine de la lutte / M. Houellebecq. – Maurice Nadeau, 1994. – 156 p.
12. *Houellebecq M.* Les particules élémentaires / M. Houellebecq. – Editions Flammarion, 1998. – 316 p.
13. *Levy M.* Mes amis mes amours / M. Levy. - Paris: Editions Robert Laffont, 2006. – 338 p.
14. *Mauger G.* Grammaire pratique du français d'aujourd'hui / G. Mauger. – Paris: Hachette, 1968. – 419 p.
15. *Mauvignier L.* Des hommes / L. Mauvignier. – Les Editions de minuit, 2011. – 283 p.
16. *Orsenna E.* Madame Bâ / E. Orsenna. – Editions Fayard/ Stock, 2003. – 506 p.
17. *Poisson-Quinton S.* Grammaire expliquée française / S. Poisson-Quinton, R. Mimran, M. Mahéo-Le Coadic. – Paris: CLE international, 2005. – 430 p.

18. *Schmitt E.-E.* La rêveuse d'Ostende / E.-E. Schmitt. – Editions Albin Michel, 2007. – 246 p.

19. *Tarassova A.* Grammaire française d'aujourd'hui : в 2-х тт. / A.Tarassova. – М.: NESTOR, t.1 – 2006. – 526 p., t.2 – 2007. – 399 p.

20. *Vargas F.* Coule la Seine / F. Vargas. – Editions Viviane Hamy, 2002. – 123 p.

21. *Werber B.* Les fourmis / D.Werber. – Editions Albin Michel, 2009. – 313 p.

Доцент Чербуленко А.Н.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ
ИЗ ОБЛАСТИ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА
(ЯЗЫКОВАЯ ПАРА
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК – РУССКИЙ ЯЗЫК)**

Статья посвящена описанию проблем при переводе текстов из области корпоративного права с немецкого языка на русский и с русского языка на немецкий. Автор исследует особенности перевода в различных практических ситуациях, анализирует применимость содержащихся в словарях и справочниках словарных соответствий, описывает действия переводчика по нахождению переводных эквивалентов, роль экстралингвистических знаний в выборе терминов. Статья может быть полезна переводчикам, специализирующимся на переводе юридических текстов.

Ключевые слова: тексты из области корпоративного права; перевод учредительных документов; перевод уставов; экстралингвистические знания; особенности перевода в различных практических ситуациях

Используемые аббревиатуры:

- АО – акционерное общество
АПК – арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
ГК – Гражданский кодекс Российской Федерации
ЗобООО – Федеральный закон от 14 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»
КП – корпоративное право
ЛЕ – лексическая единица
МТ – онлайн-словарь «Мультитран»
НЯ – немецкий язык
ООО – общество с ограниченной ответственностью
ОПФ – организационно-правовая форма общества
ПЭ – переводной эквивалент
РЯ – русский язык
ТР – торговый реестр
ТУГ – Торговое уложение Германии (опубликованный перевод на РЯ, в книгу включены также переводы ряда иных законов Германии из области КП)
ШОЗ – Швейцарский обязательственный закон (опубликованный перевод на РЯ)
AktG – Aktiengesetz (Закон Германии «Об акционерных обществах»)
GmbHG – Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (Закон Германии «Об обществах с ограниченной ответственностью»)
HGB – Handelsgesetzbuch (Торговое уложение Германии)
OR – Obligationsrecht (Швейцарский обязательственный закон)
1. Введение. Тексты из области КП и ситуации, приводящие к их переводу.
Появление на российском рынке большого количества

предприятий с участием иностранного капитала, регистрируемых в соответствии с требованиями законодательства РФ, привело, в частности, к увеличению доли текстов из области КП в общем объеме переводимых текстов.

К текстам из области КП относятся различные документы, основными из которых являются:

1. Учредительные документы (уставы) обществ.
2. Договоры об учреждении обществ¹.
3. Положения о филиалах обществ.
4. Выписки из ТР.
5. Протоколы общих собраний участников общества.
6. Вопросы повестки дня общих собраний участников общества (при созыве и заочном проведении общих собраний участников общества).
7. Доверенности представителям общества для ведения дел общества в различных инстанциях.
8. Переписка между участниками общества по различным вопросам деятельности общества (например, информирование иностранного участника общества об изменении законодательства страны места нахождения общества).

На практике перечисленные выше тексты переводятся, как правило, для:

- 1) ознакомления уполномоченных лиц общества с содержанием соответствующего документа, составленного на языке, являющимся для данного лица иностранным, с целью последующего подписания данного документа на языке оригинала. В таких случаях перевод не является официальным, а служит для информирования ответственно-

¹ Согласно ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в редакции ФЗ от 30.12.2008 № 312-ФЗ, действующей с 1 июля 2009 г.) «Договор об учреждении общества не является учредительным документом общества» (ст. 11, п. 5)

го лица с содержанием подаваемого на подпись документа;

2) представления документов общества, надлежащим образом оформленных на языке оригинала, в различные государственные органы по их запросу¹. В таких случаях перевод, предъявляемый вместе с оригиналом документа, заверяется нотариусом, причем текст оригинала, приходящий из соответствующей страны, должен быть заверен нотариусом этой страны и апостилирован.

В настоящей статье автор исследует наиболее типичные проблемы различного характера, возникающие при переводе текстов из области КП, с целью описания действий переводчика для их решения. Анализ текстов опубликованных законов из области КП, материалов, опубликованных на сайтах немецких юридических фирм, занимающихся консультациями предпринимателей, и опыт работы автора по переводу текстов из области КП позволяют сделать вывод, что для переводчика важно знание проблем следующих видов:

- проблемы стилистического и лексико-грамматического характера,
- проблемы перевода терминов из области КП,
- необходимость экстралингвистического подхода к переводу.

2. Проблемы стилистического и лексико-грамматического характера при переводе текстов из области КП.

Анализ специальной литературы на НЯ и РЯ позволяет сделать вывод, что для переводчика наиболее важное практическое значение имеют следующие стилистические и лексико-

¹ Например, арбитражный суд РФ, язык судопроизводства в котором русский, может затребовать у одной из сторон, участвующих в процессе, выписку из ТР с необходимыми данными об иностранном учредителе российского общества.

грамматические особенности текстов из области КП.

2.1 Преобладание глагольных конструкций в текстах на НЯ и субстантивированных конструкций в текстах на РЯ.

Авторы текстов на НЯ при выборе из нескольких вариантов предпочитают, как правило, использовать глагольные конструкции, например, ... *sie (die Gesellschaft mit beschränkter Haftung – прим. автора) kann vor Gericht klagen und verklagt werden* [GmbHG: § 13 (1)]; *Zweigniederlassungen sind ins Handelsregister des Ortes einzutragen, an dem sie sich befinden* [OR: Art. 778a]; *Geschäftsführer, ..., haften der Gesellschaft solidarisch für den entstandenen Schaden* [GmbHG: § 43 (2)], в то время как авторы текстов на РЯ – субстантивированные конструкции (на РЯ содержание подчеркнутых фрагментов предложений выглядит следующим образом: *общество ... может ... быть истцом и ответчиком в суде* [ЗобООО: ст. 2, п. 2]; *по месту нахождения* [АПК: 35]; *учредители общества несут солидарную ответственность ...* [ЗобООО: ст. 11, п. 6]). Если переводчик хочет, чтобы его транслят читался как текст, составленный юристом на его родном языке, при переводе ему следует выбирать соответствующую конструкцию.

2.2 Более высокая степень имплицитности ЛЕ на НЯ по сравнению с ЛЕ на РЯ.

Анализ AktG, GmbHG, OR и их опубликованных на РЯ переводов позволяет сделать вывод, что ЛЕ на НЯ часто более имплицитны, чем ЛЕ на РЯ, вследствие чего описание становится необходимым для перевода даже тех ЛЕ, которые имеют эквиваленты на РЯ. Например, при переводе предложения *Die Stammeinlage ist sofort zur Hälfte einzuzahlen* использование прямых ПЭ для *sofort* – *сейчас, тотчас, немедленно* не рас-

крывает смысл сказанного на НЯ, поэтому слово *sofort* следует «расшифровать», например, *при учреждении общества*.

2.3 Роль артиклей в текстах из области КП на НЯ и необходимость ее отражения при переводе на РЯ.

Хорошей иллюстрацией роли определенного артикля является следующее предложение: *Soweit das Gesetz für kleine Kapitalgesellschaften Erleichterungen vorsieht, sind diese bei Vorliegen der Voraussetzungen zu berücksichtigen*. При переводе данного предложения на РЯ следует учесть, что в данном случае определённый артикль придает стоящему в постпозиции существительному *Gesetz* обобщающее значение, и наиболее точным ПЭ для выделенной подчёркиванием ЛЕ будет *действующее законодательство*. В предложении *Der Geschäftsführer führt die Geschäfte der Gesellschaft und hat die verantwortliche Leitung und Überwachung des gesamten Geschäftsbetriebs nach Maßgabe des Gesetzes, des Gesellschaftsvertrages, einer etwaigen Geschäftsordnung für die Geschäftsführung und der Beschlüsse der Gesellschafterversammlung* первый из подчёркнутых определённых артиклей употребляется с той же целью, что и в первом предложении, второй – для подчёркивания, что речь идёт именно о данном документе, поэтому *nach Maßgabe des Gesellschaftsvertrages* следует перевести *в соответствии с на стоящим договором*¹ (в варианте *в соответствии с договором* было бы не совсем ясно, о каком договоре идёт речь).

Приведённые примеры наглядно показывают роль артиклей в юридических текстах, поэтому при переводе им следует уделять особое внимание.

3. Проблемы перевода терминов из области КП.

3.1 Синонимы и псевдосинонимы в текстах из области КП.

При переводе текстов из любой области переводчик по-

¹ Вместо *договор* м.б. использовано слово *устав*.

стоянно сталкивается с ситуацией, когда для ЛЕ на ИЯ двуязычные словари приводят несколько ПЭ, которые, как правило, различаются оттенками значения. Однако, для юриста слова, различающиеся оттенками значения, могут означать различные юридические понятия, поэтому ЛЕ, являющиеся синонимами для лингвиста, могут не быть таковыми для юриста, и перед переводчиком встаёт естественный вопрос о взаимозаменяемости приводимых в правой части словарных статей ПЭ. Назовём такие слова *псевдосинонимами* и проиллюстрируем явление псевдосинонимии на примерах терминов из области КП.

Для термина *Prokurist* МТ приводит следующие ПЭ: *доверенный (торговой фирмы, предприятия), прокурисст (торговой фирмы, предприятия), распорядитель, доверенный торговой фирмы, доверенное лицо* торговой фирмы, *поверенный в управлении предприятием, уполномоченный фирмы, уполномоченный представитель, доверенное лицо*, все они объединены тем, что означают некое лицо, которому выданы полномочия на ведение дел коммерческой организации. По данному признаку перечисленные ПЭ с точки зрения лингвиста м.б. отнесены к синонимам, и переводчики часто делают ошибку, выбирая в качестве ПЭ значения *доверенное лицо* или *уполномоченный представитель*, более понятные, чем *прокурисст*. Однако, с точки зрения юриста значения *доверенное лицо, уполномоченный представитель* и *прокурисст* существенно различаются, прежде всего по объёму полномочий соответствующих лиц, указанных в [HGB: §§ 48–58, 84]. Анализ содержания указанных параграфов и опубликованного перевода даёт следующие взаимнооднозначные соответствия: *Prokurist* – *прокурисст, Handlungsbevollmächtigter* –

уполномоченный на ведение коммерческих дел, *Handelsvertreter* – торговый представитель.

Другим примером синонимии/псевдосинонимии являются термины *Auflösung* и *Liquidation*. МТ даёт для них следующие ПЭ (приведены только ПЭ, служащие для иллюстрации примера):

- *Auflösung* – закрытие (напр., предприятия); прекращение (напр., торговых дел); ликвидация (предприятия); роспуск (фирмы, организации и т.п.);

- *Liquidation* – ликвидация (предприятия и т.п.).

На основании наличия полностью совпадающих значений в обеих словарных статьях (эти значения подчеркнуты) многие переводчики делают вывод, что *Auflösung* и *Liquidation* являются синонимами, и приводят для *Auflösung* ПЭ ликвидация. Однако, как *Auflösung* и *Liquidation*, так и *прекращение общества* и *ликвидация общества* – разные юридические понятия. Анализ материалов ЗобООО (гл. V), AktG (§§ 262–274), GmbHG (§§ 60–74) позволяет вывести следующие соответствия: *Auflösung* – *прекращение общества*, *Liquidation* (в GmbHG) = *Abwicklung* (в AktG) – *ликвидация*.

При этом, однако, переводчику следует иметь в виду, что законодательство как Германии, так и РФ в ряде случаев даёт возможность рассматривать некоторые термины и их ПЭ как взаимозаменяемые синонимы. Например, при исследовании терминов, относящихся к такой ОПФ, как *Kommanditgesellschaft* [HGB: §§ 161–177a], на основании сопоставления терминов, содержащихся в указанных параграфах и иной юридической литературе на НЯ, можно выявить следующие термины-синонимы: *Kommanditist*=*Teilhafter*; *persönlich haftender Gesellschafter*=*Komplementär*=*Vollhafter*. Исследова-

ние соответствующих положений законодательства РФ [ГК: ст. 82] позволяет подобрать к указанным терминам ПЭ, также являющиеся взаимозаменяемыми синонимами: *Kommanditist* = *Teilhafter* – вкладчик = *коммандитист*, *persönlich haftender Gesellschafter* = *Komplementär* = *Vollhafter* – *полный товарищ*¹, *Kommanditgesellschaft* – *товарищество на вере* = *коммандитное товарищество*.

Вместе с тем, термины на НЯ с одинаковыми денотативными значениями, дифференцируемые по их применимости в зависимости от ОПФ общества, например, *Grundkapital* (в случае АО Германии) – *Stammkapital* (в случае ООО Германии) или от терминологии законодательства соответствующего государства, например, *Handelsregister* (для Германии и Швейцарии) – *Firmenbuch* (для Австрии), не могут считаться взаимозаменяемыми синонимами, что особенно следует учитывать при переводе с РЯ на НЯ.

3.2 Необходимость экстралингвистического подхода к переводу текстов из области КП.

Автором был проведён следующий эксперимент: нескольким переводчикам (студентам) было предложено перевести с РЯ на НЯ предложение ООО «К», являющееся юридическим лицом согласно законодательству Российской Федерации, в лице генерального директора И.И. Иванова, действующего на основании устава, именуемое в дальнейшем «Продавец», и ООО «М», являющееся юридическим лицом согласно законодательству Германии, в лице генерального директора П. Шмидта, действующего на основании устава, именуемое в дальнейшем «Покупатель», заключили между собой настоящий договор о нижеследующем и указано на то, что оно было составлено российскими юристами, готовившими текст договора между вышеуказанными

¹ Опубликованный перевод [ТУГ] в разделе с положениями о такой ОПФ, как *Kommanditgesellschaft auf Aktien* (коммандитное товарищество на акциях) [ТУГ: § 278] приводит ПЭ-кальку *лично ответственный участник*

организациями. При этом автора в первую очередь интересовал подход переводчиков к построению ПЭ подчёркнутых автором ЛЕ.

Результат эксперимента оказался следующим. Никто из переводчиков не задумался о значении сообщённой информации, при этом все привели ПЭ, одинаковые для обеих частей предложения, разделённых союзом и (т.е., если для названия должности *генеральный директор* российского ООО был предложен ПЭ *Generaldirektor*, то и для названия должности *генеральный директор* немецкого ООО был предложен ПЭ *Generaldirektor*).

Однако, полученный таким образом транслят, не отражает специфики терминологии КП Германии, и при более правильном подходе переводчикам следовало бы выяснить, как в официальных документах на НЯ называются должность П. Шмидта и документ, на основании которого он представляет ООО «М ГмбХ». Такая информация точно содержится в выписке из ТР, которая м.б. недоступной для переводчика, однако, разъяснив заказчику транслята всю проблематику, связанную с переводом данного предложения, переводчик может получить необходимые сведения через заказчика (прежние официально зарегистрированные документы, визитная карточка, информация на сайте ООО «М ГмбХ», прямой контакт с П. Шмидтом по телефону или e-mail). Полученные в результате соответствующих запросов сведения и будут служить ПЭ в данном случае.

При таком подходе скорее всего окажется, что должность П. Шмидта называется *Geschäftsführer*, а действует он на основании документа, на НЯ называемого *Gesellschaftsvertrag*.

Следует отметить, что если бы договор заключался между российским ООО «К» и швейцарским ООО «Н ГмбХ», следовало бы применить подстановку *устав* ↔ *Statuten*, т.к.

в ОР используется именно этот термин.

В настоящее время автор готовит электронный справочник по терминам, встречающимся в законодательстве по КП Германии, Австрии, Швейцарии и РФ, с дифференциацией терминов в зависимости от ОПФ общества и терминологии по КП соответствующего государства и ссылками на статьи (параграфы) законов, в которых данные термины употребляются.

Представим себе еще одну ситуацию. ООО «А», являющееся юридическим лицом согласно законодательству РФ, одним из учредителей которого является «Б ГмбХ», являющееся юридическим лицом согласно законодательству Германии, обращается для защиты своих интересов в арбитражный суд РФ. Последний запрашивает учредительные документы ООО «А», выписку из ТР с данными о «Б ГмбХ» и доверенность на представительство в суде. При этом ООО «А» предоставляет свой устав, зарегистрированный в РФ, а «Б ГмбХ» предоставляет документ под названием *Auszug aus dem Handelsregister*, из которого следует, что *Geschäftsführer P.Schmidt* единолично представляет «Б ГмбХ». Доверенность на представительство в суде выдана в Германии немецкой юридической фирме, имеющей представительство в РФ, от имени «Б ГмбХ», составлена на НЯ и подписана *Geschäftsführer P.Schmidt*. Словари дают много ПЭ для *Geschäftsführer* (см., например, соответствующую словарную статью в МТ), однако, переводчику в данном случае следует ориентироваться не на словарные соответствия, а на название должности в зарегистрированных в РФ документах ООО «А», например, в уставе общества, и во всех предоставляемых в суд документах д.б. употреблено одно и то же название должности, которое может отсутствовать в сло-

варях¹. Следует также отметить, что если бы в суде запросили *учредительные документы* «Б ГмбХ» как иностранного учредителя ООО «А», и был бы предоставлен документ под названием *Gesellschaftsvertrag*, то данное название следовало бы перевести как *устав*, т.к. согл. ст. 11, п. 5 ЗобООО «Договор об учреждении общества не является учредительным документом общества», а на возможность подстановки *Gesellschaftsvertrag* ↔ *Satzung* прямо указывает § 53 (1) GmbHG.

В заключение остановимся на проблемах перевода названий органов управления общества, ограничившись анализом названий органов управления ООО РФ и Германии. Исследование ЗобООО, GmbHG показало, что законодательство РФ в области КП не только содержит большее количество названий различных органов управления обществом, чем законодательство Германии, но и даёт учредителям общества возможность вводить названия, не содержащиеся в соответствующих текстах законов. В самом деле, согл. [ЗобООО: ст. 32, п. 1], высшим органом ООО является *общее собрание участников общества*. Уставом ООО м.б. предусмотрено образование *совета директоров (наблюдательного совета)* общества [ЗобООО: ст. 32, п. 2], к компетенции которого относятся вопросы, не отнесённые к компетенции *общего собрания участников* или *исполнительного органа общества*. Согласно [ЗобООО: ст. 32, п. 4], руководство текущей деятельностью общества осуществляется *единоличным исполнительным органом общества (генеральным директором, президентом и др.* – [ЗобООО: ст. 40, п. 1]) или *единоличным исполнительным органом общества и коллегиальным исполнительным органом общества – правление, дирекция и др.*

¹ В аналогичном случае, имевшем место в переводческой практике автора, должность П.Шмидта в зарегистрированном уставе ООО «А» называлась *президент* (такое название допустимо согл. ст. 40, п. 1 ЗобООО)

– [ЗобООО: ст. 41, п. 1]). Полномочия *единоличного исполнительного органа общества* м.б. переданы *управляющему*, под которым согл. [ЗобООО: ст. 32, п. 2.1 2)] понимается коммерческая организация или индивидуальный предприниматель¹.

GmbHG содержит значительно меньшее количество названий органов управления ООО Германии. Согл. [GmbHG: §§ 46, 48] наиболее важные решения принимаются на *Gesellschafterversammlung*, из чего следует, что *Gesellschafterversammlung* является высшим органом управления ООО Германии, и в этом отношении соответствует *общему собранию участников* ООО РФ, т.е. *Gesellschafterversammlung* ↔ *общее собрание участников общества*. Руководство текущей деятельностью общества осуществляется органом управления под названием *Geschäftsführer*, причем общество может иметь одного или нескольких работников, должность которых имеет такое название. В уставе общества м.б. предусмотрено образование органа под названием *Aufsichtsrat*, образование которого обязательно, если в обществе более 500 наёмных работников. Другие органы управления обществом не предусмотрены.

В результате имеем, что количество названий для органов управления различного уровня в ООО РФ значительно превышает количество названий для органов управления в ООО Германии, из чего следует, что при переводе с РЯ на НЯ переводчику в ряде случаев придётся переводить безэквивалентные ЛЕ. При этом следует иметь в виду, что ПЭ могут

¹ В связи с этим ПЭ *управляющий*, употребляющийся в опубликованном переводе GmbHG [ТУГ: с. 468], представляется автору не совсем корректным, т.к. согл. [GmbHG: § 6] управляющим м.б. только физическое лицо, отвечающее ряду требований, перечисленных в том же параграфе.

представлять собой не единственно возможные решения. Например, получающиеся при переводе названия *единоличный исполнительный орган общества* ПЭ *Geschäftsführer in alleiniger Vertretung u Geschäftsführer, der die Gesellschaft allein vertritt* по мнению автора имеют равное право на существование, возможны и другие варианты.

4. Заключение.

Актуальность текстов из области КП и проблемы, возникающие при их переводе, вынуждают искать новые подходы к их решению. ПЭ, приводимые в двуязычных словарях, чаще всего не позволяют решить возникающие при переводе проблемы, поэтому их следует рассматривать лишь как начало вектора, задающего направление поиска решения, при котором очень важную роль играют изучение законодательства соответствующего государства по текстам в оригинале и опубликованных переводах, а также взаимодействие с заказчиком перевода.

Кандидат филологических наук,
доцент Чичина М.О.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье говорится об особенностях менталитета русского человека и опасности языкового «вторжения» американизмов в русский язык.

Ключевые слова: Россия; самобытность; независимость; духовно-нравственные ценности; русский язык; русская языковая личность; русские и россияне; угрозы глобализма; американизмы; опасность «размывания» кодов русского языка и русской культуры; православие; духовность.

Россия – это уникальная многонациональная страна, которая «вошла в мировую историю со своим культурно-историческим типом. Её державообразующий стержень, в исторический проект которого осознанно вошли другие народы, — это русский народ с православной культурой. Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию» (из предвыборной статьи Президента РФ В.В. Путина. Россия: национальный вопрос [Путин 2012: www.ng.ru]).

Согласно переписи населения 2010 года русские составляют 80, 9 процента населения, а всего на территории современной России проживает 180 народов и народностей. «Российский народ — это гражданская общность, которая тоже имеет ценность. Россиянин — это и русский, и татарин, и башкир, и чеченец. Мы все россияне — то есть граждане России» [Нарочницкая: www.pravomyslie.ru/?p=2325].

Исторически вокруг русского народа объединились те народы и народности, которые стремились вместе добиваться экономического процветания, стабильного развития на благо общего дома - России, а в случае необходимости совместно защищаться от врагов. В результате такого ненасильственного объединения в состав России вошло множество народов (белорусы, украинцы, татары, чувашаи, чеченцы, армяне, аварцы, казахи и др.) и народностей. До нашего времени сохранились редкие, к сожалению, уже малочисленные в двадцать первом веке нганасаны (862 чел.), орочи (562 чел.),

ижорцы (266 чел.), сету (214 чел.), воль (64 чел.), по данным Переписи населения России 2010 года.

Отличительной чертой русского народа всегда было уважительное отношение к истории Отечества, к памяти предков, обычаям, традициям, родному языку, русской литературе и культуре. Другой важный факт: русские всегда уважительно относились ко всем народам и народностям, для которых Россия тоже стала родиной, которые воспитывались в духе любви к нашей большой и многонациональной стране, чувствовали свою сопричастность к её судьбе. Мы помним полководца Багратиона, художника Айвазовского, писателя Куприна, героя Советского Союза Мусу Джалиля и многих других великих людей, которые в разные эпохи и каждый по-своему служили родине - России.

Именно поэтому нельзя не согласиться с мнением Н.А. Нарочницкой в том, что «привезённые на нашу территорию мигранты, то есть люди иной национальной культуры, смогут развивать её в соответствии с существующими на ней историческими культурными традициями» [Нарочницкая 2013: 51].

Вместе с тем среди этих людей есть такие, кто рассматривает Россию как страну для заработка, но полюбить её и беречь её вряд ли смогут. Даже просветительские уроки русского языка и культуры, знакомство с историей России, на наш взгляд, не воспитают у мигрантов, как правило, взрослых людей со сформированным взглядом на мир, чувство общего дома. В этом заключается одна из проблем, вызванных теми изменениями в международной жизни, которые были вызваны распадом СССР и последующими годами «перестройки». Вместо интеграции в культурно-историческую структуру российского общества мигранты переносят в Россию свои

стереотипы жизни. Причём большинство мигрантов не хотят изучать русский язык и знакомиться с русской культурой. Бессмысленно спрашивать у рабочих из стран СНГ, знают ли они имена Пушкина, Лермонтова, Толстого или Достоевского – многие мигранты обходятся самым элементарным набором слов, по-русски читать не умеют, да и вообще самым частотным, наверняка, стал бы ответ: «А зачем они мне? Мне это знать не нужно».

Отметим, что исторически для всех народов и народностей, на разных этапах истории вошедших в состав России, русский язык был проводником в мир и русской, и европейской, и других культур. Достаточно вспомнить, что к образованию внимательно относились в России всегда: и в Древней Руси (грамотность существовала не только среди князей, но и среди крестьян), и в Российской империи (Царскосельский лицей воспитывал национальную элиту русского общества; церковно-приходские школы вели обучение простых граждан, духовные семинарии служили для просвещения служителей церкви; создание Академии наук стало важным событием в жизни Российской империи). Что касается Советского Союза, то высокий общеобразовательный уровень советских школьников и студентов, участников международных олимпиад, позволял им побеждать сверстников из других стран. В недавнем интервью журналистам лауреат Нобелевской премии, известный учёный Жорес Алфёров привёл слова американского президента Эйзенхауэра, который сказал: «Мы проиграли русским космос за школьной партой». Таким образом, достижение максимально высокого уровня образова-

ния россиян всегда было одним из важнейших приоритетов нашего государства.

Двадцать первый век – сложное время для многих стран мира. Преобладающим вектором современного развития стала так называемая глобализация. Если оставить в стороне второстепенные рассказы о тех выгодах, которые каждая страна приобретет от «вступления в клуб», то останется само существо вопроса: попытка создать единую мировую культуру при господстве англо-американской модели. По мнению ряда ученых, глобализация – это «распространение во всемирном масштабе регулируемой Западом информации и средств развлечения, которые оказывают соответствующий эффект на ценности тех мест, куда эта информация проникает... Когда мы говорим о «глобализации культуры», мы имеем в виду влияние культуры западной цивилизации, в особенности Америки, на все прочие цивилизации мира» [Уткин 2001: 45].

Профессор МГИМО, автор аналитической программы «Постскриптум» А.К. Пушкин справедливо отметил, что основной характеристикой России может служить «её самостоятельность, её неподчиняемость, невключаемость в другие цивилизации» [Пушкин: www.narodsobranie.ru]. Что должно обеспечивать России эту самостоятельность? Конечно, экономическая мощь, военный потенциал и верность культурно-историческим традициям, духовности.

Однако глобализация с её идеей обезличивания национально-культурной специфики стран выступает против самобытности народов, направляя их на путь англо-американской поведенческой модели. Если сравнивать системы образования, то американская модель предусматривает узкую

профессиональную специализацию, при отсутствии широких знаний о мире. В русской системе образования важно было не просто дать знания, но научить мыслить: этому способствовало серьёзное и комплексное изучение и гуманитарных, и естественных дисциплин, которые формировали научную картину мира у учащегося. Как следствие Россия была самой читающей страной мира, а успехи в области научно-технического прогресса были известны всем.

В программе «Умники и умницы» (27 апреля 2013 года) госпожа Чрезвычайный и Полномочный посол Королевства Швеции в РФ Вероника Бард Брингеус, отвечая на вопрос ведущего о позитивных тенденциях в жизни российской молодёжи двадцать первого века, с радостью отметила, что современная молодёжь России не отличается от шведской, потому что она интересуется Интернетом и любит лёгкую музыку. **С нашей точки зрения, это не позитивное изменение, а опасная тенденция, так как глубина знаний и стремление к духовности отличали россиян, и особенно нашу молодёжь, от других, а сегодня, к сожалению, эти различия нивелируются. Одной из причин, на наш взгляд, является дегуманитаризация образования.**

Позволю себе не согласиться с мнением профессора МГУ Елистратова Е.С., высказанным в его статье «Глобализация и национальный язык» [Елистратов: www.viperson.ru], в которой он заявляет, что «американизация как планомерная пропаганда американского образа жизни и (косвенно) "американского английского" языка - явление частное, временное и, судя по всему, уже прошедшее свой "пик" в 70-90-х гг. XX в.». Распространение американского образа жизни в мире, навязывание английского языка в качестве повсемест-

но обязательного для изучения – это не временное явление, а планомерная языковая политика США и англосаксов. Казалось бы, в этом ничего негативного нет. Современный человек должен владеть иностранными языками, в том числе и английским. Однако **внедрение англоязычной лексики в структуру русского языка постепенно может привести к подмене смысла понятий, кодов русской культуры, что, конечно же, не может не угрожать формированию языковой личности русского человека.**

Подмена русской лексики лексикой английского языка ведет к выхолащиванию нашего языка, подмене сущностных понятий, растворению в чужих – не вполне понятных и неодинаково трактуемых словах и терминах – самого духа русского языка и, как следствие, постепенной утрате национального самосознания, которое, как известно, в языке и проявляется наиболее ярко. В. Гумбольдт говорил, что любой национальный язык является «домом духа народа». Так вот речь и идет о том, что наше русское самосознание может лишиться своего дома, неосмотрительно впустив в него назойливого американского соседа.

Вот один из примеров ненужного заимствования: недавно вышел на экраны замечательный фильм «Легенда номер 17» о гениальном хоккеисте Валерии Харламове; так вот на сайте «Афиша» в Интернете написано: «Биопик Валерия Харламова» (не история жизни и не биография). Ответственность СМИ за то, какой «речемыслительный образ» они несут в массы, велика. Ньюсмейкеры, спичрайтеры, мерчендайзеры, промоутеры, тьюторы, а также лизинг, консалтинг, брендинг, тюнинг и др. – вот та лексика, которая и на слуху в радио- и телеэфире, и используется в печатных СМИ. Происходит «выхолащива-

ние» сути русского языка: «я хожу на службу/на работу» теперь заменено на «я хожу в офис»; «управляющий» забыто, но все подряд, даже малоквалифицированные специалисты называют себя «менеджерами»; меткое «убийца», отражающее суть слово, подменено англоязычным «киллер»; иностранное «спонсор» заставило забыть замечательное русское слово «благодетель». Повсеместно звучат слова «звезда» - калька с английского «star», «дресс-код», «ресепшен» и т.д.

Напомним, что Франция, Испания, например, активно борются за чистоту французского и испанского языков от засилья американоязычной лексики. «Так, во Франции в 1994 году был принят «Закон об использовании французского языка» (так называемый «Закон Тубона»). Он запрещает необоснованное использование американизмов в публичной и официальной речи под угрозой большого денежного штрафа» [Панов 2012]. И в испанских, и во французских печатных изданиях американизмы помечаются курсивом, чтобы дать понять согражданам, что они вовсе не обязаны знать иноязычное слово, которое является культурным «вторжением» в родной язык. В «Славянорусском корнеслове» А.С. Шишкова есть описание разговора французского принца Людвига со своими министрами о способах искоренить Англию: «Всеобщее употребление французского языка, говорил один из них, Порталис, служит первым основанием всех связей, которые Франция имеет в Европе. Сделайте, чтобы в Англии также говорили по-французски, как в других краях. Старайтесь истребить в государстве язык народный, а потом уже и сам народ. Пусть молодые англичане тотчас посланы будут во Францию и обучены одному французскому языку; чтобы они не

говорили иначе как по-французски дома и в обществе, в семействе и в гостях... - и тогда Англия будет нашей рабою» [Ирзабеков 2010: 42].

Необходимо, чтобы неуместное употребление заимствования стало дурным тоном. Для этого необходимо проводить такую языковую политику, которая бы повышала статус русского языка. Обществу нужно напомнить, что стремление к высокому языковому идеалу способствует развитию личности и общества, в целом. На одном из государственных каналов нужна еженедельная программа, которая бы рассказывала о русском языке, русской литературе. Чувство уважения и любви к русскому слову необходимо воспитывать со школьной скамьи. Особенное внимание следует обратить на изучение этимологии лексики русского языка. Именно история происхождения слов, а также сопоставление их с другими языками, позволяет выявить красоту и глубину русского слова, понять, что с помощью разнообразных лингвистических средств можно передать тончайшие нюансы смыслов. Молодые люди часто просто не понимают этих возможностей родного языка, поэтому ошибочно считают, что английский или другой иностранный язык «круче», престижнее. Есть люди, которые, не особенно глубоко вникая в суть вопроса, уверяют других в том, что латиница – это универсальный алфавит, отвечающий современным языковым требованиям, а кириллица устарела, и пытаются убедить в этой нелепице молодых людей. В Татарстане, как известно, была даже попытка перейти на латиницу. К счастью, вовремя одумались.

Какие факторы являются важными составляющими русской картины мира, а, следовательно, что исторически влияло и, надо надеяться, продолжает влиять на процесс формирования и воспитания языковой личности русского человека? Несомненно, **важную роль играет православие**, которое за-

ложило морально-нравственные устои русского общества, в том числе и уважительное отношение к Слову, которое есть тайна, к разгадке которой человек только постепенно приближается и которая, наверное, не будет разгадана полностью. С точки зрения содержания, **Слово можно рассматривать как двумерное послание, у которого есть смысловая вертикаль: Слово – дар Бога человеку и смысловая горизонталь – послание одного человека другому, обществу, миру** – буквально то, что мы произносим, говорим (в древнерусском языке для обозначения этого понятия была отдельная лексема глагол (глаголить). Следовательно, не только каждому человеку, но и каждому народу нужно бережно относиться к родному языку и анализировать, какими словами пополняется словарный запас – лексикон. П. Флоренский писал: **«Процесс речи есть присоединение говорящего к надындивидуальному, соборному единству, взаимопрораствание энергии индивидуального духа и энергии народного, общечеловеческого разума»**. Интенсивное внедрение иноязычной лексики способно подменить те коды культуры, которые значимы для сохранения России как цивилизации, и, следовательно, способствовать «выхолащиванию» языковой личности русского человека. «Языковая личность существует в пространстве культуры, отражённом в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов» [Маслова 2001: 118-119]. Сторонникам глобализма чуждо само слово родина, им больше нравится быть

«гражданами мира», космополитами. В последнее время довольно часто можно услышать словосочетание «эта страна», «этот народ» по отношению к России и русскому народу. Всё реже можно услышать «наша страна», «наш народ». Вполне согласна с мнением филолога С.Г. Воркачёва, который пишет: «как любовь «встроена» в семантику родины, так и нелюбовь «встроена» в семантику словосочетания «эта страна». На этот факт обращал внимание и Святейший Патриарх Алексий II, который говорил: «Нередко приходится слышать, как сограждане говорят о России: «эта страна». Меня это коробит. Понятно, что данное выражение является калькой англоязычного фразеологизма, однако для соотечественников, объединённых общей любовью к России, гораздо естественнее говорить о своём Отечестве как о «нашей стране!» [www.mospat.ru/text/news/id/6781.html]. Радует, что те люди, которые не лишены чувства родины, пишут, даже в Интернет-чатах: «Свою родину пренебрежительно называть «этой страной» - всё равно, что свою мать называть «этой бабой»; «Говоря «эта страна» и живя в ней, вы ставите себя как минимум в глупое положение».

В заключение хотелось сказать, что вслед за важным законом о запрете использования нецензурных выражений в литературе, кино, теле- и радиопередачах и на массовых мероприятиях, необходимо подумать ещё об одном законе – об ограничении использования иноязычной лексики в тех случаях, где возможно использование русских слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление Святейшего Патриарха Алексия II – <http://www.mospat.ru/text/news/id/6781.html>
2. *Елистратов Е.С.* Глобализация и национальный язык.

– www.viperson.ru.

3. *Ирзабеков В. (Фазиль)* Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. – М., Данилов мужской монастырь. Даниловский благовестник, 2010.

4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведения – М., 2001. - С. 118-119.

5. *Нарочницкая Н.А.* Чтобы выжить – нам надо уверенно ощущать себя русскими – <http://www.pravomyslie.ru/?p=2325>.

6. *Нарочницкая Н.А.* Русский код развития – Москва: «Книжный мир», 2013. – 351с.

7. *Панов В.* Русский американизм. Почему мы всегда живём с оглядкой на Запад – www.stoletie.ru/vzglyad/russkij_american...

8. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос – www.ng.ru; 23.01.2012.

9. *Пушков А.К.* Русская цивилизация – <http://narodsobranie.ru>].

10. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. – М., 2001.

Кандидат филологических наук,
доцент Шериев А.Ж.

ПРОБЛЕМЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ: КИТАИЗМЫ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Закономерность существования заимствований в любом языке бесспорна и очевидна. Как способ пополнения и развития лексики заимствования – важная составляющая лексикологии языка, определяющая возможность сравнительно-

исторического анализа определенных пластов словарного запаса изучаемого языка. Именно заимствования позволяют определить хронологические рамки этнополитических и культурных контактов народов и их языков. Не составляет исключения и киргизский язык – язык одного из древнейших тюркских народов в Центральной Азии.

В рамках сообщения нами рассматриваются заимствования из китайского языка в язык киргизов. Этноконтакты киргизов и китайцев имеют глубокие корни. Историографы Поднебесной отразили весь спектр отношений древних племен с китайским двором, в том числе и киргизов. Тем более, что киргизы проживали на одной из ветвей Великого Шелкового пути. Один из столпов истории Китая Сыма Цянь первым зафиксировал государственное образование киргизов как самостоятельную общественную структуру в 201 г. до н.э. Начиная с указанного времени и идет отсчет существования этноса во всемирной истории. Отсутствие письменных памятников, скудость источников по истории киргизов вплоть до VII-VIII вв. н.э. вынуждает исследователей обращаться к историческим и династийным хроникам Китая, где имеются сведения о жизни северных народов.

Именно в китайских хрониках мы узнаем о хозяйственном укладе киргизских племен, ареале существования, отношениях с другими народами, культурных контактах. В научных кругах существует устоявшееся мнение о кочевниках, как о скотоводах, занимавшихся исключительно отгонным скотоводством. Соответственно, древние племена делились на скотоводов и земледельцев. При этом последние научные данные, в том числе и языковые, констатируют, что кочевники и земледельцы в большинстве случаев вели комплексное

хозяйство с совмещением элементов кочевничества и земледелия, охоты и рыболовства [Дыбо 2010].

Основу заимствований составляют этнокультурные контакты киргизов и китайцев. Особенно часто межэтнические отношения отмечены в Танскую эпоху. Именно в этот период происходит усиление влияния киргизских племен, которое выражается созданием Кыргызского каганата на территории Центральной Азии в IX в. Вплоть до монгольского нашествия существовали тесные контакты между киргизскими племенами и императорским двором Поднебесной.

Китайцы, которые в это время были знакомы с киргизским Енисеем, весьма подробно описывают их быт, экономику, культуру. Кыргызское общество в VI-VIII вв. достигло высокого уровня развития. Основу богатства киргизов составляли стада домашнего скота, среди которых были лошади, рогатый скот, верблюды и овцы.

Сравнительно широко было развито и земледелие, являвшееся большим подспорьем в хозяйстве киргизов. Славились киргизы и искусством обработки металлов, чему способствовали богатые запасы их страны железом, медью и оловом. Высоким мастерством отличаются искусно выполненные украшения из бронзы, серебра и золота. Анализ археологических данных показывает, что искусство у киргизов было в значительной степени самостоятельным, отличалось большой индивидуальностью и творческой изобретательностью. Наряду с этим киргизские художники включали в свои композиции отдельные элементы, характерные прежде всего для искусства Китая. Эти культурные влияния целиком и полностью объясняются теми политическими и торговыми

международными связями, которые имели древние кыргызы с этими странами.

Все особенности, то есть отличия в сфере развития не могли не интересовать великий Китай. Например, их интересовала особенность кыргызских мечей. По свидетельству китайцев мечи кыргызов могли пронзить кожу носорога. Также кыргызы славились своими лошадьми: в источниках говорится, что кыргызы по требованию китайских правителей отдавали дань знаменитыми лошадьми. [Жусупов 1996: 16].

Из других ремесел кыргызов обращает на себя внимание гончарное дело. Кыргызы имели прекрасно выполненные на гончарном круге высокие вазы. Они напоминают китайскую черепицу и отдельные плиты стен, построенные в китайском стиле. Эти же вазы были найдены и в северном Китае. Формы и печатная орнаментация «кыргызских ваз» воспроизводят китайские приемы. Утверждая местное производство кыргызских ваз по заимствованным с юга образцам, мы сталкиваемся еще с одним указанием на особенно тесные связи с Китаем, существующие у енисейских кыргызов. Так, в Китае были найдены близкие аналогии. Особенно интересны две бляхи, хранящиеся в Париже: на одной изображены дерущиеся львы, очень схожие с нашими, другая бляха с прекрасным изображением несущегося коня, имеет на вырезных краях завитки растительного узора, что весьма близко к узорному краю Копенских блях.

Значительное число китайских художественных изделий – танских зеркал, блях и сбруйных украшений – создавало впечатление о пассивном восприятии енисейскими кыргызами произведений иноземного художественного ремесла. О том же свидетельствует орнаментация драгоценных золотых

сосудов и блях (VI-VIII вв.), найденных в Копенских курганах. Так, была найдена золотая тарелка с орнаментом напоминающем китайский феникс. В качестве ближайшей параллели здесь можно провести орнаментацию одной шелковой ткани танской эпохи, поразительно схожий с узором копенской тарелки. Кыргызская орнаментика отличается заимствованием спиральных мотивов и меандров китайского происхождения.

В технике изготовления кыргызского узора широко представлены почти все виды технических приемов прикладного искусства.

Вышивка на тушкыйизах и просто вышивка сайма на одежде в основном исполняется тамбурным швом. Этот стиль восходит к китайской традиции. [Бернштам 1997: т.1, 636].

Уже в раннекитайском искусстве встречаются сюжеты с повторяющимися изображением оленя, которые оформлены орнаментальной линией. По существу этот процесс воспроизводит явления, знакомые нам еще в палеолитическом искусстве. За этим схематическим повтором первоначальный образ не исчезает. Комбинации бараньих рогов, составляющих порой сложные сочетания виньеток напоминают рисунок «таотье» и рисунки на шаньиньской бронзе, а отрезки прямой и их комбинации – китайские «гуа». Эти китайские символы были известны в VIII – IX вв.

В сюжете степного искусства у енисейских кыргызов наблюдается также значительное влияние китайского происхождения, например, сцена охоты на зверей. Лев заменен разъяренным тигром. Особенности изображения тигра (подчеркнутая квадратность головы), своеобразная схема облаков - традиции китайского искусства.

В свою очередь в результате этих тесных связей степное искусство кыргызов также нашло своё отражение в китайских охотничьих композициях. Среди Танских древностей Китая известно зеркало, украшенное изображением двух всадников. Всадники похожи на копенских, а из зверей особенно близок кабан. Аналогичные изображения украшают стенки китайских серебряных кубков.

Таким образом, для второго этапа в истории древнекыргызской культуры характерны те же черты художественного развития, что и для времени VI-VIII вв. Сохраняется высокое реалистическое мастерство, опирающееся на традиции местного искусства, и в то же время не прерываются связи с важнейшими художественными центрами на востоке и западе Азии.

Несомненно кыргызское искусство является совокупностью художественного развития степных народов Евразии и цивилизованного Китая. В этом убеждает близость его памятников к произведениям соседних племен и государств. Однако кыргызские художники не только творчески воспроизводили заимствованные образцы, перерабатывая их соответственно с местными традициями и вкусом, но и распространяли свои произведения. Тем самым влияя на развитие художественной культуры других стран. Выше уже отмечалась роль степного искусства в деле распространения реалистических начал и в украшении значительного сходства восточных культур особенно заметных в Танскую эпоху. Все убеждают в том, что кыргызские художники занимали в этом движении одно из первых мест.

Изделия кыргызских ремесленников занимали значительное место в культурном обмене. На тесную связь кыргызских ремесел с обменом указывает широкое распространение в соседних областях Сибири кыргызских железных наконечников стрел. То же можно сказать и о литейном деле. На признание

китайцами высокого качества кыргызского оружия указывает факт его применения в армии китайских императоров.

Кроме железных изделий кыргызы торговали золотом и пушниной – богатствами, особо отмеченными источниками. Связь кыргызов с китайским рынком сохранялась вплоть до XVII в. В течение указанного периода торговые связи то усиливались, то ослабевали.

При этом мы узнали, что наряду с прежними товарами, вывозившимися из страны кыргызов, наибольшим спросом пользовался мускус. Так, в X в. Ибн-Хаукаль отметил, что лучший по цене и качеству мускус привозился из Тибета и из области Кыргыз [Жусупов 1996: 290].

В известной «Рукописи Туманского», написанной на персидском языке в 982-983 гг., сообщается о вывозе кыргызской березы и рогов хуту – моржового клыка. Получая последний из северных стран, кыргызы перепродавали его на рынках. О торговле березой узнаётся из сообщения китайцев о том, что у кыргызов «более всего растёт береза». Вероятно, ее продавали в Китай. Из Китая ввозились металлические изделия – плуги с отвалом, сбруйные принадлежности (даже стремяна), украшения, лаковые изделия и особенно в большом количестве зеркала. О взаимной торговле свидетельствуют данные, полученные в результате археологических раскопок.

Тесные культурные контакты киргизов и китайцев продолжают и в наши дни. Близость границ между государствами, расположение в Синцзяне Кызыл-Суйского киргизского автономного округа (численность этнических киргизов более 150000), дружественные и добрососедские отношения явля-

ются традиционными – все это способствует все расширяющимся контактам народов и языков Китая и Киргизии.

Все вышесказанное и отразилось в виде большого количества заимствований из китайского языка в киргизский. Среди тюркских языков самое большое число заимствованных китаизмов в киргизском языке. Наглядным примером служит военно-административная терминология эпических врагов главного героя эпоса «Манас» [Шервашидзе 1989; Бертагаев 1976; Валиханов 1961; Таскин 1986, 1990; Махпиров 1997].

Титулы, должности, звания, прозвища, т.е., вся знать китайцев отражена в тексте эпоса. В сюжетной канве эпоса отражены почти все антропонимы и титулы, отмеченные в текстах Орхоно-Енисейских рунических памятников: *зүётүё, жайжуё, шаёья, зүёшаёья, дуу-дуу, жайсаё, тутук, тыйтай, сүёдуё, дотай, баёбаё, даё, амбал* и другие. В тексте эпоса также встречаются почти все параллели антропонимов тюркских рунических памятников.

Соответствие собственных имен эпоса наглядно демонстрирует наличие китаизмов в антропонимике и титулатуре тюркских рунических памятниках и лексике эпоса «Манас» [ДТС 1969]. Все вышеуказанные китаизмы в киргизском языке уже перешли в разряд историзмов и архаизмов. Они используются сказителями для воссоздания колорита эпохи основных событий эпоса и описания общества, противостоящего армии Манаса – главного героя эпического сказания. Наибольший интерес вызывает бытовая лексика, представленная заимствованиями из китайского языка. Они настолько органично вошли в состав киргизского языка, что они уже не воспринимаются как чужеродные слова.

Ниже нами приводится перечень и этимологическая раскладка китаизмов в киргизском языке, бытовая лексика включает в себя собственно бытовые термины, а также ту часть лексики общенародного языка, которая не всегда содержит в себе бытовое значение, но способна функционировать в устно-речевом контакте:

Азый-асый – «применяется для наименования взрослых животных, т.е. говорится о возрасте животных (лошадей, верблюдов, оленей)». *Жылкы асыйында азуу саят* «у коня на пятом году вырастает клык». Термин *Асый* (*A + сый*) возможно произошел от кит. [岁] -sui «число, лет, возраст, столько-то лет; год». [Абрамзон 1971: 98].

Алтын – «золото». *Сары алтын, кызыл алтын* – «чистое золото». *Сабырдын тубу сары алтын*. (погов.). Терпение – золото. Кырг. *алтын* произошел от тюрк. *ala/ала* «красный» + кит. [铜] – tong «медь» > «красная медь» > «золото». [Ю: 52].

Ашпузул – кырг. кит. уст. «харчевня». Произошел от кырг. *аш* «пища» + кит. [哺育] – bu yu «вскармливать». [Ю: 84].

Бандулу – «колокол китайской кумирни», «барабан». В эпосе:

Ыксыз кошуун жыйылып,

Бандулуну кактырып.

[СО т.2: 126]

Собралось войско несметное,
заставили бить в колокол (барабан).

Основная функция бандулу – это давать народу сигнал о вражеском наступлении и т.п. Произошел от кит. [槌 – bang «колотушка» + [鼓轮] – gulu «барабан». [Ю: 107].

Барпы – в эпосе - «средство (лекарство) для омолаживания». Колдуны специально готовили это средство для китайских ханов, т.е. правителей. Эта смесь готовилась несколько лет (7-8 лет). Возможно произошел от кит. [白] – bai «белый, седой», «читый» + [皮] – pi «кожа». В современном

кыргызском языке употребляется в других значениях. (топонимы, этнонимы). [«Манас» энци. т.1: 138].

Даачан – кит. уст. (самая маленькая монета с квадратной дырочкой посередине) – полушка, грош. [Ю:180].

Далымбао – сорт китайской хлопчатобумажной ткани. Произошел от кит. [打] – da «изготавливать» + [练] – lian «белый шелк» + [报] – bao «бумага, газета» [Ю: 18].

Дацкан – 1. «котелок на трех ножках», 2. «ископыт (комоч земли или снега из-под копыта коня)». [Ю: 185].

Дүң – «оптовый». дүң баа – «оптовая цена»; дүң-соода – «оптовая торговля». Произошел от кит. [趸] – dùn «скупка», «оптовая скупка». [Карасаев 1986: 100].

Динце – «драгоценные камни на шапке китайского чиновника». В древнем Китае все чиновники, обладающие светской или духовной властью носили на головном уборе драгоценные камни. В зависимости от величины и качества камня окружающие могли определить степень знатности правителя или сановника. [«Манас» энци. т.1: 179]. Кыргызский динце п- «темница», «тюрьма». *Kara duHce* – «темница без окон». Произошел от кит. [厅] – tīng «павильон», «киоск» + [子] – zǐ. [Ю: 195].

Жанжал – «скандал, ссора»; «схватка, побоище». Произошел от кит. [战] – zhàn «сражаться» + иран. [жал]. [Карасаев 1986: 106]. Однако в современном китайском языке есть слово [战争] – zhànzhēng «война». По нашей версии возможно и второй компонент произошел от кит. [争] – zhēng «бороться, соперничать, оспаривать; бороться за». [Мудров, КРС: 211].

Жады – оборудование для резания сена и соломы. Кыргызский *жады* произошел от кит. [铡] – zhā «резать» + [刀] – dāo «нож». Этот термин употребляется также и в современном кыргызском языке. [Карасаев 1986: 102].

Жай – «дом, жилище, жильё». *Жай сал* – «строить жилище». По нашему предположению этот термин произошел от кит. [宅] – zhái «жилище, квартира; место пребывания» [ККРРКС 1998: 435].

Жамбы – «слиток серебра». Произошел от кит. [元] – yuán «слиток

серебра» + [宝] -bao «ценный, драгоценный». Слиток серебра в форме конского, бараньего копыта. Их различают по форме и по весу. *Жамбы* было введено китайцами, чтобы вести торговлю с кочевыми народами. *Жамбы* распространила в XVIII в. после завоевания Восточного Туркестана Цинской империи. В частности среди народов Средней Азии и коренного населения (Восточного Туркестана). *Жамбы* в эпосе употребляется в значении как уже мы выше описали, также в эпосе говорится, что *жамбы* слиток золота. [«Манас» энц. т.1: 204].

Жангүд (дукончу) «лавочник», «заведующий магазином». Произошел от кит.[长] -zhang «глава, старший» + [柜] -gui «прилавка, сойка» [Карасаев 1986: 106].

Жармак - китайская монета с дырочкой по середине.

Жигит – «по одному, в одиночестве, по одиночке». По видимому произошел от кит. [一] -yí «один» + [个] -ge «штука». [Карасаев «Камус наама»: 90].

Жусай - «душистая трава». Употребляется в качестве приправы(к пище). *Жусай* произошел от кит. [韭菜] -jiu sai «лук». [Карасаев 1986: 112].

Жымпац - «тюрьма, казарма». Произошел от кит. [監] -jian «контроль, надсмотрщик» + [犯] -fan «преступник», «нарушать». [Карасаев 1986: 113].

Жың – единица весового измерения, которая равна 560 грамм. Произошел от кит. [斤] – jin «мера веса равная 0,5 кг». Этот термин распространился у кыргызов в 1910 г., т.к. в это время на Иссык-Куле выращивали опиум и этот опиум измерялся в жың. [Карасаев 1986: 113].

Жээн – «племянник». Возможно произошел от кит. [侄儿] – zhi er «племянник». [КРККРС «Пекин»: 247]. [МЭС, Б. 1995: 75].

Илий – «закон». Произошел от кит. [律] – lu «закон, право». В некоторых вариантах эпоса (СК) употребляется в значении, как книга, история Китая или родословная книга. [Карасаев 1986: 124].

Инжу – «жемчуг». *Инжу тырмак, акак тиш.* (фольк.). «(красавица) с жемчужными ногтями и сердоликовыми зубами». Произошел от кит. [珍] - zhen «драгоценность, редкость» + [珠] – zhu «жемчуг». Инжу проники в

кыргызскую лексику на основе историко-культурных взаимоотношений между кыргызами и китайцами. [Ю: 301].

Канжа – «курительная трубка». Произшел от кит. [管子] – guanzi «трубка». Известно, что и кыргызы употребляли трубку (канжа). Это еще раз доказывает культурные взаимоотношения кыргызов и китайцев. [Ю: 339].

Каң – «кирпичная труба в виде парового отопления, которая сооружается под полом». Это сооружение в основном бывает в дунганских домах. Произшел от кит. [管] – guan «труба». [Карасаев 1986: 139].

Каң – «закрепление дырок оловом железных посуды (иногда свинцом)». Это слово произошло от кит. [光] – guang «свет, блеск; дыра». [Карасаев 1986: 139].

Кокозо – «кружка или баночка для сбора сока опиумного мака». [Ю:395].

Коома – «как ты поживаешь; здравствуй». Произшел от кит. [好] – hao – «хороший, здоровый» + [吗] – ma «вопросительная частица». [Карасаев 1986: 159].

Кошаң – «блюдо, которое ложится в тесте и готовится либо в тандыре, либо в масле». В язык северных кыргызов проник через уйгурский язык. [Карасаев 1986: 160].

Лаазы – «перец молотый». Это слово произошло от кит. [辣] – la «острый» + [椒] – jiao «молотый перец». [Карасаев 1986: 178].

Маё – «нет». (Н: верблюда видел? – Маё (Нет), кобылу видел? – Маё (Нет) – (Моя хата с краю). Произшел от кит. [没有] – mei you «нет». [Ю: 509].

Манту – «манту; паровые пельмени». Произшел от кит. [馒头] – mantou «паровой хлебец». [Ю: 516].

Мапы – «двухколесная телега». Этот термин произошел от кит. [马] – ma «лошадь» + [车] – che «повозка». [Карасаев 1986: 189].

Му – «мера площади, равная 1/15 гектара». Этот термин произошел от кит. [亩] – mu «в этом же значении» [Карасаев 1986: 189].

Мытан – «густой рисовый суп». Это слово произошло от кит. [米] – mi «рис» + [汤] – tang «суп». [Карасаев 1986: 204].

Наапа – «двухколесная телега». Произошел от кит. [拿] – на «держатель, нести» + [车] – ше «повозка». [Карасаев 1986: 206].

Опоң ун – «мелкая мука, обмолоченная в мельнице». Первый компонент произошел от кит. [磨坊] – мо fang «мельница» + кырг. ун «мука». [Карасаев 1986: 216].

Рикша – «двухколесная телега, которая возит людей». Произошел от кит. [人] – ген «человек» + [力] – li «сила» + [车] – ше «повозка». [Карасаев 1986: 232].

Сай – 1. (о скакуне) «выдающийся, знаменитый»; *сай күлүк сай тулпар* «выдающийся скакун». 2. «очень, самый». *Астындагы сай тулпар, басканы сырттын желинде* (фольк.). «ход скакуна, что под ним, подобен ветру высокогорного плато». По нашей версии возможно произошел от кит. [赛]-sai «превосходить, быть лучше; самый». [КРККРС «Пекин»: 307].

Суямбу – «сорт китайской бязи». Этот термин произошел от кит. [粗平布] – су ping бу «бязь». [Ю: 668].

Таң – «рассвет, утренняя заря». Возможно произошел от кит. [旦]-dan «рассвет, утро, заря». [МЭС, Б. 1995: 144].

Туфи – «бандит». Возможно произошел от кит. [土]-tu «человек вне закона», бродяга» + [痞] – pi «жулик, хулиган». [Карасаев 1986: 247].

Туу – «знамя, стяг». [Ю: 777].

Тыйза – «денежные знаки»: бумажные (выпускались центральным правительством или провинциальной или областной властью), полотняные (выпускались областной властью), деревянные (выпускались частными фирмами или игорными домами). [Ю: 789].

Улуу – «год дракона». Это слово произошло от кит. [龙] – long «дракон». [Ю: 803].

Фанза – «дом, жилой дом». Произошел от кит. [房子]-fangzi «дом, здание». [Карасаев 1986: 272].

Чай, ча – «чай». По видимому произошел от кит. [茶] – ча «чай». [Ю: 835].

Чампан – «род шомпольного ружья». Возможно этот термин произошел от кит. [枪] – qiang «ружье» + [乓] – pang «бах, хлоп». [Ю: 843].

Чампан – кит. сев. «человек, плохо владеющий речью». (Н: ребенок, т.е. начинающий говорить, человек, плохо владеющий языком). [Ю: 843].

Чангуу – «мусульманин». Когда речь ведется от лица китайцев или калмыков. Призошел от кит. [缠] – chan «мотать» + [头]-tou «голова». [Ю: 844].

Чанту – «чалма», «мусульманин в чалме». Призошел от кит. [缠] – chan «мотать» + [头]-tou «голова». [Карасаев 1986: 276].

Чаңка – «испытывать жажду, хотеть пить» (о человеке, о животном). Возможно произошел от кит. [尝] –chang «испытывать» + [渴] – ke «жажда». [Ю: 845].

Чаң – «пыль». По нашей версии, возможно произошел от кит.[尘] – chen «пыль». [КРККРС «Пекин»: 247].

Чот – (керки), «тесло», «топорик с лезвием, насаженным поперек топорика». [Карасаев 1986: 281].

Чочунча – «ткань, смешанная с шелком». Возможно произошел от кит. [丝绸] - si chou «шелк». [Карасаев 1986: 281].

Чоюн – «чугун». По видимому произошел от кит. [铸铁]-zhu tie «металл, железо; чугун». [Ю: 869].

Чын – «правда». Призошел от кит. [诚] -cheng «чистый, искренний, правда, действительно». [Карасаев 1986: 283].

Шаң – 1. «величие, важность, торжественность; восхваление». *Митинг шаң менен ачылды* «Митинг был торжественно открыт». 2. «награда». Призошел от кит. [赏] -shang «наградить, жаловать, награда, поощрение». [Ю: 874].

Шаң – «сорт дорогой ткани». *Электриери шаң матадан болгон* «тюбаны у них были из дорогой ткани». Призошел от кит. [上]-shang «высший, превосходный; высшего сорта». [Ю: 874].

Шумбул – «форменная одежда китайских чиновников». В эпосе – китайские военные одеты в *шумбул тон*. [Ю: 913].

Эже – «старшая сестра». Возможно произошел от кит. [姐姐] -jie jie «старшая сестра». [КРККРС «Пекин»: 247].

Эжир – «глиняный сосуд». (*кесе, аяк*). [Карасаев 1986: 298].

Наличие большого корпуса китаизмов в киргизском языке

объясняется длительной хронологической протяженностью исторического пути и многочисленными контактами между народами на просторах Центральной Азии. Многие китаизмы органично вошли в лексикон киргизского языка и даже не воспринимаются как заимствования. Об этимологии того или иного слова можно узнать только из лексикографических материалов. На сегодняшний день контакты с китайской культурой и языком продолжают развиваться. На новую высоту подняты вопросы изучения китайского языка. Также продолжают исследоваться закономерности новых заимствований из китайского языка в киргизский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамзон С.М.* «Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи», М.: Наука, 1971.
2. *Бартольд В.В.* Соч. М.: Наука, 1968, в 7 томах.
3. *Баскаков Н.А.* «К вопросу о происхождении этнонима кыргыз»// СЭ, 1964, № 4.
4. *Бернштам А.Н.* «Изданные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана», Б.: 1997, в 2 т.
5. *Бертагаев Т.А.* «Об этимологии хан – каган» // М.: Наука, 1976.
6. Большой китайско-русский словарь М.: Наука 1983-84 в 4 т.
7. *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в 5 т., Алма-Ата, 1961, т. 1.
8. Древнетюркский словарь, Л.: Наука, 1969.
9. *Дыбо А.В., Норманская Ю.В.* Лексика природного окружения в уральских языках. М., Тезаурус, 2010.
10. *Жусупов К., Караев О.* «Кыргызы: источники, история, этнография», Б.: 1996.

11. *Карасаев Х.К.* «Оздоштурулгон создор» Фрунзе, 1986
12. *Кононов А.Н.* «Еще раз об этнониме кыргыз»// Тюркологическое исследование, Ф.:Илим, 1970.
13. Краткий русско-китайский и китайско-русский словарь Пекин: Институт иностранных языков, 1998.
14. Краткий словарь русского языка с толкованием на русском и китайском языках. Пекин: Институт иностранных языков, 1998.
15. Манас энциклопедиясы. Б.: Мурас, 1995, в 2 т.
16. *Махтиров В.* «Имена далеких предков» Алма-Ата, 1997.
17. *Мудров Б.Г.* Китайско-русский словарь М.: Русский язык 1988.
18. *Орозбаков С.* «Манас» Фрунзе, Кыргызстан, 1979-80 в 2 т.
19. *Шервашидзе И.Н.* «Фрагмент общетюркской лексикки», заимствованный фон. Вопросы языкознания. № 2, 1989.
20. *Юдахин К.К.* «Кыргызско-русский словарь» М.: Советская энциклопедия, 1965.

Предисловие.....	3
<i>К.ф.н. Баженова И.В.</i> К основаниям теории лингвистической безопасности: <i>вербальное преступление</i>	6
<i>Д.ф.н., проф. Пищальникова В.А.</i> Об одной частой ссылке.14	
<i>Д.ф.н., проф. Бутакова Л.О.</i> Психосемантический анализ правового сознания носителей русского языка (на примере восприятия текстов правовой тематики формирующимися профессионалами).....	25
<i>Д.п.н., к.психол.н., доцент Аркусова И.В.</i> О преподавании учебной дисциплины "Немецкий язык" для специальных целей (на примере потока послевузовского профессионального образования).....	39
<i>Д.ф.н., проф. Данюшина Ю.В.</i> Лингвокоммуникативная безопасность: современный опыт США.....	47
<i>Д.полит.н., доцент Сулейманова Ш.С.</i> Специфика переводческих соответствий в чеченском и русском языках.....	55
<i>Д.ф.н. Тадинова Р.А.</i> Роль мастерства преподавателя иностранного языка в совершенствовании профессионально значимых компетенций переводчика.....	67
<i>К.ф.н., доцент Антонюк Е.В.</i> Национально-культурная специфика функционирования испанского языка на территории США.....	78
<i>К.ф.н., доцент Быкова И.А.</i> Особенности взаимодействия ментальных пространств и их корреляция при сопоставлении концептуальных систем контактирующих языковых общностей в процессе перевода.....	89
<i>К.ф.н., доцент Верещагина А.В.</i> Опыт составления латинской части словаря по реалиям европейской культуры.....	98
<i>К.ф.н., доцент Горбачевская С.И.</i> Художественный текст как предмет переводческого анализа.....	107

<i>К.ф.н. Григорьева И.В.</i> Лингводедактическое моделирование медиатекстов.....	118
<i>К.ф.н., доцент Зайцев А.А.</i> Влияние функционального расслоения французского литературного языка на его грамматику.....	125
<i>К.ф.н. Зверева Е.В.</i> Анализ коммуникативной ситуации "Комплимент" в социолингвистическом аспекте (на материале испанского языка).....	130
<i>К.ф.н., доцент Карпина Е.В.</i> Основные принципы интерактивного подхода в обучении иностранному языку (на примере испанского).....	140
<i>К.ф.н. Картушина Е.А.</i> Одиночество в сети: к вопросу о языковой лояльности эмигрантов (на материале форумов русских эмигрантов в Финляндии).....	150
<i>К.п.н. Ким Т.М.</i> Русский язык в эпоху правления династии Романовых.....	161
<i>К.п.н., доцент Колотуша Е.Э.</i> Обучение аннотированию и реферированию адъюнктов.....	168
<i>Доцент Кулакова Т.И., доцент Фомченко М.Н.</i> О требованиях к учебным текстам.....	174
<i>К.ф.н. Мазурина Н.К.</i> К вопросу об изучении церковнославянского языка.....	182
<i>К.п.н., доцент Макарова Е.Л.</i> Современные подходы в подготовке будущих лингвистов-переводчиков.....	189
<i>К.ф.н., доцент Масленникова Е.М.</i> Этнокультурная специфика текстовой проекции: к вопросу о (не)переводимости.....	205
<i>К.ф.н. Нагайцева Е.В.</i> Использование корпуса спонтанных высказываний в экспертизе семантики текста.....	214
<i>К.ф.н., доцент Нотина Е.А.</i> Современные подходы к сопоставительному изучению репрезентации научного знания в различных языковых картинах мира.....	220

<i>К.ф.н. Опарина О.И.</i> К вопросу о языке Ч.Р. Дарвина (некоторые аспекты).....	227
<i>К.п.н., доцент Пивкин С.Д., к.м.н., доцент Березина О.В.</i> Аббревиация как особенность стилистики современного разговорного английского языка Интернет-пользователей.....	236
<i>К.ф.н., доцент Романович М.Ю., к.п.н., доцент Маткова М.В.</i> Использование мультимедийных технологий в обучении студентов лингвистических специальностей современному английскому языку.....	245
<i>К.п.н., доцент Сосунова Г.А.</i> Функционирование таможенного дискурса (на материале экономико-юридической документации).....	251
<i>К.ист.н., доцент Тихонова Е.В.</i> Языковые средства проявления речевой агрессии в странах с мультиэтническим населением (на примере Канады).....	261
<i>К.ист.н., доцент Тюменева Е.И.</i> "Прецедентные тексты" в языке вьетнамских СМИ.....	282
<i>К.п.н., доцент Тюрина Т.Н.</i> Иностраный язык как основа профессиональной культуры специалиста.....	290
<i>К.ф.н., доцент Фридрих С.А.</i> Экспрессия языка и экспрессия текста.....	293
<i>К.ф.н., доцент Ходькова А.П.</i> Современные тенденции выбора глагольных форм прошедших времён индикатива во французской литературе последних десятилетий.....	298
<i>Доцент Чербуленко А.Н.</i> Актуальные проблемы перевода текстов из области корпоративного права (языковая пара немецкий язык - русский язык).....	309
<i>К.ф.н., доцент Чичина М.О.</i> Языковая личность русского человека в эпоху глобализации.....	322
<i>К.ф.н., доцент Шериев А.Ж.</i> Проблемы заимствования: китаизмы в киргизском языке.....	333

Всего пронумеровано 352 с.
Подписано к печати
Авт. л.   Усл. печ. л.
Заказ №   Тираж   экз.
Себестоимость экземпляра   руб.

Типография Академии

Факультет иностранных языков

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ И МЕТОДЫ
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ**

Материалы межвузовской
научно-практической конференции
(22 мая 2013 года).
Статьи и доклады участников конференции.
В 2-х томах.

Том II

Москва 2014

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бачун А.Н., кандидат педагогических наук, доцент Бондаренко М.А., кандидат филологических наук Мазурина Н.К., кандидат филологических наук Нагайцева Е.В., кандидат филологических наук, доцент Остроумова М.В., кандидат филологических наук Щемелинина И.Н., Роговская А.И., Тригубенко Л.Е.

Зыкова Н.Е.

Технический редактор: Джамуханова Л.А.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, частично национально специфичен, так что носители разных языков видят мир по-разному, через призму своих языков. Лингвокультурологический анализ позволяет уточнить степень влияния турецкого языка на мировосприятие конкретного этноса.

Ключевые слова: фразеологизмы; лингвокультурология; когнитивная лингвистика; лингвострановедческий подход; турецкий фразеологизм; фоновые знания; внеязыковой компонент.

При обращении к вопросу о национально-культурном своеобразии фразеологизмов необходимо отметить, что на сегодняшний день в лингвистике существуют несколько различных подходов к выявлению национально-культурной составляющей фразеологических единиц, имеющих различную методологическую базу, различные методы исследования, отличающиеся друг от друга степенью охвата фразеологического материала.

Различие методологии связано с постепенным переходом в конце XX века лингвистической мысли от постулатов структурализма, при которых язык рассматривается как система различительных единиц, к антропологической парадигме, при которой язык рассматривается в широком экзистенциальном и понятийном контексте бытия человека – в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его духовным миром.

Осознание же особой национально-культурной самобытности фразеологизмов сопутствовало фразеологии с самого зарождения этой лингвистической дисциплины на всех этапах ее развития. Таким образом, разработка различных подходов к выявлению национально-культурного во фразеологии соответствовала ступеням развития образа языка в лингвистике.

Развитие сравнительно новых подходов к выявлению национально-культурных особенностей фразеологизмов осуществляется в русле антропологической парадигмы лингвистики, а именно в рамках лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, которые в настоящее время относятся к наиболее интенсивно развивающимся лингвистическим направлениям.

Развитие лингвокультурологического подхода к изучению фразеологии ориентирует исследователя на изучение соотношения фразеологизмов и знаков культуры и актуализирует значение системы эталонов, стереотипов, символов и т.п. для описания культурно-национальной специфики фразеологической системы.

Лингвострановедческое направление в лингвистике опиралось на появившиеся в работах лингвистов указания на существование внеязыкового компонента в значении слова, обусловленного экстралингвистическими факторами (Р. Ладло, Ч. Фриз, Е.А. Найда, Н.Г. Комлев).

Интересы лингвострановедения сконцентрированы на фоновых знаниях носителей языка и на безэквивалентной лексике, выделяются и классифицируются экстралингвистические факторы, отраженные в компонентном составе

фразеологических единиц (см. работы Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Д.Г. Мальцевой, Г.Д. Томахина).

Особое внимание к плану выражения фразеологизмов актуализирует значение историко-этимологического толкования элементов или прототипа фразеологических единиц. В рамках лингвострановедческого подхода национально-культурное своеобразие фразеологизмов выражается в упоминании тех или иных экстралингвистических реалий, характерных для данной культуры и принадлежащих к фоновым знаниям носителей языка.

Рассмотрим следующие фразеологизмы:

Falaka vurmak; *falakaуа уіkмаk* – «избить на фалаке», «наказать фалакой». Орудие для наказания ударами по босым подошвам ног, традиционное для мусульманского Ближнего Востока и Северной Африки, а также само такое наказание. Наказание фалакой широко применялось в Иране и Османской империи по отношению к преступникам, должникам, провинившимся детям, женщинам и подмастерьям, а также в армии у янычар. За XX век фалака как инструмент наказания почти утратила традиционное использование и сохранилась в качестве незаконного метода допроса — битья по стопам ног.

Турецкий фразеологизм *Minder çürütmeк* – досл. «дать сгнить миндеру», переводится как «протирать штаны», «сидеть сложа руки», «прилипнуть к месту», «засиживаться в гостях».

Minder sermek – досл. «разложить миндер», переводится как «расположиться по- домашнему», «рассесться о госте».

Миндер – это подушка, тюфячок для сидения на полу.

Турецкое выражение *Mihrap yerinde* – досл. «михраб на месте», то есть так говорят о женщине в возрасте, которая

хорошо сохранила свою красоту, либо о женщине, которая в хорошей форме.

Михраб – ниша в стене мечети, обращенная в сторону Киблы. Обычно михрабы украшаются красивыми узорами, орнаментами, резьбой по камню. Многие из них представляют ценность в качестве произведений искусства. Верхнюю часть михрабов часто расписывают кораническими аятами.

Zurna gibi olmak – досл. «стать как зурна». Турки используют такое выражение, когда говорят о человеке, который опьянел, либо сравнивают с зурной узкую одежду, которая напоминает по форме зурну.

Зурна́ — язычковый деревянный духовой музыкальный инструмент с двойной тростью, распространённый на Ближнем и Среднем Востоке, Кавказе, Индии, Малой Азии, Балканах, Средней Азии. Широко распространён инструментальный ансамбль трёх музыкантов, в котором один зурначи — уста́ играет мелодию, другой вторит ему долгими протяжными звуками на главных ступенях лада, а третий музыкант выбивает сложную, разнообразно варьируемую ритмическую основу на ударном инструменте — дхоле, нагаре или доли. На зурне играют большей частью на открытом воздухе.

Ваğdat harap – досл. «Багдат разрушен», но на самом деле данный фразеологизм используют когда говорят о голодном человеке, или о пустом желудке человека.

Ваğdatı tamir etmek – досл. «починить, восстановить Багдат», то есть насытить желудок или наестся.

Фразеологизм «*mavi boncuk*» - это изготовленная из меди ладонь с голубой бусинкой - это была «ладонь Фатимы» - по имени дочери пророка Мухаммеда, служащее амулетом. Его вешают на стену строящегося дома, постоянного жилища,

носят в качестве защиты от сглаза и злых сил. В соответствии с поверьем, у четвертого халифа Али были голубые глаза.

Отсюда турецкое выражение «boncuk gibi» переводится «как бусинка», то есть выражение используют, когда говорят о маленьких глазах человека.

Турецкое выражение «boncuk mavisi» переводится как «светло-синий, голубой, бирюзовый».

Фразеологизм «mavi boncuk dağıtmak» - досл. «раздавать голубые глазки», имеет перевод «проявлять любовь к кому-либо».

Турецкое выражение «ateşten gömlek» - досл. «огненная рубашка» или «рубашка из огня», используется, когда говорят о тяжелом испытании или о невыносимых условиях.

Фразеологизм «Külâh giymek» – досл.«надеть колпак» имеет перевод «оставаться в глупом положении», «остаться в дураках».

Выражение «Külâh kapmak» - досл. «схватить колпак», переводится «добиться для себя выгоды путем обмана».

Турецкий фразеологизм «Pazar kaуıđı gibi» - досл. «как лодка для перевозки товаров (в Стамбуле)», используется, когда говорят об очень перегруженном транспорте.

Турецкий фразеологизм «Fesini havaуа atmak» -досл. «бросать феску в воздух», то есть это выражение используется для выражения радости и восторга.

Турецкое выражение «Fes düştü kel açıldı» - досл. «феска слетела, плешь открылась», переводится как «маска спала».

Фразеологизм «fetva vermek» - досл. «дать фетву», то есть «решить», либо говорить авторитетным тоном, не допускать возражений.

«Fetva almak» - досл. «получить фетву».

В исламском праве разъяснение какой-либо проблемы религиозно-правового характера, а также ответ на вопрос религиозного характера, который дает компетентный человек. Ученый, который дает ответы на вопросы религиозно-правового характера называется муфтием. Сделанное же им заключение называется фетвой.

Фразеологизм «gazi olmak» - досл. «стать гази» ,переводится как «вернуться с войны живым».

Гази – это борец за веру «за ислам», победитель неверных.

Гази - это звание героя - победителя, присуждаемое правительством особо отличившимся командирам и городам.

У современных турок имя Гази в первую очередь связано с Гази Мустафой Кемалем Ататюрком. Это османский и турецкий реформатор, политик, государственный деятель и военачальник; основатель и первый лидер Республиканской народной партии Турции; первый президент Турецкой Республики, основатель современного турецкого государства.

Таким образом, информация о культуре самого разного характера содержится в семантике фразеологизмов, что проявляется в процессе их когнитивной интерпретации в речи.

В заключениенеобходимо отметить слова М.Л. Ковшовой о том, что «национально-культурная специфика изначально проявляется в способах совершения действий, которые целиком зависят от условий народа (всегда специфичных), и формируется вне языка – в системе обычаев, традиций, законов, представленных в качестве норм мышления, поведения, деятельности. Знание о данной системе носит социальный характер и в то же время является культурным знанием, так как организует этнос в культурное общество. Культурное знание отражено в языке, в содержании его единиц, в том числе во фразеологическом составе языка».

МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК ОДНА ИЗ ИНТЕРАКТИВНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье рассматриваются особенности интерактивных форм и методов обучения иностранным языкам и их отличие от традиционных форм обучения. Особое внимание уделено методу проектов и его роли в развитии личности обучающегося, его познавательной активности и формировании его коммуникативных навыков для наиболее эффективного межличностного взаимодействия не только в учебных, но и иных ситуациях.

В педагогической практике давно применяется термин "активные методы и формы обучения". Он объединяет группу педагогических технологий, достигающих высокого уровня активности учебной деятельности обучающихся. В последнее время получил распространение ещё один термин – "интерактивное обучение". Современная наука об образовании приблизилась к тому моменту, когда возникла потребность в создании педагогических технологий, которые обеспечивают самое главное в образовательном процессе – развитие личности каждого обучающегося, его активности. Необходимо создавать такие условия обучения, чтобы обучающийся стремился получить новые результаты своей работы и в дальнейшем успешно применить их в практической деятельности.

Признавая существование различных методов в современном процессе обучения иностранному языку, следует все же отметить, что лидирующее положение занимают методы и технологии, основанные на личностно ориентированном подходе в обучении, которые должны:

стимулировать интересы, развивать желание практически использовать иностранный язык, а так же потребность учиться, делая реальным достижением успеха в овладении предметом;

затрагивать личность обучающегося в целом, вовлекать в учебный процесс его чувства, эмоции и ощущения, соотноситься с его реальными потребностями, стимулировать его речевые, когнитивные, творческие способности;

активизировать обучающегося, делая его главным действующим лицом в учебном процессе, активно взаимодействующим с другими участниками этого процесса;

учить работать над языком самостоятельно на уровне физических, интеллектуальных и эмоциональных возможностей – следовательно, обеспечить дифференциацию и индивидуализацию учебного процесса;

предусматривать различные формы работы: индивидуальную, групповую, коллективную, в полной мере стимулирующие активность обучающихся, их самостоятельность и творчество.

Все перечисленные критерии могут быть реализованы в использовании интерактивных форм и методов обучения, которые показывают новые возможности, связанные с налаживанием межличностного взаимодействия путём внешнего диалога в процессе усвоения учебного материала. Между обучающимися в группе неизбежно возникают межличностные взаимоотношения, и от того, какими они будут, во многом зависит успешность их учебной деятельности. Умелая организация взаимодействия обучающихся на основе учебного материала может стать мощным фактором повышения эффективности учебной деятельности в целом.

Сравнивая интерактивные методы и формы обучения с традиционными, вспомним следующее:

Пассивный метод – это форма взаимодействия, при которой преподаватель является основным действующим лицом, управляющим ходом занятия, а обучающиеся выступают в роли пассивных слушателей, подчиненных директивам педагога. Связь педагога с обучающимися на пассивных занятиях осуществляется посредством опросов, самостоятельных, контрольных работ, тестов и т.д.

Активный метод – это такая форма взаимодействия, когда преподаватель и обучающиеся взаимодействуют друг с другом в ходе занятия и обучающиеся являются не пассивными слушателями, а активными участниками занятия. Многие между активными и интерактивными методами ставят знак равенства, однако, несмотря на общность, они имеют различия. Интерактивные методы можно рассматривать как наиболее современную форму активных методов.

Интерактивный метод ориентирован на более широкое взаимодействие обучающихся не только с преподавателем, но и друг с другом, и на доминирование активности обучающихся в процессе обучения. Задача педагога на интерактивных занятиях сводится к направлению деятельности обучающихся на достижение целей занятия.

Суть интерактивных методов обучения - в ориентации на мобилизацию познавательных сил и стремлений обучающихся, на пробуждение самостоятельного интереса к познанию, становление собственных способов деятельности, в развитии умения концентрироваться на творческом процессе и получать от него удовольствие. Интерактивные методы обращаются к субъектному опыту обучающихся и помогают

им в процессе обучения освоить свои способы открытия социального опыта.

Использование интерактивной модели обучения предусматривают моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых игр, совместное решение проблем. Исключается доминирование какого-либо участника учебного процесса или какой-либо идеи.

Использование интересных форм и методов в реализации личностно ориентированного подхода в процессе преподавания иностранного языка позволяет значительно увеличить время речевой практики на занятии, добиться усвоения материала всеми участниками группы, решить разнообразные воспитательные и развивающие задачи. Преподаватель становится организатором самостоятельной учебно-познавательной, коммуникативной, творческой деятельности обучающихся, у него появляются возможности для совершенствования процесса обучения, развития коммуникативной компетенции обучающихся, целостного развития их личности.

Одним из таких методов моделирования многостороннего типа общения, в результате которого происходит взаимообучение обучающихся, является проектная деятельность. Проект представляет собой самостоятельно планируемую и реализуемую обучающимися работу, в которой речевое общение органично вплетается в интеллектуально-эмоциональный контекст другой деятельности (игры, анкетирование, поисковая деятельность и др.). Таким образом, он позволяет реализовать межпредметные связи в обучении иностранному языку, расширить “узкое пространство” общения в классе, осуществить широкую опору на практические виды деятельности. В ходе выполнения проекта, обучающиеся активны, они проявляют

творчество и не являются пассивными. Работая над проектом, каждый обучающийся, даже самый слабый в языковом отношении и менее активный в психологическом плане, имеет возможность проявить собственную фантазию и креативность, активность и самостоятельность. Проектная работа позволяет исключить формальный характер изучения языка (по принципу “Надо знать”) и активизирует взаимодействие для достижения практического результата обучения языку.

Работа над проектом осуществляется в определенной последовательности и имеет, как правило, следующие этапы (структура проекта) (по Полат Е.С.):

1. Презентация ситуаций, позволяющих выявить одну или несколько проблем по обсуждаемой тематике.
2. Выдвижение гипотез решения выявленной проблемы (мозговой штурм). Обсуждение и обоснование каждой из гипотез.
3. Обсуждение методов проверки из принятых гипотез в малых группах (в каждой группе по гипотезе), обсуждение возможных источников информации для проверки выдвинутой гипотезы. Обсуждение оформления результатов.
4. Работа в группах над поиском фактов, аргументов, подтверждающих или опровергающих гипотезу.
5. Защита проектов (гипотез решения проблемы) каждой из групп с оппонированием со стороны всех присутствующих.
6. Выдвижение новых проблем.

Выбор тематики проектов в разных ситуациях может быть различным. В курсе иностранного языка метод проектов может использоваться в рамках программного материала практически по любой теме, поскольку отбор тематики проводился с учетом практической значимости для обучающихся. Главное

- это сформулировать проблему, над которой обучающиеся будут работать в процессе изучения темы программы.

Многое в проектной деятельности зависит от выбранного типа проекта: его структура, избираемые методы, источники информации, оформление результатов, т.е. форма защиты проекта. Чаще всего, типология проектов основывается на следующих признаках:

1. Доминирующий в проекте метод или вид деятельности: исследовательский, творческий, ролево-игровой, практико-ориентированный и пр.

2. Предметно-содержательная область: монопроект (в рамках одной области знания); межпредметный проект.

3. Характер координации проекта: непосредственный (жесткий, гибкий), скрытый (неявный, имитирующий участника проекта).

4. Характер контактов (среди участников одного учебного заведения, города, региона, страны, разных стран мира): городской, региональный, международный.

5. Количество участников проекта.

6. Продолжительность проекта.

Разумеется, в реальной практике чаще всего приходится иметь дело со смешанными типами проектов, в которых имеются признаки нескольких.

Использование проектной работы позволяет обучать языку как социальному феномену. Поэтому работа над проектами имеет не только прагматический характер (достижение обучающимися определенного уровня владения языком во всех видах опосредованного и непосредственного общения), но и большую общеобразовательную значимость: он формирует социальную компетенцию (умение

самостоятельно действовать в социальных ситуациях), развивает чувство ответственности за конечный результат, умение публично выступить, чтобы доказательно и аргументировано провести презентацию данного результата. Введение в практику обучения иностранным языкам методов проекта позволяет говорить о новой педагогической технологии интерактивного взаимообучения, которая позволяет решать задачи личностно-ориентированного подхода в обучении.

Таким образом, можно отметить, что проектная работа придает процессу обучения личностно-ориентированный и деятельностный характер и в полной мере отвечает новым требованиям к обучению. Она создаёт условия, в которых процесс обучения иностранному языку по своим основным характеристикам приближается к процессу естественного овладения языком в аутентичном языковом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новые педагогические и информационные технологии/Под ред. Е.С. Полат – М., 1999.
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования/Под ред. Е.С. Полат. – М.: Издательский центр “Академия”, 2000.
3. *Полат Е.С.* Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностр. языки в школе. – 2000. № 2–3.
4. *Щукин А.Н.* Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: Учебное пособие. – М.: Филоматис, 2008.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
В ЭСТОНСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦАХ
И ПОГОВОРКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК
О ПЬЯНСТВЕ)**

Язык способствует формированию духовного мира индивидуума и общества в целом, формирует духовную интеграцию общества. Культура находит свое отражение в языке в виде определенной лексики, пословиц и поговорок. В данной статье рассматриваются эстонские пословицы и поговорки, в которых свое отражение нашла культура употребления спиртных напитков.

Ключевые слова: пословицы; поговорки; лингвокультурология; эстонский язык.

В современном языкознании вопрос о соотношении понятий «язык» и «культура» является дискуссионным. Так Э. Сепир определяет культуру «как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как думает». [1] В свою очередь Н.И. Толстой пишет о том, что «отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры [...], в особенности, когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры [...] или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом». [2]

Благодаря развитию этно-, социо- и психолингвистики можно говорить о том, что язык должен быть отнесен к сфере духовной культуры и рассматриваться в качестве одного из

ее компонентов. Именно язык способствует формированию духовного мира индивидуума и общества в целом, формирует духовную интеграцию общества. С помощью языка происходит усвоение культурных норм и социальных ролей.

Культура находит свое отражение в языке в виде определенной лексики. Поэтому, исходя из исторического опыта, можно говорить, что русский язык и культура оказывали сильное влияние на эстонский язык, а, следовательно, и на эстонскую культуру.

Это наглядно проявляется в тех пословицах и поговорках, которые закрепились в языке-реципиенте (эстонском), попав туда от языка-донора (русский), и которые используются в повседневной жизни людей.

В Российской империи конца XVII – начала XVIII века отношение к алкоголю было неоднозначным. При Петре I устраивались грандиозные празднества с обильными возлияниями. Государство, имеющее монополию на производство крепкого алкоголя, способствовало тому, что появились многочисленные питейные заведения, выручка от которых шла на пополнение бюджета страны.

Эстония, вошедшая в состав Российской империи при Петре I, не могла остаться в стороне от происходящих в метрополии событий. В эстонском языке появились пословицы и поговорки, в которых отразилось народное отношение к алкоголю, к пьющим людям и к его производителям. Стоит отметить, что отношение к процессу питья было неоднозначным.

Существующие пословицы и поговорки можно условно разделить на несколько видов.

1. Отношение к пьющей женщине, сравнение ее с мужчиной.

Joodikul on viis meelt, aga joodiku naisel peab kümme meelt olema (У пьяницы пять настроений, а у пьяной женщины их десяток.) В данном случае выражается негативное отношение к пьющей женщине, т.к. под воздействием алкоголя она, как хранительница очага, может натворить бед. Это утверждение подтверждает другая поговорка: *Kui mees joo, põleb pool maja; kui naine joo, terve maja* (Если пьет мужик - сгорит полдома, а если женщина - весь дом.)

При сравнении женского пьянства с мужским народ верно подметил тот факт, что женское злоупотребление алкоголем имеет более худшие последствия: *Hull on meeste joomine, veel hullem naiste joomine* (Мужское пьянство безумно, еще безумнее женское.) и *Kui naene joo ja katus läbi jookseb, see on kõige pahem lugu* (Если пьет женщина, и крыша съезжает, - это самое страшное, что может случиться.)

2. Сравнение пьющего человека с ленивым, где лень считается более сильным грехом.

Joodikuga saab elada, aga laisaga ei saa (С пьяницей можно жить, а с ленивым нельзя.) Или: *Parem mehe juures viinahais kui mullahais*. (Лучше если от мужика пахнет водкой, чем землей.)

В данном случае речь идет о том, что если мужик работающий, то ему дозволяется после проделанной работы выпить, а от лежебоки в любом случае толку будет мало.

Народная мудрость верно подметила, что уровень образования должен соответствовать профессии: *Hull võib olla õlle tegija, aga tark olgu linnase tegija* (Глупцом может быть пивовар, но умным пусть будет строитель).

3. Сравнение алкогольных напитков.

Сравнение пива и кваса: *Õllehullu jõuab ikka talitseda, taarihullu ei jõua keegi talitseda* (Пивное сумасшествие можно

сдержать, а квасного никто не может), *Hea on see õllehull, veel parem taarihull* (Пивное помешательство хорошо, квасное еще лучше) и *Õllehull harva, kaljahull alati hull* (От пива сходят с ума редко, от кваса часто.)

Здесь явное предпочтение отдано пиву. По всей вероятности в приведенных выше поговорках отражается ироническое отношение к слабоалкогольному напитку, как в русской поговорке: Губит людей не пиво, губит людей вода.

Сравнение пива и водки: *Õllehull on hullem kui viinahull* (Пивное сумасшествие хуже водочного).

Сравнение пива, водки и кваса: *Õlut hullu, taar tarka, viin aga päris põrguline* (От пива тупеют, от кваса умнеют, а от водки превращаются в черта).

Сомнений нет, чем крепче напиток, тем больше бед он несет.

4. Положительное отношение к пьяницам получило отражение в следующих пословицах: *Joodik ja kass – kumbki ei saa mahasadamisega haiget* (Пьяница и кошка – никто из них не заболит, поспав на земле); *Joodikol oma pehme kondi, maha satah ei saa haiget* (У пьяного мягкие кости, поспав на земле не заболит); *Joodikud kukuvad pehmeste* (Пьяные падают на мягкое); *Joodik kukub radja pääle* (Пьяный падает на подушку).

Другими словами, поговорки подчеркивают видимость того, что здоровье у пьяного не пострадает, если он заснет, например, под забором на сырой земле.

Joomine on Jumalast loodud (Выпивка – божий промысел); *Kes põlgab jumalavilja ära* (Кто брезгует, тот бога от себя отворачивает); *Mees joob ja mees toob* (Мужик пьет и он же работает).

Здесь подчеркивается естественность употребления алкоголя, его неотъемлемая историческая связь с повседневной жизнью, связанной с трудом: Сделал дело - гуляй смело.

5. Божественный промысел.

Jumal hoidku joodiku eest (Бог бережет пьяницу); *Jumal hoiab joodikut* (Бог заботится о пьянице); *Joodikut õnnistas Jummal* (Бог пьяного благословил); *Juodikku Jumal juhatab* (Бог пьяного направляет); *Joodik on Jumalal armas* (Пьяный в божьих руках); *Joodikule jumal annab* (Пьяному Бог подает).

Народом верно подмечено, что выпивший человек, как это не парадоксально, при несчастных случаях страдает зачастую меньше, чем трезвый. В основу данного ряда поговорок легло то, что алкоголь способствует расслаблению мышц и, например, при падении с высоты больше шансов выжить как раз у пьяного человека, чем у трезвого.

6. Деньги и пьяница.

Joodiku raha ja koera kusi ei saa iialgi otsa (У пьяного деньги, как у собаки моча, никогда не закончатся); *Joodikul tuul toit ja vesi elatas* (Пьяного ветер кормит, да вода поит).

Данные поговорки отражают общественное недоумение тем фактом, что, как правило, люди злоупотребляющие алкоголем живут очень бедно, не работают, а, следовательно, денег не зарабатывают, но на выпивку у них всегда находятся средства.

7. Умеренность в употреблении алкоголя.

Võta pits ja pea aru (Прими стопку и сохраняй в голове ясность); *Pista pitsi ja pea piiri* (Выпей стопку и держи себя в границах); *Kaks ajab janu* (Две [рюмки] утоляют жажду); *Üks ohuks, teine rohuks, kolmas-neljas hingevõtja* (Одна [рюмка] опасна, вторая лечит, третья-четвертая доходит до души);

Joo viina, kuni viin viha on; läheb ta magusaks, siis ära enam joo (Пей водку до тех пор, пока не станет горько; если станет сладкой, значит больше не пей); *Ühel suul vaja mõõdi olla* (У каждого рта должна быть мера); *Suu on südame moot* (Рот – мерило души); *Ega viin mehe peale ei kipu, kui mees viina peale ei kipu* (Водка сама в мужика не вольется).

8. «Позитивные» функции водки: прогоняет заботы, бодрит, лечит.

Viin rõõmustab, leib kinnitab (Водка веселит, хлеб заботит); *Viin raha katk, aga siiski tervise jätk* (Водка для денег чума, но неотъемлемая часть здоровья); *Kui ei ole surmatõbi, siis saab ikka viinast abi* (Если болезнь не смертельная, то от водки будет толк); *Viin on külmaroхи* (Водка – лекарство от простуды); *Viinaga tuleb, viinaga läheb* (С водкой приходит [болезнь], с водкой уходит); *Õlut jooma – õndsaks saama, taari jooma – taeva saama* (Пиво пить – блаженным стать, квас пить – на небо попасть).

Таким образом, можно констатировать, что в лингвокультурологическом плане пословицы и поговорки всесторонне отражают отношение эстонского народа к процессу потребления алкоголя, как слабого, так и сильного. В них получили отражение основные потребители напитков (мужчина и женщина), негативное отношение к злоупотреблению алкоголем, а также положительное отношение к умеренному употреблению и даже польза от этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сепир Э. Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. - С. 193*

2. Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. - С. 16

3. <http://www.folklore.ee/~kriku/VSR/TA.HTM>

Горшкова О.Ф.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Одним из наиболее перспективных научных направлений последних десятилетий стала политическая лингвистика, возникшая на пересечении лингвистики и политологии. Вопрос о возникновении, историческом развитии и современном состоянии политической лингвистики рассматривался в работах А.Н. Баранова, М.В. Гавриловой, А.П. Чудинова, в монографиях Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал и др. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации. Задача политической лингвистики состоит в том, чтобы детально изучить стратегии и тактики, применяемые при взаимоотношениях между властью, речью и поведением. Предмет исследования политической лингвистики – политическая коммуникация, т.е. речевая деятельность, ориентированная на освещение и оценку политических событий, пропаганду тех или иных идей, интеллектуальное воздействие на сознание социумов и формирование общественного мнения.

Политическая коммуникация всегда играла значимую роль в жизни общества, а в конце XX - начале XXI века процесс обмена информацией изменился кардинальным образом. Это связано со всеобщей глобализацией и формированием нового информационно-коммуникативного пространства. Благодаря интенсивному развитию современных технических средств население планеты активно участвует в информационном обмене, а расширившееся информационно-коммуникативное пространство способствует беспрепятственному доступу к актуальной информации, в том числе политической.

Развитие общества третьего тысячелетия характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни современного общества, оказывает влияние на состояние политической, экономической, оборонной и других сфер интересов любого государства. Национальная безопасность государства напрямую зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость возрастает. Для социальных институтов и индивидов стало возможным участие в политических событиях в режиме «on-line» независимо от географического местонахождения. Неограниченный поток информации нивелирует значение межгосударственных границ, создает континуум единого информационного глобального сообщества и представляется нам, как одна из

актуальных проблем теории современной политической коммуникации, требующих детального изучения. На наш взгляд, для решения данной проблемы необходимо:

- совершенствование системы формирования и рационального использования информационных ресурсов, составляющих основу научно-технического и духовного потенциала мирового сообщества;

- оптимизация использования информационной инфраструктуры в интересах повышения уровня образования современного мирового общества;

- сохранение и укрепление нравственных, культурных, идеологических ценностей общества;

- необходим контроль за ресурсами/ сайтами, допускающими пропаганду и агитацию разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды;

- необходимо доведение до международной общественности достоверной информации о проводимой внешней и внутренней политике государств, особенно тех, которые обладают высоким научно-техническим и военным потенциалом, их официальной позиции по социально значимым событиям международной жизни, с обеспечением доступа общественности к открытым и достоверным информационным ресурсам;

- проводить систематическую работу, направленную на расширение международного сотрудничества в области развития и безопасного использования информационных ресурсов, а так же противодействия угрозе развязывания противоборства в информационной сфере.

Роль современных политических коммуникаций существенно возрастает и в силу политизированности общества.

Одна из основных функций политической коммуникации – борьба за политическую власть в период избирательных кампаний и удержание власти и рейтинга избранными политиками на основе использования коммуникативной деятельности. Язык при этом является основным средством создания политических смыслов. Языковая политика – это еще и часть политики как сферы общественной жизни, это деятельность государства и общества по согласованию интересов различных общностей в сфере языковых отношений. Языковые отношения как комплекс явлений обладают не только лингвистической, но и политической окрашенностью и представляют собой сложное взаимодействие уровней и способов соединения языка и политики, становящихся в силу этого предметом политической науки. Это обусловлено формированием и расширением единого глобального информационно-коммуникативного пространства, а также существенным изменением методов и приемов современных политических коммуникаций. Количественные и качественные изменения форм и средств современных политических коммуникаций актуализируют потребность в изучении особенностей современной политической коммуникации, для которой характерны публичность, неоднородная аудитория, а также особый – политический - язык.

Так как политика – коллективная, сложно организованная, целенаправленная деятельность, нуждающаяся в процессе массовой коммуникации между властью и обществом, то в ней изначально содержится коммуникационное начало.

Политическая коммуникация — процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между со-

циальной и политической системой. Л. Пай также включает в политическую коммуникацию «весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое различное влияние на политику».

В западной литературе выделяется три основных способа политической коммуникации:

- коммуникация через средства массовой информации, включающая в себя печатные средства (пресса, книги, плакаты и т.д.), электронные средства (радио, телевидение и т.д.);
- коммуникация через организации, когда политические партии или группы давления служат передаточным звеном между правителями и управляемыми;
- коммуникация через неформальные каналы.

По мнению А.П. Чудинова, политическая коммуникация – это процесс общения между участниками политической деятельности. Преобразования в информационно-коммуникативной сфере затронули все сферы социальной и политической составляющей жизни современного общества, что создало предпосылки для получения аудиторией значительного информационного потока, который контролируется политическими элитами. Имея возможность контролировать и дозировать поступающую в аудиторию информацию, можно заранее подготовить сознание общественных масс к «правильному» восприятию нужной политическим силам информации, что позволяет спрогнозировать поведение адресата. Следовательно, для современной политической коммуникации характерно усиление манипуляционного начала, что, на наш взгляд, также является одной из актуальных проблем. Значение коммуникативного влияния и информации в политической коммуникации подробно раскрыл в своих рабо-

тах О. Шультце. Представитель герменевтики Х.Р. Гадамер проанализировал политическую деятельность как несущую лингвистический характер, осуществляемую в рамках определенных языков и понятийных аппаратов, где формой политической власти является возможность сформулировать концепции и использовать политический язык, как в информационных, так и в манипуляционных целях.

Под понятием «политическая коммуникация» мы понимаем информационно-коммуникационное взаимодействие политической власти с массовым адресантом, реализуемое в форме целенаправленного информационного обмена, вектор которого направлен на достижение политическими элитами определенных коммуникационных целей путем пропаганды идей методом жесткого отбора, дозирования, фильтрации подаваемой информации.

Новое информационно-коммуникативное пространство создается все возрастающим количеством участников – субъектов политической коммуникации. В условиях этой новой ситуации политическая коммуникация требует детального исследования, поскольку от степени изученности коммуникативных процессов зависит, насколько общество может противостоять речевым манипуляциям со стороны заинтересованных политических элит. Современное политическое сознание массового адресата является во многом следствием стратегий и тактик речевого воздействия государственных политических коммуникаций. С целью решения указанной проблемы, необходимо формировать новые или видоизменять существующие методы взаимодействий в настоящем глобальном социально-политическом пространстве, что в свою очередь, обуславливает необходимость создания но-

вых идеологических и организационно-институциональных структур, поддерживающих информационные взаимосвязи между субъектами политической коммуникации. В данной ситуации требует дальнейшего рассмотрения упорядочивание и систематизация новых научных подходов к проблеме как современных политических коммуникаций, так и к проблеме формирования современного политического информационно-коммуникативного пространства.

Это обстоятельство еще в большей степени актуализирует исследование заявленного проблемного поля, всвязи с чем многочисленные вопросы, которые направлены на изучение языковых методов речевого воздействия, речевых стратегий и тактик идеологического и интеллектуального воздействия на сознание общественных масс становятся ключевыми вопросами современной теории политической коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кретов Б.Е.* Средства массовой коммуникации - элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания N 1. - 2000. - С. 101.
2. *Малаканова О.А.* Политическая коммуникация.
3. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. - М.: изд-во «Флинта», «Наука», 2008. - 31 с.
4. *Шварценберг, Р.-Ж.* Политическая социология. - М., 1992. - С. 175. (википедия).
5. *Gadamer H.R.* The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effect of Mass Communication. - Chicago, 1971.
6. *Schultze R.O.* Wechselwähler. Staat und Politik. - Bern, 1991.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Словарный состав, как наиболее открытая и динамичная система языка, реагирует на события, отметившие общество в определенный период. Данная статья представляет фрагмент исследования семантических неологизмов французского языка 21 века. Анализ новых значений позволяет сделать обзор неогенных событий последнего десятилетия, выявить активно пополняющиеся тематические области, описать некоторые тенденции обогащения словарного состава.

Ключевые слова: семантическая неология; новые значения; французский язык.

Как отмечают исследователи в области неологии, за период с 1950 года по настоящее время Франция пережила самые обширные, глубокие и быстрые изменения в своей истории [Rémond 2000: 13]. Эти изменения отражаются в эволюции языка. Французскими и российскими лингвистами были проведены исследования неологизмов второй половины 20 века сквозь призму важнейших событий этого периода, с целью описать тенденции развития французского языка [Лопатникова 2002: 95-106; Tournier 2000: 253-281; Humbley 2000: 69-97].

В новом тысячелетии процесс обогащения словарного состава французского языка приобретает еще больший масштаб. Материалом для нашего исследования послужили новые значения, вошедшие в словарь le Petit Robert за последние 6 лет (с 2008 по 2013 годы). Анализ семантических неологизмов (СН) с акцентом на события и явления, определившие развитие французского общества в последнем десятилетии (ставшие причиной появления новых значений), по-

зволяет выявить новые характеристики словарного состава французского языка в XXI веке.

Телевидение, пресса и интернет способствуют унификации французского языка, что сочетается с нейтрализацией географических и социальных различий, с включением в общенациональный язык терминов, широко используемых в рекламе, новостях, специализированных программах и статьях. Происходит смешение стилистических регистров языка, в словари включаются слова из молодежного сленга, так как лингвисты стремятся отражать живой развивающийся язык, а не застывшие правила, созданные привилегированными слоями общества [Postface du Nouveau Petit Robert 2007, par Alain Rey 2006: XXV].

Семантические неологизмы отражают тенденции, свойственные неологии современного французского языка в целом.

Использование английских заимствований

Влияние английского языка не сводится только к прямым заимствованиям, но и проявляется на семантическом уровне [Humbley 2000: 72, 90-91]. В последние годы существует тенденция подбора французского эквивалента для англицизмов, наводнивших различные тематические области языка. Над этой задачей работают создающиеся с 1970 года Комиссии по терминологии и неологии, которые ежегодно публикуют рекомендованные французские термины в Официальном журнале.

В нашем корпусе СН присутствует 5% англицизмов, большая часть зафиксирована в издании 2010 года. Для некоторых из них предложен рекомендованный термин: *buzz (m)* (2010) – от английского «шум», употребляется в выражениях: *du buzz sur Internet* – «шумиха в Интернете», *buzz marketing* – «маркетинговый шум», официальная рекоменда-

ция: *bouche à oreille* – «устная передача информации». Существительное *cougar (f)* (2012) – «зрелая женщина, которая встречается с мужчинами значительно моложе нее», (метафора от названия животного «кугуар, пума») сохранило английское написание, отличающее его от существующего французского слова (здесь и далее перевод на русский язык выполнен с помощью словаря [АВВУУ Lingvo 2011], в скобках указывается издание le Petit Robert).

Глобализация

СН представляют панораму главных событий международной жизни 2000-2013 годов.

Катастрофы: *liquidateur (m)* (2013) – «ликвидатор», новое значение «технический специалист, устраняющий последствия катастрофы на атомной станции» возникло после событий 1986 года в Чернобыле и было актуализировано прессой в 2011 году после катастрофы на станции Фукусима, после чего было зафиксировано в словаре.

Политическая дискуссия, вновь разгоревшаяся во Франции и в мире после катастрофы в Японии, популяризировала новое значение существительного *atome (m)* (2013) – в выражении *lobby de l'atome* «приверженцы атомной энергетики».

Модель общества потребления способствует образованию большого количества эпонимов (переход названий брендов в имя нарицательное).

Karcher (m) (2009) – немецкий бренд, давший название пылесосу этой марки, используется как имя нарицательное в выражении *passer au karcher* – «пропылесосить «керхером», т.е. «произвести резкие изменения».

События политической жизни, мировой экономической кризис, бедность, безработица, изменения в социальной политике, налоговые реформы способствовали образованию таких СН:

Raboter (2012) – «отделявать, шлифовать», приобретает значение «уменьшать» в выражении *raboter les niches fiscales* – «сокращать налоговые ниши». Заметим, что введение налога на роскошь стало одним из пунктов президентской кампании 2012 года Франсуа Олланда и сделало еще более актуальной «налоговую» тематику.

Rétropédalage (m) (2012) – «вращение педалей (велосипеда) в обратную сторону», применительно к действиям оппозиции: *rétropédalage de l'opposition*.

Indigné (m) (2013) – «возмущенный, негодующий», используется для обозначения молодежного движения в Европе и США, добивающегося социальной справедливости акциями гражданского протеста (движение «Захвати Уолл-стрит», сентябрь 2011 года). Семантический неологизм передает контекст мирового финансового кризиса 2008-2013 годов, событий в Греции, Испании и на Кипре, прослеживается параллель со студенческими протестами Мая 1968 года во Франции.

Волна реалити-шоу начала 2000-х годов противопоставила «простых людей» знаменитостям, созданным голливудской индустрией звезд. Выражение «*vraies gens*» (2010) – «настоящие люди» получило распространение у журналистов для обозначения среднего француза.

Лексический состав усложняется за счет **включения новых научно-технических терминов**, с другой стороны, научная терминология становится все более употребительной и доступной для понимания и употребления широкому кругу

публики, происходят процессы **вульгаризации и банализации** [Humbley 2000: 72-73].

Словарные статьи *format (m)* (2008) – «*формат*» и *bannière (f)* (2008) – «*стяг*» обновляются, следуя за развитием высоких технологий. Первое получает значение «*структура магнитного покрытия носителя данных, позволяющая хранение и организацию информации*», второе – «*графическое изображение рекламного характера, баннер*».

Примеры специализированных значений:

Brin (m) (2011) – «*побег, волокно*», в генетике означает «*цепь ДНК*».

Dématérialiser (2010) – «*устранять материальное*», в информатике приобретает значение «*оцифровывать*».

Panier (m) (2011) – «*корзина для заказов он-лайн*» в интернете.

Mur (m) (2012) – в социальных сетях «*стена*», на которой показываются публикации и контакты пользователя.

Exploser (2012) – «*взорвать*», в спорте *explorer un record* – «*побить рекорд*».

Toxine (f) (2011) – «*токсин*», банализированный термин из области медицины и биологии: *éliminer les toxines* – «*выводить токсины*».

Большое внимание в новом тысячелетии уделяется психологическим проблемам и душевному состоянию человека (термины из разных областей):

Nid (m) – «*гнездо*» в выражении *syndrome (m) du nid vide* (2010) – «*синдром пустого гнезда*», родительское смятение чувств после ухода детей из дома.

Zénitude (f) (2010) – «*состояние спокойствия*» (от *zen* – «*дзен, буддистское течение в Японии*», в разговорном языке «*спокойный*»).

Surbooké (2010) – человек, «загруженный сверх меры» (от английского *overbooked* – «переполненный», применительно к авиаполетам).

В изданиях словаря мы зафиксировали 37 % СН – терминов, некоторые из которых банализированы, и выявили тенденцию ежегодной актуализации отдельных областей: в изданиях 2012-13 года обновлены словарные статьи, относящиеся к области информатики, новых технологий, медицины, биологии, экологии; в 2011 – биология; в 2010 – полностью пересмотрена область химии и информатики, даны рекомендованные термины для большинства англицизмов; в 2008-2009 – медицина, астрономия, музыка [Martinez].

Европеизация [Tournier 2000: 274]

Функционирование Франции в составе Евросоюза обогатило язык не только новыми формами с радикалом *euro-*, но и новыми значениями:

Troïka (*f*) (2008) – заимствование из русского языка (1. «тройка, запряженная лошадьми», 2. «тройка политических лидеров: Сталин, Зиновьев, Каменев в 1922 году и Рузвельт, Сталин, Черчилль в 1943 году») приобретает значение «европейская тройка» (глава МИД, высокий представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности и еврокомиссар по иностранным делам). Во французском заимствовании отсутствует значение «особая тройка НКВД СССР», однако в современной прессе распространилось употребление «европейские кредиторы Греции», которое пока не вошло в словарь.

Дискриминация, толерантность и политически корректный язык

Понятие «политической корректности» проникает во Францию из США в 90-е годы и «требуется убрать из языка

все те языковые единицы, которые задевают чувства, достоинство индивидуума, вернее, найти для них соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы» [Тер-Минасова 2000: 215].

Diversité (f) culturelle (2011) – «сосуществование разных культур в обществе». Встречается в словосочетаниях: *commissaire à la diversité et à l'égalité des chances* – «комиссар по культурному разнообразию и равенству возможностей»; *entreprise qui respecte la diversité* – «предприятие, уважающее различия, принимающее на работу без дискриминации».

Экологизация [Tournier 2000: 273]

Увлечение «экологическим» образом жизни, повышение важности дела защиты окружающей среды, экологические катастрофы мирового масштаба способствуют проникновению экологической лексики в словарь.

Réfugié (m) climatique (2009) – «климатический беженец», человек, вынужденный покинуть место жительства в силу ухудшения состояния окружающей среды, связанного с климатическими явлениями.

Marée (f) verte (2013) – «зеленая волна», обозначает значительное отложение слоя зеленых водорослей на пляжах.

Chimie (f) verte (2010) – «зеленая химия», научная концепция, исключающая использование вредных химических веществ.

В целом, прилагательное «vert» - «зеленый» употребляется для обозначения реалий, связанных с природой и сельской жизнью: *Europe (f) verte* – «Европейское сельскохозяйственное сообщество», *tourisme (m) vert (écotourisme)* – «туризм в сельской местности»; с экологией и охраной среды: *énergie (f) verte* – «энергия, источником которой являются рас-

меня», *carburant (m) vert (biocarburant)* – «биотопливо», *aérosol (m) vert* – «аэрозоль без фреона»; а также, в качестве политического термина: *électorat (m) vert* – «избиратели партии «зеленых»».

Франкофония и французские регионы

Несмотря на основную цель словаря – представить языковую норму французского, на котором говорят во Франции, он дает описание языка в пространстве Франкофонии и его региональные варианты, что является своего рода «восполнением пробелов» и соответствует задачам Международной Организации Франкофонии на 2004-2015 годы.

Позиция редакции – бороться против унификации, клиширования, быть открытыми географическому и социолингвистическому разнообразию, уход от «франкоцентризма» [Préface du Nouveau Petit Robert, par Josette Rey-Debove et Alain Rey 2006: XV].

В нашем корпусе франкофонные и региональные варианты составили 16 % СН. Каждое издание словаря является тематическим: 2008 год включает новые бельгийцизмы, 2009 – слова и значения французского языка стран Магриба, 2010 – регионализмы, 2011-12 – квебекизмы (которые являются наиболее многочисленными), 2013 – швейцарский, бельгийский и квебекский вариант французского языка [Martinez].

Séminariste (m) (2009) – «семинарист» во Франции и «участник семинара» в странах Магриба.

Doubleur, euse (m, f) (2010) – «актер, дублирующий артиста в иностранном фильме» во Франции и «второгодник» в Канаде, Швейцарии и Бельгии (от глагола *doubler* – «повторять»).

Cellulaire (2010) – «клеточный, сотовый», применяется как субстантивированное прилагательное «сотовый телефон» в Канаде, тогда как во Франции используется *portable (m)* – дословно: «переносной».

Embaucher (2010) – «нанимать на работу» в общенациональном французском языке, «ежедневно начинать работу» в региональном варианте (Запад и Юго-Запад Франции).

Межстилевое взаимодействие [Humbley 2000: 74]

С тех пор как писатели свободно обращаются к разговорному языку и арго проникает в другие стили речи, появилась необходимость не отбрасывать стилистически окрашенные неологизмы, а включать их в словарь, используя систему помет. Стилистически окрашенные значения составили 7 % СН: *galette (f)* (2013) – «диск, круг», в разговорном регистре означает «грампластинка, компакт-диск». Иногда происходит их переход во французский литературный язык: *occase (f)* (2011) – устаревшее разговорное «удача, удобный случай», новое значение дается без стилистических помет и употребляется в области спорта «благоприятный момент».

Обзор тенденций эволюции словарного состава французского языка сквозь призму семантической неологии, сделанный выше, не является исчерпывающим. Дополнительную информацию может дать привлечение к исследованию других изданий толковых словарей французского языка, например, Larousse, а также корпусов современной прессы и литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

2. АБВУ Lingvo. Новый французско-русский словарь. 2011: <slovari.yandex.ru>
3. *Humbley J.* Évolution du lexique. // Histoire de la langue française 1945-2000. /sous la direction de G. Antoine et B. Cerquiglini. – P., 2000, C. 69-97.
4. *Lopatnikova N.N.* Certaines tendances dans le système lexical du français actuel. – M., 2002.
5. *Martinez C.* Site de la base de données lexicographique: <<http://guterrien.free.fr/page-de-camillemartinez-club-orthographe-INPG.html>>
6. Le Petit Robert 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P., 2006 - 2012.
7. Postface du Nouveau Petit Robert 2007, par Alain Rey. // Le Nouveau Petit Robert de la langue française 2007. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P., 2006, C. XXIV-XXV.
8. Préface du Nouveau Petit Robert, par Josette Rey-Debove et Alain Rey. // Le Nouveau Petit Robert de la langue française 2007. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P., 2006, C. IX-XXIII.
9. *Rémond R.* Panorama historique. // Histoire de la langue française 1945-2000. /sous la direction de G. Antoine et B. Cerquiglini. – P., 2000, C. 13-21.
10. *Tournier M.* Cinquante ans de vocabulaire politique et social en France. // Histoire de la langue française 1945-2000. / sous la direction de G. Antoine et B. Cerquiglini. – P., 2000, C. 253-281.

МОДАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРФЕКТА)

Статья посвящена одному из прошедших времен болгарского языка – прошедшему неопределённому (перфекту). Рассматриваются особенности функционирования форм перфекта в да-конструкциях, как независимых, так и в составе придаточных предложений. Модальные значения, выражаемые формой перфекта в этих синтаксических конструкциях сопоставляются со значениями, реализуемыми при свободном употреблении.

Ключевые слова: болгарский язык; глагольная система; модальность; время.

Наше исследование посвящено изучению функционирования форм перфекта в переводных и аутентичных болгарских текстах. Материалом послужили два художественных текста: первые 200 страниц перевода на болгарский язык «Гиперболоида инженера Гарина» А.Н. Толстого (переводчик Донка Станкова) и аналогичный по объёму аутентичный текст: «Инспекторът и ноцта» Б. Райнова. Также мы рассмотрели перевод повести Райнова на русский язык, выполненный Т. Теховой под редакцией М. Маринова, и постарались проследить, каким образом профессиональный переводчик передаёт семантику форм перфекта средствами русского языка. В настоящем докладе все примеры из произведения Б. Райнова приводятся с этим переводом, примеры из «Гиперболоида инженера Гарина» сопровождаются соответствующими фрагментами оригинала.

Анализ материала показал, что формы перфекта могут выражать целый спектр значений как темпоральных, так и модальных. Значения, выражаемые формами перфекта в рам-

ках как утвердительных, так и отрицательных конструкций, а также в прямых и косвенных вопросах, разделяются нами на временные и модальные. Вслед за Малиной Ивановой мы принимаем следующее определение: модальность понимается как способ передачи информации, выражающий «личную оценку говорящего по отношению к реализации данного события, процесса, состояния, мнение о возможном или желанном протекании реализованного или нереализованного события» [Иванова 1998: 11]. Среди отмеченных нами модальных значений можно выделить следующие наиболее частотные: восстановление действия по следам, предположение (в том числе на основании слов других лиц), умозаключение, волеизъявление.

В настоящем докладе мы хотели бы остановиться подробнее на модальных функциях перфекта, реализуемых им в особой позиции, а именно в сочетании с **да** (далее в **да-конструкциях**). Статус служебного слова **да** не находит однозначной интерпретации среди лингвистов. Традиционно принято рассматривать **да** в сочетании с глаголом как частицу в следующих случаях: в составе сложных временных форм (*няма да направя*), аналитического повелительного наклонения (*нека да тръгнем*) и выражений типа «да не би да» [Грамматика 1983: 498-499]. В роли союза **да** выступает, если соединяет части сложноподчинённого предложения или вводит вторую часть составного глагольного сказуемого [Грамматика 1983: 464].

Наличие да-конструкций отличает болгарский язык от большинства славянских и роднит его с другими балканскими – греческим, румынским и албанским. Рассматривая да-формы в болгарском языке, Р. Ницолова отмечает, что они

характеризуются общим семантическим признаком **нефактивности** в разных вариациях: возможность, предположение, необходимость, призыв, запрет, предостережение, позволение, желательность [Ницолова 2007: 9]. В сложноподчинённых предложениях да-формы «означают нефактивность, которая в зависимости от значения предложения и контекста может реализоваться как возможность и необходимость, так же, как в простых предложениях с вопросительными словами» [Ницолова 2007: 14].

Всего в тексте перевода «Гиперболоида инженера Гарина» отмечено 225 форм перфекта, из них **10** в составе да-конструкции. В аутентичном тексте из 326 форм перфекта в да-конструкции входят **17**. Рассмотрим подробнее их значения и контекст употребления.

Конструкции **да + перфект** появляются после безличных модальных глаголов **трябва**, **може** и оборота **не е възможно**:

Може преди туй да му е дошъл приятел и да са се почерпили. [Райнов: 34]

Може, перед этим к нему зашел приятель, и они выпили вдвоем. [перев. Теховой: 42]

Постойте, Василий Витальевич. Их-то я, должно быть, и видел сегодня. [Толстой: 524]

Чакайте, Василий Виталиевич. Тъкмо тях трябва да съм видял днес. [перев. Станковой: 19]

Модальное значение возможности и предположительности выражается здесь как через выбранную форму глагола, так и лексически.

Также да+глагол в перфекте употребляется после глаголов ментальной деятельности: **допускам**, **вярвам**, **боя се**. Примеры такого употребления были зафиксированы в аутен-

тичном тексте. Отметим, что во всех этих случаях так или иначе присутствует отрицание, то есть действие представляется как несовершившееся, не реальное.

- *Казах вече: не допускам да е знаел, че има рак* [Райнов:38].

- *Не допускаю, чтоб он знал о раке* [перев. Теховой: 48].

Формы перфекта употребляются также после союза **без да**, который является отрицательным соответствием союза **като**. В этих примерах речь идёт о действии, которое могло или должно было быть совершено, но не совершилось до момента речи.

(...) да разбереш от една комбинация мъртви предмети какво представлява лицето Георги Славов, без никога да си му видял лицето [Райнов: 40].

(...) представить себе лицо, именуемое Георгием Славовым, которого ты до этого не видел в лицо [перев. Теховой: 50].

Такое употребление перфекта, несмотря на наличие отрицания, мы рассматриваем как реализацию одного из его темпоральных значений. Перфект здесь употребляется для указания на отсутствие определённого опыта.

Темпоральное значение перфекта мы отмечаем и в следующем примере, где **да** входит в состав уступительного союза **макар да**:

Роллинг, видно, уверен в игре, хотя акции не упали ни на пфенниг, а сегодня уже двадцатое... [Толстой: 650]

*Изглежда, Ролинг е сигурен в играта, **макар** акциите **да** не са паднали с нито един пфенинг, а днес сме вече двадесети...* [перев. Станковой: 184]

В данном случае можно акцентировать внимание на отсутствии результата, или на отсутствии реализации обозначенного действия в некотором периоде, простирающемся

до момента речи включительно. В том и другом случае речь идёт о временном значении.

Было отмечено и независимое употребление да-конструкций с формами перфекта. Среди них несколько вопросов о подтверждении предположения:

А Маринов да е говорил с вас нещо за рака, въобще или в частност? [Райнов: 37]

Маринов никога не говорил вам о раке - вообще или в частности? [перев. Теховой: 46]

А никто не переезжал в одну из этих дач в середине марта? [Толстой: 532]

Да е идвал някой към средата на март в една от тези вили? [перев. Станковой: 18]

(В данном докладе мы не ставим перед собой задачу оценивать анализируемый текст с переводческой точки зрения. Заметим, однако, что допущена неточность при выборе соответствия для глагола «переезжать».)

- Что-нибудь случилось неприятное у вас из-за этих посетителей? [Толстой: 670]

- Да не би да се е случило нещо неприятно покрай тези нощни посетители? [перев. Станковой: 210]

Как отмечает Р. Ницолова, в вопросах, начинающихся с «да не би да», как правило, речь идёт о возможности какого-то неприятного и нежелательного события [Ницолова 2004: 18]. В русском оригинале на это есть прямое указание – через лексическое значение слова «неприятный». При переводе на болгарский нежелательность действия подчёркивается синтаксической конструкцией.

Также есть пример употребления независимой да-конструкции с перфектом для выражения побуждения.

- *Это я не раз вижу на улице, - сказал Тарашкин, заглядывая в их сопящие рыльца, - маленьких обижать, шкеты? Чтобы этого у меня больше не было. Поняли?* [Толстой: 569]

- *Много пъти виждам на улицата подобно нещо - каза Тарашкин, като ги поглеждаше в сумтящите муцунки, - Да не съм ви видял повече да правите така. Ясно ли е?* [перев. Станковой: 77]

Как мы видим, переводчик вновь позволяет себе вольность и опускает фрагмент текста («маленьких обижать, шкеты?»).

Сочетание да+перфект выражает здесь непрямой призыв (*индиректна подкана* по терминологии Р. Ницоловой), связанный с глаголом восприятия. При этом имплицитруется запрет совершать действие, нежелание наблюдать которое выражается в высказывании.

Нам показалось интересным сравнить полученные наблюдения с данными текста другого функционального стиля, а именно научного. В качестве материала был выбран соответствующий по объему фрагмент перевода монографии И. Григулевича «Инквизиция». Его анализ показал менее широкое употребление конструкции да+перфект. На 200 страницах текста такая конструкция встретилась всего пять раз (менее одного процента зафиксированных форм перфекта).

В двух случаях высказывается предположение, эксплицитованное через лексемы, входящие в состав главного предложения:

Възможно е да не му е стигнало времето или пък се е отказал от тази тема поради липса на документация или по други неизвестни на нас причини [Григулевич: 39].

Възможно е тази проповед на несъпротивяването да е била разглеждана от някои християнски ръководители като тактически ход, който да неутрализира недоверието на управляващите кръгове на империята [Григулевич: 64].

В трёх других примерах да+перфект входит в состав уступительного придаточного.

Каквото и да се е случило, документите отново се оказали във Ватикана през 40-те години на миналия век [Григулевич: 48].

Но дори и квалификаторите да са искали да се произнесат обективно по едно или друго дело, те нямали възможност да направят това поради пълната си зависимост от инквизиторите [Григулевич: 121].

И все пак, както и да се е стараело епископалното ръководство да приспи бдителността на императорската власт чрез своите верноподанически изявления, самият факт на възникване на широко разклонена и дисциплинирана църковна организация, претендираща за ръководна роля в общество, не можел в крайна сметка да не предизвика репресивни мерки срещу нея [Григулевич: 64].

Интересно отметить, что в последнем случае сказуемое в главном предложении стоит в несвидетельской форме. Конструкции с «да» в приведённых примерах могут быть рассмотрены как носители признака нефактивности, поскольку обозначенные ими действия представляются как несущественные, не имеющие влияния на ситуацию в целом.

Из этих трёх примеров последний мы склонны рассматривать как употребление перфекта во временном значении, поскольку противопоставляются два установленных исторических факта. В первых двух случаях речь идёт лишь о возможных событиях.

Независимых да-конструкций с перфектом в научном тексте отмечено не было. Это закономерно, поскольку независимые конструкции с да, в том числе в силу повышенной экспрессивности, свойственны в большей степени разговорной речи. Отметим, что и в художественном тексте они по-

являются не в авторском тексте, а в рамках реплик диалогической речи персонажей.

Таким образом, в анализируемом материале да-конструкции с глаголом в перфекте выступают как в модальном, так и во временном значении. В случаях, когда да-конструкции с перфектом вводятся модальными глаголами **трябва** или **може**, а также глаголами ментальной деятельности, мы имеем дело с модальными значениями. Наиболее широко представлено модальное значение предположения. Когда формы перфекта употребляются после **без да** и союзов, выражающих уступительное отношение, речь идёт о временном значении.

Независимые да-конструкции с Перфектом можно отнести также к сфере модального употребления глагольных форм. Вопросы с конструкцией да+перфект, хотя и запрашивают информацию о событии прошлого, скорее могут рассматриваться как запрос подтверждения или опровержения предположения.

Сопоставляя значения, реализуемые в да-конструкциях, со значениями форм перфекта в свободном употреблении, мы отмечаем, что значение волеизъявления определяется синтаксической конструкцией и не встречается у «свободных» форм перфекта. Между тем, предположительное значение может быть выражено как в да-конструкции, так и одной перфектной формой. Усилению модальной окраски способствует употребление в ближайшем контексте лексических единиц с соответствующим значением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Граматика на съвременния български книжовен език. В три тома. Том II. Морфология. София, 1983.

2. *Григулевич И.Г.* Инквизиция, София, 1986.
3. *Иванова М.* Начини на изразяване на бъдещност в българския език и проблеми на превода от полски на български // *Български език*, 1997/1998, кн. 2. - С. 9-22.
4. *Ницолова Р.* Българските да-форми в балкански контекст // *Littera et lingua. series "Dissertationes"*, vol. 1, Sofia, 2007, ISSN 1312-6172.
5. *Ницолова Р.* Изречения с ДА-форми, означаващи възможност, в разговорна реч // *Трудове на Великотърновския университет «Св. св. Кирил и Методий»*, т. 34 кнг. 2, Велико Търново, 2004. - С. 11-21.
6. *Райнов Б.* Инспектор и нощ (превод Т. Теховой под редакцией М. Маринова), Издателство литературы на иностранных языках, София, 1964.
7. *Райнов Б.* Инспекторът и нощта, София, 1964.
8. *Толстой А.Н.* Гиперболоид инженера Гарина // *Собрание сочинений*, т.4., М., 1958.
9. *Толстой А.Н.* Хиперболоидът на инженер Гарин (превела от руски Донка Станкова), Варна 1987.

Евтеева М.Ю.

**ДИАТЕЗА ГЛАГОЛА ДЕЛАТЬ//СДЕЛАТЬ
И КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ
ДЕЛАТЬСЯ И СДЕЛАТЬСЯ**

В ходе контекстуального, дистрибутивного и валентный анализа были установлены прототипические значения платееосеманта *делать//сделать*: создание объекта, преобразование объекта и квант действия. При исследовании производных диатез, выделяемых на основании трансформаций исходной схемы семантических актантов глагола, был сделан вывод о

сохранении прототипических значений данной единицы, новые значения выявлены не были. При этом в фокусе внимания оказались, главным образом, производные глаголы *делаться* и *сделаться*. Можно говорить о распределении конструкций по прототипическим значениям глагола.

Ключевые слова: диатеза; залог; вид; возвратность; дополнительная дистрибуция.

Проблема широкозначности (платеосемии) сохраняет актуальность с середины 20-го века. Тем не менее, среди учёных до сих пор нет единого мнения в отношении этого явления. Построение семантической модели в этом случае представляет определённую проблему именно из-за широты диапазона контекстов, в которых используется платесемант. Предлагаемый в данной статье подход позволяет более чётко определить семантические границы платесеманта, в частности, глагола *делать*, представляющего ядро поля *действия* в русском языке. При этом рассматривается видовая пара *делать//сделать*, что обосновывается критерием, предложенным Ю.С. Масловым и заключающимся в тождестве лексического значения глаголов, отличающихся по виду [Маслов 2004: 411].

В качестве **гипотезы** было выдвинуто предположение о возможности построения семантической модели такого глагола на основе выявления прототипических значений. В целях исследования был осуществлён контекстуальный, дистрибутивный и валентный анализа около 2,5 тысяч примеров из корпусов текстов русского языка (КРЛЯ, НКРЯ) и ряда словарей (СРЯ, Толковый словарь В. Даля ON-LINE, Толковый словарь Ушакова, Большой толковый словарь под редакцией С.А. Кузнецова). На первом этапе были рассмотрены актанты в исходной конструкции (основная диатеза) – *(X) (с)делать (Y)*, а также целый ряд производных

конструкций действительного залога. При этом был сделан вывод о том, что, основываясь на предложенной Е.С. Кубряковой категориальной классификации [Кубрякова 2010: 17], глагол *делать//сделать* можно определить как трёхфокусную единицу, построенную по прототипическим признакам:

- первый фокус ***создание объекта (делать1)*** определяют признаки *создание объекта, иная качественная определённость объекта, необратимость ситуации, ориентация на внутреннюю структуру ситуации;*

- второй фокус ***преобразование объекта (делать2)*** образован группой признаков *преобразование объекта, сохранение качественной определённости объекта, обратимость ситуации, ориентация на внутреннюю структуру ситуации;*

- третий фокус ***квант действия (делать3)*** включает признаки *фиксация действия, отсутствие его спецификации, реализация кванта действия, отсутствие ориентации на внутреннюю структуру ситуации.*

В целях подтверждения гипотезы о содержании прототипических значений исследуемой единицы необходимо проанализировать различные производные диатезы. Они выделяются на основании зафиксированных в корпусе примеров вариантов, в которых соотношения семантических актантов можно трактовать как трансформации исходной схемы. Они описываются как залоговые, отличные от действительного. В основе такого подхода лежит понимание залога как морфологической категории глагола, выражающей диатезу, или как диатезы, грамматически маркированной в глаголе. При этом в фокус внимания попадают, в первую очередь, возвратные глаголы *делаться* и *сделаться*,

образованные с помощью постфикса *-ся* от переходного процессно-результативного глагола *делать//сделать* (по М.А. Шелякину [Шелякин 2011: 74]). Нельзя отрицать, что часто появление возвратности приводит к изменениям в семантике глагола. Однако, в нашем случае привлечение к анализу возвратных глаголов несовершенного вида (НСВ) *делаться* и совершенного вида (СВ) *сделаться* обосновано. Во-первых, в пользу этого свидетельствует то, что при диатетическом сдвиге по оппозиции актив/пассив происходит формальная трансформация глагола НСВ *делать* → *делаться*. Во-вторых, глагол НСВ *делаться* используется в целом ряде других залоговых конструкций, рассматриваемых ниже. При этом имеет место дополнительная дистрибуция форм глаголов *делаться* и *сделаться* по виду и времени в рамках одной залоговой парадигмы, вследствие чего в таких случаях они становятся видовой парой предельных глаголов общерезультативного способа действия, описывающих действия, направленные на достижение предусмотренного или непредусмотренного результата, выраженного формой СВ [Шелякин 2011: 73-74]. Рассмотрим отдельные залоговые конструкции более подробно.

Анализ **пассивных конструкций** показал, что в случае исследуемого глагола имеет место дополнительная дистрибуция форм страдательного причастия прошедшего времени *сделан* и возвратного глагола *делаться* по временным и видовым формам пассивного залога: пассив НСВ в прошедшем, настоящем и будущем временах выражается формами глагола *делаться* (*делался, делается, будет делаться*), а пассив СВ прошедшего и будущего времени – причастием (*был сделан, будет сделан*). Например:

создание объекта (делать1)

	Действительный залог		Пассивный залог
прош.вр. НСВ	<i>Мама делала суп</i>	→	<i>Суп делался мамой</i>
прош.вр. СВ	<i>Мама сделала суп</i>	→	<i>Суп был сделан мамой</i>
наст.вр. НСВ	<i>Мама делает суп</i>	→	<i>Суп делается мамой</i>
буд.вр. НСВ	<i>Мама будет делать суп</i>	→	<i>Суп будет делаться мамой</i>
буд.вр. СВ	<i>Мама сделает суп</i>	→	<i>Суп будет сделан мамой</i>

преобразование объекта (делать2)

	Действительный залог		Пассивный залог
прош.вр. НСВ	<i>Человек делал технику безопасной</i>	→	<i>Человеком техника делалась безопасной</i>
прош.вр. СВ	<i>Человек сделал технику безопасной</i>	→	<i>Человеком техника была сделана безопасной</i>
наст.вр. НСВ	<i>Человек делает технику безопасной</i>	→	<i>Человеком техника делается безопасной</i>
буд.вр. НСВ	<i>Человек будет делать технику безопасной</i>	→	<i>Человеком техника будет делаться безопасной</i>

буд.вр. СВ	<i>Человек сделает технику безопасной</i>	→	<i>Человеком техника будет сделана безопасной</i>
------------	--	---	--

квант действия (делать3)

	Действительный залог		Пассивный залог
прош.вр. НСВ	<i>Я что-то делал</i>	→	<i>Что-то делалось мной</i>
прош.вр. СВ	<i>Я что-то сделал</i>	→	<i>Что-то было сделано мной</i>
наст.вр. НСВ	<i>Я что-то делаю</i>	→	<i>Что-то делается мной</i>
буд.вр. НСВ	<i>Я что-то буду делать</i>	→	<i>Что-то будет делаться мной</i>
буд.вр. СВ	<i>Я что-то сделаю</i>	→	<i>Что-то будет сделано мной</i>

Заметим, что форму *делан* от глагола НСВ *делать* можно считать маркированной, употребляемой крайне ограниченно (в КРЛЯ зафиксировано 88 примеров (ср. 420 примеров с формой *сделан*)), чаще в разговорных выражениях (*из другого теста делан, задней левой ногой делан*), в текстах 18-19-го вв. (*Стол сего рода работы [...] делан был 16 лет* (Чертков А.Д. Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. (1823-1825))), а также в текстах 20-21 вв. как стилистическое средство придания речи колорита старины (*Знаю, – говорит, – в каком месте шкатулка делана* (Бажов П.П. Малахитовая шкатулка (1938))).

Основываясь на выше сказанном, можно заключить, что глагол НСВ *делаться* оказывается необходимым членом

парадигмы глагола *делать*, из которой однако в пассиве исключается глагол *сделаться*. Кроме того положительный ответ получает вопрос о сохранении прототипических значений глагола *делать//сделать* в конструкциях пассивного залога, любая конструкция действительного залога с данной единицей может быть трансформирована в пассивную.

Необходимо пояснить, почему в случае с пассивом речь не идёт о глаголе СВ *сделаться*. Целый ряд внешне схожих с двучленным пассивом примеров с этим глаголом трактуется как залог **декаузатив**, при котором ситуация концептуализируется как возникшая и имеющая место без участия агенса. Указание на агенса в таких высказываниях недопустимо: *X* *сделаться* (*Суп сделался / сделается *Суп сделался / сделается мамой*), *X* *сделаться из Z* (*Из человека сделался / сделается инвалид *Аварией из человека сделался / сделается инвалид*), *Z* *сделаться (X-ом)* (*Человек сделался / сделается инвалидом *Аварией человек сделался / сделается инвалидом*), *X* *сделаться (каким?)* (*Книга сделалась / сделается популярной *Рекламой книга сделалась / сделается популярной*), *X* *сделаться X-ом I* (*Книга сделалась / сделается бестселлером *Рекламой книга сделалась / сделается бестселлером*), *X I* *сделаться из X* (*Бестселлер сделался / сделается из книги *Рекламой бестселлер сделался / сделается из книги*).

Показателем разграничения пассива и декаузатива является исключение глагола *сделаться* для описания форм прошедшего и будущего времени СВ пассива и невозможность указания агенса в декаузативе.

Как уже упоминалось выше, парным к глаголу СВ *сделаться* является глагол НСВ *делаться*, вносящий информацию о постепенном осуществлении действия, неконтролируемой

процессной фазе ситуации. Следовательно, высказывания с глаголом НСВ *делаться* могут трактоваться как **процессуальный декаузатив**, обобщённая конструкция (*X*) *делается* (*каким? / кем?/чем? / из чего?*).

Можно говорить о сохранении возвратным глаголом *делаться//сделаться* при декаузативе всех трёх значений. При «слабом», не конкретизированном субъекте глагол вносит информацию о *кванте действия* (*делаться3*) (*Что на улице делается!*) – конструкция *X делается*. Часть из описываемых в декаузативе действий результатом явно имеют *создание объекта иной качественной определённости при необратимости ситуации* (*делаться1*) (*Куколка сделалась бабочкой; Она сделалась матерью*) – *X делается* (*из чего? / кем?/чем?*). В других примерах напротив глагол вносит информацию о *преобразовании частных качеств субъекта* (*делаться2*) (*Компьютер делается (сделался) необходимостью* (изменение восприятия)) – *X делается* (*каким? / кем?/чем?*).

В следующей конструкции с глаголом *делаться//сделаться* описывается каузация самим субъектом некоторого физического *преобразования с сохранением качественной определённости субъекта, при обратимости ситуации* (*делаться2*), что определяется как залог **рефлексив** *X делается* (*каким?*) например: *Он, стремясь подыграть ей, делался (сделался) развязан, Вечерами она делалась красивой и шла в бар* (*Вечером она сделалась красивой и пошла в бар*). Глагол НСВ вносит информацию о неограниченно-кратном действии преобразования, совершающемся целостно от начала до конца, а глагол СВ о единичном таком случае. Таким образом, они речь идёт о видовой паре результативно-тотивных глаголов

делаться//сделаться [Шелякин 2011: 74], сохраняющих прототипическое значение *делать*₂ исходного глагола.

Случаи, описываемые как рефлексив, необходимо отличать от высказываний, трактуемых как **автокаузатив**. В ситуациях, описываемых автокаузативом, активный субъект воздействует на своё собственное состояние, каузируя себя к выполнению каких-либо действий. В случае исследуемого глагола *делаться//сделаться* (конструкция *(X) делаться X-ом/1 / каким?*) предикат описывает нефизическое *преобразование субъекта (делаться*₂*): эмоционально-психологического состояния (Обнимая его, я **делаю**сь / **сделалась** причастна к политике); изменение статуса объекта (Мы **делаемся** / **сделались** сторонними наблюдателями); изменение роли объекта (Я **подхожу** и **делаю**сь свидетелем сцены / подошла и **сделалась**); изменение функции объекта (Я добровольно **делаю**сь / **сделался** его учеником); изменение оценки/восприятия объекта (Я **поворачиваю**сь к нему и **делаю**сь мучительной **болью** для него / **повернулась** и **сделалась** болью - данный пример из книги В.Ф. Писигина «Посолонь (Письма с Чукотки)» (2001) вошёл в корпус примеров, хотя и отчётливо осознаётся как окказионализм).*

Из примеров – *Он сделал меня свидетелем → Я **делаю**сь (им) свидетелем vs Я **сделалась** свидетелем преступления vs Я **подхожу** и **делаю**сь свидетелем сцены vs Перед спектаклем я **накладываю** грим и **делаю**сь рыжим свидетелем согласно своей роли* – видно, что разграничение форм различных залогов (пассива, декаузатива, автокаузатива и рефлексива в соответствии с приведёнными примерами), а также определение в них значений глаголов представляет собой определённую сложность в виду возникновения омонимии. Проблема может быть решена только в условиях широкого контекста.

Более однозначно трактуется в зафиксированных высказываниях употребление взаимного залога (**реципрока**), описывающего симметричные отношения между участниками процесса. Глагол *делаться//сделаться* вносит информацию о *взаимном преобразовании субъектов с сохранением их качественной определённости при обратимости ситуации (делать₂)*, субъект характеризуется как множественный, чему соответствует конструкция *(XY) делаться (какими? / кем?)*. Например:

Они сделались родными (друг другу).

Мы делаемся одно и то же со временем и светом.

Среди диатетических сдвигов в русском языке выделяют также **аппликатив**, при котором в позицию прямого дополнения вводится дополнительный участник ситуации, выраженный местоименной клитикой *себе*, которая имеет значение *в свое удовольствие, в своих интересах* [<http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=68834>], благодаря чему действие замкнуто в сфере субъекта. В конструкции аппликатива может использоваться только невозвратный глагол НСВ *делать* – **(X) делать себе (Y)**. Глагол СВ *сделать*, возвратные глаголы *делаться* и *сделаться* в аппликативе не употребляются. При этом глагол *делать* может вносить информацию о действиях, соответствующих трём прототипическим значениям. Например:

*Да, что я – сижу, **делаю себе стул**, никого не трогаю ... – делать₁ (*сделал себе стул, *стул делается / сделался себе).*

*Она сидит, **делает себе маникюр**, никому не мешает ... – делать₂ (*сделала себе маникюр, *маникюр делается / сделался себе).*

***Делаю я себе** свою работу, ничего не знаю ... – делать₃ (*Сделал я себе свою работу, *Работа делается / сделалась себе).*

Завершая рассмотрение значений глагола *делать//сделать* и производных от них возвратных глаголов *делаться* и *сделаться* в залоговых конструкциях, отличных от действительного залога, можно констатировать, что даже в трансформированном глаголе в данном случае сохраняются прототипические и не выявляются новые значения. Значение высказывания можно описать формулой: **значение высказывания = лексическое значение глагола + грамматическое значение залога**. Исключение составляют высказывания с пассивным залогом, где в формулу добавляется слагаемое значение **конструкции**, так как любая активная конструкция с глаголом *делать//сделать* может быть трансформирована в пассивную. Существенным представляется также наличие дополнительной дистрибуции форм страдательного причастия прошедшего времени *сделан* и возвратного глагола *делаться* по временным и видовым формам в пассиве, а также глаголов *делаться* и *сделаться* в конструкциях декаузатива, рефлексива, автокаузатива и реципрока.

Кроме того, здесь можно говорить о распределении конструкций по прототипическим значениям глагола *делать*, которые сохраняются в залоговых конструкциях (в мотивированном от переходного возвратном глаголе *делаться//сделаться*):

- *создание объекта (делать1)* – пассив *У делаться (X-ом)*, *Z делаться (X-ом) (У-ом)*, *У делаться (X-ом) из Z*, декаузатив *(X) делается (из чего? / кем?/чем?)*, аппликатив *(X) делать себе (У)*;

- *преобразование объекта (делать2)* – пассив *У делаться (X-ом)*, *У делаться (X-ом) (каким?)*, *У1 делаться (X-ом) из У*, *У делаться (X-ом) У-ом1*, рефлексив *Х делается (каким?)*, (процессный) декаузатив *(X) делается (каким? / кем?/чем?)*,

автокаузатив (*X*) *делается* (*XI* / *каким?*), реципрок (*XU*) *делаются* (*какими?* / *кем?*), аппликатив (*X*) *делает себе* (*Y*);

- *квант действия* (*делать3*) – пассив *Y* *делаться* (*X-ом*), декаузатив (*X*) *делается* при «слабом» субъекте, аппликатив (*X*) *делает себе* (*Y*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь под редакцией С.А. Кузнецова – URL: <http://www.academic.ru>; последнее посещение – 9 июля 2012 г., свободный.

2. Корпус русского литературного языка (КРЛЯ) – URL: <http://www.nagusco.ru>; последнее посещение – 9 июля 2012 г., свободный.

3. *Кубрякова Е.С.* О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев ; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Учреждение Рос. акад. наук Ин-т языкознания РАН, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Общерос. обществ. орг. «Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов». М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. - С. 13-18.

4. *Маслов Ю.С.* Избранные труды: аспектология. Общее языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 839 с.

5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – URL: <http://www.ruscorpora.ru>; последнее посещение – 20 июля 2011 г., свободный.

6. Словарь русского языка (СРЯ) – Ожегов С.И.: 70 000 слов. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.

7. Толковый словарь В. Даля ON-LINE – URL: <http://vidahl.agava.ru>; последнее посещение – 20 июля 2012 г., свободный.

8. Толковый словарь Ушакова – URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=68834>; последнее посещение – 4 августа 2012 г., свободный.

9. *Шелякин М.А.* Способы действия в поле лимитативности [Текст] / М.А. Шелякин // Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. отв. ред. А.В. Бондарко. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – С. 63-84.

Зарипов Р.И.

МЕТАФОРА В ТРУДАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья посвящена анализу взглядов на метафору в трудах европейских лингвистов и философов первой половины XX века. Рассматриваются изменения в понимании сущности метафоры и попытки её теоретического осмысления.

Ключевые слова: метафора; содержание; оболочка; миф; селекция; комбинирование; метонимия.

В современном мире значение метафоры как языкового инструмента мышления и познания трудно переоценить. Метафора встречается повсеместно: на витринах магазинов, в текстах книг, газет и журналов, на телевизионных и компьютерных экранах, в речи деятелей политики и культуры, дикторов радио и спортивных комментаторов. Использовать

метафору при описании, уточнении или дополнении какого-либо понятия стало настолько привычным и популярным приёмом, что это языковое средство стало неотъемлемой частью не только всех сфер повседневной жизни, но и, более того, практически любой отрасли научного знания постнеклассического периода развития науки [См.: Стёпин 2009: 565; Виненко 2009: 292].

В классическом, узком представлении метафора определяется как инструмент перенесения свойств или характеристик одного объекта на другой на основе сходства. Ещё Аристотель в своём произведении «Поэтика» приводит одно из первых определений метафоры: «Переносное слово, или метафора, есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 2007: 54]. Впоследствии из четырёх типов «перенесения», выделенных им, только последний – с вида на вид, или по аналогии – был определён наукой как метафора, когда как первые три типа стали метонимией и синекдохой [Рюдигер 2010: 155]. Тем не менее, именно благодаря трудам Аристотеля сложился и получил развитие в XX в. взгляд на метафору как на «неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных и познавательных целей» [Скляревская 1993: 6].

Тем не менее, англо-американский языковед А. Ричардс в своём труде «Философия риторики» подверг критике позицию Аристотеля, которая заключалась в том, что «метафора – это нечто особенное и исключительное в использовании языка, отклонение от его нормальных механизмов, а не вездесущий принцип его естественного функционирования» [Ричардс 1964: 45]. Этим утверждением Ричардс признал ме-

тафору неотъемлемой частью любого языка – то есть языковой универсалией. Англо-американский учёный назвал метафору «вездесущим принципом языка» и в поддержку этого тезиса подчеркнул, что «мы не встретим и трёх предложений подряд, в которых не было бы метафоры» [Ричардс 1964: 46]. Ричардс писал, что адекватное использование метафоры неразрывно связано с умением мыслить, а общая формулировка её построения заключается в синтезе двух мыслей о двух различных вещах, «причём эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного единственного слова или выражения, чьё значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [Ричардс 1964: 46].

Ричардс особое внимание уделил освещению необходимости разработки целостной теории метафоры. По его мнению, к 30-м годам XX века традиционное изучение этого языкового средства оказалось в тупике вследствие своего несистемного и непоследовательного характера, отсутствия однозначных терминов (в частности, он выразил несогласие с ограниченной и неверной, на его взгляд, теорией лорда Кеймса). Критикуя отсутствие чёткой компонентной структуры метафоры, он выделил следующие её элементы: «содержание» («*tenor*»), «оболочка» («*vehicle*»), «основание» («*ground*») – поддержав, таким образом, классическую теорию трёхкомпонентной структуры метафоры [Шелестюк 2001: 125].

А. Ричардс разграничивает «метафоры, которые строятся на основе прямого сходства между двумя объектами, и метафоры, строящиеся на основе общего отношения, испытываемого (иногда по чистой случайности или же по ряду причин) нами к обоим объектам», добавляя, однако, что такая классификация не является «окончательной и бесспор-

ной» [Ричардс 1964: 59-60]. Кроме того, английский учёный проследил эволюцию определения метафоры с точки зрения сравнения, которое лежит в основе взаимодействия «содержания» и «оболочки». Он писал, что сравнение как выявление сходства между элементами метафоры господствует в работах XVIII века, тогда как в начале XX века наиболее подходящим определением её теории являются слова лидера французских сюрреалистов Бретона: «Сравнить два предмета, предельно далёких друг от друга, или как-нибудь иначе свести их в неожиданном и поражающем воображение единстве остается высочайшей и дерзновенной целью, достичь которую может только поэзия» [Цит. по: Ричардс 1964: 63].

С идеями, выдвинутыми Ричардсом, во многом прослеживается связь положений общей теории метафоры Уилрайта. Ф. Уилрайт также выделял в структуре метафоры содержание («*tenor*») и оболочку («*vehicle*»). Он обратил внимание на то, что метафора может быть выражена не только грамматически, в классическом её понимании – то есть при помощи имплицитного сравнения или местоимения «это», – но и эксплицитно: «*O my love is like a red, red rose*» [Цит. по: Уилрайт 1964: 82]. По мнению американского учёного, поиск сущности метафоры лежит не в плоскости грамматической («правилах грамматических форм»), а в плоскости семантической («качестве семантических преобразований, которые ей свойственны») [Уилрайт 1964: 82]. Свои идеи Уилрайт, будучи литературоведом, в большей степени доказывал примерами из поэтической практики на английском языке.

Все метафоры Уилрайта делил на эпифорические (исходят из обычного значения слова и представляют собой классические метафоры) и диафорические (новое значение возникает

в результате простого соположения), в основе которых лежит двойной акт распространения и соединения («семантическое движение»). Несмотря на это условное деление, учёный подчёркивал их тесную взаимосвязь и взаимодополняемость. В эпифорических метафорах происходит познание объекта через его сравнение с известной основой (метафорической оболочкой) – таким образом, в подобных метафорах предполагается наличие стандарта, общеизвестного концепта, образа; в диафорических – через соединение элементов того или иного опыта, которые в своём единстве дают конечное представление об объекте. Поясняя своё понимание построения диафорических метафор, Уилрайт приводит пример из стихотворения одного американского поэта:

<i>My country, 'tis of thee</i>	[Моя страна, это о тебе,
<i>Sweet land of liberty</i>	Прекрасная страна свободы,
<i>Higgledy-piggledy my black hen.</i>	Шалая-валяй, моя чёрная курочка].

[Цит. по: Уилрайт, 1964: 88].

Американский учёный подчёркивает, что антипатриотическое настроение стихотворения становится заметным лишь при прочтении всего отрывка, тогда как его отдельные строчки не имеют негативной окраски. Он приходит к выводу, что эпифорические метафоры призваны «намекать на значение», а цель диафорических состоит в том, чтобы «вызывать к жизни нечто новое» [Уилрайт 1964: 97].

Нельзя не упомянуть и анализ архетипических символов, проведённый Уилрайтом на основе литературных памятников древнегреческого и древнеримского периода, а также произведений на библейскую тематику. По его мнению, архетипические символы представляют собой «продолжение и

фиксацию метафорической деятельности», неся во многом сходное и даже идентичное значение для всего или большей части человечества. Ф. Уилрайт пришёл к выводу, что мышление не может существовать без языка (и здесь он принял позицию Аристотеля и поставил на первый план язык в его отношениях с мифом, отчасти отвечая на вопрос, поднятый Кассирером), а язык – без явной или скрытой метафорической деятельности.

Х. Ортега-и-Гассет писал, что «метафора – необходимое орудие мышления, форма научной мысли», добавляя, однако, что «наука лишь прибегает к метафоре, не более того, но и не менее» [Ортега-и-Гассет 1964: 68]. С его точки зрения, метафора в науке употребляется в двух случаях: во-первых, когда учёный вынужден к ней прибегнуть ввиду необходимости дать имя новому явлению или понятию – и тогда он выбирает «такое слово, которое способно навести на новое понятие» (Ортега-и-Гассет приводит в качестве примера выражения «*se mettre en grève*», «*faire grève*», которые возникли от названия Гревской площади, где располагался Парижский муниципалитет); во-вторых, и что наиболее важно, когда она необходима самому человеку, чтобы описываемый объект стал доступен его мысли [Ортега-и-Гассет 1964: 71].

Испанский философ, противопоставляя друг другу науку и поэзию, сравнил значение метафоры в этих двух сферах и пришёл к выводу, что, с одной стороны, метафора является некой общей для них величиной, но, с другой стороны, она всё же выполняет разные функции и употребляется в них с разными целями: «Научный закон ограничивается констатацией тождества абстрактных компонентов двух объектов;

поэтическая метафора утверждает полную идентичность двух конкретных вещей» [Ортега-и-Гассет 1964: 73].

Б. Ли Уорф рассматривал метафоры с позиции выражения ими длительности, интенсивности и направленности в SAE [См.: Уорф 1964: 259]. Он писал, что существует огромное число метафор, которые таковыми не осознаются, ибо они «практически являются единственно доступными лингвистическими средствами» [Уорф 1964: 267]. Что касается неметафорических средств выражения данных понятий, то, по его мнению, их количество крайне ограничено.

Кассирер в своих трудах раскрыл метафору с точки зрения её центрального положения в связке язык – метафора – миф. По его мнению, язык и миф объединены некой концептуальной формой, которую он называл метафорическим мышлением [Кассирер 1964: 33]. Немецкий учёный предположил, что происхождение метафоры связано с деятельностью языка, либо с генерированием мифологических фантазий, противопоставляя эти две теории друг другу. Кассирер выдвинул понятие «базисной метафоры», определяя её как основу не только мифотворчества, но и самого языка, которая вызывает потребность передать образ в звук (в этом случае первичен миф). С другой стороны, даже если некий образ, появившийся как результат чувственного опыта незнакомого явления, является продуктом фантазии, во внеязыковом поле он не может создать метафору – ввиду отсутствия языковых средств. В конечном счёте, никакие концептуальные образы в языке не могут быть выражены бессловесно – с этой позиции язык представляется первичной субстанцией. Кассирер ставит миф и язык во взаимозависимые отношения, подчёркивая, что с течением времени метафора начала восприни-

маться лишь с позиции классического определения Аристотеля, то есть сугубо на языковом уровне. Развитие самого языка, по его мнению, стало всё более зависеть от слова как знака понятия, когда как миф постепенно начал удаляться в сферу искусства. Тем не менее, он заключил, что «есть одна область духа, где слово не только сохраняет свою изначальную изобразительную силу, но и постоянно обновляет её, сохраняя в известной мере свою устойчивую палингенезию, своё эмоциональное и духовное возрождение» – процесс художественного выражения [Кассирер 1964: 42].

Нельзя не обойти вниманием Р.О. Якобсона, который посвятил ряд своих трудов изучению метафорических проявлений у людей, страдающих нарушениями речи. В частности, в своей статье «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений» он изучает отклонения речи у афатиков и в контексте проблематики комбинации и селекции (то есть синтагматических и парадигматических связей) размышляет о генезисе метафоры. По его мнению, метафора находится в оппозиции по отношению к приёму метонимии, являясь её альтернативной в процессе селекции языковых единиц. У афатиков, страдающих расстройством селективных способностей, но сохранивших способности к комбинированию, в речи широко используется метонимия, поскольку в таком случае «общее языковое поведение пациента определяется именно смежностью» (например, вместо слова «нож» они произносят «вилка», вместо «стол» – «лампа», вместо «курить» – «трубку») [Якобсон 1990: 121]. В противоположном случае, когда афазия проявляется в неспособности к построению длинных фраз, в поражении «контекстной композиции», речевая деятельность пациента, наоборот, носит метафори-

ческий характер. Отношения смежности в такой речи нарушены – отношения подобия функционируют нормально. Якобсон называет выражения подобия в такой речи квазиметафорическими, поскольку «они не предполагают намеренного переноса значения слова» [Якобсон 1990: 123].

В нормально функционирующей речевой деятельности процессы селекции (субституции) и комбинирования (контекстной композиции) проходят одновременно и непрерывно, однако под влиянием экстралингвистического фактора говорящий может прибегать чаще к какому-либо одному из них. По Якобсону, речевое событие может развиваться (переходить от одной темы к другой) либо по подобию («ось метафоры»), либо по смежности («ось метонимии»). В конечном счёте, структура языка представляется двухполюсной, и в ней предпочтение какому-либо полюсу отдаётся субъектом в зависимости от конкретных ситуации, стиля общения и других аспектов.

Тем не менее, несмотря на широкую сферу распространения и применения теории Якобсона, а также на явное проявление конкуренции между двумя механизмами поведения – метафорическим и метонимическим, проблематика двухполюсной структурности не так широко освящена в научных кругах, поскольку метонимия как языковой феномен менее подвержена интерпретации, чем метафора, и основана на другом принципе. Более того, давно общепризнанными являются главенство и популярность метафоры в науке, литературе и искусстве, общепринятой нормой – её использование во многих сферах, тогда как метонимии уделяется гораздо меньше внимания. Сам Якобсон, ссылаясь на голландского лингвиста Штуттергейма, указывает на недостаточность освещения метонимии по сравнению «с богатой литературой по метафоре».

Таким образом, в первой половине XX века исследование метафоры приобрело разнонаправленный вектор развития: с одной стороны, учёные предприняли ряд попыток систематизации её теоретической основы и построения её структуры, с другой стороны, занимались её изучением в зависимости от производимого эффекта в контексте поэзии и прозы, с третьей, сосредоточили своё внимание на проблеме генезиса этого языкового средства. На основе трудов лингвистов этого периода впоследствии были разработаны основные положения ряда современных теорий метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Поэтика. Риторика / Пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.
2. *Виненко В.С.* Общие основы педагогики: уч. пособие. – М.: Дашков и К, 2009. – 297 с.
3. *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33 – 43.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68 – 81.
5. *Ричардс А.* Философия риторики // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 44 – 67.
6. *Рюдигер Ц.* «Субструктуры мышления». Границы и перспективы истории метафор по Хансу Блюменбергу // История понятий, история дискурса, история метафор. – М.: «Новое Литературное обозрение», 2010. – С. 155 – 189.
7. *Скляревская Н.Г.* Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.

8. *Стёпин В.С.* Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки – М.: «Канон+», 2009. – С. 560 – 565.

9. *Уилрайт Ф.* Метафора и реальность // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 82 – 109.

10. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Изд-во «Просвещение», 1964. – С. 255 – 281.

11. *Шелестюк Е.В.* Метафора: двухкомпонентная или трёхкомпонентная структура? // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2001. Материалы конференции. – Екатеринбург: Издательство УрГПУ, 2001. – С. 125 – 126.

12. *Якобсон Р.О.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 110 – 132.

Затолокина Л.Л.

ШВЕДСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

В русском языке широко распространена такая форма оценки, как уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных и прилагательных независимо от типа предложения, а также независимо от того, является существительное одушевленным или неодушевленным.

В шведском языке соответствие данному языковому явлению практически отсутствует. Формальное *lilla/lille* употребляется только при обращениях и только с существительными одушевленными. Такие прилагательные как *kära* - дорогой, *snälla* и *rar* – милый также используется только при обращениях и только с существительными одушевленными.

Ключевые слова: одиночество; обращение; уменьшительно-ласкательные суффиксы; существительные; прилагательные.

Не так давно появился русско-шведский словарь, созданный шведами. Словарь, которым мы пользовались ранее, принадлежал нашим лингвистам. Очевидно, что у шведских языковедов при работе над словарем возникли проблемы с существительными, имеющими уменьшительно-ласкательные суффиксы. Это выражается в том, что в словаре с этими суффиксами представлены некоторые существительные. Например, не только *бабушка*, но и *бабуля*, и *бабуся*. Другие примеры – *мамаша*, *маменька* и *мамочка*; *сестренка*, а также – *шапочка*, *коробочка*, *собачка*, *парнишка*, *деревце* и *деревцо*, *пальчик*, *лошадка*, *цветочек*, *травка*, *яблочко*, *травка*, *звездочка* и некоторые другие. Можно только догадываться, по какому принципу происходил отбор. Возможно, это частота употребления, в первую очередь, родственные отношения – *бабуся* или устойчивые выражения – «*курит травку*», «*коньяк «три звездочки»*», «*это еще цветочки, а ягодки впереди*», «*попасть в яблочко*», «*маменькин сынок*» и т.д. С другой стороны, большая часть таких существительных, представленных словарем, просто дает пометку **dim** «уменьшительно ласкательное значение» и отсылает к слову без формы оценки.

Вспомним, что у нас существительное имеет формы оценки, которые передают **различные оттенки чувства**, вызванные предметом у говорящего. Формы эти создаются посредством уменьшительных, ласкательных, пренебрежительных и увеличительных суффиксов. **Оттенки чувств**, выраженные этими суффиксами, могут быть самые разнообразные: ласка (*листик*, *листочек*, *ребёночек*); пренебрежение (*коро-*

венка, платьишко, дьячок); покровительственное отношение (*дружнице*) и многие другие.

Уменьшительно-ласкательные и уменьшительные оттенки связываются со следующими суффиксами:

-к, -ок, -ек, -ик: *сиротка, огонёк, карандашик*;

-ц-, -ец-, -иц: *зеркальце, деревцо, лужица*;

-чик:, - *диванчик, стаканчик*;

-очк-, -ечк-, -ичк: *сироточка, скамеечка, сестричка*;

-очек, -ечек, -ичек: *голосочек, огонёчек, ножичек*;

-онок, -ёнок: *медвежонок, гусёнок*;

Ласкательные оттенки передаются суффиксами:

-ушк-, -юшк-, -ышк: *голубушка, нянюшка, солнышко*;

-унык-, -онык: *тётянька, берёзонька*.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы также широко используются в русских именах. Иногда мы имеем несколько вариантов: *Анечка, Аннушка, Анюта, Нюша; Ванечка, Ванюша*. В шведском языке, впрочем, как и в других германских языках, это явление отсутствует.

В русском языке формы оценки имеют не только существительные, но и качественные прилагательные. Говорящий может, не сравнивая, указать на неполноту качества в предмете *рыжеватая борода* или на высокую степень качества *здоровенный парень*. Иногда говорящий не только обозначает качество предмета, но и вкладывает в это обозначение свое чувство, например, ласку: *добренький старичок*. Формы оценки образуются главным образом суффиксами, реже приставками и повторением слов. Своеобразное уменьшительное значение имеют суффиксы -оват, -еват - *вороватый*; ласкательное -еньк, -онык - *тихонький*; увеличительное зна-

чение – суффиксы -енн, -ющ, -ущ, –ёхонек, -охонек, -ёшенек – *здоровенный*.

Каким образом решается проблема выражения чувств в шведском языке? Шведы, когда необходимо использовать формы оценки или прибегать к прилагательному *liten* «маленький», определенная форма которого *lilla, lille*. выполняет функцию уменьшительно-ласкательных суффиксов **при обращении**. *Lilla mor* – мамочка; *lilla vän* – дружок. Во всех остальных случаях *lilla* употребляется в определенной или неопределенной форме с соответствующими артиклями и имеет значение «маленький»: «*det lilla barnet*» - «маленький ребенок». При обращении *lilla barn* мы переводим «детка». Уменьшительное значение *lillebror* – младший брат; *lillasyster* – младшая сестра.

При необходимости использования формы оценки шведы прибегают к прилагательным *snäll* – милый; *rar*, как синоним *snäll*, – милый, славный; *kär* – дорогой. Для выражения «*kära barn*» шведский словарь дает варианты не только как «милое дитя», но и как «золотце ты мое». «*Kära vän*» соответствует русским словам *голубка, голубушка, голубчик*. Есть еще одно шведское слово с уменьшительно-ласкательным значением – *sötnos*, которое имеет варианты в русском языке как *душка, золотце, милашка, милый, милочка*.

Все эти прилагательные, выражающие чувства, относятся только к существительным одушевленным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в отличие от русского языка, где в большинстве случаев можно образовывать ласкательную форму как от существительных одушевленных и неодушевленных, так и от прилагательных независимо от типа предложения, в шведском языке такая форма

существует только при обращении и только в случае, если существительное одушевленное.

В нашем распоряжении есть переводы несколько русских народных сказок. На что мы обращаем внимание в этих переводах? Вспомним такого героя, как, например, «*Петушок – золотой гребешок, масляна головушка, шелкова бородушка*». В переводе – *Петух – золотой гребень* «**Tuppen Guldkam**» с *бородой, мягкой как лен* «med skägg så mjuk som lin». Мы встречаем вариант с *lilla* - «**lilla tupp, lilla Guldkam fin**», но это обращение. Далее по тексту: «*выгляни в окошко, дам тебе горошка*». Шведский вариант: *выгляни в окно, дам тебе гороха* «**titta genom fönstret ska du se, att jag har artor för att mumsa med!**». Следующий герой – «*курочка-ряба*», которая «*снесла золотое яичко*». В шведском варианте – это *пестрая курица* «en spräcklig höna», которая *снесла яйцо* «och hönan la ett ägg». «*Мышка бежала, хвостиком махнула*» – *Маленькая мышь бежала, хвостом махнула* «**En liten mus kom in och viftade på svansen sin**». Как видим, в шведском варианте нет никакого соответствия нашим уменьшительно-ласкательным суффиксам.

Такое положение дел не случайно. Петер Берлин в своей книге «*Эти странные шведы*» пишет: «Активный словарь шведского языка не слишком велик. Этим и объясняется то, что шведы весьма неразговорчивы и молчаливы, а порой склонны повторяться в своих высказываниях». Все правильно, кроме одного. Шведы молчаливы и поэтому, возможно, не нуждаются в большом активном словаре. Для нас важно, что в этом словаре, независимо от того, большой он или маленький, практически отсутствуют формы оценки, служащие для выражения различных оттенков чувств.

Для объяснения этого явления мы должны обратиться к культурной традиции шведского общества. Феномен шведского молчания и стремления к одиночеству притягивает многих исследователей, не только отечественных, но и иностранных. О шведах говорят, что они необщительны и неразговорчивы, производят впечатление людей замкнутых и холодных. Оке Даун в своей книге «Шведский менталитет» пишет, что они не любят *«kall prata»* - болтать. Во-первых, прежде, чем что-то сказать, необходимо подумать, а во-вторых, надо больше работать, а не тратить время на пустые разговоры.

Такое положение дел автор объясняет низким эмоциональным уровнем *«låg emotionell intensitet»*. Он приводит следующий пример: бывший наполеоновский маршал Бернадот, который стал шведским королем в 1810 г., сказал: «Вино здесь ужасное, народ пресный. Без признаков темперамента, и даже солнце не дарит тепла».

Они интроверты. В шведской культуре считается неприличным показывать спонтанные или сильные чувства. Шведские мужчины полагают, что, показывая эмоции, они выглядят по-детски или похожи на женщин. Объясняясь в любви, они не имеют обыкновения использовать глагол *älska* – любить, предпочитая глагол *tycka om* – нравиться. В норвежском и шведском языках существует выражение *“känslodravel”* - «чувства – это ерунда». В отличие от многих других культур в Швеции не принято в общественном месте целоваться, обниматься, использовать экспрессивный язык. Также отсутствует язык жестов. Шведы размахивают руками только, если отбиваются от ос или комаров. Сдержанность в поведении поддерживается воспитанием, которое считает неприличным любое проявление чувств.

Психолог Кристина Скогсберг пишет: «*Чувства опасны, тягостны. Они мешают и создают угрозу нашему рациональному существованию*». Рациональное существование – это главное в шведском обществе. Шведы – прагматики. Ключевыми словами в языке являются *duktig* быть успешным, *förnuft* - разум, *ordning och reda* – порядок. Молчание также рассматривается в Швеции как положительное качество.

Еще один феномен шведской жизни – это одиночество. Самостоятельность и независимость с юных лет – такие качества шведские родители считают самыми главными в своих детях. Молодежь стремится приобрести собственное жилье в 20 лет или даже раньше. Родители не хотят быть грузом для своих детей. Главный тезис – независимость. Естественно, главные постулаты воспитания – независимость и самостоятельность - приводят к большому количеству семей, состоящих из одного человека. Личные интересы – образование, работа, отдых – взяли верх над семейными. В Стокгольме таких семей 55%, а по всей стране - 44%. В Швеции также большое количество гражданских браков, даже если есть ребенок.

Оке Даун приводит в пример Южную Европу, где, особенно в сельской местности, самым важным считается, чтобы ребенок нашел свое место в семейной структуре, состоялся как член семьи, а как индивид – «это человек в рамках семьи, и никогда сам по себе». В Южной Европе препятствуют раннему освобождению ребенка от родителей, считается естественным и желаемым, чтобы индивид зависел от малой группы, которая его окружает. Но не только в Южной Европе, также в Центральной Европе и Америке семья имеет гораздо большее значение, чем в Швеции.

В глазах шведов одиночество – это легкость и свобода. Свобода от социальных обязательств. Шведы предпочитают, чтобы им никто не мешал (*att vara i fred*). Они даже избегают соседей в лифте, т.к. вынуждены будут о чем-то с ними говорить. На природе шведы также любят быть в одиночестве. Бродить по лесам и лугам, сидеть с удочкой, прогуливать собаку. Вы свободны от социального прессы, вам не нужно что-то говорить и соответствовать. Для многих шведов одиночество – это что-то вроде поэзии, если это только не тотальное одиночество. Это находит отражение в художественной литературе и живописи, а также отчасти и в музыке. Известны строфы из стихотворения Хейденстама «*Ensamhetens tankar*» «*Мысли об одиночестве*».

«Jag längtar hem sen åtta långa år.
 I själva sömnen har jag längtan känt.
 Jag längtar hem. Jag längtar var jag går
 – men ej till människornal! Jag längtar marken,
 jag längtar stenarna, där barn jag lekt»
 «Тоскую я по дому восемь долгих лет,
 Во сне и наяву тоскую.
 Тоскую я по дому, где б я не был
 – но не по людям! Где в детстве я играл
 – по этим камням и земле тоскую».

В детской шведской книжке герой 12-13 лет собирается строить собственный дом. Главная причина, почему ему нужен собственный дом – это, чтобы «он мог остаться наедине с собой и чтобы никто не мешал» («**Ett riktigt trädhush där han kunde sitta för sig själv utan att nån störde**»). Конечно, за героем стоит взрослый автор, но именно так воспитываются дети.

Нельзя не отметить также влияние Интернета на общество и косвенно на язык. С одной стороны Интернет для шведов – это палочка-выручалочка, т.к. иногда в силу своих природных качеств – робости или общего для большинства шведов предпочтения молчать, чем говорить – сеть дает возможность оптимального общения. С другой стороны, SMS-язык и язык Интернета, стремящиеся к максимальному сжатию текста, а также сокращение вербальных контактов отрицательно сказываются на языке.

Таким образом, весь шведский образ жизни, его основные ценности *förnuft, oberoende, tystlåtenheten, ensamheten*, а также «*låg emotionell intensitet*» и воспитание, которое считает неприличным открытое выражение чувств, приводят к тому, что и в языке мы также находим скудное количество средств для их выражения.

Посмотрим, как решается проблема уменьшительно-ласкательных суффиксов при переводе на русский язык. При сравнении текстов двух романов Сельмы Лагерлёф «Перстень Лёвеншёльд» и «Шарлотта Лёвеншёльд» с их переводом видим, что в шведских текстах такие формы оценки, как уменьшительно-ласкательные оттенки, встречаются только при обращении. В русском переводе уменьшительно-ласкательные суффиксы используются, независимо от типа предложения.

Там, где в шведском варианте мы имеем *far, fader u mor*, в переводе – *батюшка* и *матушка*. Рассмотрим эти слова. Оба имеют два значения: церковное и бытовое. Словарь дает перевод слова «*батюшка*» – «*русский священник*» или даже в латинской транскрипции «*batjusjka*». «*Матушка*» - переводится как «*жена священника*». В обоих случаях отмечается, что это устная, просторечная форма. В бытовом значении

«*батьюшка*» переводится как *far, fader* «отец». «*Матушка*» переводится как *mor, moder, mor lilla* – «*мать, мамочка*». Как видим, и в том, и в другом значении мы не можем дать адекватного перевода.

Если в отрывке часто употребляется слово *far* или *mor*, переводчик использует оба варианта: *батьюшка* или *отец* и *матушка* или *мать*.

Во всех приведенных ниже примерах существительные только называют предмет и не имеют форм оценки. В переводе мы видим использование уменьшительно-ласкательных суффиксов. Шведская фраза “*Vad är det du sager, barn?*” переводится как «*Что такое ты говоришь, детка?*». Но «*barn*» - значение «ребенок», «младенец». Или такая фраза «*hur bra de hade det*» - буквально «как хорошо им было». В переводе - «счастливчики». «*Ett ungt träd*» переводится как «Юное деревце». «*Ett par barnvantar*» - «Детские рукавички». Далее: «*en toppluva med olika slags bottnar och ränder*» - «шапочка с кисточкой со множеством всякого рода квадратиков и полосок». Еще примеры: «*en liten och späd kropp, ljust hår och blomröda kinder*» - «миниатюрная и хрупкая фигурка, светловолосая, с цветущим личиком»; «*nygräddade semlor*» «свежеиспеченные булочки»; «*de minsta fötterna*» - «необычайно маленькие ножки»; «*små högklackade skor*» - «крошечные башмачки на высоком каблуке»; «*Vita sidenskor*» - «Атласные башмачки»; «*de hårda rågskroporna*» - «твердые ржаные сухарики»; «*skeden*» - ложечка; «*broder själ, syster flamma*» - «сестрица душа, братец огонь»; «*vallpojken*» - «паствушок»; «*fyllde i ett ord då och då*» - «время от времени вставлял словечко».

Что касается качественных прилагательных, то такие случаи также встретились в переводе: «*en liten smal ljusrand*» – «узенькая светлая кромка»; «*en liten och tunn som hon var*» – «она, маленькая и тоненькая».

Как видим, несмотря на то, что в шведском варианте отсутствуют такие формы оценок как уменьшительно-ласкательные, в переводе на русский язык активно используются уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Делаем вывод: единственный формальный показатель ласкательного значения *lilla* используется только при обращениях и только с существительными одушевленными.

Другие способы, используемые для обозначения данного оттенка чувств и также только при обращениях, – это прилагательные *kära, rar, snäll*, которые, естественно, имеют полные соответствия в русском языке. Шведское «*kära vän*» имеет два варианта в русском языке: «дорогой друг» и «дорогой дружок».

Таким образом, при переводе со шведского на русский переводчик сам определяет, как он будет распоряжаться богатством русского языка, в данном случае уменьшительно-ласкательными суффиксами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлин П. Эти странные шведы. М., «Красная звезда», 2000 г.
2. Земский А.М., Крючков, Светлаев М.В. Русский язык, ч.1, М. Просвещение, 1966 г.
3. Лагерлёф С. Перстень Лёвеншёльдов, Шарлотта Лёвеншёльд, Л. «Художественная литература», 1986 г.

4. Åke Daun. Svensk mentalitet, St. Raben och Sjögren, 1989.
5. Lagerlöf S. Lövensköldska ringen. Charlotte Lövensköld, Viborg, 2005.
6. Skogsberg C. Jaget och omvärlden. St., Natur och Kultur, 1985.

Ибрагимова К.Г.

**ВЫЯВЛЕНИЕ И ЭЛИМИНИРОВАНИЕ
МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЛАКУН
ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

В процессе межкультурного диалога или полилога между различными этносами, культурами, государствами часто возникают проблемы непонимания, языковых и культурных конфликтов. В этой связи можно говорить о возникновении лакун, своеобразных «брешей» в языковой и межкультурной коммуникации. Именно лакуна, как проявление национального своеобразия, может стать препятствием в общении и взаимопонимании разных культур.

В настоящее время проблема лакун и лакунарности стала предметом пристального изучения в отечественной и зарубежной науке. Лакуна рассматривается в рамках философии культуры, культурологии, лингвистики, этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, переводоведения. Выделилось также и самостоятельное направление в изучении лакун и феномена лакунарности – лакунология, или теория лакун. Чрезвычайно важно понимание феномена лакун в перево-

доведении, поскольку переводчик выступает в качестве посредника между двумя разными культурами.

Лакуны, по меткому определению Ю.С. Степанова, «белые пятна на семантической карте языка» [Степанов 1965] составляют заметную долю национальной специфики любого языка. Условия социально-политической, общественно-экономической, культурной жизни и быта народа, своеобразие его мировоззрения, психологии, традиций обуславливают возникновение образов и понятий, принципиально отсутствующих у носителей других языков. Это не означает, что взаимопонимание абсолютно исключено, но для его реального достижения необходимо глубокое проникновение в национальную культуру данного народа, в его языковую картину мира.

Поскольку лакуны стали объектом исследования сравнительно недавно, в настоящее время нет общепринятого определения понятия «лакуна». Канадские лингвисты Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, которые первыми ввели в научное употребление термин «лакуна» (от лат. *lacuna* – углубление, впадина, провал, полость), определяют его как «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» [Vinay, Darbelnet 1958: 10]. В.Г. Гак объясняет лакуны как «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны существовать в языке, если исходить из его отражательной функции (т.е. его задачи обозначать явления объективной реальности) и из лексической системы данного языка» [Гак 1977: 261]. И.Ю. Марковина характеризует лакуну как «несовпадение, возникающее при сопоставлении понятийных, языковых, эмотивных и других категорий двух/нескольких лингвокультурных общностей» [Марковина 1981: 162]. В со-

авторстве с Ю.А. Сорокиным она называет лауну «термином для того, что есть в одной локальной культуре и чего нет в другой» [Сорокин, Марковина 2008: 20]. Основываясь на тесной связи языка и культуры, исследователи считают целесообразным использовать понятие «лауна» не только при сопоставлении языков, но и при сопоставлении других аспектов культуры. Таким образом, лауны выявляются при сопоставлении языков, текстов, явлений культуры, то есть в процессе межъязыкового общения.

С точки зрения исследования проблем лаунарности определенный интерес представляет профессиональный язык. Мы решили показать процесс выявления и элиминирования лаун на примере юридической терминологии. Юридический язык обладает собственными семантическими закономерностями: семантика специальных терминов основана здесь на условных определениях, зачастую выраженных в русском языке лаунами. Например, *malice* – злой умысел, *murder* – тяжкое убийство (совершенное с заранее обдуманном злым умыслом), *manslaughter* – непреднамеренное убийство (без злого умысла). Язык права чутко реагирует на изменения социально-политической жизни общества и отражает их в своем лексическом составе. Поскольку право относится к общественно-политическим наукам, тесно связанным с социальной жизнью общества, юридические термины обладают национально-культурным компонентом, так как отражают специфику национальных правовых культур. Анализ британской и американской юридической терминологии демонстрирует существование национально-культурного компонента даже у терминов, являющихся средством вербализации универсальных правовых понятий. Так, для выражения понятия

«кража» в американской терминологии используется термин *larceny*, а не *theft*, как в британской.

Проводить сопоставительное исследование систем юридических терминов и понятий в русском и английском языках достаточно сложно, так как необходимо учитывать расхождения в правовых системах. В состав англо-американской юридической терминологии входит определенное количество терминов, отражающих практику юриспруденции только в одной англоязычной стране и не имеющих эквивалентов и аналогов в русской терминосистеме. Большое количество юридических терминов относится к безэквивалентной лексике, обозначая определенные реалии, присущие данной правовой системе. Для понимания и перевода такой лексики необходимы фоновые знания, умение ориентироваться в правовых системах, тонкостях исходного языка и языка перевода. Культурно маркированная лексика служит важным источником социокультурной информации о стране. Непонимание значения ключевых понятий или концептов в сознании носителей языка, а также перенос сведений из родной культуры на понятия чужой культуры могут привести к недоразумениям в общении и культуроведческим ошибкам. Например, термин «*migratory divorce*» означает «получение развода путем переезда в другой штат», «туристский развод» и используется только применительно к праву США, а слово «*тюрьма*» может переводиться на английский язык как «*prison*» (тюрьма долгосрочного заключения) и как «*jail*» (тюрьма краткосрочного заключения/ следственная тюрьма), больше соответствующее российскому термину «следственный изолятор». Термин «*plea-bargaining*», означающий переговоры о заключении сделки о признании вины, применяется только в американском праве. Термины

«blue law» и «*blue sky laws*» применяются также в праве США и означают соответственно «пуританский закон (в Новой Англии); закон, регулирующий режим воскресного дня» и «законодательство о контроле над капиталовложениями (направленное против «дутых» предприятий в США)» [Андрианов, Берсон, Никифоров 1993: 259]. «*Philadelphia lawyer*» - это не просто юрист из Филадельфии, а умный и знающий, блестящий юрист (этот термин впервые появился в 1788 г., когда Филадельфия была центром образования и культуры Америки); в наши дни этот термин используется и в негативном значении [Black's Law Dictionary 2009: 1263].

Переводчику необходимо не только правильно понять значение термина, но и найти адекватный способ его перевода. Так, термин *attorney* англо-русский юридический словарь определяет как: 1) атторней, уполномоченный, управомоченный, доверенный; 2) поверенный (в суде); юрист, адвокат; 3) прокурор. А сочетание *county attorney* в правовой системе США означает *окружной атторней*, а в правовой системе Великобритании – *атторней графства*. Должность *Attorney-General* в английской правовой системе приблизительно соответствует Генеральному прокурору, а в американской – Министру юстиции, который, однако, исполняет и функции Генерального прокурора. Еще один предлагаемый вариант перевода, зафиксированный англо-русскими юридическими словарями – *Генеральный атторней*, не всегда воспринимается как адекватный вариант перевода.

Таким образом, переводчик, столкнувшись со случаем лакунарности при переводе, должен тем или иным способом элиминировать лакуну. Вслед за И.Ю. Марковиной и Ю.А. Соро-

киным мы считаем, что элиминирование лакун осуществляется двумя основными способами: *заполнением* и *компенсацией*.

В результате анализа отобранных юридических терминов (в целях нашей статьи мы назвали их *терминолакунами*) были установлены следующие способы элиминирования лакун, возникающих на стыке разных правовых систем:

- заполнение-перевод (при помощи транскрипции или транслитерации, а также калькирования);
- заполнение-компенсация;
- заполнение-комментарий (поверхностное или глубокое заполнение в виде ссылки или примечания);
- смешанный перевод (путем калькирования или транскрипции/транслитерации и добавления комментария).

Прием транскрипции или транслитерации весьма удобен для переводчика, так как позволяет ему достаточно емко передать ту или иную лексическую единицу. Например, *фелония*, *мисдиминор*, *атторней*, *фригольд* и так далее. Существенный минус заключается в том, что смысл лексических единиц будет понятен далеко не всем. Поэтому чаще встречается смешанный перевод данных терминов, когда к термину, переданному путем транскрипции или транслитерации, добавляется комментарий. Например, *felony* – фелония (категория тяжких преступлений, по степени опасности находящаяся между государственной изменой и мисдиминором), *misdemeanor* – мисдиминор (категория наименее опасных преступлений, граничащих с административными правонарушениями), *freehold* – фригольд (безусловное право собственности на недвижимость).

Весьма продуктивным приемом, применяющимся для элиминирования терминологических лакун, является прием калькирования.

Например, *fruits of the poisonous tree* – «плоды ядовитого дерева», *Miranda rule* – правило Миранды. При использовании этого приема сохраняется национальная специфика термина, однако, к сожалению, не всем будет ясен смысл этих понятий. Следовательно, приходится прибегать к приему описательного перевода и давать пояснения. Так, в соответствии с правилом об исключении доказательств (*the exclusionary rule*) все доказательства, полученные с нарушением конституционных прав обвиняемого, исключают из процесса. Такого рода доказательства в юридической среде называют «плодом ядовитого дерева»: если признание получено в результате незаконного ареста, то арест – это «ядовитое дерево», а признание – «его плод» [Шумилов 2006: 131].

Термин *Miranda rule* (правило Миранды) уже достаточно известен не только специалистам в области права, но иногда все же требует пояснения. В соответствии с так называемым «*правилом Миранды*» («*Miranda rule*») доказательство вины обвиняемого является неприемлемым, если обвиняемый еще до допроса не был предупрежден о своих конституционных правах, в частности, хранить молчание и праве на адвоката. Судебный прецедент возник, когда некий Эрнесто Миранда был арестован и не проинформирован о своих правах, закрепленных Конституцией. Появились также терминологические сочетания *Miranda warning*, *Miranda hearing* (досудебная процедура, проводимая с целью установления, было ли соблюдено «правило Миранды» и может ли прокурор приобщить к доказательствам показания обвиняемого, взятые полицией после его ареста). Примечательно, что появился даже глагол *to Mirandize*, означающий «зачитать арестованному его права в соответствии с правилом Миранды»,

например, «the suspect was arrested, Mirandized, and interrogated» [Bryan A. Garner 2000: 441].

Если рассматривать способы элиминирования терминологических лакун в контексте, то лакуны устраняются путем заполнения комментарием (поверхностное или глубокое заполнение в виде ссылки или примечания), а также смешанного перевода, когда приемы калькирования или транскрипции/транслитерации сочетаются с описательным переводом или добавляются комментарий.

Можно заключить, что в процессе перевода переводчик сталкивается с проблемой выбора: предложить емкий, но зачастую понятный не каждому реципиенту вариант перевода, либо жертвовать краткостью и приводить громоздкое описание того или иного понятия. На наш взгляд, нет однозначного решения данной задачи, и приведенные примеры еще раз наглядно демонстрируют сложность проблемы выявления и элиминирования лакун в том или ином тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. Англо-русский юридический словарь. – М.: Русский язык при участии ТОО «Рея», 1993. - 509 с.
2. Березовенко Ю.Ф. и др. Новый англо-русский юридический словарь. Киев. Евроиндекс Лтд., 1993. – 320 с.
3. Гак В.Г. Сравнительная типология русского и французского языков. – М.: Просвещение, 1983.
4. Мамулян А.С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь. – М.: «Советник», 1993. – 400 с.

5. *Марковина И.А., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
6. *Марковина И.Ю.* Лакуны как инструмент описания специфики локальных культур. Проблемы организации речевого общения. Академия наук СССР. Институт языкознания. М., 1981. – 302 с.
7. *Степанов Ю.С.* Французская стилистика. – М., 1965.
8. *Шумилов В.М.* Правовая система США: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2006. – 408 с.
9. *Bryan A. Garner.* Black's Law Dictionary (9th ed.). WEST. A Thomson Reuters business, 2009.
10. *Bryan A. Garner.* A Dictionary of Criminal Law Terms. West Group. St. Paul, Minnesota, 2000.
11. Lingvo. Электронный словарь.
12. *Vinay J.P., Darbelnet J.* . Stylistique compare du francais et de l'anglais. Paris, 1958.

Исмайлова Л.Г.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
ПОСЛЕ РАСПАДА АРАБСКОГО ХАЛИФАТА**

Азербайджанское Возрождение - составная часть мусульманского Ренессанса. С середины IX века начался прогресс азербайджанской культуры. Восстановление древних традиций государственности Азербайджана в результате упадка

Арабского халифата - появление государств Ширваншахов, Саджидов, Саларидов, Шеддадидов, Раввадидов и Эльденизов, политическая независимость, обретенная в результате упорной борьбы народа против иноземцев, создали более благоприятные условия для возрождения материальной и духовной культуры. Еще более усилилось этно-политическое единство на территории Азербайджана, ускорилось формирование единого языка и культуры.¹

Мектебы и медресе

В одном из мудрых изречений пророка Мухаммеда было сказано: «Учитесь от колыбели до могилы».

На востоке была такая традиция, что советники у правителя должны были быть всесторонне образованными. И в этой связи открывались школы. Вообще, сведения о первых школах Азербайджана относятся к X в. В них обучались дети знати и духовенства.

После арабского завоевания (VII в.) в целях распространения ислама при мечетях открывались мектебы. С XI в. в мектебах было введено преподавание персидского языка. В X-XI вв. при некоторых крупных мечетях (Тебриз, Нахичевань, Барда, Гянджа, Шемаха) возникли медресе.

Эти учебные заведения сыграли существенную роль в распространении грамотности; в них получили образование известные поэты и мыслители: Абу-ль-Ала Гянджеви, Мехсети Гянджеви, Хагани Ширвани, Низами Гянджеви, Насирэддин Туси, Насими, Физули, Вагиф и др. В XIV в. в Тебризе был открыт "Дом исцеления" - городок с учебными и лечебными учреждениями. Мектебы и медресе в дальнейшем открыва-

¹ Махмудлу Я., Мамедов С. «История Азербайджана». Баку, 2009 г.

лись отдельно от мечетей. В 1647 в Тебризе было 47 медресе и 600 мектебов, в Шемахе - 7 медресе и 47 мектебов.

Имеются достоверные сведения, свидетельствующие о том, что в XII веке существовали медресе и в таких городах Азербайджана, как Нахичевань, Гянджа, Тебриз, Шемаха, Хамадан. Территория Нахичевани в X – XII в. значительно расширилась, там стали развиваться торговля и ремесло. С XI в. сюда из разных городов Ближнего Востока приезжали поэты, богословы, ученые. С середины XII века Нахичевань стал столицей государства атабеков-эльдегезидов. В 80-х годах XII в. в Нахичевани было открыто медресе и издан специальный указ о порядке преподавания в этой школе. В этот период высшие учебные заведения централизовались в таких городах, как Марага, Гянджа, а близ города Шемаха существовало даже специализированное медицинское учреждение повышенного типа – «Медресе - тибб».¹

Говоря о высоком уровне культуры XII в. на родине великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви, Е.Э. Бертельс подчеркивает, что в Гяндже были ученые, были, конечно, и медресе, где можно было изучать науки того времени. В XII в. в Азербайджане в основном сформировалась мусульманская система образования. Эта система включала следующие типы школ: мектебы – школы начального обучения, медресе – дающие среднее, а некоторые и высшее образование. Кроме медресе существовало обучение в так называемых «Ханегах», где наставник – богослов обучал своих приверженцев и впоследствии направлял их в разные страны для пропаганды этого учения. Молодежь также получала ду-
¹ Ахмедов Г. «История развития школы и педагогической мысли Азербайджана». - Баку, 2002 г.

ховное образование в объеме медресе в действующих учебных заведениях при знаменитых гробницах, а общенаучное образование – при обсерваториях. Широко распространено было в ту пору и индивидуальное обучение: отец учил сына, мать - дочь. Существовала также система образования дворцовой площади. Дети получали во дворцах начальное духовное образование у дворцового муллы. Затем они упражнялись в овладении военным искусством под руководством опытных военачальников, которые при правлении сельджуков на Ближнем Востоке, в том числе и в Азербайджане, получили специальный титул – Атабеки. Мектебы открывались при мечетях муллами и не контролировались правителями.

Муллы за свой труд получали вознаграждение от родителей учащихся. Медресе, как правило, открывались высшими духовными властями и содержались за счет выкупных доходов от специально пожертвованных имущими людьми для этой цели пахотных земель, садов, магазинов. Сеть мектебов и медресе в Азербайджане постепенно расширялась. В дальнейшем мектебы открывались не только при мечетях, но и в частных домах. Их открывали образованные люди.

Наука

Самым известным философом эпохи Возрождения является Абулхасан Бахманйар сын Марзбана Азарбайджани. Вошел он в историю культуры Азербайджана такими философскими трудами, как «Книги приобретения знаний», («Китаб ат-тахсил»), «Книги украшения по логике» («Китаб аз-зина филмантик»), «Книги красоты и счастья» («Китаб ал-бахджа ва-с-саада»), «Книги о музыке», («Китаб фи-л-мусика»), «Трактата о предмете метафизики» («Рисала фи мауду или

ма ба'д ат-табиа») и «Трактата о ступенях сущего» («Рисала фи маратиб ал-мауджудат»).

«Книга приобретения знаний» в средние века служила одним из важных источников для изучения логики, метафизики и физики.

Одной из ярких личностей своего времени был Хатиб Тебризи (1030 - 1109). В Багдаде, где он более 40 лет преподавал в знаменитом медресе Низамийе Хатиб Тебризи написал ценные труды по философии, языку, литературе, логике и другим наукам, стал одним из выдающихся ученых исламского мира, обладающим энциклопедическими знаниями в области литературоведения и языкознания.

Знаменитый астроном XII века Фазил Фариддин Ширвани посвятил всю свою жизнь изучению небесных тел, составил ряд ценных таблиц по астрономии. Образцы материальной культуры, обнаруженные во время археологических раскопок в различных областях Азербайджана, свидетельствуют о проявлении большого интереса к астрономии в нашей стране в тот период.¹

Литература

Выдающиеся представители азербайджанской литературы Возрождения. Поэт Гатран Тебризи (1012 - 1086). Этот великий поэт, родившийся в селе Шадибад вблизи Тебриза, был одним из первых выдающихся представителей литературы Возрождения. Свои редкие поэтические жемчужины, исполненные любви к человеку, природе, поэт создал во дворцах Тебриза и Гянджи.

¹ Мамедов З. «Азербайджанские философы и мыслители Средневековья». – Баку, 1993.

Касыды, написанные Гатраном Тебризи в честь азербайджанских правителей, являются ценным литературным источником для изучения того времени, когда жил поэт. В касыде, посвященной землетресению в Тебризе в 1042 году, очевидцем которого был поэт, а также во многих других стихотворениях есть много ценной информации об истории нашей страны в XI веке.

В своих стихах Гатран Тебризи часто использовал родные тюркские слова, переводил на персидский язык разные выражения, используемые в живом народном языке. Он словно хотел доказать сегодняшнему поколению, что является азербайджанским поэтом. На самом деле эту истину подтвердил и Насир Хосров, выдающийся философ-путешественник, встретившийся с Гатраном Тебризи в Тебризе в 1046 году. Он пишет в своем «Сафарнамэ», что встретил в Тебризе поэта по имени Гатран. Он писал хорошие стихи. Но плохо знал персидский язык.

Выдающийся поэт Низамеддин Абуль-Ула Гянджеви (1096 - 1159) являлся мастером высочайшего класса. Он родился в Гяндже. В период предшествовавший появлению Низами, пользовался большим влиянием среди поэтов. К концу жизни поэт переселился во дворец ширваншахов, где ему было дано звание меликуш-шуара (мелик поэтов - лучший из поэтов).

Современником Абуль - Ула Гянджеви являлся другой выдающийся поэт Фелеки Ширвани, внесший свой вклад в развитие азербайджанской литературы Возрождения.

Творчество Фелеки Ширвани характеризует высокая степень идеалов гуманизма.

А Бакиханов о Фелеки Ширвани писал: «Фелеки Ширвани - один из ученейших людей Азербайджана. Собственное его имя Мухаммед. Он был другом Хагани. В юности, подружившись с сыном одного астронома, он пристрастился к астрономии и сделал в этой науке важные успехи, при этом он занимался поэзией и оставил после себя стихотворение в честь ширваншаха Минучихра III».

В развитии литературы Возрождения XII века наряду с такими мастерами, как Абуль-Ула Гянджеви, Хагани, Фелеки и другими важную роль сыграл также Амир Иззеддин Ширвани. В утонченной поэзии поэта красочно воспеваются единство человека и природы.

Муджиреддин Бейлагани, занимающий своё образное место в азербайджанской литературе XII века, служил при дворе Эльденизов и завершил свою жизнь в Тебризе. Свои оды, которые он писал под влиянием Хагани, Меджиреддин Бейлагани посвятил эльденизским правителям Мухаммед Джахан Пахлевану и Гызыл Арслану.

Одним из выдающихся поэтов XII века является также Гивами Гянджеви. По некоторым сведениям, этот великий мастер был родным или же двоюродным братом Низами Гянджеви. Поистине, творчество обоих мастеров слова роднит и сближает демократизм, ненависть к придворной жизни, глубокая любовь и уважение к простому народу, идеалы гуманизма, выражаемые призывом к справедливости. Для творчества Гивами Гянджеви, так же как и других гуманистов, характерно описание человека, его красоты, реальных забот.

Одной из выдающихся представительниц азербайджанской литературы Возрождения является Мехсети Гянджеви. До настоящего времени исследовано более 200 рубаи поэтес-

сы. Как и других деятелей периода Возрождения, Мехсети Гянджеви интересует, в первую очередь, реальный человек, его мечты, чувства, любовь, радость печаль. Большинство своих рубаи поэтесса посвятила представителям разных профессий - шапочнику, портному, пекарю, ткачу, плотнику, муэдзину, башмачнику, мяснику и другим.

Одним из замечательных поэтов азербайджанской литературы Возрождения является Афзеледдин Хагани Ширвани (1126 - 1199). Он родился в Шамахе, которая была очагом поэзии и искусства. Этот великий мастер слова, впервые в истории азербайджанской литературе написавший поэму, довел жанр касыды до вершины мастерства. Хагани оставил после себя диван лирических стихов, состоящий из 17 тысяч двустиший, поэму «Тохфатул - Ирагейн» и письма, написанные прозой.

Азербайджанская литература Возрождения в творчестве Низами достигла своей вершины. Город Гянджа, где зародилось творчество поэта, был одним из величайших очагов науки и образования на всем Востоке. Гениальный мыслитель, получивший блестящее образование в Гяндже, прежде чем приступить к работе над новым произведением, тщательно изучал редкие источники, написанные на разных языках, и лишь после этого брал в руки перо.

Созданный поэтом бессмертный труд «Хамсэ» («Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искендернаме») поставил его в один ряд с классиками мировой культуры и принес мировую славу народу, воспитавшему такого гения.

После Низами, давшего сильный толчок развитию восточной поэзии и общественно - философской мысли средне-

вековья, под сильным воздействием его творчества выросло несколько поколений выдающихся мыслителей. Богатое творческое наследие гениального поэта, который является одним из гигантов в истории всемирной культуры, изучается сегодня в разных странах мира.

В XI - XII веках в литературе произошло значительное оживление. В лице великого Низами и литературной среды, в которой он сложился как поэт, азербайджанская литература покорила одну из недостижимых вершин всемирной культуры. В развитии литературы выделялись, главным образом, два течения: устное народное творчество и классические литературные образы, принадлежавшие перу профессиональных писателей.

В описываемый период крупнейшим образцом устного народного творчества является дастан «Китаби Деде Горгуд». Сказания этого грандиозного памятника искусства были распространены во всех уголках Азербайджана, включая и территории проживания огузов.

Архитектура

В XI - XII веках произошло возрождение в области архитектуры. В Азербайджане были созданы уникальные образцы мирового зодчества. Исламская религия привнесла новый стиль в азербайджанское зодчество.

Одним из выдающихся представителей азербайджанского зодчества периода Возрождения был живший в XII веке Аджмеи Абубакр оглы. Он воздвиг в столице Азербайджанского государства Эльденизов - Нахчыване усыпальницу Юсифа ибн Кусейра, усыпальницу Момине хатун, Гошаминаре,

Джума мечеть, Дарульмюльк (дворец Эльденизов) и другие редкие архитектурные памятники.

Девичья башня (Гыз галасы), крепость Гюлистан, крепость Бугурд, крепость Мардакян и каждое из десятков оборонительных сооружений Средневековья, разбросанных по всему Азербайджану, являются редкими жемчужинами мирового зодчества. Среди историко-архитектурных памятников оборонительного характера больше всего привлекает к себе внимание Девичья башня в Баку. Этот памятник, воздвигнутый в XII веке архитектором Масудом Давуд оглы, на большой скале, омываемой водами Каспийского моря, имеет высоту 28 метров. Процветание зодчества дало сильный толчок развитию многих отраслей искусства, непосредственно связанных с ним.

Азербайджанские мастера были искусны в изготовлении редких металлических изделий. Одним из таких образцов искусства являются крепостные ворота древней Гянджи. Гянджинские ворота были построены в середине XI века знаменитым мастером Ибрагимом Осман оглы по приказу азербайджанского правителя из династии Шеддадидов Абдульсвара Шавура.

В результате разрушительного землетрясения 1139 года Гянджа, можно сказать, была стёрта с лица земли; вершина находящейся на юго-западе города горы Кяпяз обвалилась и перегородила реку Агсу, в результате чего образовался Гёй гёль и несколько других озёр. Решивший воспользоваться результатами катастрофического землетрясения грузинский царь Деметрий I напал на беззащитную Гянджу и вернулся домой с богатыми трофеями. Он захватил с собой и железные ворота Гянджинской крепости, которые установил

затем в монастыре Гелати в Кутаиси. И сегодня одна половина этих ворот прикреплена к стене напротив могилы царя Давида IV во дворе упомянутого монастыря. На сохранившейся половине ворот имеются надписи на арабском языке, написанные куфийским почерком: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Наш великий Повелитель и Правитель Сеид Савур ибн Аль-Фазл – да сделает Аллах его правление долгим – приказал нам построить эти ворота с благословения Гази Абуль Фарадж Мухаммед ибн Абдуллы – дай Аллах и ему удачи. Работа кузнеца Ибрагима ибн Осман Энгавейха. Пятый, пятидесятый, четырёхсотый год хиджры» (1063 год).

В период Возрождения в Азербайджане достигли высокого развития многие отрасли художественного мастерства.

Процветали гравировка, чеканка, искусство настенных украшений и резьбы. В этот период самой процветающей отраслью ремесла было ковроткачество.¹

В сохранении и передачи из поколения в поколение традиций народного творчества важную роль играли народные мастера - озаны, ашуги. Атлетические соревнования, свадьбы, праздники, торжества и другие всенародные веселья проходили с их участием.²

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахмедов Г.* «История развития школы и педагогической мысли Азербайджана». - Баку, 2002 г.

¹ Махмудлу Я., Мамедов С. «История Азербайджана». - Баку, 2009 г.

² Махмудлу Я., Мамедов С. «История Азербайджана». - Баку, 2009 г.

2. *Бертельс Е.Э.* Низами. Творческий путь поэта. - М., 1962 г.
3. *Бертельс Е.Э.* Очерк истории персидской литературы. - М., 1928 г.
4. *Бертельс Е.Э.* Низами Ганджеви // «Литературный Азербайджан» №№ 3, 5 и 6. - 1939.
5. *Болдырев А.Н.* Два ширванских поэта - Низами и Хагани // «Памятники эпохи Руставели». - Л., 1938 г.
6. *Гулизаде М.Н.* Низами Гянджеви. - Баку, 1953 г.
7. *Залеман К.* Четверостишие Хагани. - СПб, 1875г.
8. «История Азербайджана». - Баку, 2009 г.
9. *Крымский А.Е.* История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Часть II. Третье, значительно измененное и дополненное издание. - М., 1912. - С. 161-172
10. *Дунаевский Е.* Низами // «Восток» №2. - М.-Л.: «Academia», 1935. - С. 259-272.
11. *Мамедов З.* «Азербайджанские философы и мыслители Средневековья». – Баку, 1993.
12. *Махмудлу Я., Мамедов С.* «История Азербайджана». - Баку, 2009 г.
13. *Рафили М.* Низами. Жизнь и творчество. - Баку, 1939 г.
14. *Щеблыкин И.П.* Памятники Азербайджанского зодчества с древнейших времен, включая эпоху Низами.
15. *Юсифов Х.Г.* Низами и Восточный Ренессанс. - Баку, 1987 г.

ИНОЯЗЫЧНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НАВЫКОВ

В статье рассмотрена организация профильного обучения иностранному языку в группе филологического направления. Сформулированы наиболее приемлемые принципы и модели обучения в целях формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Показаны особенности перевода стихотворного жанра, как одного из самых сложных видов переводческой деятельности.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; коммуниканты; переводоведение; переводческая деятельность; межпредметные связи.

Профессия переводчика, будучи одной из древнейших, являлась предметом изучения в течение многих веков. Теоретические аспекты переводческой деятельности изучаются современными лингвистами и сегодня. При реформировании системы профессионального образования в учебных заведениях, насущной становится проблема интенсификации обучения, решение которой необходимо для реализации теоретико-практической модернизации языкового направления.

Современная теория перевода предлагает широкий спектр правил и норм передачи информации. Переводчик, в зависимости от ситуации, может осуществлять перевод на разных уровнях эквивалентности, выполняя при этом свою главную задачу – добиться взаимопонимания между коммуникантами.

В процессе перевода информация переадресовывается иноязычному получателю, располагающему другим объемом фоновых знаний, таких как принадлежность к различным культурам, различие в базовых знаниях, различный социаль-

ный опыт и др. Поэтому даже очень точная передача оригинальной информации может быть частично или полностью не понята рецепторами перевода или же не оказать на них нужного воздействия. Соответственно задачей переводчика является не дословное копирование информации с одного языка на другой, а создание собственного текста, содержащего коммуникативный посыл автора и имеющего соответствующий эффект.

Для осуществления успешной переводческой деятельности переводчику необходимо обладать широким кругозором, иметь большой интеллектуальный багаж, свободно владеть рабочими языками. Предполагается, что при высокой мотивации обучающихся перенос начала профессионального обучения на уровень средней школы способен оптимизировать процесс обучения переводческим навыкам и повысить уровень овладения иностранным языком для поступления в ВУЗы.

Одной из учебных задач филологических классов в средней школе является развитие умений и навыков устного и письменного перевода. Формирование переводческих навыков осуществляется в контексте достижения основной цели языкового обучения - иноязычной коммуникативной компетенции в четырех видах речевой деятельности: аудировании, чтении, говорении и письме.

В процессе подготовки обучающиеся осуществляют следующие виды переводов:

- перевод общей тематики (*general translation*);
- технический перевод (*technical translation*) или специальный перевод - физика, химия, биология, экономика, финансы, психология и др.;

- литературный (художественный) перевод (*literary translation*).

Общая тематика перевода подразумевает необходимость определенных энциклопедических знаний и широкой эрудиции в самых различных гуманитарных областях.

Переводы осуществляются на разнообразных по тематике и форме текстах, которые представляют собой информационные сообщения, содержащие специальные лексические единицы. Практика показывает, что адекватный перевод таких текстов требует до 80% знаний в предметной области и 20% знаний в области самого языка.

Учебно-методический комплекс дисциплины английского языка содержит разнообразные по стилю литературные тексты, что позволяет формировать переводческие умения и навыки на содержательном материале оригинальной художественной литературы. Перевод художественных текстов, содержащих социально-бытовую лексику, представляет один из наиболее сложных видов перевода. Это обусловлено тем, что в первую очередь, переводчик должен провести творческую работу, подразумевающую передачу эстетического воздействия на слушателя.

Как правило, перевод художественной литературы осуществляется с иностранного на родной язык. Следует отметить, что полностью адекватный и точный литературный перевод произведения, содержание и стиль которого завязаны на национальной культуре, сложной игре слов, аллегориях и других художественных приемах, является почти неразрешимой задачей. Многие известные произведения классической литературы невозможно перевести дословно, без потери контекста заложенного автором. Роман Ильфа и Петрова «12 стульев», повести и рассказы М.М. Зощенко в переводе никогда не будут звучать

так же изящно, как в оригинале. Переводчик должен стремиться глубоко проникнуть в структуру исходного текста, максимально точно выразить его средствами другого языка.

Необходимость творческого подхода к переводу, в частности стихотворного жанра, можно проиллюстрировать результатами конкурса по переводоведению.¹ Так, победитель этого конкурса делится своим опытом: «Прочитав стихотворение Эллы Веллер Вилкоккс, я не сразу понял его главную суть. Оно показалось мне скучным, но вчитавшись в эти строки, я понял, насколько много в нем глубинного смысла. Стихотворение является своеобразным гимном оптимистов, побуждающим людей к решительным действиям. Оно прославляет смелость и упорство в достижении целей, волю к победе. Лишь, прилагая усилия и обладая уверенностью в своих действиях, можно добиться поставленной цели. В этом состоит главная мысль этого стихотворения *«It might have been»*:

*We will be what we could be. Do not say,
"It might have been, had not this, or that, or this."
No fate can keep us from the chosen way;
He only might who is.
We will do what we could do.
Do not dream chance leaves a hero, all uncrowned to grieve.
I hold, all men are greatly what they seem;
He does, who could achieve.
We will climb where we could climb.
Tell me not of adverse storms that kept thee from the height.
What eagle ever missed the peak he sought?*

¹ Конкурс интегрированных проектных работ воспитанников общеобразовательных учебных заведений МО РФ в Санкт-Петербурге по литературе, иностранным языкам и искусству "Мой стихотворный перевод" посвященного Международному дню родного языка в 2011/2012 учебном году.

*He always climbs who might.
I do not like the phrase "It might have been!"
It lacks force, and life's best truths perverts:
For I believe we have, and reach, and win,
Whatever our deserts.*

Перевод победителя конкурса:

И не впадай ты в пессимизм,
Не говори, что в жизни что-то не случилось,
Все от того, что на твоём пути
И горе и несчастья приключились.
А если твердой поступью пойдешь,
Вперед к вершине и своей судьбе,
Ты обязательно звезду свою зажжешь
На радость людям и своей мечте.
И ты достигнешь всех вершин,
Ведь ты есть тот, кто добивается успеха.
Ты как орел, что долетает до конца пути.
Суровый ветер не является помехой.
Ведь фраза: «что-то не случилось»
Лишь духом слабого удел.
Она к унынию зовет –
К победе никогда не приведет.

Перевод стихотворного жанра - один из самых сложных видов переводческой деятельности, где главным является сохранение заложенного автором смысла, его коммуникативного посыла. Уходя от дословности, переводчик использует словарный арсенал родного языка в меру своего воображения и фантазии и может использовать другие слова, не входящие в оригинальный текст.

Основная задача литературной обработки текста — приведение перевода в соответствие с нормами русского языка. При этом используются следующие приемы:

- изменение формы и структуры предложения;
- замена слов синонимами;
- антонимичный перевод;
- расчленение сложных предложений на более простые и наоборот.

Технический перевод предполагает совершенно другие навыки и умения, он не требует доведения до совершенства каждой фразы. Достаточно, чтобы перевод был правильным и не содержал орфографических, грамматических и стилистических ошибок.

Таким образом, разные виды перевода требуют разных навыков и умений от переводчика. Цели их сходны — достичь наиболее высокого уровня эквивалентности при переводе.

Требования, предъявляемые к текстам перевода обучающимся в средней школе, упрощены в связи с уровнем их языкового развития. Первостепенными являются следующие:

- адекватность перевода.¹ Основными признаками адекватного перевода являются его точность и полнота. Точность предполагает правильную передачу мысли автора исходного текста. Неточный перевод технического текста может иметь катастрофические последствия. Полнота перевода исключает пропуск существенных для изложения фрагментов оригинала. В техническом тексте это требование приобретает особую значимость, поскольку все технические подробности, как правило, важны для понимания;

¹ Адекватный перевод — это перевод, который воспринимается носителем языка перевода так же, как оригинал — носителем языка оригинала.

- соответствие нормам и правилам русского литературного языка.

В целях формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучение в средней школе построено на следующих принципах и моделях:

1) Построение процесса обучения на развивающей модели. Сегодня требуется умение рассуждать, сравнивать, находить и оценивать полученную информацию, интерпретировать ее с учетом сложившихся понятий и представлений, аргументировать собственную точку зрения. «Эта модель логична и обоснована, так как любой профессионал не может помнить всего объема изученной информации. Главное – знать, где ее можно найти в случае необходимости и как применить наиболее эффективно для решения поставленных задач» [Соловова (Лекции 1 – 4) 2006: 8]. Развивающая модель образования делает эффективными и приоритетными такие виды заданий, как реферирование и аннотирование текста, защита своей точки зрения и опровержение противоположной в ролевой игре и многие другие.

2) Включение дисциплины «иностранный язык» в систему межпредметных связей всех преподаваемых дисциплин, что позволяет повысить уровень социокультурной компетенции, как одной из основных составляющих языковой коммуникативной компетенции. Формирование коммуникативной компетенции строится на принципе интегративности или межпредметных связях. Реализация данного принципа возможна только командой преподавателей – единомышленников, понимающих значимость формирования всего комплекса компетенций при ведущей роли коммуникативной. «Пока предметные компетенции изолированно существуют в одной

учебной дисциплине, они носят частный характер. Сведенные в единую схему, они подтверждают очевидное – их реальное достижение можно обеспечить только совокупными усилиями всех учителей-предметников. Именно такой подход позволит оптимизировать процесс получения предметных знаний не в ущерб задачам непрерывного комплексного развития и воспитания личности» [Соловова (Лекции 1 – 4) 2006: 23]. При формировании навыков переводческой деятельности особое внимание уделяется социокультурной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции в связи с необходимостью для переводчиков обладать основательными базовыми знаниями в самых разнообразных предметных областях, которые определяют уровень адекватности перевода любого текста. Эта необходимость обусловлена спецификой предмета «иностранный язык», задачей которого никогда не являлось приобретение знаний в определенном блоке дисциплин (общегуманитарный, естественнонаучный, предметный или специальный), а лишь передача этих знаний участникам – коммуникантам общения. Иностранный язык всегда был и остается инструментарием передачи коммуникативных посылов в любой предметной области.

3) Отбор содержательного материала элективных и факультативных курсов производится с точки зрения его целесообразности и возможности интеграции в рамках тематического каркаса.

4) Осуществление преподавательской деятельности учителями первой и высшей квалификационной категорий, имеющими звание «Почетного работника общего образования», которые «умеют анализировать опыт культурного развития различных стран во взаимодействии различных куль-

тур, а также проследить его отражение в языке той или иной страны, не испытывают трудностей социолингвистического и социокультурного характера практически в любой сфере общения, учитывают нормы формального и неформального общения в устной и письменной речи» [Соловова (Лекции 5 – 8) 2006: 45].

5) Постоянное сопровождение занятий средствами технического обеспечения. Аудирование ставит перед переводчиком достаточно сложные задачи: требует высокоразвитой способности воспринимать на слух нечеткую, смазанную речь с местными акцентом и фоновыми шумами; понимать юмор, жаргон, неологизмы; интерпретировать различные разговорные стили и т.д.

Практика показывает, что в целях успешного формирования переводческих навыков, занятия учащихся в группе филологического профиля «целесообразно проводить по следующим направлениям: углубление практической направленности образовательного процесса; координация усилий преподавательского коллектива в обучении и воспитании обучающихся; управление образованием и мониторинг самообразования обучающихся; совершенствование системы воспитания обучающихся и др.» [Ивинская 2010: 26].

Кроме того необходимо:

внедрять в процесс обучения иностранному языку практику проведения открытых уроков и мастер-классов по подготовке преподавателей к применению новых педагогических технологий с целью повышения профессиональной компетенции преподавательского состава;

систематически проводить факультативные занятия и консультации на основе педагогических технологий, способству-

ющих эффективно преодолению психологических трудностей и коммуникативно-языковых комплексов, снижающих качество профессиональной иноязычной подготовки;

разрабатывать учебно-методические материалы, пособия по применению дидактического комплекса, интенсифицирующие самообразование учеников по иностранному языку и способствующие повышению языковой квалификации.

Учет вышеизложенных положений позволит не только повысить эффективность обучения иностранному языку, но и осуществлять дальнейшее совершенствование управления педагогическим процессом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соловова Е.Н., Анальков В.Г.* Материалы курса «Развитие и контроль коммуникативных умений: традиции и перспективы»: лекции 1 -4. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2006. - 52 с.; 60 с.

Кудрявцева Ю.В.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

В данном докладе рассматриваются основные тенденции развития современной болгарской юридической терминологии на материале законодательных текстов в сфере уголовного права. Особое внимание уделяется динамическим процессам в данной терминосистеме, связанным с демократическими переменами в Болгарии и с интеграцией страны в Европейский союз.

Ключевые слова: болгарский язык; юридическая терминология; официально-деловой стиль.

Как известно, терминосистема той или иной области знаний, как и словарный состав языка в целом, меняется под влиянием экстралингвистических факторов — изменений в общественно-политической сфере, материальной и духовной культуре, социальных отношениях.

В конце 20 - начале 21 века произошли существенные изменения как во внутренней, так и во внешней политике Болгарии: смена политической системы (1989 г.), формирование новых социальных и экономических отношений, интеграция в Европейский союз (2007 г.). Болгарский язык стал официальным языком ЕС, официальная документация ЕС стала переводиться на болгарский язык, так как все европейские граждане должны иметь доступ к законодательству ЕС на своем родном языке, кроме того, появилась необходимость гармонизовать законодательство страны с европейским законодательством. Все эти факторы породили необходимость введения множества новых понятий и переосмысления существующих, что, безусловно, нашло свое отражение в терминологии права в целом, и уголовного права в частности. Новые термины начали фиксироваться в различных словарях — двуязычных, одноязычных, а также многоязычных словарях, среди которых, например, *Многоезичен речник на европейска интеграция (София, 2007 г.)*, представляющий термины из различных областей знаний (в том числе, уголовного права) на болгарском, английском, немецком и французском языках.

В данном докладе рассматриваются некоторые основные тенденции развития болгарской юридической терминологии на примере терминов, относящихся к сфере уголовного права.

Рассмотренные нами в данном докладе термины почерпнуты из различных правовых документов, в том числе на сайтах ЕС, из болгарских юридических энциклопедических словарей, а также из Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Болгария и юридических словарей (одноязычных и двуязычных).

Термины уголовного права – это узкоспециальные термины, которые наряду с общеюридическими терминами и общеупотребительной лексикой обслуживают сферу уголовного права и дефинируются в юридических словарях или текстах самих законов.

По своей морфологической характеристике в болгарском языке, как и в русском, это в основном имена существительные (в том числе субстантивированные прилагательные *виновен - виновный* и причастия *подсъдим - подсудимый, заподозрян - подозреваемый*), а также терминологические словосочетания, состоящие в основном из прилагательного и существительного (*очна ставка – очная ставка, телесна повреда – телесное повреждение*) или нескольких существительных, в болгарском - связанных предлогом (*лишаване от свобода – лишение свободы, състояние на силно раздразнение – состояние аффекта*).

По данным болгарского исследователя А. Ангелова, автора глоттометрического (математико-статистического) исследования языка болгарских законов, в болгарском юридическом дискурсе существительные занимают более 1/3 всех слов, соответственно, также высок и процент терминов-существительных. Это объясняется тем, что номинативная функция существительного позволяет более полно передать содержание понятия, которое называет соответствующий

термин. В болгарских юридических текстах обнаруживается большое количество отглагольных существительных (*унизяване на достоинство – унижение достоинства, неявяване в съда – неявка в суд*), за счет этого процент глаголов достаточно низок. «Глагольная температура» (термин М. Янакиева) таких текстов – 6 % от всех частей речи, а «субстантивная температура» – 33%. Тем не менее, глаголы в юридических текстах играют важную роль, так как образуют устойчивые сочетания с терминами (*присъда – приговор: изтърпявам присъда – отбывать приговор, произнасям присъда – оглашать приговор, привеждам присъда в изпълнение – приводить приговор в исполнение*).

Основными отличительными чертами законодательных текстов, по мнению болгарской исследовательницы Х. Станевой, является стандартность, консервативность и безличность, то есть каждый текст данного стиля имеет четкую структуру, обслуживается ограниченным набором терминов и не ориентирован, как правило, на конкретного адресата. Юридические термины появились и утвердились во многих языках достаточно давно. Что касается болгарского, по ряду причин, собственно болгарская терминология начинает формироваться достаточно поздно — один из первых болгарских юридических документов – перевод Хатишерифа – датируется 1841 годом – и при этом на ее создание оказывает большое влияние русская терминология. Тем не менее, несмотря на консервативность данной терминосистемы, в ней заметны динамические процессы, связанные со стремлением языка как можно более полно отразить вышеперечисленные изменения в общественно-политической жизни.

Одни терминологические единицы остаются неизменными в течение длительного времени, а другие подвергаются изменениям. Рассмотрим некоторые из тенденций более подробно.

В первую очередь, хотелось бы обратить внимание на то, что с изменением общественных и экономических отношений в 1990-е годы начинают исчезать реалии, характерные для общественной жизни социалистической Болгарии и, соответственно, выходят из употребления обозначаящие их термины, активно использовавшиеся и присутствовавшие в нормативных актах до 1989 г. (*другарски съд – товарищеский суд, милиционер, безкласов – бесклассовый, безпартиен – беспартийный, престъпление против социалистическа собственост – преступление против социалистической собственности, Държавен арбитраж - Госарбитраж, смъртно наказание – смертная казнь и др.*) Нельзя сказать, что эти термины полностью перестают употребляться, они, скорее, детерминологизируются и не используются в законодательных текстах, а также не фиксируются в новых юридических словарях. В единственном болгарско-русском юридическом словаре 1975 года все они обнаруживаются.

Кроме того, заметна и обратная тенденция – с появлением новых реалий, связанных, в частности, с различными техническими достижениями, в юридическую документацию проникают новые термины, связанные с новыми типами преступлений (*дигитална заплаха – цифровая угроза, кибертормоз – насилие в Интернетe, киберпрестъпност - киберприступност*).

Еще одним следствием изменений в общественной жизни Болгарии стало то, что узкоспециальные термины из юридической, политической и экономической сферы начали активно использоваться в разговорной речи. Заметна открытость

и доступность официальной терминологии, что, по мнению Х. Станевой, связано с новой законодательной и административной атмосферой, в которой, как провозглашается, обычный гражданин уже не считается просто получателем, адресатом закона, а воспринимается, скорее, как активная сторона, деятель. Термины становятся общеупотребимыми, начинают использоваться не только в официально-деловом, но и в публицистическом стиле. Можно заметить, как журналисты сочетают в СМИ юридические термины с разговорной лексикой и даже фразеологизмами: *Криминално проявен изпрати полицаи за "зелен хайвер" (dariknews) – Мужчина, ранее привлекавшийся к уголовной ответственности, надул полицейских (обвел полицейских вокруг пальца).*

Еще одна тенденция связана со способами образования терминов. Традиционно терминообразование происходит следующими основными способами: лексико-семантическим, лексико-морфологическим, лексико-синтаксическим.

Лексико-семантический способ подразумевает расхождение, переосмысление значений многозначного слова (*арест* как наказание и *арест* как помещение для содержания под стражей, *затвор* – тюрьма и *затвор* – заключение под стражу). Лексико-морфологический способ – образование нового термина от уже существующего при помощи аффиксов (*запор* – *запорирам* – *наложить арест на имущество, экстрадирам* – *экстрадиране/экстрадиция, обиск* – *обискирам, обискиране*) или при помощи сложения слов или элементов слов: *местоизтърпяване* – *место отбывания наказания*). Наиболее распространенными аффиксами у терминов-существительных в юридическом дискурсе, по данным А. Ангелова, являются -не/-ние, -ост (*непредпазливост* – *неосторожность*).

Лексико-синтаксический способ подразумевает создание терминологических словосочетаний. Необходимо отметить, что последний способ образования терминов, как было нами замечено, начинает использоваться достаточно активно, становится наиболее продуктивным и актуальным в современной болгарской терминологии и количество терминологических словосочетаний в юридических текстах возрастает (*заклет преводач – судебный переводчик, нечовешко третиране – жестокое обращение, компютърно престъпление – компьютерное преступление*).

В качестве четвертого способа терминообразования выделяются заимствования, которые активно входят в язык после демократических перемен в стране, а также в связи с европейской интеграцией Болгарии. В связи с гармонизацией законодательств Болгарии и ЕС болгарская юридическая терминология начинает пополняться международной терминологией путем заимствования иностранных терминов, использования иностранных компонентов в словообразовании. Приведем несколько примеров: *омбудсман, пробация – условное осуждение, превенция – предотвращение, заклет преводач – калька от англ. sworn interpreter, пледоария – защитная речь, пледирам – защищать на суде, репарирам – возмещать ущерб, сезирам/десезирам – обращаться с просьбой/снимать требование о правовой защите*). На данных примерах видно, как английские термины приспособляются к болгарской словообразовательной и грамматической системе: существительные приобретают аффикс *-ция*- (в английском *-tion*), а глаголы – аффикс *-ирам-*, характерный в болгарском для двувидовых глаголов.

В законодательных текстах также заметно стремление языка к лексической экономии. Этим термином обозначается стремление передать максимум информации минимальными лексическими средствами. Во многих языках, в том числе и в болгарском, это осуществляется с помощью универбатов (*заподозряно лице – заподозрян, подсъдимо лице – подсъдим*). В юридическом дискурсе часто используются словосочетания, одним из компонентов которых является лексема *лице (лицо)*: *непълнолетно лице – несовершеннолетнее лицо, материално отговорно лице – материально ответственное лицо*. По сути, данная лексема не несет на себе никакой смысловой нагрузки, она «является наиболее частотным словом в юридическом дискурсе <...>, так как это универсальное средство персонального дейксиса» (цитата из исследования А. Ангелова), следовательно, она может быть подвергнута универбизации. Нельзя сказать, что это тенденция последних лет (в словаре 1975 года мы тоже обнаруживаем подобные универбаты наряду со словосочетаниями с компонентом *лице*), однако, если проанализировать термины, представленные в *Словаре европейской интеграции*, можно обнаружить, что только слово *задържан* дано в словаре в двух вариантах – *задържан/задържано лице*, остальные же даны только в виде универбатов: *осъден, обвиняем, подсъдим, заподозрян, правоимащ*. Таким образом, можно предположить, что подобные универбаты в болгарском более актуальны, чем словосочетания. При этом в английской части словаря для вышеуказанных болгарских терминов даются эквиваленты с компонентом *person (лицо)*, который не опускается: *entitled person, convicted/sentenced person*.

Кроме того, стремление к лексической экономии проявляется и в активном использовании аббревиатур (*НОХД – на-*

казателно дело от общ характер – уголовное дело общего характера, СРС – специални разузнавателни средства – специальные технические средства, РПУ – районно полицейско управление). Аббревиация является активным словообразовательным способом во многих терминосистемах болгарского языка. С помощью аббревиатур представляются не только терминологические словосочетания, но и названия организаций (ГДБОП – Главна дирекция за борба с организирана престъпност) и законов (ЗАНН – Закон за административни нарушения и наказания). Причем болгарские аббревиатуры, называющие тот или иной закон, могут состоять из очень большого числа компонентов (например, из 12 букв: ЗПИИР-КОРНФС – Закон за признаване, изпълнение и изпращане на решения за конфискация или отнемане и решения за налагане на финансови санкции – Закон о признании, исполнении и отправлении решений о конфискации или изъятии и решений о наложении финансовых санкций).

Еще одна важная тенденция, связанная с аббревиатурами, проявляется в том, что многие из них, как нами было замечено, начинают активно употребляться в разговорной речи и в печати, в том числе с артиклем: *СРС-та по дела за изборите - само след искане от прокурор (dnes.bg) – в делах, связанных с выборами, спец. технические средства будут использованы только по требованию прокурора.*

Итак, в достаточно консервативной терминосистеме уголовного права под влиянием ряда экстралингвистических факторов происходят динамические процессы, целью которых является стремление сделать официальный юридический текст максимально понятным, точным и кратким, приспособить к современным требованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Българско-руски юридически речник. – София, 1975.
2. *Зидарова В.* Динамика и актуални тенденции в съвременната българска лексикална система // Класика и авангард. В чест на проф. Иван Сарандев. – София, 2006. - С. 253-259.
3. Многоезичен речник на европейска интеграция. - София, 2007.
4. *Станева Х.* Стилистика на българския книжовен език. – Велико-Тырново, 2001.

Кулькова Е.С.

**КАТЕГОРИЯ ВОЗРАСТ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ
ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНАЛИЗА АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ)**

В статье проводится анализ категории *возраст*, сложившейся в языковом сознании русских и англичан. В ходе сопоставительного исследования образов, формирующих категорию, выявляются как общие, так и уникальные черты и характеристики, свидетельствующие об этнокультурной обусловленности представлений о возрасте.

Ключевые слова: языковое сознание; ассоциативное поле; этнокультурная обусловленность; возраст.

Результаты многочисленных психолингвистических исследований и экспериментов подтверждают, что образы мира, формируемые представителями разных этнических культур, специфичны в силу того, что каждая культура обладает своим собственным способом организации и упорядочения опыта постижения мира: «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных

схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено» [Леонтьев 1993: 20].

Данная статья посвящена выявлению и изучению национально-культурнообусловленных черт категории *возраст* в языковом сознании англичан и русских.

Учитывая сущность биологической природы человека, возраст является неотъемлемой константой человеческой жизни. Этим определяется интерес к сопоставлению общего и уникального в восприятии данного универсального понятия представителями различных лингвокультур.

Актуальность данной категории обусловлена еще и тем, что формирование образа *возраст* в сознании человека способствует установлению взаимосвязи понятий *жизнь, смерть, время, конечность, длительность* и т.п., и тем самым способствует созданию представления о мире и месте человека в нем.

Выявление представления о возрасте, сложившегося в английской и русской культурах, осуществляется на основе анализа ассоциативных полей, поскольку «ассоциативное поле того или иного слова-стимула — это <...> фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании "среднего" носителя той или иной культуры» [Уфимцева 1996: 140].

В статье рассматриваются ассоциативные поля *childhood, youth, maturity, old age* и *детство, юность, молодость, старость*, формирующие категорию *возраст* в английском и русском языковом сознании.

Для анализа нами используются данные свободного ассоциативного эксперимента, обработанные и закрепленные в ЕАТ (Edinburgh Associative Thesaurus) [Liang 2010] и РАС (Русский ассоциативный словарь) [Караулов и др. 2002]; желанием повышения объективности выводов обусловлено рассмотрение

только частотных реакций (в таблицах показатель частотности приведен справа от каждой полученной реакции).

Ассоциативное поле *детство/childhood* представлено реакциями, которые можно разделить на следующие тематические группы:

1. абстрактные понятия:

РАП (Русское ассоциативное поле)	ААП (Английское ассоциативное поле)
юность 7	youth 6
отрочество 4	infancy 4
отрочество=юность 2	adolescence 3
	birth 2
	dream 2
	memory 2
	past 2
Итого: 13 (13.5 %)	Итого: 21 (21.9 %)

Как видно из таблицы, первые три реакции отличаются сходством в анализируемых АП – в сопоставляемых культурах детство вызывает ассоциации с другими периодами взросления человека, но в английском языковом сознании образ *childhood* расширяется за счет таких соотносящихся с детством абстрактных понятий, как *birth 2, dream 2, memory 2, past 2*.

2. реакции-оценки и качества:

РАП	ААП
положительные	
счастливое 14	happy 5
светлое 3	good 3

беззаботное 2	young 3
босоногое 3	nice 2
раннее 2	
хорошее 2	
Итого: 26 (23.4 %)	Итого: 13 (11.7 %)
отрицательные	
трудное 11	-
тяжелое 6	-
Итого: 17 (17.7 %)	Итого: 0

Нетрудно заметить, что в РАП оценочные реакции преобладают над абстрактными (41.1 % в сравнении с 13.5 %), в ААП показатель оценочности равен 11.7 %, что позволяет сделать вывод о большей аксиологической направленности русского языкового сознания.

Также следует отметить, что наряду с общим положительным представлением о детстве в обеих культурах (*счастливое 14, светлое 3, happy 5*) в РАП было выявлено достаточно большое число отрицательных реакций (17.7 %). Реакции *тяжелое/трудное* входят в состав устойчивых сочетаний *тяжелое/трудное* детство, что подчеркивает актуальность данной реалии для русской культуры.

3. реакции-персоналии:

РАП	ААП
Темы 4	boy 3
Никиты 2	parents 3
	baby 2
Итого: 6 (6.3 %)	Итого: 8 (7.2 %)

И в русском и в английском АП выделяется субъект, но в английском он более абстрактен и безличен, тогда как в русском носит весьма конкретный характер.

4. атрибуты:

РАП	ААП
-	memories 5
	dreams 3
	happiness 3
	school 3
	fun 2
	home 2
Итого: 0	Итого: 20 (20.8 %)

В ААП значительно количество атрибутов, связываемых с детством - 20.8%, тогда как в русском подобные реакции среди наиболее частотных отсутствуют. Явно положительная окрашенность реакций ААП подтверждает позитивное восприятие периода детства в английском языковом сознании.

5. действие:

РАП	ААП
прошло 10	play 3
Итого: 10 (10.4 %)	Итого: 3 (2.7 %)

В РАП присутствие реакции *прошло* свидетельствует о метафорическом восприятии периода детства. В ААП подобных реакций не представлено, что позволяет считать метафоризацию возрастных периодов этнокультурноспецифичной чертой русского языкового сознания.

Английскому стимулу *youth* в русском языке соответствуют два: *молодость* и *юность*.

Рассмотрим, как располагаются реакции:

1. абстрактные понятия:

РАП молодость	РАП юность	ААП
старость 11	молодость 23	age 24
красота 4	старость 8	
юность 3	возраст 4	
свежесть 2	глупость 3	
энергия 2	детство 3	
	весна 2	
	детство=отрочество 2	
Итого:22 (21.6%)	Итого:45 (21.7%)	Итого 24 (24.2%)

Как видно из таблицы, в русском языковом сознании *молодость/юность* тесно взаимосвязана с понятием *возраст* и разными его периодами. Помимо этого, комплексный образ юности обладает такими чертами, как *красота 4*, *свежесть 2*, *энергия 2*, что подчеркивает позитивное его восприятие.

В ААП абстрактные реакции, несмотря на достаточно высокий их процент, представлены всего одной реакцией, что свидетельствует о большей гештальтности восприятия юности англичанами.

2. эмоции:

РАП молодость	РАП юность	ААП
радость 4	радость 5	-
веселье 2	любовь 3	
Итого: 6 (5.9 %)	Итого: 8 (3.9 %)	Итого: 0

Является очевидным, что *юность* вызывает более яркий эмоциональный отклик в русском языковом сознании.

3. реакции – оценки и качества:

РАП молодость	РАП юность	ААП
положительные		
прекрасная 2	беззаботная 6	good 2
	прекрасная 4	
	беспечная 3	
	молодая 3	
	веселая 2	
	счастливая 2	
Итого: 2 (2 %)	Итого: 20 (9.7 %)	Итого: 2 (2 %)
отрицательные		
-	быстротечная 3	old 6
	буйная 2	
	быстро 2	
Итого: 0	Итого: 7 (3.4 %)	Итого: 6 (6 %)
прочие		
моя 7	моя 13	young 11
наша 2	одна 2	
	ранняя 4	
Итого: 9 (8.8 %)	Итого: 20 (9.7%)	Итого: 11 (11 %)

Как это уже было отмечено, оценочные реакции пре-валируют в русском языковом сознании, что, вслед за Н.В. Уфимцевой, можно объяснить явно выраженной в культуре тенденцией давать всему свою оценку.

Положительное отношение к молодости в русском языковом сознании очевидно. В английском языковом сознании молодость, согласно данным эксперимента, в большей мере получает нейтральную окрашенность.

4. действие:

РАП молодость	РАП юность	ААП
прошла 6	прошла 4	
уходит 3		
проходит 3		
жить 2		
идет 2	-	
Итого: 9 (8.8 %)	Итого: 11 (5.3 %)	Итого: 0

В русском языковом сознании значительна доля реакций-действий, что указывает на динамическое и в то же время метафорическое восприятие *молодости/юности*, а также на присутствие в сознании русских устойчивой связи этого понятия со временем, что подтверждается такими реакциями-качествами, как *быстротечная 3*, *быстро 2*.

Опираясь на результаты эксперимента, сделать подобный вывод относительно английского языкового сознания не представляется возможным.

5. устойчивые сочетания:

РАП молодость	РАП юность	ААП
вечная 2	журнал 5	club 8
Итого: 2 (2 %)	Итого: 5 (2.4 %)	Итого: 8 (8 %)

В устойчивых сочетаниях получают закрепление социальные или культурные реалии, обладающие актуаль-

ностью для представителей того или иного сообщества. Достаточно высокий показатель реакции *club* в ААП (8%), свидетельствует о существующей в определенный период значимости понятия *youth club* - центра организации досуга и отдыха юношей и девушек – для английской культуры.

Для русского языкового сознания эксперимент со стимулом *юность/молодость* обнаруживает актуальность таких реалий, как журнал «Юность» - известный в России литературно-художественный и общественно-политический журнал, выпускаемый с 1955 года и *вечная молодость* – универсальный культурный образ, восходящий к древнегреческим мифам, легендам более позднего периода и сказкам о вечной молодости, эликсире молодости.

6. реакции-персоналии:

РАП молодость	РАП юность	ААП
-	человек 2	boy 9
	человека 2	lad 5
		leader 5
		girl 4
Итого: 0	Итого: 4 (1.9 %)	Итого: 23 (23 %)

При анализе данной группы заметно, что в ААП спектр выделяемых субъектов значительно шире и разнообразнее, чем в РАП. Юность ассоциируется в английском языковом сознании со способностью быть лидером (*leader 5*), в русском языковом сознании подобная связь отсутствует.

Реакции ААП *maturity* можно подразделить на:

1. качества:

ААП
old 10
mellow 2
ripe 2
sexual 2
Итого: 16 (16.3 %)

2. реакции-персоналии:

ААП
adult 5
man 2
me 2
Итого: 9 (9.2 %)

3. абстрактные понятия:

ААП
age 29
sex 4
21 2
puberty 2
sense 2
Итого: 39 (39.8 %)

Абстрактные понятия занимают значительную часть ААП *maturity*, объяснением этому может послужить то, что абстрактные слова, выступая в качестве стимулов, вызывают ассоциаты преимущественно абстрактного характера.

В качестве субъекта чаще выступает лицо мужского пола (*adult 5, man 2*), аналогичная черта была подмечена нами относительно русского языкового сознания, что, вероятно, является свидетельством представления о более значимой роли мужчины, закрепившегося в русском и английском сознании, ориентированности сравниваемых культур на мужчину.

В ААП *maturity* присутствуют реакции, которые могут быть выделены в отдельную подгруппу «сексуальная сфера»: *sex 4, puberty 2, sexual 2*.

Для русского языкового сознания, по материалам РАС, эти черты при восприятии образа взрослого человека актуальностью не обладают, что может свидетельствовать об их специфичности для английского языкового сознания.

Следует отметить, что в ассоциативном словаре русского языка не представлено АП *зрелость* или *взрослость*, способного коррелировать с АП *maturity* в английском ассоциативном тезаурусе.

В целом же, образ взрослого человека связывается в русском языковом сознании с такими чертами, как *большой 16, умный 6, самостоятельный 4, ответственный 2* [Караулов и др. 2002]. Наряду с этим, присутствуют и следующие характеристики: *дурак 5, идиот 3, балбес 2, осел 2* [Караулов и др. 2002].

Подобные проявления негативной оценочности нерелевантны для английского языкового сознания (отсутствуют среди частотных реакций ААП *maturity, adult*), что позволяет прийти к выводу о национальной обусловленности данного восприятия.

В АП *старость/old age* можно выделить следующие тематические группы:

1. абстрактные понятия:

РАП	ААП
дряхлость 3	pension 13
возраст 2	senility 7
молодость 2	death 6
мудрость 2	youth 5
смерть 2	retirement 2
Итого: 11 (10.8 %)	Итого: 33 (33.7 %)

Количество абстрактных реакций различается по объему – наблюдается выраженное преобладание подобных реакций в ААП, - но включает, в целом, сходные понятия.

Основное различие в данной тематической группе - в представленной в РАП реакции *мудрость 2*, отражающей характерное для русской культуры восприятие старости, как периода значительной мудрости, заслуживающего уважения и почитания. Подобное отношение не получило отражения в ААП.

В то же время, наличие реакций *pension 13*, *retirement 2*, указывающих на связанность человека с обществом, вовлеченность в процесс труда, позволяет прийти к выводу о большей значимости для английской культуры социальных аспектов.

2. эмоции:

РАП	ААП
радость 3	fear 2
Итого: 3 (2.9 %)	Итого: 2 (2 %)

Диаметрально противоположны результаты эксперимента в сфере эмоций: тогда как в русском языковом сознании *старость* ассоциируется с положительной эмоцией *радость*,

в английском языковом сознании реакция *fear* 2 свидетельствует о негативном восприятии данного явления.

3. реакции - оценки и качества:

РАП	ААП
дряхлая 2	senile 8
	ancient 2
	dead 2
	grey 2
Итого: 2 (2 %)	Итого: 14 (14.3 %)

В данной тематической группе число реакций ААП отличается большим объемом и вариативностью в сравнении с РАП.

В целом, сопоставив результаты анализа АП *молодость/юность/youth* и *старость/old age*, на основании количественных показателей, а также разнообразия полученных реакций, можно прийти к заключению о большей - в сравнении с образом *youth*- значимости образа *old age* для английского языкового сознания и о прямо противоположной значимости этих образов для русского языкового сознания.

4. устойчивые сочетания:

РАП	ААП
положительные	
на радость 2	-
Итого: 2 (2 %)	Итого: 0
отрицательные	
не радость 44	-
не в радость 6	
Итого: 50 (49 %)	Итого: 0

Наличие устойчивых сочетаний в РАП отражает сложившуюся в культуре и языке тенденцию к образованию фразеологических оборотов и идиом, пословиц и поговорок.

5. действие:

РАП	ААП
пришла 2	-
Итого: 2 (2 %)	Итого: 0

Данный возрастной период в русском языковом сознании также, как *детство* и *юность/молодость* воспринимается метафорически, в его темпоральном ракурсе.

6. реакции-персоналии:

РАП	ААП
-	pensioner 17
Итого: 0	Итого: 17 (17.3 %)

Нетрудно заметить, что в английском языковом сознании, как и в рассмотренных выше случаях, осуществляется выделение субъекта. Отсутствие подобных реакций в АП *старость*, наряду с достаточно низким показателем подобных реакций в остальных РАП, позволяет отнести эту черту – ориентированность на субъект - к характерным для английского языкового сознания.

Изучение и подсчет общего числа реакций, показателя частотных реакций и выявление среднего показателя для рассматриваемых в статье АП позволяет прийти к выводу о незначительно большей стереотипности восприятия состав-

ляющих категории *возраст* русским языковым сообществом (51.6 % в сравнении с 45.4 % у англичан).

Таким образом, анализ категории *возраст* в английском и русском языковом сознании показал, что наряду с наличием общего в восприятии возраста в английской и русской культурах, существует ряд отличий в ассоциативных стратегиях – тенденция к большей антропоцентричности английского языкового сознания, выражаемая в выделении субъекта действия во всех рассматриваемых АП. В русском языковом сознании – это метафоричность восприятия периодов жизни человека, более четкое представление о временном, переходящем их характере.

Наряду с этим, демонстрируемая результатами эксперимента различная содержательная наполненность образа сознания у русских и англичан также обуславливает его национально-культурную специфику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь. В 2х т. М.: АСТ – Астрель, 2002. Т.1 – 784 с. Т. 2 – 992 с.
2. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. Язык и сознание: парадоксальная реальность. Сборник статей/ Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М., 1993 – 174 с.
3. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. тр.– М., 1996. – С. 139-162.
4. Liang M. The Edinburgh Associative Thesaurus (EAT) for MS-Windows (Version 1.1) [Software] 2010.

**ЯДЕРНЫЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ
МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ
В ТЕКСТАХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ
РОССИЙСКИХ И ЛИТОВСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ**

На материале текстов предвыборных программ ведущих современных политических партий России и Литвы выявляются ядерные лексические экспликативы модального значения возможности; устанавливаются общие и внутриязыковые особенности функционирования русских модальных модификаторов и их литовских эквивалентов.

Ключевые слова: модальность; значение возможности; ядерные модальные модификаторы; сопоставительный анализ; политический текст.

Категория модальности, выражающая комплекс сложных смысловых отношений высказывания с внеязыковой действительностью, относится, как известно, к числу универсальных понятийных категорий, «в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» [Виноградов 1950: 298]. Именно поэтому среди актуальных задач функциональной грамматики находится межъязыковой анализ данной категории, и прежде всего плана выражения ее составных значений, позволяющий не только выявить типологические черты в характере функционирования экспликативов того или иного модального значения, но и установить их индивидуальное своеобразие, что при внутриязыковом анализе может остаться незамеченным, поскольку «нормы родного языка, его семантическая структура при отсутствии объекта сравнения могут представляться его носителю-исследователю единственно верными» [Хутова 2006: 4].

Следует заметить также, что в настоящее время в связи с антропоцентрическими тенденциями и последовательным вниманием к человеческому фактору в языке большое внимание уделяется прагматическому аспекту функционирования категории модальности в самой крупной речевой единице – тексте [Ваулина, Кукса 2010: 26]. Несмотря на наличие общих, системных правил организации смысловой структуры текста в целом, тексты разной функциональной принадлежности характеризуются своеобразием, «предопределенным во многом спецификой сферы общения, в которой они используются, различием коммуникативных задач создателей этих текстов» [Кормилицына 2003: 213]. В плане сказанного значительный интерес представляет модальность политического текста, сопоставительный анализ средств выражения которой представляется нам весьма актуальным, поскольку в каждой стране есть свои «национальные особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры» [Чудинов 2006: 27].

В данной статье на материале печатных текстов предвыборных программ ведущих политических партий России и Литвы рассматриваются особенности функционирования лексических экспликаторов модального значения возможности, составляющих ядерную часть плана выражения соответствующего модального значения. Используя традиционные критерии при определении доминантных элементов, мы выделяем в качестве ядерных компонентов плана выражения указанного модального значения частотные, выражающие модальное значение в наиболее общем, инвариантном виде

и немаркированные с точки зрения жанрово-стилистической сферы употребления и эмоционально-экспрессивной окраски модальные модификаторы [Ваулина 1988: 20]. Проведенный анализ показал, что ядерными экспликаторами модального значения возможности в русских политических текстах являются глагол *мочь* (МАС: ‘быть в состоянии, в силах что-л. делать’; ‘иметь возможность что-л. делать’; ‘быть способным, уметь что-л. делать’), предикативы *можно* (МАС: ‘есть условия, возможности для осуществления чего-л.; возможно’) и *нельзя* (МАС: ‘нет возможности; невозможно’; ‘не разрешается, не дозволено’), а в литовских – глагол *galėti* (LRŽ: ‘мочь, быть в состоянии; иметь возможность’), предикативы *galima* (LRŽ: ‘возможно, можно’) и *negalima* (LRŽ: ‘невозможно, нельзя’), глагольно-именные сочетания *turėti (sudaryti, teikti) galimybę* (иметь (создать, предоставить) возможность. – И.Л.; LRŽ: *galimybė* - ‘возможность’). Ограниченные рамки статьи не позволяют нам проанализировать все вышеперечисленные русские и литовские ядерные лексические средства выражения модального значения возможности, поэтому остановимся на более детальном рассмотрении особенностей функционирования доминантных, наиболее частотных модальных модификаторов, среди которых выделяются глаголы *мочь* (около 56% от общего количества употреблений всех экспликаторов возможности) и *galėti* (около 50 %), способные в сочетании с зависимым инфинитивом эксплицировать все частные значения возможности, среди которых мы, вслед за С.С. Ваулиной, выделяем следующие: ‘иметь возможность’, ‘иметь право, основание’, ‘быть в состоянии’, ‘иметь способность’ [Ваулина 1988: 29-30]. Впрочем, в исследуемом текстовом материале столь важный для

политика принцип объективности при передаче определенной информации воздействующего характера определяет их функционирование преимущественно при реализации частного значения объективной возможности – ‘иметь возможность выполнить действие’, «в связи с наличием (отсутствием) каких-либо внешних по отношению к субъекту обстоятельств» [Ваулина 1988: 29]. Ср.: «Государство обязано создать условия, чтобы права каждого гражданина России были надежно защищены, чтобы каждый **мог обеспечить** достойный уровень жизни своей семьи за счет своего труда и предпринимательства, чтобы каждый человек в максимальной степени **мог реализовать** свои возможности и свой потенциал» («Единая Россия»); «*Visomis priemonėmis skatinti ir remti žmonių užimtumą, siekdami ne mažiau 75 proc. užimtumo lygio, kuris gali užtikrinti ir socialinio draudimo biudžeto subalansavimą*» (LSDP); «*Kūrybiškumo skatinimas gali užtikrinti šalies pažangą*» (LSDP).

Важно отметить активность употребления в русских и литовских политических текстах глаголов *мочь* и *galėti* с отрицательным значением (примерно 26% от общего числа употреблений глаголов *мочь* и *galėti*) при реализации частных значений объективной невозможности, что придает высказыванию некую категоричность, обостряет все составляющие человеческого восприятия политической действительности и вызывает ожидаемые эмоции адресата. Ср.: «Развивая отечественное производство, мы **не можем** [= ‘не имеем права, основания’. – И.Л.] **позволить себе накапливать государственный долг**» («Единая Россия»); «Гражданин России **не может** [= ‘не имеет возможности’. – И.Л.] **рассчитывать на то, что, заболев, он получит качественную медицинскую по-**

*мощь» («Справедливая Россия»); «Pilietinėje visuomenėje turi būti užikrinama nuostata, kad Lietuvoje nėra valstybinės religijos. Nė vienos religijos atstovams **negali būti išimtinių teisių** [= ‘не может быть права, основания’ . – И.Л.] **daryti poveikį valstybės valdžios institucijų priimamiems teisės aktams» (LSDP).***

С точки зрения внутриязыковой специфики интерес представляют весьма регулярные случаи (около 28%) реализации частных значений возможности в предвыборных программах российских политических партий видовым коррелятом глагола *мочь* – модификатором *сможь* (МАС: ‘оказаться в состоянии сделать что-л.; получить возможность сделать что-л.’), категориальное значение которого отличается большей семантической сложностью, поскольку контекстуальные элементы высказываний в таких случаях «обычно указывают на трудности, неблагоприятные условия, которые субъекту пришлось (придется) преодолеть, совершая действие» [Кочеткова 2003: 315]. Ср.: «Важно, чтобы молодежь **смогла реализовать себя**, занимаясь делом, которому посвятили жизнь их отцы и деды» («Единая Россия»); «Трудящиеся **смогут на деле реализовать свое конституционное право на проведение забастовок» («Справедливая Россия»). Что же касается литовских модальных модификаторов, то здесь отличительной особенностью является весьма частотное функционирование глагола *galėti* в форме сослагательного наклонения (42%), что относит действие в план ирреальности, ирреальной представляя и его предпосылку, и тем самым способствует репрезентации ситуации гипотетически обусловленной возможности [см. Кочеткова 2003: 316-317]. Ср.: «*Vykdytyme aktyvią užimtumo politiką, kad kiekvienas norintis ir***

galintis dirbti galėtų įgyti reikalingus gebėjimus rastų kur juos pritaikyti...» («Darbo partija»).

Емкость семантической структуры, полисемантичность модальных модификаторов *мочь* и *galėti* наделяет их способностью не только реперезентировать все частные значения возможности, но и выступать в качестве экспликатора модального значения необходимости. Так, нами было установлено функционирование указанных модальных операторов, в большинстве случаев с негацией, при реализации частного значения объективно-субъективной необходимости – значения ‘долженствования’, «связанного с наличием обуславливающих факторов морально-этического порядка» [Ваулина 1988: 23]. Ср.: «*При нашем доступном высшем образовании страна сильно теряет из-за отсутствия квалифицированных рабочих специалистов. Диплом не может быть [= не должен быть. – И.Л.] просто корочкой, оторванной от реальной оценки полученных знаний, от реальной квалификации» («Единая Россия»); «Solidarumu ir socialinių teisingumi grindžiamas socialinis dialogas yra būtinybė, niekas negali būti pamirštas [= никто не должен быть забыт. – И.Л.]» (LSDP).*

Весьма последовательными актуализаторами объективной возможности в исследуемом текстовом материале являются также этимологически соотнесенные с собственно модальными глаголами *мочь* и *galėti* предикативы *можно* и *galima*, функционирующие в безличных предложениях, общим значением которых является «утверждение независимого признака (действия), не соотнесенного с деятелем» [Лекант 2004: 333]. При этом суггестивная функция политического текста определяет сравнительно высокую степень частоты употребления отрицательных коррелятов указанных модаль-

ных модификаторов – предикативов *нельзя* (19%) и *negalima* (15%). Ср., например: «*Не должно быть заработных плат, на которые **нельзя жить** [= ‘не иметь возможность’. – И.Л.]! Цель – увеличить долю заработной платы в ВВП с нынешних 24% до 60%*» (Справедливая Россия); «*Laikomės nuostatos, kad įmonėms **negalima suteikti** [= ‘не иметь права (основания)’. – И.Л.] užsienio darbininkų verbavimo laisvės*» (Tėvynės sąjunga).

Итак, сопоставительный анализ модальных отношений в текстах предвыборных программ ведущих современных российских и литовских политических партий, проведенный нами на примере реализации модального значения возможности, позволяет, на наш взгляд, выявить несомненную функциональную роль модальности в актуализации идейно-прагматической направленности политических текстов обоих языков и сделать определенные выводы относительно общих типологических черт и специфических внутриязыковых особенностей в характере функционирования модальных модификаторов. К общим чертам относится то, что к центральным средствам выражения модального значения возможности относятся семантически емкие и стилистически нейтральные лексические модальные модификаторы. Так, доминантными модальными операторами выступают глаголы *мочь / galėti*, предикативы *можно, нельзя / galima, negalima*, репрезентирующие в исследуемом нами текстовом материале преимущественно частные значения объективной (не)возможности. Вместе с тем в литовских текстах ядерными модальными экспликаторами возможности являются и глагольно-именные сочетания *turėti (sudaryti, teikti) galimybę*, что, возможно, обусловлено сугубо ментальными процессами и, как следствие, идеоэтническими особенностями выражения характера мо-

дальних отношений между субъектом действия и действием. Специфические различия в актуализации модального значения возможности связаны также с весьма частотным функционированием литовских модальных модификаторов в форме сослагательного наклонения, что может свидетельствовать о большей степени политической корректности, успех идей которой в Европе, по верному замечанию В.Н. Базылева, «связан прежде всего с процессами политической интеграции и некоторыми социально-культурными изменениями последнего времени, сходными с американскими» [Базылев 2007: 8], приводящими в языке «к целому ряду изменений в лексике, словоупотреблении, и даже грамматике» [Базылев 2007: 8]. Принимая во внимание данный факт, перспективным представляется дальнейшее рассмотрение модальности политического текста в сопоставительном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базылев В.Н.* Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. Вып. 3 (23). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2007. – С. 8-10.
2. *Ваулина С.С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI – XVII вв.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 141 с.
3. *Ваулина С.С., Кукса И.Ю.* Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – С. 25-33.
4. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка. М.; Л., 1950. Т. 2. – С. 38-79.

5. *Кормилицына М.А.* Особенности функционально-смысловой структуры публицистического текста // Текст в лингводидактическом аспекте: материалы науч.-пр. семинара. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – С. 212-220.

6. *Кочеткова О.Л.* Семантика возможности в грамматическом воплощении (на материале памятников письменности второй половины XVII – начала XVIII в.) // Текст в лингводидактическом аспекте: материалы науч.-пр. семинара. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – С. 313-322.

7. *Лекант П.А.* Современный русский литературный язык. М.: Высшая школа, 2004. – 462 с.

8. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах президента России 4 марта 2012 года) // http://er.ru/party/presidential_election/.

9. Предвыборная программа КПРФ. Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину! // <http://kprf.ru/crisis/offer/97653.html>.

10. Предвыборная программа партии «Справедливая Россия» на выборы депутатов 2011 г. // www.spravedlivo.ru/upload/file/programm2011/Programma_2011_6s.pdf.

11. *Хутова Е.Р.* Сравнительно-сопоставительное исследование прилагательных моральной оценки человека в разнотипных языках: на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик: Сев.- Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2006. – 23 с.

12. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.

13. Darbo partijos rinkimų į 2012-2016 m. Lietuvos Respublikos Seimą programa // <http://www.darbopartija.lt/rinkimai-2012/programa-2012/>.

14. Lietuvos Socialdemokratų partijos 2012 metų rinkimų į Lietuvos Respublikos Seimą programa / <http://www.lsdp.lt/lt/straipsniai/273-lsdp-ilgoji-rinkimu-programa.html/>.

15. Tėvynės sąjungos-Lietuvos krikščionių demokratų rinkimų programa 2012-2016 metams. XVI Vyriausybės programa // ru.scribd.com/doc/107039227/ts-lkd-programa-2012-09-25.

16. МАС – Словарь русского языка. Под ред. Евгеньевой А.П. В 4 т. М.: Русский язык, 1981 – 1984.

17. LRŽ – Antanas Lyberis. Lietuvių – rusų kalbų žodynas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2008. – 951 p.

Летучева Л.А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются актуальные вопросы государственной политики, связанные с русским языком. С целью повышения статуса русского языка проводится анализ законотворческой деятельности Президента, Правительства и Парламента России за последний год как на внешнеполитической арене, так и в самой стране.

Ключевые слова: языковая (лингвистическая) политика; русский язык; Государственная федеральная программа; Указ Президента; Концепция внешней политики; «мягкая сила»; межнациональное согласие; мигранты.

Если строго следовать переводу с древнегреческого – «деятельность государства», то *языковой политике* можно дать определение «деятельность государства в области язы-

ка». Как правило, она направлена на *изменение или сохранение статуса* того или иного языка или группы языков. В современном мире невозможно отделить языковой аспект от образовательного, в многонациональном государстве лингвистическая политика неразрывно связана с национальной политикой, для государства, претендующего на роль одного из мировых лидеров, – с внешней политикой государства. Для России актуальны все три аспекта языковой политики.

Стоит отметить, что, хотя употребление самого термина «языковая» или «лингвистическая политика» для обозначения государственной деятельности российскими властями не наблюдается, можно четко проследить реализацию программ, так или иначе ориентированных на *укрепление статуса русского языка в рамках различных федеральных программ*. Нам предстоит проанализировать ряд документов, в которых отражены эти направления.

Следует начать с основополагающего документа, относящегося к общему видению ситуации, - Постановления Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 492 “*О федеральной целевой программе "Русский язык" на 2011 - 2015 годы*”. Этот документ был разработан и принят в свете того, что две предыдущие федеральные программы “Русский язык” на 2002 - 2005 годы и “Русский язык (2006 - 2010 годы)” не были признаны эффективными и не выполнили всех поставленных в них задач, в частности, вопреки целям программ, произошло снижение активности интеграционных процессов в государствах - участниках Содружества Независимых Государств и странах Балтии и, следовательно, интереса к русскому языку на постсоветском пространстве. С другой стороны, сохраняется тенденция к ущемлению прав личности российских

граждан, касающихся дискриминации по языковому признаку, угроза разрушения единого информационного, образовательного, социально-культурного и экономического пространства Российской Федерации, снижение престижа России в мировом сообществе и другие [Федеральная целевая программа "Русский язык" на 2011 - 2015 годы: 9].

Министерства, отвечающие за выполнение этой целевой программы, - Минобрнауки и Россотрудничество, которое является подразделением МИД России. Таким образом, государство совмещает в одном документе и внешнюю и внутреннюю политику в отношении языка: «В целях укрепления государственности, поддержки российской культуры и русского языка... формирования положительного образа страны за рубежом...» [Федеральная целевая программа "Русский язык" на 2011 - 2015 годы: 1]. В задачи программы входит увеличение количественных показателей числа владеющих русским языком: в странах СНГ до 20%, увеличение количества стран, более 1% населения которых владеет русским, увеличение доли соотечественников, поддерживающих тесные связи с Россией – все это составляет ответственность Россотрудничества. Минобрнауки отвечает за увеличение доли населения РФ, владеющей русским языком как родным, и увеличение обучающихся по программам основного образования, изучающих русский как неродной.

Особенно стоит отметить, что в последнее время государство стало уделять заметное внимание русскому языку как элементу мягкой силы, таким образом, поддержка и распространение русского языка за рубежом стала не столько результатом укрепления статуса России на международной арене, сколько инструментом достижения данной цели.

7 мая 2012 года Владимир Путин подписал Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», где среди заявленных целей содержится призыв «расширять российское культурное присутствие за рубежом, укреплять позиции русского языка в мире, развивать сеть российских центров науки и культуры» [Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»]. Это предложение Президента нашло отражение в *Концепции внешней политики России*, разработанной МИД и утвержденной 12 февраля 2013 года (пункт Международное гуманитарное сотрудничество и права человека), - «способствовать изучению и распространению русского языка как неотъемлемой части мировой культуры и инструмента международного и межнационального общения» [Концепции внешней политики России].

Президент РФ В.В. Путин за последнее время неоднократно возвращался к данной теме на встречах с сотрудниками внешнеполитического ведомства. Так, на совещании послов и постоянных представителей России глава государства заявил, что «не задействован в полной мере и фактор русского языка, являющегося одним из официальных языков ООН, на котором общаются во многих странах мира» [Выступление В.В. Путина на совещании постоянных представителей России 9 июля 2012], и попросил присутствующих активнее продвигать идеи МИД.

В декабрьском послании Президента Федеральному собранию Путин вновь напоминает, что «Россия должна не просто сохранить свою *геополитическую востребованность* – она должна её умножить, она должна быть востребована нашими соседями и партнёрами. ... Это касается нашей эконо-

мики, культуры, науки, образования», «качественному образованию на русском языке необходимо придать глобальный характер. В целом речь должна идти о том, чтобы расширять присутствие России в мировом гуманитарном, информационном и культурном пространстве» [Послание Президента Федеральному собранию 12 декабря 2012 года].

Спустя 3 месяца на встрече с сотрудниками МИД России Президент еще раз возвращался к этой теме, указывая на то, что в современных условиях на мировой политической арене «приоритетное значение приобретает и грамотное использование механизмов «мягкой силы»: укрепление позиций русского языка, активное продвижение положительного имиджа России за рубежом, умение органично встроиться в глобальные информационные потоки...» [Выступление В.В. Путина на встрече с сотрудниками МИД России, Ново-Огарево 11 февраля 2013 года].

Однако, анализируя некоторые особенности Концепции внешней политики России 2012, Марк Неймарк, кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, останавливает свое внимание на очень интересном факте: в более ранней Концепции 2008 года ставился акцент на существование Русского мира, включавшего в себя всех, кто причислял себя к выходцам не только из России, но и из бывших республик СССР. Из последней Концепции перспективное и широкое понятие Русского мира исчезло, вместо него появилась русская диаспора, что сокращает круг соотечественников и, соответственно, гуманитарное и геополитическое влияние России в мире.

Следующий аспект, на котором базируется языковая политика российского государства, - это образование. И здесь оно неразрывно связано в равной степени с внешней и внутренней (национальной) политикой. Вслед за указами Президента от 7 мая 2012 года Правительство России разработало *«Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года»*, среди которых стоит отметить *перспективные задачи в области обеспечения межнационального согласия и образования и науки*. Федеральные программы станут тем механизмом, с помощью которого и будут реализованы задачи, поставленные Президентом.

Президент Владимир Путин по итогам заседания Совета при Президенте по межнациональным отношениям, состоявшегося 19 февраля 2013 года, подписал ряд поручений о внесении дополнительных мер по поддержке русского языка как неродного. Указ *«Об обеспечении межнационального согласия»*, в котором одной из задач поставил Правительству обеспечить введение обязательного экзамена по русскому языку, истории России, основам законодательства Российской Федерации для трудящихся-мигрантов (низкоквалифицированных специалистов) и вслед за тем, 13 июня 2012 года, утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой озвучил данную проблему еще раз: в целях содействия адаптации мигрантов создать условия для обучения русскому языку. Также по итогам заседания Совета при Президенте по межнациональным отношениям, состоявшегося 19 февраля 2013 года, Президент подписал ряд поручений о внесении в федеральную целевую программу *«Русский язык»* на 2011–2015 годы изменения в виде дополнительных мер по поддержке русского языка как

неродного. Исходя из этих фактов мы можем сказать о вынужденных мерах по защите русского языка и сглаживании возможных национальных конфликтов, которые неизбежны в связи с большим количеством мигрантов на территории РФ и их низкого уровня образования.

В связи с этим Госдума приняла ряд поправок в статью 256 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" и в Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», 14 ноября 2012 года их подписал Президент. «Подчеркну, что знание русского языка - это не только обязанность, но и защита от возможных ущемлений прав. Кроме того, такая мера будет способствовать популяризации русского языка на пространстве СНГ, а также позволит снизить опасность возникновения социальной напряженности в обществе», - считает Балыхин, депутат Государственной думы от «Единой России» [Тестирование по русскому языку снизит опасность возникновения социальной напряженности в обществе]. Граждане Южной Осетии и Беларуси освобождаются от сдачи экзамена, так как в этих государствах русский язык имеет статус второго государственного. С 1 января 2015 года сдавать экзамен на знание русского языка, истории и законодательства России должны будут уже все въезжающие к нам трудовые мигранты, а также иностранцы, желающие получить вид на жительство в РФ, сообщает "Российская газета".

Однако у многих политиков и представителей диаспор возникает вопрос: не будет ли этот закон способствовать росту коррупции в учебных центрах. Интернет – портал Pravda.ru приводит высказывание юриста центрального комитета

Профессионального союза трудящихся-мигрантов Камиля Гельмородова в прямом эфире "Русской службы новостей" о том, что мигрантам легче будет купить сертификат, чем изучать язык 3 месяца и потом сдавать экзамен.

Содержание самого экзамена также вызывает некие сомнения по вполне объективным причинам: невозможно выучить русский язык за 3 месяца и научиться общаться на нем в сфере розничной торговли и бытовых услуг, а так выглядит одно из заданий теста: «Вы хотите уволиться с работы. Заполните бланк заявления об увольнении. При выполнении теста можно пользоваться словарем.»

Таким образом, деятельность государства в этом направлении, вероятно, не снимет напряженности в обществе.

Стоит обратить внимание и на ситуацию, не связанную напрямую с миграцией: по данным всероссийской переписи населения 2010 года, в России постоянно проживает более 800 тысяч человек, не владеющих русским языком. На заседании Совета по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 года Президент отметил, что уровень владения русским языком в крупных городах заметно отличается от глубинки, следовательно, нужно создавать одинаковые условия для изучения русского языка на территории России, в противном случае русский язык, призванный скреплять народ и страну, будет создавать дополнительные проблемы. В федеральной целевой программе "Русский язык" на 2011 - 2015 годы подчеркивается необходимость проведения единой политики в языковой сфере во всех субъектах Российской Федерации. В Министерстве регионального развития была разработана программа «Региональная политика и федеративные отношения», включающая подпрограмму «Укрепление единства

русской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2018)», приоритетом которой является необходимость знания всеми гражданами Российской Федерации русского языка как государственного языка Российской Федерации. По мнению авторов проекта, - одной из ключевых проблем является «сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей [Региональная политика и федеративные отношения: 65]. Перед Министерством в рамках этой программы ставится сложная цель – добиться абсолютного показателя владения русским языком при сохранении культурного и языкового многообразия России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всероссийская перепись населения / www.gks.ru
2. Выступление Президента РФ Владимира Путина на встрече с сотрудниками МИД России 11 февраля 2013 года, Ново-Огарёво / www.kremlin.ru
3. Выступление Президента РФ Владимира Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 года / www.kremlin.ru
4. Выступление Президента РФ Владимира Путина на совещании послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 года. / www.kremlin.ru
5. Государственная программа Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения» / www.minregion.ru
6. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года / www.kremlin.ru

7. Концепция внешней политики Российской Федерации / www.mid.ru
8. Мигранты будут сдавать экзамен по русскому языку и истории с 2015 года / www.rg.ru
9. Мигранты заговорят на языке Пушкина / www.pravda.ru
10. *Неймарк М.А.* Свет и тени «мягкой силы» / www.ng.ru
11. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года / www.government.ru
12. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года / www.kremlin.ru
13. Постановление Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 492 “О федеральной целевой программе "Русский язык" на 2011 - 2015 годы” / www.government.ru
14. Тестирование по русскому языку снизит опасность возникновения социальной напряженности в обществе / www.eg.ru
15. Указ Президента от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». / www.kremlin.ru
16. Указ Президента от 7 мая 2012 года № 602 «Об обеспечении межнационального согласия». / www.kremlin.ru
17. Указ Президента от 7 мая 2012 № 599 Указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». / www.kremlin.ru
18. Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" / www.duma.gov.ru

КОНЦЕПТ КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Понятие *концепт* широко используется в современных лингвистических работах, однако нет единой трактовки этого термина. Различное определение термина *концепт* связано с его сложной, многомерной структурой, а также обуславливается различными направлениями научного исследования. Основная цель работы заключается в рассмотрении основных подходов к определению понятия *концепт*.

Ключевые слова: понятие; концепт; компонентный анализ.

В качестве логического термина слово *концепт* появляется в статье С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово» 1928 года и употребляется как синоним *понятия*. Позднее *концепт* развивает Д.С. Лихачев в своей работе «Концептосфера русского языка». Слово *conceptus* – позднелатинское, средневековое образование, производное от глагола *concipere* – *con-sarare* «собирать», «схватывать», «задумывать», «зачинать». В русском языке оно было семантически калькировано [Воркачев 2004]. *Понятие* и *концепт* в логике и философии отождествляются, но в лингвистике термин *концепт* имеет другое значение. *Понятие* – отражение в обобщенной форме общих и специфических признаков предметов и явлений [Зинченко 2010: 92]. С психологической точки зрения, понятие – обобщение, синоним *значения слова* [там же].

Ю.С. Степанов вкладывает в термин *понятие* два содержания. В широком смысле *понятие* – это обобщенное, абстрактное знание о действительности, в узком смысле – только совокупность существенных признаков, знание научное [Степанов 2011: 151]. Термин *понятие* употребляется, главным образом, в логике и философии, термин *концепт* – в мате-

матической логике, а также в науке о культуре, в культурологии [Степанов 1997: 40]. *Понятие* в лексико-семантическом ракурсе фиксирует лишь общие и необходимые признаки денотата, позволяющие отграничить его от других денотатов [Степыкин 2011: 20]. В настоящее время можно выделить некоторые лингвистические направления в определении концепта: лингвокогнитивный, семантико-когнитивный, лингвоконцептуальный и лингвокультурологический.

Лингвокогнитивный подход (Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, М. Бирвиш и др.). Согласно Е.С. Кубряковой, *концепт* как лингвокогнитивное явление – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90]. Память – это то, что человек помнит, результат прошлого без дифференциации потока оставшихся впечатлений [Кубрякова 2004: 380]. Концепт в данном случае структурирует опыт и знание человека. Из лингвокогнитивного подхода выходит семантико-когнитивный подход (З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, Е.В. Лукашевич и др.). Отличительной особенностью семантико-когнитивного подхода является исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концепта. З.Д. Попова, И.А. Стернин дают следующее определение: «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее со-

бой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2010: 34]. Процесс формирования концепта связан с сознанием и мышлением, концепт является ментальной сущностью. Другими словами, *концепт* – это единица мыслительной деятельности, которая обладает структурой и несет информацию о предмете или явлении. В приведенном примере не отражена национальная особенность концептов, так как этнокультурная специфика, по мнению авторов, не обязательна, у многих концептов она отсутствует или очень мала [Попова, Стернин 2010: 35], хотя сами авторы утверждают, что «в концептосфере каждого народа есть немало концептов, имеющих яркую национальную специфику» [Попова, Стернин 2001: 75]. Не используется понятие *ментальный лексикон*, так как лексикон – это сфера языка, а концепты – сознания [Попова, Стернин 2010: 35].

Представители семантико-когнитивного подхода исследуют соотношение семантики языка с концептосферой народа (совокупностью концептов народа), соотношение семантических процессов с когнитивными. Семантика – это раздел языкознания, изучающий значение слов. С точки зрения семантического аспекта, слово – это знак, отображающий некий внешний по отношению к языковой системе предмет. После тщательного анализа семантики единиц языка, репрезентирующих концепт, следует когнитивная интерпретация – мысленное описание результатов анализа значений языковых единиц для выявления их когнитивных признаков.

Целью интерпретации является моделирование концепта, которое включает три процедуры: описание макроструктуры концепта (отнесение выявленных признаков к образной, информационной составляющей и интерпретационному полю), описание категориальной структуры концепта (распределение выявленных признаков иерархии), описание полевой структуры концепта (ядра, ближней, дальней периферии и интерпретационного поля) [Попова, Стернин 2010].

Сторонники семантико-когнитивного подхода отмечают, что концепт «не всегда связан со словом или другими языковыми единицами, но в случае коммуникативной необходимости может быть вербализован различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, семантическое описание которых позволяет выделить когнитивные признаки, которые могут быть использованы для моделирования концепта» [Попова, Стернин 2005: 8]. Содержание концепта вытекает из исследования семантики языковых единиц, объективирующих концепт. Возникает вопрос, как можно определить содержание концепта, который не был вербализован, с помощью семантики языковых единиц, объективирующих этот концепт? В работе «Очерки по когнитивной лингвистике» [Попова, Стернин 2001] авторы пишут: «Психофизиологическая основа концепта – некий чувственный образ, к которому «прикреплены» знания о мире, составляющие содержание концепта. Значение слова (семема) представляет собой совокупность семантических компонентов (сем)» [Попова, Стернин 2001: 58]. «Вычленяя и описывая семемы, а в их составе – семы, устанавливая системные отношения между семемами по семам в рамках семантики, лингвист должен

понимать, что это еще не сами концепты из концептосферы, это лишь отдельные составляющие, репрезентированные той или иной семемой или семой» [Попова, Стернин 2001: 58].

Лингвоконцептологический подход (Карасик В.И., Воркачев С.Г., Слышкин Г.Г., Токарев Г.В. и др.). Представители лингвоконцептологического подхода проводят исследование концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры. В.И. Карасик в работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» определяет *концепт* как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2002: 91]. «Образная сторона концепта — это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта — это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество — голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта — важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить» [Карасик 2002: 107]. Определение В.И. Карасика схоже с определением Е.С. Кубряковой. Образная сторона концепта перекликается с единицами памяти, важнейшим качеством концептов является «встроенность в

систему нашего опыта», т.е. соотносится со знанием и опытом человека у Е.С. Кубряковой.

С.Г. Воркачев определяет *концепт* как «операционную единицу мысли» [Воркачев 2004: 43]. Концепт обладает этнокультурной спецификой, в этом данное определение схоже с культурологическим подходом. Используется понятие «единица мысли». Очень трудно сказать точно, что такое мысль. Мысль – основная единица, "молекула" мышления [С.Ю. Головин]. «Мысль – это облако, из которого речь исходит в каплях. <...> Мысль совершается в слове, а не выражается только в нем. <...> Это путь от смутного желания к опосредованному выражению через значение, вернее, не к выражению, а к совершенствованию мысли в словах» [Леонтьев 2010: 56].

Лингвокультурологический подход. Ю.С. Степанов определяет *концепт* как «сгусток» культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, *концепт* – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [Степанов 2004: 43]. Данное определение является метафорическим и не раскрывает сущностных признаков концепта. Однако, Ю.С. Степанов отмечает: «Тот «сгусток» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний и представляет собой концепт. *Концепт* не только мыслится, но и переживается, это основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 41]. Отсюда можно вывести свойства *концепта*: *концепт* – предмет переживаний, вызывает эмоции и ассоциации. Особое внимание Ю.С. Степанов уделяет этимологическому описанию концептов. *Концепт* – это единица культуры. Ю.С. Степанов основным слоем культуры рассматривает духовную культуру, которая

представлена совокупностью концептов и отношений между ними. *Концепт* подвергается воздействию эмоций, симпатий, антипатий, это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2004: 41]. *Концепт* содержит существенные признаки предмета или явления, но концепт и понятие не одно и то же, *концепт* содержит и ассоциации и эмоции, и оценки, которые превалируют в той или иной культуре. Ю.С. Степанов убежден, что при рассмотрении различных сторон концепта внимание должно быть обращено на важность культурной информации, которую он передает. Ю.С. Степанов пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов 2004: 43]. Иными словами, *концепт* признается Ю.С. Степановым базовой единицей культуры.

В модели Ю.С. Степанова концепт содержит три компонента. Это основной признак (как средство понимания и общения, используемое всеми или большинством носителей языка), один или несколько дополнительных признаков (актуален только для отдельных групп носителей языка) и внутренняя форма (этимология концепта).

Несмотря на некоторые отличия, представленные подходы реализуют по сути одно и то же понимание концепта как структурно-содержательной единицы сознания, отражающей совокупность знаний, представлений, мнений об объекте мысли [Степыкин 2011: 30].

Проблема определения структуры, содержания концепта как сложной многомерной структуры связана с вопросом о методе определения содержания концепта. Одним из рас-

пространенных лингвистических методов исследования является компонентный анализ. Компонентный анализ – это разложение слова на семантические компоненты, элементарные составляющие значения слова. Рассмотрим метод компонентного анализа на примере исследования значения лексемы «*вежливость*» [Степыкин 2011]. Анализ языковой репрезентации концепта следует начинать с исследования значения лексемы, представленной в различных лексикографических источниках, как толковых словарях так и специальных. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова дает следующее определение: «*Вежливость, и; мн. нет, ж. Отвлеч. сущ. к вежливый; учтивость, благовоспитанность, соблюдение бытовых приличий. Этого требует вежливость*». В содержательной структуре лексемы выделяются следующие компоненты: учтивость, благовоспитанность, бытовой, приличие. Поскольку существительное «*вежливость*» производно от прилагательного «*вежливый*», для уточнения его содержания автор обращается к толкованию последнего [Степыкин 2001: 53]. Анализ лексемы «*вежливость*» и её деривационных отношений приводит к выделению семантических компонентов: *правила, деликатность, уважение, уважительность, предупредительность*. Далее подтверждается обоснованность выделенных компонентов лексем на основе ряда других толковых словарей и выстраивается синонимический ряд слова при помощи Словаря синонимов З.Е. Александровой: «*учтивость, корректность, предупредительность, обходительность, любезность, деликатность, куртуазность (уст. теперь шуточно), галантность, галантерейность (уст. разг. ирон.)*». Это позволяет выявить дополнительные компоненты: галантность, обходительность, корректность, любез-

ность, приветливость, тактичность, изысканность, уважительность, так или иначе актуализирующими ранее выделенные доминантные компоненты [Степыкин 2001: 55]. Проанализировав специальные словари (словарь по этике), автор делает вывод о том, что семантическая структура слова вежливость (вежливый) содержит следующие ядерные компоненты: *социальный, отношения, правила, бытовой, приличие, учтивость, предупредительность, благовоспитанность, корректность, обходительность, любезность, деликатность, галантность, уважение, приветливость, тактичность, уважительность, этикет, изысканность*. Исследование лексемы для определения содержания концепта представляется необходимым, поскольку принято считать, что в процессе коммуникации средствами активизации концепта в основном служат языковые знаки. Языковые единицы в этом случае называются именем концепта. Компонентный анализ одновременно моделирует «культурную память» слова, которая зафиксирована в лексикографических источниках, хотя и не исчерпывается ими. Так как каждый компонент структуры концепта является результатом культурной жизни разных эпох, то и метод установления его содержания должен быть комплексным.

Подводя итог, следует сказать, что в терминологическом смысле концепт – это единица концептуальной системы, которая может так или иначе репрезентироваться языковыми средствами, однако она стоит за пределами языка и ее изучение требует привлечения «внешних» для лингвистики методов [Карданова 2010: 59]. К.С. Карданова считает, что одним из лучших подходов к моделированию концепта является подход В.А. Пищальниковой, в соответствии с которым концепт представлен в рассредоточенном виде и включает в

себя эмоцию, оценку, понятие, предметное содержание, ассоциации, представление и тело знака [Карданова 2010: 58]. В такой модели значение языковых единиц, репрезентирующих тот или иной концепт, играет определенную роль в его структуре, однако не является тождественным содержанию концепта [Карданова 2010: 59].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М. ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
2. *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/25/word/mysl>.
3. *Карданова К.С.* Языковая картина мира: мифы и реальность // РЯШ. – 2010. – №10. – С. 56-61.
4. *Кубрякова Е.С.* Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90-93.
5. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира./ Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. *Попова З.Л., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике.- Воронеж, 2001. – 191с.
7. *Попова З.Л., Стернин И.А.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку. // Антология концептов. / Под ред. Карасика В.И., Стернина И.А. Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 7-10

8. *Попова З.Л., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
9. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии / Зинченко В.Г, Зусман В.Г., Кирнозе З.И., Рябов Г.П. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 136 с.
10. Словарь Л.С. Выготского / Под. ред. Леонтьева А.А. – М.: Смысл, 2010. – 119 с.
11. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проспект, 2004. – С. 42-67.
12. *Степанов Ю.С.* Основы языкознания: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 274 с.
13. *Степыкин Н.И.* Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М.: МГЛУ, 2011.

Магдалинская Е.Н.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ ЭКСПЛИКАТОРОВ ЗНАЧЕНИЯ НЕОБХОДИМОСТИ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье на материале оригинальных текстов, выходящих на русском и польском языках, выявляются экспликатеры модального микрополя необходимости; устанавливаются общие и внутриязыковые особенности средств выражения указанного модального значения.

Ключевые слова: категория модальности; ситуативная модальность; модальное значение необходимости; сопоставительный анализ.

Сопоставительное изучение языков традиционно является актуальным направлением в современном языкознании,

поскольку оно позволяет выявить те особенности, которые «ускользают при внутриязыковом описании» [Жук 1994: 3]. А.А. Реформатский обращает внимание на то, что для сопоставительного метода близкородственные языки представляют особый интерес, поскольку «отождествление своего и чужого там «лежит на поверхности», но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности» [Реформатский 1987: 41]. Прежде всего он относит это к таким группам языков, как славянские.

Объектом рассмотрения в сопоставительной лингвистике являются различные элементы языка, в первую очередь универсальные понятийные категории, «присутствие которых можно обнаружить в различных языках» [Grzegorzczukowa 2004: 213]. Важным представляется мнение И.И. Мещанинова по вопросу определения статуса понятийных категорий, он отмечает, что «они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления» [Мещанинов 1948: 15]. Именно к числу таких категорий относится модальность, которая выражает комплекс сложных смысловых отношений высказывания с внеязыковой действительностью.

На материале двух родственных языков, русского и польского, мы исследуем фрагмент универсальной понятийной категории модальности с целью выявления особенностей лексической номинации значения необходимости, которое отличает волюнтаривный и безальтернативный характер, значение неперемного превращения потенциального в актуальное. Следует также отметить, что необходимость относится к числу важных элементов концептуальной картины мира, ввиду чего перспективным представляется ее изучение с це-

лю выявления общностей и национально-специфических особенностей в исследуемых языках.

Эмпирической базой для анализа нам послужили разножанровые письменные источники современных русского и польского языков, прежде всего газетно-публицистические, научные и официально-деловые тексты, поскольку жанрово-стилистические особенности данных текстов с точки зрения реализации в них модальности позволяют сделать определенные обобщения на уровне языка. При этом за пределами нашего внимания остались художественные тексты, поскольку, как справедливо замечает Р.Г. Пиотровский, невозможно говорить о едином художественном стиле ввиду того, что «в художественной литературе используются языковые средства, присущие обычно самым разнообразным стилям» [Пиотровский 1954: 61]. Помимо этого принцип отбора грамматических оборотов, лексики и т.д. зависит от общих идейно-художественных воззрений писателя, поэтому для каждого автора индивидуален и субъективен.

Среди языковых средств, эксплицирующих модальность необходимости, выделяется широкий пласт лексических модификаторов. Рассмотрим те из них, которые характеризуются максимальной функциональной нагрузкой, немаркированностью и регулярностью употребления. В русском языке это прилагательное *должен* «обязан делать что-либо», предикативные наречия *необходимо* «требуется, надлежит», *надо* «необходимо, следует; нужно», *нужно* «необходимо, следует; надо», безличный глагол *следует* «нужно, должно, полагается» [МАС], выступающие в сочетании с зависимым инфинитивом. В польском языке модальное значение необходимости вербализуется с помощью прилагательного *powinien*

«быть обязанным, быть должным выполнить что-либо», предикативного наречия *trzeba* «нужно, следует, стоит», безличного глагола *należy* «нужно, должно, подобает», личного глагола *musieć* «быть принужденным, не иметь возможности поступить по-другому», а также несобственно модального глагола *mieć*, выражающего значение необходимости в сочетании с зависимым инфинитивом «о чем-либо обязательном, неизбежном или понимаемом как необходимость» [SJP].

В исследуемом нами текстовом материале предикативное прилагательное *должен* и его польский эквивалент *powinien* зафиксированы преимущественно при реализации частного модального значения долженствования. Ср.: «Россия *должна войти* в пятерку ведущих экономик мира при ВВП в 35 тысяч долларов на человека», - сказал Путин [Российская газета, 21.04.2011], «Мужчин важно воспитывать. И *делать* это *должны* мужчины. Речь идет о наглядности, о некой «социальной калюшке». Вот таким *должен* быть мужчина, вот так – смотри – ты *должен* себя вести» [Комсомольская правда, 28.01.2010]; «Po ogłoszeniu Coppera, BBC pozbawioną smaku, choć nie jest zdania, że piosenka *powinna być zakazana*» [Gazeta Wyborcza, 12.04.2013], «Od początku kwietnia apteki w Czechach *powinny sprzedawać* marihuanę w celach leczniczych. Ale na razie nikt jej tam nie widział» [Gazeta Wyborcza, 12.04.2013].

Широкая употребительность предикативных прилагательных *должен* в русском языке и *powinien* в польском обусловлена, как отмечает Э. Хорынь, их принадлежностью к самому древнему слою языка [Хорынь 2009: 65]. При этом Л.П. Дронова замечает, что наиболее архаичное представление о долге отражает в восточно- и западнославянских языках лексема аналогичная др.-рус. *повиньнь* и пол. *powinien*,

«синкретично выражающая понятие “поступок, вина” и “ответственность за поступок”» [Дронова 2008: 266].

Безличные конструкции с предикативными наречиями *надо, нужно, необходимо* в русском языке и *trzeba* в польском, которые обычно входят в состав сложного предложения, употребляясь в качестве как его главной, так и придаточной части, ввиду своей грамматической специфики наиболее регулярно реализуют частные значения объективной необходимости. Следует заметить тот факт, что наиболее частотно конструкции с указанными модификаторами реализуются в научных текстах. Как известно, в безличных предложениях, в которых выступают данные экспликативы, «отсутствует внешняя реализация компонента “исполнитель потенциального действия”» [Љара 2003: 49], благодаря чему «уменьшается напряжение, ослабевает связь между субъектом и объектом» [Виреска 2005: 4] и в научных текстах достигается объективность высказывания. Ср.: «При этом *нужно отметить*, что в формулах «на восход солнца» или «на заход солнца», которые широко используются в заговорах, темпоральный и пространственный аспекты разделить достаточно проблематично» (с.146, actaneoph 9), «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот где *надо искать* принадлежности его к тому или другому народу» (с.10, actaneoph10), «Памятуя о том, что пословица соединяет в себе признаки языкового знака и текста, в курсе *необходимо изучать* функционирование слов-символов в русских пословицах» [Acta Neophilologica 10, с.109]; «Podczas czytania *trzeba się* bardzo *skoncentrować*, aby zrozumieć jego treść» [Prace Językoznawcze 10, s.46], «*Trzeba* bowiem *pamiętać*, że podobnego

rozpoznania mógł wcześniej dokonać autor mistyfikacji, by wyprzedzić późniejsze działania kontrolne filologów-rewidentów» [Acta Polono-Ruthenica 13, s.121].

Особое место в группе экспликаторов модального значения необходимости в польском языке занимают собственно модальный глагол *musieć* и несобственно модальный глагол *mieć*. К. Бирецка, описывая личный глагол *musieć*, выделяет следующие компоненты его значения: «у *x* есть власть над *y*, *x* хочет, чтобы *y* сделал *z*, если *y* не сделает *z*, то *x* сделает *z1*, *z1* является плохим для *y*» [Birecka 2005: 2]. Таким образом, при невыполнении обязательства субъект ждут определенные санкции или плохие последствия. Ввиду категоричности личного глагола *musieć*, а также его способности передавать широкий спектр модальной семантики ситуации необходимости, конструкции с данным модификатором регулярно используются в газетно-публицистических текстах, одной из основных задачей которых является максимальное воздействие на интеллект и эмоции адресата. Ср.: «Choć tak naprawdę dla Wenezuelczyków zniknął on znacznie wcześniej – Cháveza po raz ostatni widziano publicznie 8 grudnia ubiegłego roku. Wtedy to prezydent przyznał przed kamerami, że ponownie *musi stawić* czoła nowotworowi, z którym zmagał się od ponad roku» [Gazeta Wyborcza, 13.04.2013], «- Mówiłem o tym swojemu lekarzowi, wypisałby mi nawet receptę. Powiedział jednak, że w aptekach żadnej marihuany nie ma i szybko nie będzie - mówi zdenerwowany Hronek. - *Musiałem poprosić* syna, żeby załatwił coś u znajomych. Nie było z tym problemu i kosztowało znacznie taniej niż w aptece» [Gazeta Wyborcza, 12.04.2013].

Польский несобственно модальный глагол *mieć* восходит к прасл. *jьmą [Сл. Фасмера] и имеет соответствие в русском

языке – глагол *imieć*. Функционируя в польском языке со значением ‘иметь’, глагол *mieć* в сочетании с инфинитивом является также экспликатором модального значения необходимости. Следует отметить, что русский глагол иметь до XVIII века также выполнял функцию модального экспликатора долженствования, которую, однако, позднее утратил [Ваулина 2007: 544]. Наиболее регулярно личный глагол *mieć* реализует частное значение субъективно-объективной необходимости – ‘долженствование’. Ср.: «W sobotę o trzeciej po południu lokalnego czasu lecący z miasta Bandung boeing *miał lądować* na międzynarodowym lotnisku Ngurah Rai w Denpasar na Bali, indonezyjskiej wyspie pełnej całorocznych kurortów i popularnej wśród turystów z Europy. Maszynie nie udało się jednak zatrzymać na pasie do lądowania i wpadła do morza u brzegów wyspy» [Gazeta Wyborcza, 13.04.2013], «W weekend John Kerry *ma odwiedzić* Pekin i Tokio, gdzie kryzys na Półwyspie Koreańskim budzi wielkie obawy i najpewniej to on będzie stanowić główny temat rozmów amerykańskiego sekretarza stanu» [Gazeta Wyborcza, 12.04.2013].

Итак, проведенный функционально-семантический анализ показал, что экспликация модального значения необходимости в русском и польском языках обеспечивается широким набором модификаторов. К специфическим особенностям плана выражения микрополя необходимости в исследуемых языках можем отнести прежде всего неодинаковую степень «присутствия» субъекта действия в высказывании. Так, в русском языке широко распространены безличные предложения с модификаторами, реализующими частные значения необходимости, что обеспечивает объективность высказывания, в то время как в польском языке большей частью ис-

пользуются личные предложения, что повышает прагматическую направленность текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ваулина С.С.* К проблеме адекватности выражения модальных значений при переводе (на материале романа Б. Пруса «Lalka») // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы – СПб. : Гранада, 2007. – С. 539-544.
2. *Дронова Л.П.* Когнитивный аспект истории модальности необходимости // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: Сб. науч. тр. / Под ред. С.С. Ваулиной. Калининград: Из-во РГУ им. И.Канта, 2008. – С. 265-277.
3. *Жук Е.А.* Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1994. – 17 с.
4. МАС – Словарь русского языка: В 4 т., Москва 1981—1984.
5. *Мещанинов И.И.* Новое учение о языке на современном этапе развития // Русский язык в школе. – 1948. – № 6.
6. *Пиотровский Р.Г.* О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания №1, Изд. Академии наук СССР, М., 1954. – С. 55-68.
7. *Реформатский А.А.* Лингвистика и поэтика. - М.: Наука, 1987. – 263 с.
8. Сл. Фасмера – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / под ред. Б.А. Ларина – М.: Прогресс, 1986.
9. *Birecka K.* Analiza wybranych czasowników nakazu, 2005, <http://www.skuj.ifp.uni.wroc.pl/publikacje/b01.pdf>. – 5 s.

10. *Grzegorzczkova R.* Problem uniwersaliów, genezy i rozwoju języka // *Bulletin de la société polonaise de linguistique*, fasc. LX, 2004 – S. 207-215.

11. *Horyń E.* Nazwy powinności i danin w XVI-XVIII w. (na materiale ksiąg sądowych wiejskich Jadownik, Maszkienic, Iwkowej i Uszwi) // *Prace Językoznawcze XI* Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2009. – S. 65-80.

12. *Łapa R.* Predykatywne wyrażenia modalne z bezokolicznikiem we współczesnej polskiej prasie – Poznań 2003 – 93 s.

13. SJP – Słownik języka polskiego / opracowanie E. Sobol – Warszawa 2005.

Мальшева А.В.

СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КИТАЙСКИХ СМИ

В конце 80-х гг., благодаря дипломатическим усилиям сторон были нормализованы и стали по-новому развиваться отношения, испорченные пропагандистской кампанией против СССР, развернутой китайским руководством конце 50-х годов. Взаимный интерес КНР и СССР, и в дальнейшем КНР и РФ, активные связи между двумя государствами на всех уровнях явились причинами активной передачи в Китай сведений о жизни российского общества.

Вместе с тем ряд исторических событий, таких как осуществление реформирования командно-административной и социальной системы СССР («Перестройка») в 1985 г., распад

Советского союза в 1991 г., возникновение автономных государств, образование Содружества Независимых государств, конституционный кризис 1992-1993 гг., политические и экономические реформы 1990-х гг., осуществление курса преобразований В.В. Путина и др., привел к возникновению в русском языке большого числа новых реалий, отражающих различные сферы жизни общества.

В данной работе поставлена задача выявления и описания особенностей отражения современных российских реалий в текстах китайских СМИ.

В современном переводоведении под реалиями понимают слова и словосочетания, которые называют объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального, политического и исторического развития и др. сфер) одного народа и чуждые другому, являются носителями национального и исторического колорита и не имеют, как правило, точных соответствий (эквивалентов) в других языках.

Наиболее распространенным способом передачи реалий является заимствование, а именно «материальное заимствование» и «калькирование»¹.

Одним из приемов материального заимствования является **транскрипция**. Фиксация звуков русского языка в китайском языке традиционно происходит согласно фонетическим соответствиям, указанным в «Таблице перевода русских звуков на китайский язык» 俄汉译音表, а также словарях перевода русских имен, фамилий и географических названий.

¹ См.: Маслов, Ю.С. Введение в языкознание. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – С. 272.; Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы. – М.: Высшая школа, 1988 – С. 239

В китайской культуре иероглифы, используемые для записи имен и фамилий, имеют определенное значение, в связи с этим мы предположили, что при фиксации антропонимов выдающихся личностей, крупных политических лидеров могут быть нарушены правила транскрибирования. Мы сравнили записи имен и фамилий, представленные в текстах статей, с табличным вариантом, примеры представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение записи русских фамилий, представленных в текстах статей, с эквивалентами в «Таблице перевода русских звуков на китайский язык»

Запись фамилии в тексте статьи	Соотнесение по таблице транскрипции	
	Запись отдельных звуков/слогов	Запись фамилии в соответствии с таблицей 俄汉译音表
普京 Pǔjīng Путин	«Пу» = 普 Pǔ	普京 Pǔjīng <i>Путин</i> ¹
	+	
	«тин» = 京 jīng	
盖达尔 Gàidǎěr Гайдар	«Гай» = 盖 Gài	盖达尔 Gàidǎěr <i>Гайдар</i> ²
	+	
	«да» = 达 dá	
	«р» = 尔 ěr	

¹ 《新编俄罗斯地名译名手册》周俊英等，商务印书馆，2003.

² Там же.

В результате мы выяснили, что указанные имена собственные зафиксированы в полном соответствии с правилами транскрибирования.

При этом нами выделен ряд особенностей передачи антропонимов. Несмотря на традицию записи имен и фамилий в китайском языке, согласно которой фамилия предшествует имени, при записи русских имен сохраняется последовательность записи языка-оригинала: «имя-фамилия», например, 米哈伊尔·戈尔巴乔夫 *Mihāyī'ěr Gē'ěrbāqíáofū Михаил Горбачев*.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев отчество опускается, например, 弗拉基米尔·日里诺夫斯基 *Fúlājīmǐ'ěr Rìlǐnuòfūstǐjī Владимир Жириновский*, что, с одной стороны, упрощает восприятие лексической единицы для носителей китайского языка, делая имя короче и ближе к китайской модели, но, с другой, ведет к утрате особенностей русского языка и культурного колорита.

В то же время трудные для транскрибирования и произношения на китайском языке многосложные русские фамилии проходят процесс «адаптации»: затранскрибированные лексические единицы не только используются в языке в изначально заимствованном варианте, но и участвуют в словообразовательных процессах, что является показателем завершения процесса «нормализации» (规范化).

Данная модель образования фамилий, отражена в схеме 1.

Образование фамилий путем морфемной контракции
особого типа

Фамилии в полной форме	Первые слог фамилии		Особые морфе- мы	Значения особых морфем		Фамилии в сокра- щенной форме
戈尔巴乔夫 Горбачев	戈	+	氏 или 翁	Выра- жение особого почтения и ува- жения к человеку и его возрасту ¹	=	戈氏 Горбачев
叶利钦 Ельцин	叶					叶翁 Ельцин

¹ 叶景烈《也说语素的缩略》，《语言文学》，1996年第6期，43-44.

В результате сокращения и присоединения особых морфем образовались слова, близкие к китайским фамилиям по структуре и объему. Китайский исследователь Е Цзинле считает, что факультативный вариант записи подобных фамилии образован в результате особого вида морфемной контракции, характерной для имен собственных.¹

В связи с тем, что «в новых фонетических заимствованиях набирает силу тенденция к передаче звучания вместе со значением», что связано со стремлением СМИ к «новизне и аттрактивности»², а также с психологическими запросами

¹ 叶景烈《也说语素的缩略》，《语言文学》，1996年第6期。

² Семенов, А.Л. Лексика китайского языка. – 3-е изд., стер. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007 – С. 193.

потребителей языка, рассматривая модели и наименования технических изобретений, группу названий компаний, объединений и организаций, мы также учитывали возможность выбора иероглифов, которые обладают бóльшей привлекательностью и несут положительную смысловую нагрузку. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнение записи русских названий компаний, объединений и организаций и моделей технических изобретений, представленных в текстах статей, с эквивалентами в «Таблице перевода русских звуков на китайский язык»

Запись названия в тексте статьи	Соотнесение по таблице транскрипции	
	Запись отдельных звуков/слогов	Запись названия в соответствии с таблицей 俄汉译音表
尤科斯 Yóukēsī ЮКОС	«Ю» = 尤 Yóu	尤科斯 Yóukēsī ЮКОС ¹
	+	
	«КО» = 科 kē	
	+	
	«С» = 斯 sī	

В результате исследования было выяснено, что транскрибирование данных реалий происходит согласно установленным фонетическим соответствиям. При материальном заимствовании русских названий передается только фонетическая оболочка слова, точное соответствие нормам перевода звуков дает возможность обратной конвертации названия в язык оригинала.

Вторым приемом материального заимствования является **транслитерация** – побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы¹.

В китайском языке единицей графической системы является иероглиф, поэтому побуквенная передача текстов и отдельных слов возможна только с помощью графической системы другого языка, в частности латиницы, например, *Sochi Сочи*; *SPETsNAZ Спецназ*.

Мы считаем, что причинами использования третьего языка для отражения реалии являются:

- популярность английского языка и постепенное получение им статуса ведущего международного языка;
- отсутствие слогов в китайском языке, обеспечивающих однозначность и простоту восприятия при переходе от одного языка на другой;
- схожесть букв латинского алфавита и системы записи транскрипции пиньинь китайского языка, что обеспечивает удобство при фиксации и восприятии;
- использование английского варианта в текстах на русском языке.

Кроме того, возможной причиной может явиться тот факт, что одним из источников получения информации о России являются тексты на английском языке.

В связи с этим единицы, возникшие в результате транслитерации, можно называть *иностранноязычными вкраплениями из ан-*

¹ 《新编俄罗斯地名译名手册》周俊英等，商务印书馆，2003.

² Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976 – С. 495

глийского языка, то есть словами, которые функционируют в заимствующем языке, не меняя своего исконного написания.

Единицы русского языка (*иноязычные вкрапления из русского языка*) используются относительно редко, например, МАКС-2012, что объясняется неизвестностью кириллицы носителям языка-перевода.

При использовании слов возможна замена иноязычного вкрапления транскрипцией, транскрипции - иноязычным вкраплением и параллельное существование двух вариантов материального заимствования в речи. Выбор приема материального заимствования зависит от желания и потребностей говорящего или пишущего и обусловлен ситуацией повествования.

Кроме материального заимствования И.И. Иванов, В. И. Горелов и др. выделяют семантическое заимствование¹, именуемое **калькированием**, то есть заимствование отдельных значений слов или построение лексических единиц по образцу соответствующих слов русского языка путем точного перевода их значимых частей. Лексические единицы, образованные в результате данного процесса называются кальками и полукальками. Отметим, что отличие полукалек от калек заключается в том, что первые состоят не только из знаков собственного материала языка, но и из материала иноязычного слова, то есть включают фонетическое заимствование. Например, словосочетание *符拉迪沃斯托克倡议 Владивостокские инициативы* состоит из названия города *符拉迪沃斯托克 Fúlādīwòsītūōkè Владивосток* и записанного в

¹ См.: Семенов, А.Л. Лексика китайского языка. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007 – С. 190-202; Горелов, В.И. Лексикология китайского языка. – М.: Просвещение, 1984. – С. 143-150; Иванов, И.И. Терминология и заимствования в современном китайском языке. – М.: Наука, 1973. – С. 11-16.

виде транскрипции и переведенного на китайский язык слова «инициатива» 倡议¹.

Китайский ученый Яо Ханьмин считает, что создание калек (意译外来词语) и полукалек (半意半音外来词语), то есть семантическое заимствование, преобладает над фонетическим².

Объединив классификации калек С. Влахова и С. Флорина, И.И. Иванова и В.И. Горелова, мы предлагаем собственную классификацию, выполненную на основании объема, выбора и использования языковых единиц при семантическом заимствовании:

- структурные кальки (полукальки):
- кальки (полукальки)-слова;
- кальки (полукальки)-словосочетания;
- этимологические кальки (полукальки);
- семантические кальки.

Рассмотрим более подробно виды калек, отражающих реалии современного русского языка.

1. Структурные кальки (полукальки) – лексические единицы, образованные в соответствии с семантико-морфологической структурой иностранного слова или словосочетания. Они заимствуют образ иноязычного словосочетания и дают прямой (буквальный) перевод его структурных элементов.

1.1. Кальки (полукальки)-слова — это слова, полученные «поморфемным» переводом иностранного слова на китайский язык. В структуре слов-калек нашли свое отражение основные способы словообразования современного китайского языка:

➤ аффиксация (суффиксация), например, 反改革 **анти-перестройка** + суффикс 者 (обозначает лиц, занятых той или

¹ Китайско-русский словарь / Глав. редактор Ся Чжунъи – М.: Вече, 2003. – С. 97.

² 姚汉铭《新词语·社会·文化》，上海辞书出版社，1998年，第121-122.

иной деятельностью, а также лиц, придерживающихся определенных общественно-политических взглядов) = 反改革者 **антиперестроечник**;

➤ полуаффиксация:

- полупрефиксация, например, **полупрефикс** 反 (образует существительные и прилагательные со значением противоположности, враждебности, антагонизма) + 改革 **реформа** = 反改革 **антиперестройка**;

- полусуффиксация 巴什基尔 **Башкирия** + **полусуффикс** «化» (передает значение «переход предмета в другое состояние», «превращение», и близок к русскому «-ция») = 巴什基尔化 **башкиризация**.

1.2. Кальки (полукальки)-словосочетания – это словосочетания, полученные дословным переводом русских слов на китайский язык. Например, 新俄罗斯人 **новые русские** = 新 **новый** + 俄罗斯人 **русский**.

С. Влахов и С. Флорин считают, что «калек-слов в работе с реалиями встречается в общем намного меньше, чем калек-словосочетаний¹», что было доказано в нашем исследовании.

2. Этимологические кальки – лексические единицы, раскрывающие смысловое содержание иностранного слова посредством объяснительного перевода. Например, 拒绝类似切尔诺贝利核电站的 **античернобыльский** = 拒绝 **отрицать** + 类似 **аналогичный, сходный** + 切尔诺贝利 **Чернобыль** + 核电站 **АЭС**的.

3. Семантические кальки — это слова, которые получили новые значения под влиянием соответствующих слов другого языка. Приведем пример: в связи с участием СССР

¹ Влахов, С. Непереводимое в переводе. – М.: Издательство «Международные отношения», 1980 – С. 88.

в войне в Афганистане (1979-1989 гг.) и других локальных конфликтах в русском языке появился термин «горячая точка», переведенный на китайский язык как «热点». «热点» в китайском языке также является неологизмом, обозначая «нечто, что привлекает внимание, что интересно»¹. При отражении данной реалии объем значения соответствующей лексической единицы китайского языка «热点» увеличился.

Итак, основными способами передачи реалий современного российского общества в текстах китайских СМИ являются материальное заимствование и калькирование. Для передачи антропонимов, названий компаний, объединений и организаций и моделей технических изобретений используется транскрипция, при этом соблюдаются соответствующие правила, что дает возможность обратной конвертации названия в язык оригинала. Прием транслитерации приводит к появлению в китайских текстах иноязычных вкраплений из русского и английского языков.

Калькирование преобладает над фонетическим заимствованием, так как в его результате образуются единицы (структурные кальки (полукальки) слова и словосочетания, этимологические кальки (полукальки) и семантические кальки) более удобные для восприятия и употребления носителями китайского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Влахов С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Издательство «Международные отношения», 1980. – 342 с.

¹ 《俄汉新词语词典》冯华英等, 商务印书馆, 2005年, 第539.

2. *Горелов В.И.* Лексикология китайского языка / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.
3. *Иванов И.И.* Терминология и заимствования в современном китайском языке / И.И. Иванов. – М.: Наука, 1973. – 171 с.
4. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 272 с.
5. *Розенталь Д.Э.* Словарь–справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 362 с.
6. *Семенов А.Л.* Лексика китайского языка / А. Л. Семенов. – 3-е изд., стер. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 284с.
7. *Томахин Г.Д.* Реалии–американизмы / Г.Д. Томахин – М.: Высшая школа, 1988. – 256 с.
8. 叶景烈 《也说语素的缩略》，《语言文学》，1996年第6期.
9. 辛华 《俄语姓名译名手册》，商务印书馆，1997年.

Мичурин Д.С.

**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СЕМИОТИКИ ТЕКСТОВ
НА ДИНАМИКУ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИМИДЖ-ФОРУМОВ)**

Исследование поликодовых произведений, где семантика языкового знака взаимодействует с изобразительным контекстом, – относительно новое направление в лингвистике текста. В статье будут изложены результаты изучения роли поликодовых текстов в коммуникации на интернет-форумах.

Термин «поликодовый», наряду с прочими номинациями («креолизованный» [Сорокин 1990], «видеовербальный» [Пойманова 1997] и другими), используется для обозначения специфических текстов, включающих компоненты разных знаковых систем, которые воздействуют на реципиента в рамках одной модальности восприятия – обычно зрительной. В когнитивных и эмотивных аспектах воздействие поликодовых текстов на реципиента специфично: они более жестко определяют процессы смыслопорождения, что способствует их широкому использованию в учебной литературе, в современной прессе, в рекламе, а также на страницах веб-сайтов [Сонин 2005: 115–116]. Поликодовые тексты – признанный инструмент массового регулирующего воздействия. Однако с появлением в интернете виртуальных площадок для коммуникации, позволяющих пользователям сопровождать вербальные тексты изобразительными компонентами, поликодовые сообщения начали выступать в новом качестве – они стали средством **повседневного общения**. Привычное уже одностороннее поликодовое воздействие на современного человека дополняется новым феноменом – **двусторонним поликодовым взаимодействием участников интернет-коммуникации**. За последнее десятилетие этот феномен получил широкое распространение, однако до сих пор не стал предметом системного изучения.

Прежде чем переходить к исследованию, рассмотрим одну из таких виртуальных площадок интернет-коммуникации – имидж-форумы. Общение на имидж-форумах сводится к созданию пользователем сообщений в тредах (темах) и дальнейшему их обсуждению с другими пользователями. Треды тематически объединены в разделы. По сравнению с други-

ми площадками интернет общения имидж-форумы обладают целым рядом интересных особенностей (анонимность, отсутствие цензуры, регистрации, авторизации и модерации), подробный анализ которых не входит в задачи данной статьи. В контексте нашей работы актуальна прикрепленность к текстовым сообщениям изображений. Тред характеризуется наличием темы, которая задаётся начальным сообщением и прикрепленным к нему изображением. Заданная тема развивается сверху, от начального сообщения, вниз, пополняясь все новыми репликами коммуникантов.

В отсутствие апробированного аналитического аппарата для работы с поликодовыми текстами нами был использован следующий комплекс исследовательских действий:

- 1) формальный и содержательный анализ составляющих исходного и последующих поликодовых сообщений;
  - 2) оценка соотношения между значениями семиотически гетерогенных составляющих и выявление смысловой доминанты в исходном сообщении;
  - 3) исследование динамики смысловой доминанты в последующих сообщениях (комментариях) и роли каждого из них в ее эволюции;
  - 4) определение компонентов, существенно влияющих на динамику смыслов;
  - 5) фиксация точек преломления коммуникативного события, связанных с появлением новых смыслов;
  - 6) оценка роли семиотически гетерогенных компонентов поликодовых сообщений в эволюции поликодовой коммуникации.
- Эта методика работы с поликодовым текстом была использована при исследовании коммуникации пользователей

имидж-форума *2ch.hk* – одного из наиболее популярных в русскоязычном интернете.

Одним из первых результатов описанной процедуры анализа поликодового коммуникативного события стало выявление закономерной зависимости изменения темы исходного сообщения от знаковой природы комментария.

Дело в том, что далеко не во всех тредах комментаторы придерживаются темы, заданной первым сообщением. С этой точки зрения треда могут быть разбиты на две группы: монолитные и многоцентровые.

Коммуникация в монолитных тредах характеризуется отсутствием значительных отклонений от заданной в исходном сообщении темы. Обнаруженные отклонения носят характер разовых реплик, не образующих отдельную ветку обсуждения. Они включают не более одного-двух сообщений.

К многоцентровым мы относим треда, включающие отклонения в 3 сообщения и более.

Таким образом, теоретически все отклонения в содержательной динамике треда могут быть разбиты на шесть групп: состоявшиеся и несостоявшиеся отклонения, вызванные вербальным сообщением, состоявшиеся и несостоявшиеся отклонения, вызванные изобразительным сообщением, состоявшиеся и несостоявшиеся отклонения, вызванные поликодовым сообщением.

В ходе анализа были выявлены примеры всех шести вариантов тематического развития треда. При этом обнаружено, что частотность, с которой разные типы сообщений служат для отклонения от основной темы и позволяют создать новые темы в треде (тематически самостоятельные ветки обсуждений), не одинакова (см. Таблицу).

Таблица. Соотношение сообщений разной семиотической природы в тред

	Вербальное сообщение	Изобразительное сообщение	Поликодовое сообщение	Всего
Общее количество	8 012	605	1 795	10 412
Иницирующие отклонения	134	20	91	245
Состоявшиеся	57	16	81	154
Несостоявшиеся	77	4	10	91

На основании проведенного анализа тредов было подсчитано количество сообщений, отклоняющихся от основной темы. Из 245 выявленных случаев 134 приходится на вербальные тексты, 20 – на изобразительные и 91 – на поликодовые. Сопоставление этих данных с общим количеством сообщений каждого вида позволяет констатировать довольно существенные различия в частотности использования текстов разной знаковой природы для отклонений от темы. На 8 012 вербальных сообщений приходится 134 отклонения (1,7 %), что значительно меньше по сравнению с изобразительными и поликодовыми сообщениями (соответственно – 3,3 % и 5,1 %). Наиболее выражена разница между вербальными и поликодовыми сообщениями (1,7 % vs. 5,1 %, $p < .001$).

Также результативным оказалось сопоставление относительного количества состоявшихся отклонений для текстов разной семиотики. (Напомним, что состоявшимися мы считали те отклонения от темы, которые сформировали ветку из

трех и более комментариев.) Из 134 вербальных сообщений привели к смене темы лишь 57, или 42,5 % текстов. Для изобразительных сообщений аналогичный показатель составляет 80,0%, а для поликодовых – 89,0 %. Различие между количеством состоявшихся отклонений, инициированных вербальными и изобразительными текстами, статистически значимо (42,5 % vs. 80,0 %, $p < .003$). Еще более достоверно оно при сравнении вербальных и поликодовых текстов (42,5 % vs. 89,0 %, $p < .001$).

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлена одна из специфических черт интернет-коммуникации с использованием поликодовых сообщений. Несмотря на то что вербальные тексты остаются основой общения и по своему количеству заметно превосходят сообщения, включающие иконические знаки, их использование имеет некоторые функциональные ограничения. Как показал подсчет сообщений, использованных для отклонения от исходной темы, использование в этой функции поликодовых текстов предпочтительнее. Сочетание вербального и изобразительного компонентов в составе посланий, отклоняющихся от заданной темы, заметно сказывается на дальнейшем развитии коммуникативного события, повышая шансы автора на создание новой линии в развитии дискуссии.

Причина отмеченной специфики функционирования поликодовых сообщений лежит, по нашему мнению, в особенностях восприятия текстов, включающих семиотически гетерогенные компоненты (вербальный текст и изображение). Согласно теоретическим моделям, эксплицирующим механизм взаимодействия этих компонентов в процессе смыслопорождения, запускаемого поликодовыми текстами, сопряже-

ние близких по смыслу элементов разной знаковой природы в одном сообщении приводит к построению специфической ментальной репрезентации содержания текста [Сонин 2005]. Вербальные и изобразительные компоненты запускают разные механизмы актуализации содержания долгосрочной памяти индивида, однако при содержательной близости фразы и рисунка эти механизмы обращены к сходным фрагментам памяти. Это позволяет более жестко задавать направление смыслопорождения (минимизируя возможности индивидуальной реакции) и добиваться включения в ментальную репрезентацию информации, соотносимой с разными модальностями восприятия. Полученные результаты подтверждают теоретические положения, лежащие в основе модели, на специфическом материале – поликодовых текстах, порождаемых в процессе коммуникации на имидж-форумах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пойманова О.В.* Семантическое пространство видео-вербального текста. Дис. ... канд. фил.наук. - М., 1997.
2. *Сонин А.Г.* Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. - М.: ИЯ РАН, 2005.
3. *Сонин А.Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6.
4. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. - М.: Наука, 1990.

**ОТРАЖЕНИЕ ПАРЕМИОЛОГИИ В ЛИТЕРАТУРЕ
И ЖИВОПИСИ XVI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ
НЕМЕЦКИХ И ГОЛЛАНДСКИХ
МАСТЕРОВ)**

В статье рассматривается проблема использования игры слов или буквального понимания значения паремий в разных семиотических системах: литературе и живописи XVI в. Подобно авторам литературных произведений художники, используя визуальные образы идиом, обыгрывают их прямое и переносное значения. Таким образом, они не только достигают комического эффекта, но и вкладывают в свои работы назидательный смысл.

Ключевые слова: паремия; пословица, поговорка; шванк; живопись; дефразеологизация; двойная актуализация.

Паремии – афоризмы народного происхождения, прежде всего пословицы и поговорки – являются неизменными спутниками нашей речи. Они не только сохраняют исторические формы языка, архаизмы, синтаксические элементы, но и, передаваясь из поколения в поколение, выражают народную мудрость и накопленный коллективный жизненный опыт. За пословицами и поговорками всегда стоит жизнь и история народа, его быт и, конечно, язык.

Рассматривая паремии в диахроническом аспекте (а именно те, которые уже зафиксированы в XVI в.), мы лучше понимаем особенности видения мира средневекового человека, его культурные установки, поведение, представления о морали и о ценностных приоритетах. Пословицы и поговорки позволяют нам взглянуть на мир глазами средневековых людей, что является чрезвычайно интересным, учитывая то,

что повседневная жизнь, быт нередко оказываются за кадром исторической хроники.

Фразеологизмы в широком смысле, в частности пословицы и поговорки, всегда привлекали исследователей своей семантической емкостью и способностью к употреблению в различных речевых ситуациях с разными речевыми целями [Савенкова 2002: 3].

«Золотым» веком пословиц и поговорок в немецко-голландском языковом ареале можно назвать XVI век. В 1500 г. Эразм Роттердамский опубликовал сборник пословиц, где описал около 800 паремий. Также он перевел и некоторые нидерландские пословицы. Генрих Бебель включил в сборник «*Proverbia Germanica*» (1508 г.) около 600 немецких идиоматических выражений в латинском переводе. Мартин Лютер составил для себя рукописный сборник немецких пословиц и поговорок, которым пользовался при переводе Библии и написании других работ. К периоду Реформации появляются три сборника пословиц и поговорок Иоганна Агриколы (1534 г.), Себастиана Франка (1541 г.), Кристиана Эгеноль-фас толкованием 1320 паремий (1548 г.). [Mieder 2003: 2562]. Поэтому неудивительно, что паремии часто встречаются в художественных произведениях того времени.

В немецкой литературе особый интерес представляет собой жанр шванка – небольшого комического рассказа с назидательной концовкой, достигший своего расцвета в XVI в. и являющийся кладезем фразеологии немецкого языка.

Одной из характерных особенностей фразеологического корпуса шванков является их дефразеологизация – процесс нарушения внутренних семантических и структурных связей устойчивых единиц. Сравнительно небольшой объём шван-

ка позволяет его авторам обыгрывать прямое и переносное значения фразеологического оборота, то есть ставить выражение в такое лексическое окружение, которое заставляет воспринимать его одновременно в двух аспектах. Происходит игра слов, строящаяся на намеренном столкновении двух значений фразеологизма.

К подобному приему прибегает Й. Паули в шванке «Die Frau salbet dem Richter die Hand». Одной вдове дали совет, чтобы судья быстрее принял решение, ей следовало *dem Richter die Hand schmieren oder salben* (дословно «намазать руку», то есть «подмазать кого-л.», «подкупить, дать взятку») [Pauli 1924:84]. Женщина *verstünd es nach dem Buchstaben* «поняла буквально», и когда судья подал ей руку, *salbt sie im die Hand mit dem Ancken* «намазала ему руку маслом». В данном шванке автор реализует прямое и фразеологическое значение оборота за счет контекстного окружения.

Используя прием двойной актуализации, который можно отнести к языковым особенностям немецкого шванка, авторы акцентируют эмоционально-экспрессивные, семантические нюансы, добавочный смысл, раскрывающийся при столкновении прямого и переносного значений фразеологического оборота. Это не только придает шванку комический эффект, но и вносит поучительное дидактическое содержание.

Такой тип дефразеологизации достигается при помощи вербальных средств, но эффективно может действовать при использовании невербальных. В современном мире это были бы рисунки, фотографии, графика, а в XVI в. идиоматика удивительным образом проявилась в творчестве голландских живописцев.

Заложенный в структуре и свойствах паремий некий алогизм семантики, основанный на неожиданном сочетании слов-компонентов, привлекает внимание художников и позволяет им визуализировать их внутреннюю форму.

Пожалуй, самый яркий пример отражения паремиологии в живописи XVI в. представляет собой написанная в 1559 г. картина великого голландского художника Питера Брейгеля Старшего (ок. 1525/30–1569) «Нидерландские пословицы» (*нидерл.* «Nederlandse Spreekwoorden», *нем.* «Die niederländischen Sprichwörter»). Несмотря на небольшие размеры картины (117 на 164 см) художник изобразил на ней буквальные значения не менее 118 пословиц и поговорок.

При первом рассмотрении холста перед нами предстает средневековое фламандское поселение с великим множеством действующих лиц, занятых напряженной деятельностью, и таким многообразием сцен, что не сразу человек понимает бессмысленность происходящего. Женщина привязывает черта к подушке, мужчина пытается дотянуться до двух хлебов сразу, крестьянин разбрасывает розы перед свиньями, воин пытается головой пробить кирпичную стену, рыбак пытается удержать скользкую рыбу за хвост, один мужчина собирает ложкой вытекшую кашу, а другой выносит на улицу свет в корзине.

На первый взгляд, идея картины довольно проста: изобразить буквальные значения паремий. Вербальные и невербальные средства тесно взаимосвязаны, их совместное использование приводит к экспрессивности, имеющей целью заинтересовать, поразить, оказать воздействие, произвести впечатление на реципиента.

Однако выполненная в общем русле искусства позднего Средневековья, эпохи Возрождения, тяготевшего к назидательности и морализации, картина явно имеет дидактическую направленность.

Обращаясь к народной мудрости, пословицам и поговоркам, Брейгель переосмысляет их и создает на их основе панораму нидерландского общества. В образах людей воплощаются различные пороки: распутство («Da steckt der Besen raus», букв. *Здесь метла торчит наружу*), чревоугодие («Da ist das Dach mit Fladen gedeckt»: *Крыша покрыта пирогами*), обман («Den Narren ohne Seife barbieren»: *Брить дурака без мыла*), алчность («Zwei Hunde an einem Bein kommen selten überein»: *Две собаки редко согласны по поводу одной кости*), лицемерие и лживость («Sie trägt Feuer in der einen, doch Wasser in der anderen Hand»: *В одной руке она несет огонь, а в другой – воду*); «Er spricht aus zwei Mündern»: *Он говорит двумя ртами*). Большое количество изображенных на картине пословиц и поговорок высмеивают глупые поступки, бессмысленные действия («Den einen Pfeil dem anderen nach senden»: *Пустить вторую стрелу вслед за первой*); «Er fischt hinter dem Netz»: *Он рыбачит под сетью*; «Er rennt mit dem Kopf gegen die Wand»: *Он бьется головой об стену*) и пустую трату времени («Sie schaut dem Storch nach»: *Она глазет на аиста*).

Используя визуальные образы паремий, Брейгель обыгрывает их прямое и переносное значения. И подобно авторам шванков он прибегает к приему двойной актуализации, но уже в другой семиотической системе. Следовательно, мы можем говорить об одном и том же явлении, но представленном в разных семиотических структурах: в литературе и в живописи. Таким образом, сообщение, заключенное во фразе,

может быть представлено вербально, то есть в виде слов, или с помощью изобразительных средств, то есть в виде образа, иконически. Задача автора художественного произведения, будь то картина или книга, состоит в том, чтобы реципиент адекватно понял выполненное произведение.

Невербальные средства, используемые художниками, или языковые, к которым прибегают авторы шванков, способствуют более полному раскрытию содержания устойчивых сочетаний, при этом идиомы понимаются буквально. С одной стороны, создается комический эффект, а с другой, в произведение литературы или искусства вкладывается глубокий назидательный смысл. Сами пословицы представляются не только как словесные знаки, но и как образные тексты, описывающие те или иные ситуации, важные для общества.

Являются ли шванки литературным воплощением живописного полотна или наоборот, определить, наверное, трудно. Однако вполне четко прослеживается их взаимовлияние.

К примеру, «Страна лентяев» («Schlaraffenland») – излюбленный сюжет многих сказок Европы, берущий начало еще в Античности. В 1536 г. ее стихотворное изложение представил Ганс Сакс. А в 1567 г. Питер Брейгель написал свою не менее известную картину «Страна лентяев», также имеющую назидательный смысл и осуждающую человеческую праздность и лень. В основе данной картины голландская поговорка «Geen ding is er gekker dan lu en lekker» (дословно: «нет ничего более глупого, чем ленивый сластена»). Именно наличие переносного смысла фразеологизма позволяет Г. Саксу и П. Брейгелю преследовать не только дидактические цели, но и добавить в свое произведение иронию и юмор.

По утверждению Й. Хейзинги, «искусство Средневековья еще неразрывно связано с жизнью» [Хейзинга 1988: 276], поэтому подобные художественные произведения показывают огромное стремление мастеров отразить на холсте или на бумаге жизнь того времени и мудрость народа, заложенную в устойчивых сочетаниях.

Изучение фразеологии в диахронии помогает глубже познать национальную языковую картину мира. Исследование написанных писателями или художниками фразеологических выражений, доказывает, что эти идиомы уже входили в лексико-фразеологический состав языка на данном этапе его развития, а «прочтение» созданного живописцами или литераторами иллюстрированного свода народной мудрости и иронии ясно показывает, какие черты определяли культуру того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савенкова Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 2002. – 240 с.
2. *Хейзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV – XV веках во Франции и Нидерландах. – М., Наука, 1988. – 563 с.
3. *Mieder, Wolfgang.* Grundzüge einer Geschichte des Sprichwortes und der Redensart // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. 3. Teilband. Walter de Gruyter GmbH & Co. Berlin, 2003. – S. 2559 – 2569.
4. *Pauli, Johannes.* Schimpf und Ernst. Teil 1. Berlin 1924. – s. 392.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ТАМОЖНИ

В статье рассматриваются возможности информационных и коммуникационных технологий как средства развития и формирования профессиональной компетенции у студентов, обучающихся на факультете таможенного дела.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; профессиональная компетенция; таможенная терминология; мультимедиа; будущие сотрудники таможни.

В настоящее время система высшего образования в России находится в процессе модернизации, что обусловлено современными требованиями развития образования, общества, а также переходом к информатизации, активному использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). С введением и применением ИКТ в системе высшего образования изменяется и организация учебного процесса, происходит одновременное освоение информационных технологий, профессиональной и языковой подготовки.

Проблемам применения ИКТ уделяется много внимания, о чем пишут отечественные ученые: И.Г. Захарова, Ю.В. Карякин, С.В. Панюкова, Е.В. Ширшов (о роли, особенностях использования ИКТ в системе образования), П.Ф. Беспалов, А.М. Коротков, Л.Ф. Обухова (о влиянии ИКТ на мотивацию студентов) и другие. Этот вопрос подробно рассматривается Л.А. Коняевой в статье «Внедрение инновационных технологий в лингвистическое образование». Автор говорит нам о том, что технологии мультимедиа делают обучение ино-

странному языку более эффективным по сравнению с традиционными методами [Коняева 2009: 91-93].

В статье рассматриваются возможности использования ИКТ на занятиях по иностранному языку (русскому) как средства развития и формирования профессиональной компетенции у студентов – будущих сотрудников таможенной службы. Речь идет о студентах-иностранцах, гражданах СНГ. В Российской таможенной академии на факультете таможенного дела обучаются студенты из республики Беларусь, республики Казахстан, Киргизии, Молдовы, Приднестровья и Таджикистана, для которых русский язык является неродным, иностранным. Освоение русского языка как иностранного имеет для них практическую направленность – свободное владение им в различных ситуациях повседневного и профессионального общения. Такая коммуникативная цель достигается на основе поэтапного формирования языковых, речевых и коммуникативных навыков и умений во всех видах речевой деятельности – говорении, письме, чтении, аудировании. В достижении этой цели нам помогают именно ИКТ, формирующие профессиональные навыки будущих сотрудников таможни, к которым предъявляется немало требований, в том числе и безупречное знание иностранного языка. Российская таможенная академия полностью оснащена комплексными мультимедийными аудиториями. Эти аудитории соответствуют всем техническим требованиям: наличие документ-камеры, интерактивной доски, мультимедийного проектора и т.д., есть выход в сеть Интернет. Для каждого студента имеется компьютеризированное рабочее место, за которым он может осуществлять различные виды технической деятельности, связанной с изучением ино-

странного языка. Это умение оперировать современными средствами связи, владеть различными мультимедийными технологиями (под мультимедийными технологиями подразумевается сумма технологий, позволяющая компьютеру вводить, обрабатывать, хранить, передавать и отображать такие типы данных, как текст, графика, оцифрованные неподвижные изображения, видео, звук, речь), уметь правильно отбирать и использовать материалы из интернет-ресурсов. Одним из источников материала является сайт Федеральной таможенной службы РФ – *CUSTOMS.RU*, на котором размещено огромное количество информации, связанной с работой таможен. Это информация и о работе региональных таможенных управлений, и о таможенных, непосредственно подчиненных ФТС России и, конечно, касается таможенных служб государств – участников СНГ, также там размещена информация о деятельности Таможенного союза. На занятиях по иностранному языку (русскому), изучая профессиональную лексику, мы постоянно обращаемся к этому сайту. Изучение профессиональной лексики включено практически во все модули в рамках этой дисциплины: «Таможенное дело в Российской Федерации», «Таможенные органы Российской Федерации», «Прибытие в страну», «Таможенные процедуры», «Контрабанда» и т.д. В свою очередь, любой из этих модулей содержит несколько лексических тем («Задачи, принципы, основные понятия таможенного дела», «Правовое регулирование таможенного дела», «Системы, функции, полномочия таможенных служб», «Паспортный контроль», «Электронное декларирование», «Свободные экономические зоны», «Конвенция СИТЕС» и т.д.), которые так или иначе связаны с информацией о работе таможенных

служб и как следствие — с профессиональной лексикой. При изучении этих тем студенты знакомятся с определениями таможенных терминов, используя глоссарий, размещенный на сайте *CUSTOMS.RU* (Глоссарий таможенных терминов). Так, при изучении лексической темы «Конвенция СИТЕС» студенты узнают новые термины, связанные с этой тематикой: *конвенция, контрабанда, фитосанитарный контроль* и т.д., при изучении темы «Паспортный контроль»: *таможенный досмотр пассажиров, таможенный контроль, пункт пропуска* и т.д. Такая наглядность, благодаря использованию ИКТ, способствует лучшему усвоению материала, восприятию, запоминанию. Так как преподавание иностранного языка, в том числе и русского, ведется в тесной взаимосвязи со специальными дисциплинами («Основы таможенного дела», «История таможенного дела и таможенной политики России», «Таможенные процедуры» и т.д.) не только в аспекте таможенной терминологии, но и в аспекте языковых конструкций, которые характерны для делового общения, то здесь могут быть очень полезны статьи и информация из официальных изданий ФТС РФ: журналов «Таможня», «Таможенные ведомости». Со студентами проводится определенный вид работы: это реферирование статьи профессиональной направленности, в процессе которого происходит знакомство с *таможенной, экономической и юридической терминологией* и выявляются языковые конструкции, предназначенные для делового общения. Так, в рамках изучения модуля «Таможенные процедуры» анализируется статья из журнала «Таможня» - «С особым статусом» (автор Оксана Герасютина), рассказывающая об *особых экономических зонах РФ*. Студенты проводят реферирование, классифицируя

при этом выявленную профессиональную лексику по разным направлениям: таможенная лексика – *таможенное администрирование, таможенная зона, таможенный контроль, таможенные операции, таможенные процедуры*, экономическая – *ввозные пошлины, инвестиционная активность, налоги*, юридическая – *нормативная база, нормативно-правовое регулирование, Федеральный закон*. После проделанной работы проводится дискуссия, где студенты используют полученные знания. Обращение к интернет-ресурсам, в частности к сайту ФТС РФ - *CUSTOMS.RU*, происходит и при работе над профессиональной лексикой и темами, связанными с работой таможенных служб других государств (модуль «Международное сотрудничество», лексические темы «Сотрудничество ФТС РФ с таможенными службами других стран», «Таможенный союз», «Таможенные службы Казахстана», «Таможенные службы Киргизии», «Таможенные службы Молдовы», «Таможенные службы Приднестровья», «Таможенные службы Таджикистана» и т.д.) Студенты при изучении этих тем используют *гlossарий терминов по упрощению процедур торговли*, созданный исходя из положений, подписанных Европейской экономической комиссией (ЭЕК ООН) и Секретариатом комиссии Таможенного союза Меморандума о взаимопонимании (2011 г.): *национальные органы по упрощению процедур торговли, упрощение процедур торговли, электронный обмен данными и др.* Кроме того, детально разбираются и языковые конструкции, использованные при определении этих терминов. Интернет-ресурсы способствуют выбору актуальной профессиональной информации, позволяют нам не только быть в курсе происходящих событий в области таможенного дела, но

и своевременно реагировать на изменение терминологии, что положительно сказывается на профессиональной подготовке будущих сотрудников таможни. Так, *таможенный брокер* поменялся на другой термин – *таможенный представитель*, *таможенные режимы* – на – *таможенные процедуры*. Использование ИКТ на занятиях по иностранному языку (русскому) происходит и с помощью других видов работы – мультимедийных презентаций. Студенты, выполняя эти презентации, используют программу *Power Point*, а также материалы, размещенные в *электронной библиотеке РТА*. Презентации четко соответствуют темам, указанным в тематическом плане изучаемой дисциплины, употребляется профессиональная лексика, а также вводятся те языковые конструкции, которые необходимы будущему таможеннику при работе с документацией.

Использование ИКТ помогает преподавателю не только развивать профессиональные компетенции у студентов, но и осуществлять контроль знаний студентов, закреплять пройденный материал с помощью компьютерных программ, осуществляющих взаимодействие преподавателя и студентов.

Таким образом, ИКТ – это не только средство, открывающее широкие возможности в развитии профессиональной компетенции у студентов на занятиях иностранным языком, но и средство, способствующее приобретению навыков информатизации, расширению профессиональной коммуникации. Включение ИКТ в образовательный процесс подготовки будущих сотрудников таможни также повышает профессиональную мотивацию студентов, что способствует подготовке качественного специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коняева Л.А.* Внедрение инновационных технологий в лингвистическое образование. Вестник Кемеровского государственного университета. - 2009. №4. – С. 91-94.
2. [www. customs.ru](http://www.customs.ru)

Пискарева А.А.

**ВОПРОС СОХРАНЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЦЕВ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В эпоху глобализации обостряются этнические конфликты, одновременно с интеграционными процессами в обществе возрастает роль национальных культур. Перспектива вторжения глобального языка заставляет народы заботиться о сохранении родного языка, поддержании собственной идентичности. Борьба с иноязычными заимствованиями ведется как в общественных кругах, так и на государственном уровне.

Ключевые слова: национальная идентичность; глобализация; языковая дифференциация; национальные языки; английский язык; немецкий язык; англоязычные заимствования; критика англицизмов; общества по защите языка; пуристы.

В конце XX – начале XXI вв. в развитии мирового сообщества наметились две разнонаправленные тенденции – этнокультурная и этноязыковая интеграция и развитие этноязыкового своеобразия. По мере ускорения глобализации усиление интеграционных процессов приводит к этническим конфликтам, взаимному отторжению народов, способствует **дифференциации** или **этнизации** [Нещименко 2006].

Процессы глобализации влияют не только на языки меньшинств, но и на языки более крупных языковых сообществ. У таких языков развиты сферы словесной культуры (телеви-

дение, радио, театр, школа, художественная литература), что делает возможным их сохранение на долгий период времени. Если языки не обладают письменной культурой, то они функционируют в области быта, семейного общения, и это усложняет их сохранение на более длительный срок. Таким образом, можно утверждать, что в эпоху глобализации национальные языки существуют в условиях борьбы мировых языков за распространение в мире и стремятся сохранить себя, не утратив общественные функции, важные для своего народа [Михальченко 2010: 41].

Во времена глобализации национальная самобытность, национальный язык и национальная культура, по утверждению, антиглобалистски мыслящих ученых, находятся под угрозой поглощения и уничтожения. В этих условиях обостряется конфликт между национальным и интернациональным. Язык и культура препятствуют объединению людей, так как без глобального языка и глобальной культуры не может быть построено глобальное сообщество. Перспектива их вторжения в человеческую жизнь приводит народы к осознанию собственной национальной самобытности, и заставляет начать заботиться о своем языке и культуре. [Тер-Минасова 2010: 27, 31]. Глобализацию не следует отрицать, но ее следует разумно упорядочить [Лейчик 2006: 450], проводя соответствующую языковую политику. В разных странах цель сохранения собственной идентичности достигается по-разному.

Королевская академия испанского языка ведет борьбу за чистоту испанского языка, за его освобождение от иноязычных заимствований, однако в связи с развитием средств массовой информации, и в первую очередь, Интернета, эта борьба становится бесполезной. Под сильное влияние английско-

го языка попадают, прежде всего, страны Латинской Америки, в особенности Мексика. В США смешение испанского и английского языков привели к появлению *espanglish* или *espanglés*. **Спанглиш** считается третьим языком в Нью-Йорке после английского и испанского. Само слово «спанглиш» может означать «смесь языков», «язык XXI века», «жаргон» или «диалект», «насилие над языком», «бунт против английского языка», «бессмыслица» и т.д. [Масляков 2011: 51,53].

В Италии о подобном феномене, получившем название *itanglese*, еще в 1987 г. впервые написал лингвист А. Кастеллани [Castellani 1987]. Согласно определению, данному в словаре Hoepli, **итанглезе** – это «итальянский язык, употребляемый в определенном контексте и определенных кругах, характеризующийся частым и необоснованным применением английских слов и выражений».¹

Во Франции используется понятие *franglais* [Étiemble 1964], обозначающее заимствование английских слов во французский, не согласованных с французской морфологией, и, как правило, имеющих эквиваленты во французском языке [Zitzmann 2008].

В Германии такой смешанный язык получил название *Denglis(c)h*, в словаре Duden ему дается определение: «Смесь немецкого и английского языков», с пометой – «неодобрительное».² В ряде исследований встречается также термин *Engleutsch* [Lubeley 1993], [Stickel 1994].

¹ Hoepli. Grande dizionario italiano. URL: http://dizionari.hoepli.it/Dizionario_Italiano/parola/itanglese.aspx?idD=1&Query=itanglese&lettera=I (дата обращения: 01.09.2012)

² Duden online.- URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Denglisch> (дата обращения: 02.09.2012)

Усиление влияния английского языка на немецкий вызывает опасения многих немцев. Отрицательное отношение проявляется в иронических статьях, письмах читателей, опросах и, в последнее время, в образовании обществ и объединений, призванных защитить немецкий язык от англицизмов [Busse 2008: 50].

Исследователи разделяют аргументы критиков англицизмов на лингвистические и нелингвистические.

Нелингвистические аргументы, принятые не только пуристами, но и общественностью, включают:

- эстетические (англицизмы воспринимаются как некрасивые слова);
- связанные с проблемой понимания;
- связанные с проблемой распространения – языковое общество не определяет, в какую сторону развивается язык, поскольку большее влияние на язык оказывают средства массовой информации.

Лингвистические аргументы приводят главным образом пуристы:

- избыточность англицизмов, поскольку они могут быть заменены на немецкие соответствия;
- пиджинизация языка;
- денглизация (использование слов, не существующих в английском языке, смесь английских и немецких слов) [Schneider 2008: 59-65].

В другой интерпретации в качестве аргументов против использования англицизмов, принятыми, прежде всего, в языковых обществах по защите языка, называют:

- препятствия во взаимопонимании из-за незнания значения слов;

– господство определенных привилегированных слоев общества, за счет своей образованности понимающих значения иностранных слов;

– разрушение многообразия в немецком языке из-за вытеснения более точных по формулировке немецких слов;

– засилье англицизмов, ведущее к гибели немецкого языка;

– угроза культурной идентичности немцев;

– распространение американского империализма, с которым следует бороться [Muhr 2004: 38].

Среди значимых обществ, занимающихся проблемами англицизмов в немецком языке, можно назвать **«Общество немецкого языка»** (*Verein Deutsche Sprache*) (Дортмунд)¹, **«Фонд немецкого языка»** (*Stiftung Deutsche Sprache*) (Берлин)². «Фонд немецкого языка» занимается проектами, призывающими защитить немецкий язык от вредного влияния англицизмов.³ «Общество немецкого языка» выступает против растущей англизации немецкого языка и вносит свой вклад в сохранение немецкого языка и его дальнейшее развитие.⁴

Акции, проводимые «Обществом немецкого языка», направлены, в первую очередь, против языка денглиш. Большой общественный резонанс вызвала акция «Живой немецкий», проведенная союзом в 2006 г. [Schneider 2010: 148-164, 169-

¹ Verein Deutsche Sprache. URL: <http://vds-ev.de/verein> (дата обращения: 27.12.2012)

² Stiftung Deutsche Sprache. URL: <http://www.stiftung-deutsche-sprache.de/verein> (дата обращения: 7.07.2012)

³ Förderung // Stiftung Deutsche Sprache. URL: <http://www.stiftung-deutsche-sprache.de/foerderung.php> (дата обращения: 26.12.2012)

⁴ Verein Deutsche Sprache. URL: <http://vds-ev.de/verein> (дата обращения: 27.12.2012)

171]. На своем сайте общество собрало множество немецких слов в качестве альтернативы английским заимствованиям, например, для замены английского «*brainstorming*» («мозговой штурм») было предложено более 10 000 вариантов, для «*spam*» – 4 730¹, для «*fast food*» – 3 463². Целью акции было показать, что язык не просто развивается, а может осознанно формироваться.³

«Общество немецкого языка» и «Клуб немецкого языка» (*Sprachkreis Deutsch*) (Берн) издают и постоянно обновляют справочник англицизмов, сопровождая их вариантами немецких эквивалентов. Задача этих организаций – побудить немцев использовать немецкие слова и выражения вместо англицизмов, предупредить их от использования псевдоанглийских слов, не встречающихся в английском языке. Около 7300 слов снабжены пометами «дополнительное», «дифференцирующее» и «замещающее (вытесняющее)» [Der Anglizismen-Index 2011: 5, 8]. Однако многие слова, по мнению составителей справочника, вытесняющие немецкие, зачастую употребляются в речи в ином контексте, нежели их немецкие соответствия, т.е. авторы односторонне рассматривают языковое значение слов [Schneider 2008: 61].

¹ Pressemitteilungen // Verein Deutsche Sprache. URL: <http://vds-ev.de/presse/pressemitteilungen/494-aktion-lebendiges-deutsch-pay-tv> (дата обращения: 11.02.2013)

² Aktion Lebendiges Deutsch. Wortarchiv // Verein Deutsche Sprache. URL: <http://www.aktionlebendigesdeutsch.de/wortarchiv.php> (дата обращения: 14.02.2013)

³ Der Anglizismen-Index // Verein Deutsche Sprache. URL: <http://vds-ev.de/component/content/article/114-anglizismenindex/1052-text-schluss-mit-englaenderei> (дата обращения: 08.02.2013)

2 октября 2006 г. немецкий журнал «Шпигель» вышел под заголовком «*Rettet dem Deutsch! Die Verlotterung der deutschen Sprache*» («Спасите немецкий язык! Немецкий язык пребывает в небрежении!») [Der Spiegel 2006]. В центральной статье этого номера «*Deutsch for sale*» («Немецкий на продажу») «драматичное снижение качества» немецкого языка связывается в первую очередь с использованием в немецком языке английских слов и выражений [Schreiber 2006: 182].

На основе публикаций в еженедельной колонке журнала «Шпигель», посвященной словоупотреблению, ее автор Бастиан Сик опубликовал в 2004 г. книгу «Смерть родительному падежу от дательного». В книге в ироничной форме описываются «избитые фразы, невыносимые модные слова, надоедливые англицизмы и запрещенные слова из жаргона журналистов и политиков» [Sick 2010: 16].

Ряд аргументов, которые приводят специалисты и представители общественности, заботящиеся о чистоте языка, подвергается критике со стороны некоторых лингвистов. Суждение о «некрасивости» английских заимствований может рассматриваться лишь как вопрос вкуса. Проблема непонимания англицизмов (прежде всего пожилыми людьми) связана с вопросом, заключается ли причина непонимания в английском слове, или просто в незнании данного феномена, например, в области компьютерных технологий [Schneider 2008: 59-60]. Наиболее часто встречающийся довод об избыточности англицизмов также подвергается сомнению. Утверждается, что если рассматривать англицизмы в конкретном контексте, то они зачастую обнаруживают другие оттенки значений, и, следовательно, их нужно расценивать как дополнения, а не считать излишними. О пиджинизации

языка можно говорить лишь в том случае, если воспринимать язык как неподвижную систему, а не как ежедневно используемый людьми язык [Schneider 2008: 63, 65]. Отмечается, что языковым пуристам чужда мысль о том, что крупные языки взаимно обогащаются за счет перемещения слов и понятий. Из ежедневных газет известно, что европейские языки уже многие века оказывают влияние друг на друга. В немецком языке имеется множество слов из латинского, греческого, французского, итальянского и английского языков, которые настолько влились в немецкий язык, что уже невозможно почувствовать их иноязычное происхождение. Кроме того, люди, которые избегают англицизмов и пользуются литературным немецким языком, вероятно, хотят принадлежать к иному обществу, отграничивая мир взрослых от мира молодежи [Limbach 2008: 33]. Однако язык не однородная гомогенная и закрытая для внешнего влияния структура [Spitzmüller 2007: 195]. Языковое многообразие и конфликтность (*Konflikträchtigkeit*) подтверждают то, что язык жив [Limbach 2008: 33], а значит, возникающие дебаты о языке имеют право на существование, только если критика не скатывается в языковой фундаментализм (т.е. в крайний радикализм, непримиримость и агрессию) [Spitzmüller 2007: 195]. Критика англицизмов должна проводиться скорее с точки зрения уместности употребления, а не с точки зрения угрозы языку [Schneider 2008: 68], поскольку даже в количественном отношении англицизмы в письменном языке составляют всего лишь около 1 % общего словарного запаса [Spitzmüller 2006].

Опасения людей, заботящихся о культуре языка, что поток англицизмов, хлынувший в немецкий язык, может на-

рушить его грамматическую структуру, не обоснованы, так как немецкий и английский языки по своей структуре являются родственными. Грамматической интеграции не поддается лишь небольшое число глаголов и прилагательных, используемых в качестве определений [Stark 2010: 41]. Однако, предположение, что английские заимствования могут нарушить семантику немецкого языка, следует считать верным. Новые понятия приходят в немецкий язык, имея английские названия, однако если речь идет о предметах немецкого изготовления, предпочтительнее оказывается дать им английские обозначения (ср.: нем. *Faltencreme*, англ.: *Anti-Aging-Creme*). Проблема заключается в отказе от образования новых слов на основе собственного языкового материала, в уподоблении англо-американскому миру понятий и способу выражения мыслей [Stark 2010: 66, 95].

Причины, по которым английские слова и идиоматические выражения проникают в немецкий язык и заменяют собой немецкие в таком большом количестве, имеют в большей степени политико-общественный характер. На потерю чувства собственной культурной идентичности повлияло как националистическое прошлое страны, так и то, что немцами была забыта собственная история и культура, они разучились поддерживать свой язык на мировом уровне, полагает Ф. Штарк. Это привело к увеличению влияния английского языка на немецкий. Чтобы изменить существующую ситуацию, следовало бы создать подобие института, занимающегося вопросами словообразования и культуры речи. Такая организация могла бы давать постоянные рекомендации средствам массовой информации, образовательным учреждениям и ведомствам. С целью сохранения немецкого языка как мирово-

го культурного наследия, нужно четко определить, в каких обстоятельствах использование английских слов и обозначений действительно требуется, а в каких от этого следует отказаться [Stark 2010: 150-153], [Weinrich 2002: 40-41].

Собственную идентичность защищают соответствующими законами. В Основном законе Германии отсутствует фраза о немецком языке, утверждающая национальную идентичность. Закрепление немецкого языка в качестве государственного в конституции упрочило бы языковое самосознание граждан страны и ответственных лиц в области политики, экономики и средств массовой информации. Это также побудило бы группы людей, обладающих определенным авторитетом, пользоваться немецким языком и поддерживать его [Klatte 2009: 68-69]. Среди тех, кто активно отстаивает такую идею, представители партии Христианских демократов во главе с президентом Бундестага Норбертом Ламмертом. В 2006 г. Ламмерт в ходе реформы федерализма внес в Бундестаг предложение о необходимости дополнения Основного закона фразой: «Национальным языком является немецкий». Предложение получило поддержку во многих партиях и фракциях, но не было принято [Lammert 2006: 191]. С 2008 г. к этому вопросу подключились «Общество немецкого языка» и «Общество немецких культурных связей с зарубежными странами» (*der Verein für Deutsche Kulturbeziehungen im Ausland*) [Deutsch im Grundgesetz: 2010]. По ситуации на 2012 г. поправка в Основной закон, касающаяся языка, не внесена. Слово «язык» упоминается в статье 3, абзаце 3¹, где говорит-

¹ Die Grundrechte // Grundgesetz / Deutscher Bundestag. URL: http://www.bundestag.de/bundestag/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_01.html (дата обращения: 11.11.2012)

ся о запрете дискриминации по языковому признаку. В п. 23 абз. 1 Закона, регулирующего порядок рассмотрения административных нарушений¹, и в п. 184² Закона о судопроизводстве немецкий язык объявляется языком, на котором ведется дело- и судопроизводство.

Немецкие лингвисты считают неправомерной идею принятия закона, упорядочивающего употребление иностранных слов в немецком языке. По образцу французского закона Губона, в немецком законе должны быть прописаны штрафные санкции за использование иностранных слов в определенных ситуациях [Weinrich 2002: 39-40].

Осознание собственной национальной идентичности заставляет людей защищать родной язык от иноязычных влияний, заботиться о нем и своей культуре. Это приводит к разработке соответствующих законов, охраняющих язык на уровне государства, созданию общественных организаций, ведущих борьбу за чистоту языка. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые не видят большой опасности в англоязычных заимствованиях, поскольку язык не однороден и не статичен, он подвержен постоянным изменениям. Однако следует обращать внимание на уместность употребления иноязычных слов в родном языке. Вопросами культуры речи и словоупотребления могли бы заниматься специальные ведомства, регулирующие использование иноязычной лексики.

Языковая регионализация и дифференциация, возникающие в качестве противовеса глобализации, приобретают осо-

¹ Verwaltungsverfahrensgesetz (VwVfG). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/vwvfg/gesamt.pdf> (дата обращения: 28.08.2012)

² Gerichtsverfassungsgesetz (GVG). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gvg/gesamt.pdf> (дата обращения: 28.08.2012)

бую значимость в процессах сохранения собственной самобытности и национального языка. Они придают языковому многообразию новые оттенки существования. Сохранение многоязычия дает преимущества не только национальным меньшинствам, но и крупным языковым сообществам, поскольку новое коммуникативное общество будущего не может пользоваться лишь одним языком, а знание нескольких языков станет основой профессионального успеха [Штейнке 2006: 257-258].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лейчик В.М.* Язык рекламы в контексте глобализации и этнизации [Текст] / В.М. Лейчик // Глобализация - этнизация: этнокультур. и этнояз. процессы: в 2 кн. / [отв. ред. Г.П. Нецименко]; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. – . Кн. 1. – С. 447 – 475.
2. *Масляков В.С.* «Спанглиш» как явление языковой межкультурной коммуникации [Текст] / В.С. Масляков // Язык и культура. – 2011. – № 1 (13). – С. 51–61.
3. *Михальченко В.Ю.* Национальные языки в эпоху глобализации: языки России и Монголии [Текст] / В. Ю. Михальченко // Вопросы филологии. – 2010. – №1 (34). – С. 39–47.
4. *Нецименко Г.П.* К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации. // Глобализация – этнизация: этнокультур. и этнояз. процессы: в 2 кн. / [отв. ред. Г.П. Нецименко]; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. С. 38–69.

5. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и национальная безопасность (современный аспект проблемы) [Текст] / С.Г. Тер–Минасова // Ценности и смыслы. – 2010. – № 6 (9). – С. 25–33.

6. *Штейнке К.* Глобализация – регионализация и лингвистика [Текст] / К. Штейнке // Глобализация – этнизация: этнокультура и этнояз. процессы: в 2 кн. / [отв. ред. Г.П. Нешименко]; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 249–258.

7. Aktion Lebendiges Deutsch. Wortarchiv // Verein Deutsche Sprache. URL: <http://www.aktionlebendigesdeutsch.de/wortarchiv.php> (дата обращения: 14.02.2013)

8. Aktueller Begriff. Deutsch im Grundgesetz // Wissenschaftliche Dienste. – 2010. – Nr. 82/10. – 2 S. URL: http://www.bundestag.de/dokumente/analysen/2010/Deutsch_im_Grundgesetz.pdf (дата обращения:)

9. *Busse U.* Anglizismen im Deutschen. Entwicklung, Zahlen, Einstellungen [Text] / U. Busse // Sprachkontakt und Mehrsprachigkeit. Zur Anglizismendiskussion in Deutschland, Österreich, der Schweiz und Italien. – под ред. Sandro M. Moraldo. – Universitätsverlag Winter, Heidelberg. – 2008. – S. 37–68.

10. *Castellani A.* Morbus Anglicus [Text] / A. Castellani // Studi Linguistici Italiani. – 1987. – N°13. – P. 137–153.

11. Der Anglizismen-Index // Verein Deutsche Sprache. URL: <http://vds-ev.de/component/content/article/114-anglizismenindex/1052-text-schluss-mit-englaenderei> (дата обращения: 08.02.2013)

12. Der Spiegel. – 2006. – № 40.

13. Die Grundrechte // Grundgesetz / Deutscher Bundestag. URL: <http://www.bundestag.de/bundestag/aufgaben/>

rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_01.html (дата обращения: 11.11.2012)

14. Duden online. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Denglisch> (дата обращения: 02.09.2012)

15. Étiemble R. Parlez-vous franglais? [Text] / R. Étiemble // Gallimard. – 1964. – 376 p.

16. Förderung // Stiftung Deutsche Sprache. URL: <http://www.stiftung-deutsche-sprache.de/foerderung.php> (дата обращения: 26.12.2012)

17. Gerichtsverfassungsgesetz (GVG). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gvg/gesamt.pdf> (дата обращения: 28.08.2012)

18. Hoepli. Grande dizionario italiano. URL: http://dizionari.hoepli.it/Dizionario_Italiano/parola/itanglese.aspx?idD=1&Query=itanglese&lettera=I (дата обращения: 01.09.2012)

19. *Junker G.H.* (Hrsg.) Der Anglizismen – Index. Anglizismen, Gewinn oder Zumutung? [Text] / G.H. Junker // IBF Verlag Deutsche Sprache. – 2011. – 304 s.

20. *Klatte H.* Der Wert der Sprache [Text] / H. Klatte // Sprache von Welt? Streiten über Deutsch.-Deutsche Welle. – 2009. – S. 67-70.

21. *Lammert N.* „Apokalyptische Erfahrungen“ [Text] / N. Lammert // Der Spiegel. – 2006. – № 40. – S. 190–191.

22. *Limbach J.* Hat Deutsch eine Zukunft? [Text] / J. Limbach // C.H. Beck, München. – 2008. – 107 s.

23. *Lubeley R.* Sprechen Sie Engldeutsch? Eine scharfe Lanze für die deutsche Sprache [Text] / R. Lubeley // Isernhagen: Verlag Gartenstadt. – 1993. – 374 s.

24. *Muhr R.* Anglizismen als Problem der Linguistik und Sprachpflege in Österreich und Deutschland zu Beginn des 21. Jahrhunderts [Text] / R. Muhr // Eurospeak: Der Einfluss des

Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende. – под ред. Rudolf Muhr, Bernhard Kettemann. – Frankfurt/M. – 2004. – S. 9–54.

25. Pressemitteilungen // Verein Deutsche Sprache. URL: <http://vds-ev.de/presse/pressemitteilungen/494-aktion-lebendiges-deutsch-pay-tv> (дата обращения: 11.02.2013)

26. *Schneider J.-G.* „Macht das Sinn?“ – Überlegungen zur Anglizismenkritik im Gesamtzusammenhang der populären Sprachkritik [Text] / J.- G. Schneider // Muttersprache. – 2008. – Nr.1. – S. 56–71.

27. *Schneider W.* Speak German. Warum Deutsch manchmal besser ist [Text] / W. Schneider // Rowohlt Taschenbuch Verlag, Hamburg. – 2010. – 191 s.

28. *Schreiber M.* Deutsch for sale [Text] / M. Schreiber // Der Spiegel. – 2006. – № 40. – S. 182–198.

29. *Sick B.* Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache [Text] / B. Sick // Kiepenheuer & Witsch. – 2010. – 762 s.

30. *Spitzmüller J.* Eine Frage der Einstellung. Bewertungen des Sprachwandels in Linguistik und Öffentlichkeit [Text] / J. Spitzmüller // Der Sprachdienst. – 2006. Nr. – 2–3. – S. 41–54.

31. *Spitzmüller J.* Sprache und Identität: Warum die Anglizismen die Gemüter erhitzen [Text] / J. Spitzmüller // Muttersprache. – 2007. – Nr.3. – S. 185–198.

32. *Stark F.* Wie viel English verkraftet die deutsche Sprache? [Text] / F. Stark // IFB Verlag Deutsche Sprache, Paderborn. – 2010. – 161 S. 56–71.

33. *Stickel G.* „Engldeutsch“ [Text] / G. Stickel // Sprachreport. – 1994. – Nr.4. – S. 13-14.

34. Stiftung Deutsche Sprache. URL: <http://www.stiftung-deutsche-sprache.de/> (дата обращения: 7.07.2012)

35. Verein Deutsche Sprache. URL: <http://vds-ev.de/verein> (дата обращения: 27.12.2012)

36. Verwaltungsverfahrensgesetz (VwVfG). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/vwvfg/gesamt.pdf> (дата обращения: 28.08.2012)

37. *Weinrich H.* Europa – Linguafrancaland? [Text] / H. Weinrich // Deutsch – Englisch – Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik. – Dudenverlag. – 2002. – S. 30–43.

38. *Zitzmann M.* Parlez-vous franglais? [Text] / M. Zitzmann // Neue Zürcher Zeitung. – 31.05.2008. URL: http://www.nzz.ch/nachrichten/kultur/literatur_und_kunst/parlez-vous-franglais-1.746988 (дата обращения: 30.09.2012)

Роговская А.И.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА МИРА ИНОФОНОВ

В статье представлена попытка определить методологические принципы исследования образа мира инофонов, проходящих обучение на территории РФ и изучающих русский язык в условиях полиэтнического коллектива; рассматриваются категории «картина мира» и «образ мира», которые получили широкое освещение в работах известных зарубежных и отечественных философов и лингвистов в целях обоснования их использования в установлении фрагментов сознания инофонов.

Ключевые слова: инофоны; картина мира; языковая картина мира; образ мира; сознание.

Любая наука может развиваться только в том случае, если она будет пополняться все новыми и новыми фактами, в свою очередь для их накопления, интерпретации нужны научно обоснованные исследования, которые зависят от совокупности теоретических принципов, получивших название методология. Методология характеризует компоненты научного исследования, объект, предмет анализа, задачи исследования, совокупность исследовательских средств, необходимых для их решения, а также формирует представление о последовательности движения исследователя в процессе решения исследовательских задач. Методология реально воплощается в методологических принципах, которые, в свою очередь, дают практике научно обоснованные ориентиры исследования.

Цель данной работы – определить методологию исследования образа мира инофонов.

Учитывая особенности исследуемого контингента, а именно полиэтничный коллектив инофонов, рассматриваемый как единое целое, необходимо проанализировать, как происходит процесс восприятия непривычной для каждого инофона окружающей действительности, вживания в эту действительность, осознания себя в ней, приятие факта присутствия представителей иной, другой культуры. Для того чтобы понять содержание вероятной картины мира инофона, был проведён пилотажный ассоциативный эксперимент, среди прочего давший материал, с помощью которого можно вести наблюдение за выявлением процесса внедрения в картину мира инофона реалий иной лингвокультуры¹. При

¹ Роговская А.И. Вербальная диагностика межэтнической напряженности в многонациональных группах инофонов // Русский язык как неродной: новое в теории и методике. III научно-методические чтения. Сборник научных статей, выпуск 3. М., 2012. С. 226-236.

анализе структуры фрагментов картины мира инофонов возникла необходимость исследовать содержание самого понятия *картина мира*.

В целях соблюдения принципа системности исследования мы считаем возможным рассмотреть философские аспекты, связанные с понятием «картина мира», обратившись к трудам Л. Витгенштейна и Э.В. Ильенкова.

В «Трактате» Людвиг Витгенштейна представлена стройная, логически обоснованная система определений и понятий.

В западной философии XX века именно работы Витгенштейна легли в основу теории логического позитивизма и теории британской лингвистической философии – так называемой «философии обыденного языка».

Однако его основной целью была вовсе не разработка философии языка, а построение «картины», модели мира через исследование формальных свойств языка, в котором логика выступает не как наука, но как способ конструирования мира. «Мир есть все то, что имеет место», «Мир есть факты в логическом пространстве». [Витгенштейн 2010: 21].

В картине мира, по теории Витгенштейна, все взаимосвязано: «Мы не в силах вообразить пространственные объекты вне пространства или временные объекты вне времени, точно так же нельзя вообразить объект, лишенный возможности сочетаться с другими». [Витгенштейн 2010: 23-24].

В «Трактате» Витгенштейна утверждается связь любого объекта с его положением в мире и среди других объектов. «И если я могу вообразить объекты, сочетающиеся в позициях, то я не могу вообразить их вне возможности этого сочетания»; «Предметы независимы настолько, насколько они способны воплощаться во всех возможных позициях, но эта

форма независимости является и формой зависимости. (Невозможно, чтобы слова одновременно выступали и сами по себе, и в суждениях)». [Витгенштейн 2010: 23-24].

По словам Витгенштейна, объекты образуют субстанцию мира, если таковой нет, тогда осмысленность суждения зависит от истинности другого суждения, а в этом случае невозможно нарисовать картину мира (равно истинную или ложную). «Очевидно, что мир воображаемый, сколько угодно отличный от реального, должен иметь с последним нечто общее – форму. Объекты суть то, что составляет эту неизменяемую форму. Субстанция мира способна определять только форму, но не материальные свойства. Ибо лишь посредством суждений проявляются материальные свойства – лишь посредством конфигурации объектов». [Витгенштейн 2010: 26].

Витгенштейн считал, что субстанция существует независимо от того, что имеет место, что она есть форма и содержание, а пространство, время, способность иметь цвет — суть формы объекта. Сами же объекты – суть то, что постоянно и существует, а их конфигурация – то, что изменчиво и нестабильно. Конфигурация объектов порождает позиции. «В позициях объекты сочетаются друг с другом, как звенья цепи», «Совокупность текущих позиций и есть мир». [Витгенштейн 2010: 28].

Также Витгенштейн утверждал, что реальность есть мир, и мы сами себе создаем картину фактов, которая отражает ситуацию в логическом пространстве, существование и не существование позиций. Он писал, что картина фактов есть модель реальности, что на картине имеются элементы, соответствующие объектам, что элементы картины замещают объекты. «Картина представляет собой совокупность эле-

ментов, находящихся в определенных отношениях друг с другом. Картина есть факт». [Витгенштейн 2010: 29]

Таким образом, по Витгенштейну, картина мира есть факт, реальное явление. Она выступает измерительным инструментом реальности. «Назовем сочетание элементов структурой картины и назовем возможность этой структуры формой изображения. Форма изображения есть возможность того, что объекты будут соотноситься друг с другом подобно элементам картины. Именно так картина взаимодействует с реальностью: они соприкасаются». [Витгенштейн 2010: 30]

Следовательно, картина может отображать любую реальность, чьей формой она обладает, например, пространственная картина отображает любое пространство, цветная картина – цветность и так далее. Картина, чья форма отображения является логической формой, называется логической картиной. «Логические картины могут изображать мир». [Витгенштейн 2010: 32]. «То, что отображает картина, есть ее смысл». [Витгенштейн 2010: 33].

Одним из важных и бесспорных постулатов Витгенштейна является то, что логической картиной фактов служит мысль. «Совокупность истинных мыслей есть картина мира». [Витгенштейн 2010: 33]

Представитель отечественной философии Э.В. Ильенков, рассматривая сущность понятия картины мира, отталкивался от понятия *мировоззрение* как единения множества представлений человека о мире: «... обо всём, что он видит, слышит, осязает, обоняет, переживает, оценивает и воображает» [Ильенков 1991: 349]. Но указывает, что из самого слова *мировоззрение* не следует сущность того или иного представления, это просто воззрение на мир – совокупность представлений

человека о том мире, в котором он живёт. Здесь уместно подчеркнуть, что именно совокупность, а не система, «так как в одной и той же голове могут соседствовать самые разнородные, никак друг с другом не связанные по существу представления...» [Ильенков 1991: 350]. А системой по Э.В. Ильенкову, является именно картина мира, так как она, обладая схематичностью, упорядочивает все представления о мире.

Отметим, что феномен *картины мира*, её уникальность, многогранность подробно и разносторонне начали изучаться ещё в работах В.И. Вернадского, И. Лакатоса, В.А. Лекторского, К. Поппера, В.С. Степина и др., где в качестве одного из положений выдвигался, например, тезис о том, что целостный образ мира формируется на базе всех типов картины мира.

Говоря о типах картины мира и учитывая принцип комплексного подхода к исследованию, мы считаем необходимым обратиться к работам К.С. Кардановой, в частности, к её исследованиям, приведённым в статье «Языковая картина мира: мифы и реальность» (ж-л «Русский язык в школе», № 9–10). В своей статье Карданова К.С. обращает внимание на то, что в лингвистических исследованиях понятия *картина мира*, *языковая картина мира*, *образ мира* в силу частотности употребления (к месту и не к месту) перестают коррелировать с соответствующими научными понятиями, что приводит лишь к «способу маркирования отнесённости к той или иной исследовательской парадигме» [Карданова 2010: 61], вследствие чего этим терминам зачастую присваивается новое значение, которое теряет свою соотнесённость с оригинальной трактовкой термина, приводя к образованию «терминологических гибридов» [Карданова 2010: 61]. Так, например, отмечает Карданова, термин *языковая картина*

мира, давно уже переставший быть для лингвистики «внешним», в силу частотности употребления в различного рода исследованиях «становится всё менее определённым». Далее К.С. Карданова совершает экскурс в историю возникновения данного терминологического понятия, начиная с известных работ по физике Г. Герца, М. Планка, А. Эйнштейна, где впервые был использован термин *картина мира* применительно к описанию физических процессов. Анализируя значение, которое вкладывали известные физики в это понятие, Ксения Карданова показывает, в каком качестве термин *картина мира* стал использоваться в научных исследованиях различных направлений, расчлняясь на *физическую картину мира*, *научную картину мира*, *наивную картину мира*, *языковую картину мира* и т.д. Сходство же в использовании данного термина заключается в том, по мнению К.С. Кардановой, что в каждой трактовке термина употребляются такие значения, как система, связь, упорядоченность и т.д.

Говоря о лингвистических исследованиях картины мира, К.С. Карданова подчёркивает, что «учёные представляют различные направления и подходы к изучению картины мира», но «все они в той или иной степени соглашаются, что картина мира - это «сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека по самым разным основаниям и объединённая в известную интегральную схему» [Роль человеческого фактора...1998: 141]; «целостный образ мира, складывающийся в голове человека в процессе познавательной деятельности» [Картина мира и способы её репрезентации 2003: 25]» [Карданова 2010:56, №10].

Также Ксения Карданова акцентирует внимание на том, что эти определения относятся к так называемой *концептуальной*

картине мира, которой противопоставлена *языковая картина мира* «как «определённый способ категоризации и концептуализации мира в соответствующей лингвокультуре»», что при общем схожем толковании приводит к расхождению в решении частных вопросов изучения картины мира и, как следствие, «среди исследователей всё ещё нет единства в отношении ряда принципиальных вопросов, касающихся сущности языковой картины мира и путей её анализа» [Карданова 2010: 58, №10]. Видимо, таким образом автор подчеркивает многогранность и специфичность данного понятия, системное изучение которого возможно при полном погружении в специфику мировосприятия, мироосознания того или иного этноса.

Определяя парадигму исследования для достижения указанной цели, мы считаем возможным, следуя принципу конкретно – исторического подхода, разграничить соотношение таких понятий, как «картина мира» и «образ мира».

Понятие «образ мира» было введено в научный обиход, начиная с публикаций работы Рубинштейна С.Л.¹ и трудов Леонтьева А.Н.

Сегодня это понятие вышло за границы психологии и приобрело статус философской категории. При этом и в психологии, и в философии возникли противоречия в понимании близких, но не равнозначных друг другу понятий «картина мира», «языковая картина мира» и «образ мира».

Соблюдая принцип единства внешних воздействий и внутренних условий, определяя специфику объекта исследуемой группы респондентов, мы обратились к трудам известного ученого, занимавшегося проблемами общей психологии и методологией психологических исследований, А.Н. Леон-
¹ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. 3-е изд.. М.-СПб. и др.: «Питер», 2003. С. 3–280.

тьева. Именно он впервые вычленил понятие «образ мира» в отечественной научно-психологической литературе.

А.Н. Леонтьев указывает на то, что «всякая вещь первично положена объективно – в объективных связях предметного мира; что она – вторично – полагает себя также и в субъективности, чувственности человека, и в человеческом сознании...» [Леонтьев 1983: 253], что, на наш взгляд, говорит о возможности трансформации объектного восприятия в сознании субъекта. Для полноты картины известный учёный, поясняя этот феномен, даёт ему название «пятое квази-измерение», открывающее человеку объективный мир: «Это – *смысловое поле, система значений*» [Леонтьев 1983: 253]. Эти значения, указывает А.Н. Леонтьев, выступают не как то, что лежит перед вещами, а как то, что лежит за *обликом вещей* – в познанных объективных связях предметного мира, в различных системах, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства, т.е. несут в себе особую мерность внутрисистемных связей объективного предметного мира. [Леонтьев 1983: 254]

Иллюстрируя свою точку зрения различными примерами, А.Н. Леонтьев подводит нас к следующему выводу: «Мы строим... Образ мира, активно «вычерпывая» его... из объективной реальности», и главным здесь становится то, что получается в результате этого процесса – «образ объективного мира, объективной реальности», который может быть более или менее адекватный, белее или менее полный или даже ложный... [Леонтьев 1983: 256]

Далее известный учёный в сознаваемой карте мира выделяет три слоя сознания: чувственную ткань сознания (чувственные переживания); значения (носителями выступают

знаковые системы: традиции, ритуалы, предметы духовной и материальной культуры, образы и нормы поведения, язык); личностный смысл (индивидуальные особенности отражения объективного содержания конкретных понятий, явлений и событий понятий).

Дифференциацию образа мира и чувственного образа А.Н. Леонтьев основывает на том, что если первый является амодальным и обобщённым (интегративным), то второй модальным и конкретным. При этом обращается особое внимание на то, что чувственный и индивидуальный социокультурный опыт лежит в основе индивидуального образа мира. [Леонтьев 1983: 260-261]

Анализируя точку зрения своего учителя, последователь А.Н. Леонтьева С.Д. Смирнов, понимает образ мира как систему экспектаций, порождающую объект — гипотезы, на основе которых происходит структурирование отдельных чувственных впечатлений и предметная идентификация.

В своей статье С.Д. Смирнов также чётко структурирует и отделяет близкие по значению, но разные по содержанию понятия «образ мира» и «картина мира». Данные категории чётко разделяются: «... образ мира имеет характер ядерной структуры по отношению к тому, что на поверхности выступает в виде той или иной модально оформленной и, значит, субъективной картины мира». В этом разделении поверхностных и ядерных структур и содержится, в соответствии с точкой зрения Смирнова, фундаментальное разделение категорий картины мира и образа мира. [Смирнов 1983]

Рассмотрев заявленные категории, проанализировав их специфичность, многоплановость и многогранность, мы пришли к выводу, что нам необходимо обратить внимание

именно на формирование образа мира инофонов, так как испытываемые, в силу различного рода обстоятельств, помещены вне привычной среды, вне привычной картины мира, т.е. объекты их картины мира в новых условиях приобретают порой иное, непривычное понятийное наполнение. Следовательно, инофонам для комфортного существования достаточно часто приходится менять психологию своего сознания, наполняя его новыми образами окружающего их в данный момент мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат / Людвиг Витгенштейн; пер. с англ. Л. Добросельского – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 177, [15] с. – Philosophy.
2. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. – М., 1991.
3. *Карданова К.С.* Языковая картина мира: мифы и реальность // Русский язык в школе. 2010. № 9–10.
4. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избр. психолог. произведения, М.: Педагогика, 1983, С. 251–261.
5. *Смирнов С.Д.* Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М., 1983.

Романов А.С.

ЭТНОСТЕРЕОТИП В КОНТЕКСТЕ ВОЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Настоящая статья освящает природу и функциональные особенности такого лингвокультурологического феномена как этнический стереотип. Анализ этнических стереотипов об американских военнослужащих проводится на материалах английского языка в рамках публицистического

дискурса. Статья предназначена для студентов филологического направления, аспирантов и лингвистов-любителей.

Ключевые слова: язык; культура; межкультурная коммуникация; этнос; этнический стереотип; социум; военнослужащий.

Ethnic Stereotype within the Military Communication Context

The article covers the essence and functional features of ethnic stereotypes regarded as a linguistic and cultural phenomenon. Analysis of ethnic stereotypes about American servicemen is based on English materials of the journalistic discourses. The article is designed for students specialized in philology, post-graduate students and linguistics amateurs.

Key words: language, culture, intercultural communication, ethnos, ethnic stereotype, society, serviceman.

Изучение национальных или этнических стереотипов приобретает все большую актуальность в силу стремительного развития межкультурных связей в различных сферах человеческой деятельности: политике, культуре, научной и деловой сферах, что обусловлено потребностью выработки базиса эффективного общения и взаимопонимания, так называемого «диалога культур». Это объясняет междисциплинарный характер данной проблематики, находящейся на пересечении таких гуманитарных наук как этнология, этнолингвистика, культурология, социология, психология, политология, филология, история. Однако изучение такого лингвокультурологического феномена, как этнический стереотип обусловлено взаимозависимостью двух ключевых аспектов: языка и культуры.

Язык как отражение культуры определенной общности людей, в которой фиксируется не только окружающая человека действительность, но и общественное самосознание этноса, его национальный характер, традиции, мировосприятие, призван сохранять культурные ценности. По мнению С.Г. Тер-

Минасовой, язык представляет собой не только средство коммуникации людей, но и формирует культуру данного общества, находится с ним в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии. «Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2008: 23].

Культурная составляющая понятия «этнический стереотип» определяется самобытным национальным достоянием культуры того или иного народа, системой ценностных ориентиров, закрепленных в его общественном сознании и нормах поведения. К числу культурных ценностей относят такие социально – регулятивные принципы сосуществования и взаимопонимания как обычаи, нравы, стереотипы, нормы поведения, оценки и идеалы. На основе этих принципов создаются определенные правила поведения, регламентирующие жизнь человека в обществе. А.А. Леонтьев утверждает, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено...» [Леонтьев 1993: 20]. В рамках общей концепции мира всякая этническая общность имеет собственные представления об окружающей действительности, об исторической миссии своего народа, о представителях других этно-культурных традиций. Общественное сознание формирует определенные стереотипы – как относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного поля.

Термин «этнический стереотип» находит в научной литературе различные трактовки: национальные стереотипы, этнические предрассудки, этнические представления, национальные образы и другие, описывающие один и тот же этнолингвистический феномен.

У. Липпман впервые предпринял попытку истолкования термина «стереотип», который следует воспринимать как некие образцы (patterns), детерминирующие философию жизни индивида. Эти стандартизированные модели, априорные представления о фактах, явлениях, своем или чужом этносе формируют определенные представления еще до непосредственного соприкосновения с действительностью. Стереотипы позволяют восполнять отсутствующую информацию, «... маркировать объекты либо как знакомые, либо как странные и необычные, усугубляя различия по этому параметру: слегка знакомое подается как очень близкое, а чуть-чуть странное – как абсолютно чужое». По мнению ученого, столь мощное влияние клишированных образцов на сознание человека обусловливается тем, что стереотипные представления позволяют не только экономить интеллектуальный и временной ресурсы при восприятии сложных объектов мира, но и «служат ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе. ... Поэтому неудивительно, что любое изменение стереотипов воспринимается как атака на основы мироздания». Липпман считал, что стереотипы можно уподобить бастиону, стены которого надежно защищают основы мироздания и культурные традиции данной этнической общности. Стереотипы представляют собой упорядоченные, упрощенные и культурно детерминированные «картинки мира», обле-

гающие путь познания окружающего мира во всей его противоречивости и многогранности [Липпман 2004: 104-109].

Л.П. Крысин предлагает отделить лингвистический аспект проблемы от всех остальных, мотивируя это тем, что вопрос об объективности отражения стереотипом реальных качеств и свойств национального менталитета и поведенческих моделей данного этноса, лежит вне сферы интересов лингвистики. Ученый полагает, что лингвистический ракурс проблематики состоит, во-первых, в выявлении сфер жизни данной этнической общности, личностных примет и свойств людей, входящих в его состав, их интеллектуальных, психических, антропологических особенностей, которые впоследствии становятся объектами оценки. Условиями формирования стереотипов выступают повторяемость как положительных, так и отрицательных оценочных суждений, их массовость (среди представителей изучаемой этнической культуры) и устойчивость во времени. Рассуждая об отличительных свойствах, «непохожести» этноса или его представителях, принадлежащих различным слоям социума, Крысин подчеркивает необходимость выделения национальных обычаев, канонов типичного поведения, черт национального характера, особенностей анатомии, физических особенностей, манеры речи и прочее. Во-вторых, как считает ученый, в процессе изучения национальных стереотипов необходимо провести анализ языковых единиц, которые могут быть интерпретированы как средства экспликации этнических стереотипов. К таким языковым единицам относятся фразеологизмы, синтаксические конструкции, атрибутивные словосочетания, сравнительные обороты, пословицы, поговорки, анекдоты, эксплицитно или имплицитно указывающие на

определенные свойства представителей соответствующей национальности [Крысин 2002: 171-172].

В.Г. Крысько определяет стереотипы национального поведения как устойчивые схематизированные модели поведения, являющиеся результатом национального осмысления опыта и свойственные всем представителям одной этнической общности. Стереотипы закрепляются в результате многократного и эмоционального акцентирования сознания людей на тех или иных явлениях и событиях, и зачастую представляют собой лишенное объективности, примитивное суждение. По мнению Крысько, мы сталкиваемся с «биполярностью стереотипа»: он делит явления окружающей действительности на две категории: «знакомое» – хорошее и «незнакомое» – плохое.

Важную роль в понимании феномена национальных стереотипов играет явление этноцентризма, согласно которому собственная социальная группа, подобно средневековым представлениям о гелеецентрическом устройстве Вселенной, есть центр мироздания, а все другие этносы оцениваются в сопоставлении с ней. Этноцентризм возникает как реакция на конфликт и угрозу со стороны других групп. Этнические стереотипы аккумулируют исторический опыт нации, вбирают сотни привычек предшествующих поколений. Ломка такого рода стереотипа означала бы попытку лишить нацию ее корней, ее исторической памяти. В то же время национальный стереотип позволяет человеку без лишних размышлений соотнести собственную оценку любого явления с ценностной шкалой своей этнической общности. Этнические стереотипы, по В.Г. Крысько, выполняют ряд функций:

- регулятивную – стереотип оказывает воздействие на поведение и деятельность людей в процессе социализации и усвоения нового опыта;

- ценностно-защитную – служит защитой устоявшихся традиций и представлений;

- идентифицирующую – несет в себе оценочный элемент в виде эмоционального отношения к объекту, но в то же время однозначны: «да» или «нет», «свой» или «чужой»;

- когнитивную – ускоряет процесс постижения бытия и экономит умственный и временной ресурсы субъекта познавательной деятельности;

- манипулирующую – этнический стереотип может быть использован в качестве инструмента воздействия на общественные массы с целью реализации идеологических или политических задач) [Крысько 2008: 71-74].

В поисках функционирования ныне существующих стереотипов об американских военнослужащих обратимся к источникам. Так, в одной из статей интернет издания World Affairs Journal автор пишет: *«Every time there's a scandal among our military overseas, the stereotypes pop up. One of them is that most of our warriors suffer from post-traumatic stress disorder, or PTS. Another is that they represent the poorest and least educated segments of our society and have chosen the military because they can't get other jobs.* (Стереотипы оживают всякий раз, когда разгораются скандалы, объектом внимания которых становятся наши военнослужащие, проходящие службу за границей. Согласно одному из таких стереотипов, подавляющее большинство наших военных страдают от посттравматического стресса (ПС). Другой стереотип заключается в том, что американские военные представляют

беднейшие и наименее образованные слои нашего общества, выбравшие военную карьеру именно потому, что не в состоянии найти другую работу»¹) [Marlowe 2012].

В другой статье под названием *Five Common Military Stereotypes Debunked* («Развенчание пяти распространенных стереотипов о военных») приводится ряд стереотипов об американских военнослужащих в отставке:

- *Military people are rigid. They know only one way to do anything* (Военные не способны проявлять гибкость. Им известен лишь один способ выполнения поставленной задачи);

- *Military people never had to think. They had only to give and take orders* (Военным никогда не приходилось работать головой. Все что они делали – отдавали и выполняли приказы);

- *Military people don't understand profit and loss* (Военные ничего не смыслят в таких понятиях как прибыль и убытки);

- *Senior military are prima donnas* (Старшие офицеры – примадонны) [Safani 2011].

Значительное количество этностереотипов, описывающих собирательный образ военнослужащих, сформировалось в годы Второй мировой войны, когда специфические черты национального характера того или иного народа особо остро проявлялись в критический момент. О некоторых из них пишут в своей книге «Солдаты» (Soldaten) профессор истории С. Нейтзел и его коллега Г. Уэтзел: *“According to the British and American intelligence agencies, Italians were most likely to surrender and the Japanese least. In contrast, the Japanese attitude was one of deep shame to have been captured. A captured Italian admiral who tells a fellow prisoner that “everyone was running away and I couldn't defend Sicily”. Then he adds tellingly, “I had the idea of running away as well”. “German society had*

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. – А.Р.

a special attitude to military behavior which was, 'Never be weak'. (Согласно данным британских и американских разведслужб, итальянцы были более всего склонны к сдаче в плен, в отличие от японских военнослужащих, клеймящих подобное поведение позором. Один из захваченных в плен итальянских адмиралов сделал откровенное признание своему сокамернику: Все убежали прочь, и я не мог держать оборону Сицилии. Я и сам подумывал о том, чтобы спастись бегством. <...> В немецком обществе сложилось особое отношение к поведению военнослужащих, исключаящее всякое проявление малодушия») [Evans 2011].

Таким образом, стереотип как лингвокультурологический феномен представляет собой не просто совокупность сложившихся представлений о мире, отличительных черт национального характера и качествах своего или чужого этноса. Стереотип – это и упрощенное представление о конкретной социальной группе, например, о военнослужащих, принадлежащих той или иной этнической общности и находящихся в определенных условиях (мирное/военной время, атака, плен, и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крысин Л.П.* Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). – М.: Наука, 2002. – 478 с. ISBN 5-02-022654-8;
2. *Крысько В.Г.* Этническая психология. Учебное пособие. Серия: Высшее профессиональное образование. Изд.: Академия, 2008. – 320 с. ISBN 978-5-7695-4880-2;
3. *Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1993;

4. *Липпман У.* Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с. ISBN 5-93947-016-5 (рус.);

5. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 341 с. ISBN 978-5-387-00076-8.

6. *Marlowe A.* Breaking the Military Family Stereotypes // World Affairs Journal, 14 May 2012.

— Режим доступа: <http://www.worldaffairsjournal.org/blog/ann-marlowe/breaking-military-family-stereotypes>, свободный. — Загл. с экрана. Дата обращения 10.01.13;

7. *Safari B.* Five Common Military Stereotypes Debunked// Employing America...Military Families Week., 15 April 2011.

— Режим доступа: <http://jobs.aol.com/articles/2011/04/15/five-common-military-stereotypes-debunked/>, свободный. — Загл. с экрана. Дата обращения 11.01.13;

8. *Evans S.* The evidence that backs up World War II stereotypes// BBC, 24 April 2011.

— Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-13141495>, свободный. — Загл. с экрана. Дата обращения 11.01.13.

Таракановская О.С.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕНСИФИЦИРОВАННОГО КУРСА ПЕРЕВОДА КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Статья посвящена вопросу о специфике интенсифицированного курса перевода как учебной дисциплины. Эти особенности, составляющие в совокупности общую характеристику предмета, заключаются в синтетичности курса перевода, конкретизации внутриязыковых и межъязыковых связей и соответствий, аспектировании видов перевода, в осознании ис-

тинных отношений между непосредственными языковыми величинами и отвлеченными формами и конструкциями. Курс перевода в основном носит практически-исследовательский характер.

В основу интенсифицированного курса переподготовки переводчиков должны быть положены основные дидактические принципы и, в первую очередь, принципы систематичности и последовательности, доступности и наглядности.¹ При разработке заданий, а также комплексном использовании обучающих воздействий следует исходить из новейших положений теории проблемного обучения. Большинство видов работ должно предусматривать широкое использование технических средств обучения, без которых на современном этапе развития педагогической и методической мысли невозможно совершенствование и интенсификация учебного процесса, особенно процесса совершенствования такого вида специализированной речевой деятельности, как перевод.

Профессия переводчика изначально предполагает постоянное и интенсивное получение новых знаний. Совершенствование профессионально значимых компетенций переводчика невозможно как без получения дополнительного образования, так и без самообразования.

Интенсификация учебных занятий для переподготовки профессиональных переводчиков определяется несколькими факторами. Важнейшее значение имеют: а) целевая установка учебного заведения, в частности предполагаемые действия выпускников в последующие периоды практической работы; б) наличие и распределение учебного времени; в) характер выделяемых переводческих дисциплин; г) теоретическая и прак-
¹ Леонтьев А.А., Китайгородская Г.А. Содержание и границы понятия «интенсивное обучение», М.: Профессиональное образование, 1987, с. 57-59.

тическая разработанность составных частей курса перевода; д) объем и содержание взаимодействующих непереводческих предметов; е) подготовленность преподавательского состава; ж) предварительные знания, отношение к делу и способности учащихся; з) обеспеченность текстовым материалом, характер и качество учебных пособий.¹

Следует особо отметить особенности интенсифицированного курса перевода как учебной дисциплины. Эти особенности, составляющие в совокупности общую характеристику предмета, заключаются в следующем:

1. Совершенствование переводческих навыков происходит в условиях уже достаточно хорошего владения изучаемым языком, когда, кроме того, учащиеся имеют нужные фактические знания по переводимым темам, а также практически не допускают стилистические ошибки на родном языке. Однако курс переподготовки переводчиков по необходимости включает в себя не только собственно переводческие установки, задания и упражнения, но и терминологические, страноведческие, воспитательные и общеобразовательные сведения, которые постоянно пополняются и изменяются. Удельный вес непереводческих разделов определяется объемом и содержанием предшествующих или сопутствующих дисциплин. Это позволяет назвать курс перевода комплексным, или синтетическим.

2. Опираясь на полученные и получаемые в процессе осуществления своей профессиональной деятельности сведения и навыки, курс переподготовки переводчиков, в свою очередь, пополняет, развивает, совершенствует общеязыковые, общественно-политические, военные, страноведческие и общеобразовательные знания. Особенно значителен вклад

¹ Нелюбин Л.Л. Переводческая лингводидактика. М.: Флинта, 2009, С.15-20.

по общелингвистическим вопросам, изучаемому и родному языкам. Курс перевода конкретизирует внутриязыковые и межъязыковые связи и соответствия, способствует осознанию истинных отношений между непосредственными языковыми величинами и отвлеченными формами и конструкциями, позволяет уяснить понятия формы и функции, инварианта и варианта и т.п.¹ Имеются столь же широкие возможности для повышения общеобразовательного уровня, выработки правильного отношения к проблематике переводимых текстов, совершенствования нужных переводчику качеств.

3. Сохраняя единую направленность, курс переподготовки переводчиков делится на отдельные аспекты, или виды по способу восприятия (зрительное или слуховое, однократное или повторяемое), по материалу (общественно-политический, военный, технический, литературно-художественный перевод, перевод с иностранного языка на родной и с родного языка на иностранный, а также монологическая или диалогическая форма речи), по оформлению (устное или письменное).

Разновидности перевода появляются в учебном плане одновременно, но сосуществуют, сообщая курсу многоаспектность. Между аспектами устанавливаются отношения преемственности, вместе с тем обнаруживается специфичность каждого из видов перевода. Существенное значение имеют удельный вес каждого аспекта и очередность появления.²

4. Каждый прочитанный или прослушанный отрывок текста содержит разнообразные языковые и переводческие трудности.

В курсе переподготовки переводчиков необходимо сочетать предвосхищающие обобщения, образцы и эквиваленты,

¹ Рассудова О.П. Вопросы методики обучения устной речи на краткосрочных курсах русского языка. М.: Владос-пресс, 1995, С. 127-129.

² Нелюбин Л.Л. Переводческая лингводидактика. М.: Флинта, 2009, с. 25.

вводимые преподавателем, и предпринимаемые самими учащимися поиски лучшего варианта. Курс в основном носит практически-исследовательский характер. Большое место занимает самостоятельная работа. Навыки совершенствуются и закрепляются в процессе решения переводческих задач. Типы и условия задач постепенно усложняются, но совершенствуемые навыки, новые сведения и уже имеющийся практический опыт слушателей позволяют уравнивать переводческие трудности.

5. Курс переподготовки строится на неадаптированных материалах. При подборе текстов, разработке заданий и упражнений соблюдается принцип максимальной эффективности при минимальном языковом материале.

Противоречие между необходимой стабильностью текстов и упражнений, что важно для эффективного совершенствования переводческих навыков, и новизной материала, повышающей его познавательную ценность, разрешается одновременным использованием стабильного учебника или учебного пособия и переменных новых газетных, журнальных статей, соответствующих постоянным текстам по тематике, стилю, степени трудности.

Помимо систематизированного получения новых знаний дополнительное образование позволяет переводчику не заикливаться на узкой сфере работы, «освежать» навыки работы, а также дает возможность взглянуть на свою работу с другой стороны.

Следует отметить, что одним из эффективных способов интенсификации обучения переводчиков в процессе переподготовки являются семинары и мастер-классы. Они позволяют переводчику как минимум увидеть ориентир для дальнейшего

развития (и затем заняться активным самообразованием), а также получить в сжатые сроки большой объем информации.

Семинары и мастер-классы могут быть посвящены самым разнообразным темам: художественному переводу, знакомству с новыми программами, процессам локализации, организации работы, особенностям работы переводчиков.

Помимо получения дополнительного образования, для переводчика крайне важным является непрерывное самообразование.¹

Самообразование – неотъемлемая часть работы переводчика, важный фактор совершенствования его профессиональных навыков. Кроме того, самообразование также способствует интенсификации процесса обучения, поэтому практикующий переводчик должен привыкнуть вкладывать в него немало времени. Многие ошибочно полагают, что повышение квалификации переводчика заключается только в повышении уровня владения иностранным языком или даже в простом заучивании иностранных слов. Это не так: непрерывной работы требует расширение кругозора и знаний по тематике перевода, а также совершенствование родного языка. Как показывает опыт, очень часто в процессе подготовки переводчиков уделяется недостаточно внимания родному языку, в результате уже в процессе осуществления своей профессиональной деятельности приходится затрачивать массу усилий по обучению и подготовке переводчика.

Самообразование как один из главных факторов интенсификации процесса совершенствования профессионально значимых компетенций переводчика должно идти одновременно в трех направлениях:

– углубление знаний по тематике перевода (чтение на двух

¹ Маркова А.К. Формирование мотивации учения. М.: Знание, 1983, С.34-35.

языках спецлитературы и т.п.);

- углубление знаний по теории и практике собственно перевода (знакомится с материалами, размещаемыми на сайтах переводческих ассоциаций и бюро переводов);

- работа над фоновыми знаниями — особенно важно это для устных переводчиков, когда, зачастую, возможность обратиться к справочной литературе и поисковым системам отсутствует.

Если переводчик уделяет недостаточно времени этим пунктам, то настоящего мастерства ему не добиться.

Самостоятельное образование включает в себя следующее:

- регулярное чтение специализированной литературы и периодических изданий по тематике перевода на родном и иностранном языках, посещение отраслевых выставок и мероприятий (помогает глубже разобраться в тематике перевода, почувствовать «живой» язык, узнать жаргонизмы, которые, как правило, отсутствуют в словарях);

- просмотр фильмов, чтение художественной литературы и периодических изданий (как на иностранном, так и на родном языке), к тому же в сети можно найти множество лекций, передач и аудиокниг, посвященных самым разнообразным вопросам;

- ознакомление с новыми программами и инструментами (чтобы иметь хотя бы общее представление о возможных форматах документации и способах работы с ними);

- освоение новых рабочих тематик;

- изучение редакторской правки перевода;

- чтение изданий, посвященных переводу (как на родном, так и на иностранном языке);

- подготовка глоссариев по рабочему проекту (позволяет систематизировать знания и облегчают запоминание терминологии).

В определенном смысле самообразованием можно считать и преподавание, поскольку в процессе подготовки к занятиям приходится обрабатывать и систематизировать большой объем информации, а также ликвидировать пробелы в собственных знаниях.

Немаловажным источником самообразования (особенно при решении практических рабочих вопросов) является общение с коллегами в профессиональных сообществах, ассоциациях и интернет-форумах, поскольку всю специфику переводческой работы осветить в учебниках весьма сложно.

Переводчик должен выработать привычку постоянно работать со справочной литературой, причем не только во время работы, но и в повседневной жизни: проверять ударение, правильность словоупотребления, интересоваться тем, как переводятся имена известных личностей, названия популярных книг и фильмов. Чтобы довести это до автоматизма, можно вносить онлайн-энциклопедии и новостные ленты в панель закладок браузера (эти ссылки можно посещать, когда хочется отвлечься от основной работы), а также всегда держать под рукой словари и справочники. Подобная привычка эффективна для саморазвития и повышения уровня фоновых знаний.

Однако переводчики зачастую пренебрегают этими рекомендациями, хотя непрерывность получения новой информации крайне важна: потерять тонус и отстать от коллег очень просто, а наверстать упущенное – сложно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Леонтьев А.А., Китайгородская Г.А.* Содержание и границы понятия «интенсивное обучение». - М.: Профессиональное образование, 1987, – 212 с.

2. *Маркова А.К.* Формирование мотивации учения. - М.: Знание, 1983, –113 с.
3. *Нелюбин Л.Л.* Переводческая лингводидактика. - М.: Флинта, 2009, –85 с.
4. *Рассудова О.П.* Вопросы методики обучения устной речи на краткосрочных курсах русского языка. - М.: Владос-пресс, 1995, – 201 с.

Тушкова Ю.В.

ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Использование информационно-компьютерных технологий в обучении помогает преподавателям создать творческие, информационно наполненные занятия, заинтересовать своих слушателей и облегчить усвоение материала. Интерактивные методы обучения позволяют сделать обучение более понятным и интересным, что в свою очередь дает положительный результат. В роли ИКТ могут выступать интерактивные презентации, обучающие компьютерные программы, интерактивные упражнения, средства телекоммуникации. ИКТ могут быть использованы на всех этапах занятия.

Ключевые слова: информационно-компьютерные технологии; презентации; обучающие компьютерные программы; интерактивные упражнения; средства телекоммуникации.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту одной из ключевых компетенций, которую преподаватели обязаны развивать у учащихся является информационная и компьютерная компетенция. Под компьютерной компетенцией следует подразумевать умение найти нужную

информацию в поисковой среде, умение отделить нужную информацию от ненужной, умение отличать правдивую/неправдивую информацию (умение отделить факт от мнения).

Работа по достижению базовой компьютерной компетенции тесно связана с использованием информационно-коммуникативных технологий на занятии. «В отличие от обычных технических средств обучения ИКТ позволяют не только насытить обучающегося большим количеством готовых, строго отработанных, соответствующим образом организованных знаний, но и развивать интеллектуальные, творческие способности учащихся» [Воронкова, Информационные технологии в образовании 2010: 289].

Согласно ГОСТ Р 52653-2006 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании», «ИКТ – это информационные процессы и методы работы с информацией, осуществляемые с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникации».

Благодаря своей универсальности, информационно-компьютерные технологии могут быть использованы на любом этапе обучения: в качестве разминки, при вводе нового материала, при отработке учебного материала, при контроле, индивидуализации обучения, а также для самостоятельной работы студентов.

При помощи ИКТ можно создавать различные варианты использования компьютерного оборудования на занятиях:

- фронтальное использование. Наиболее простым вариантом фронтального использования является сочетание: компьютер + проектор или компьютер + интерактивная доска. Такое сочетание дает возможность использования широкого спектра ресурсов: от презентаций до интернета и конференц-связи. Простота использования данного сочетания позволяет

преподавателям не тратить большого количества времени на поиск необходимых материалов;

- в микрогруппах. При использовании компьютерных технологий группами существенно меняется роль преподавателя. Он становится советчиком, консультантом. Функция педагога заключается в направлении группы на решение задачи путем наводящих вопросов, рекомендаций, пояснения отдельных моментов. Данная работа эффективна на любом этапе обучения, способствует созданию условий для приобретения новых знаний, умений и навыков, усвоению и обобщению материала;

- индивидуально. Такая форма предусматривает индивидуальный подход к обучающемуся, с учетом его уровня интеллектуального развития, способностей и задатков. Индивидуализация обучения позволяет студентам самостоятельно добывать знания, изучать материал, который соответствует их интересам и потребностям в подходящем для них темпе;

- для выполнения домашних заданий. При наличии у студента компьютера и доступа к интернет-ресурсам можно проводить гибкую организацию учебного процесса. Домашние задания в этом случае могут выполняться не в часы самоподготовки в аудитории, а дома. Существует возможность связи со своим преподавателем через программы типа icq, twitter.

Как показывают различные исследования, применение ИКТ позволяет облегчить запоминание и усвоение материала, а также сокращает время обучения.

Наиболее часто в качестве ИКТ при обучении иностранному языку используются интерактивные презентации, специальные компьютерные программы, интерактивные он-лайн упражнения, средства телекоммуникации (телефон, скайп, электронная почта).

Создание презентаций предоставляет возможность просматривать информацию на слайдах в различных видах. Наиболее интересной формой подачи материала являются интерактивные презентации. В рамках таких презентаций можно осуществлять опросы, небольшие тестирования. Механизм создания интерактивных презентаций позволяет использовать функции заполнения пропусков недостающими словами, конструирование предложений, группировки по различным признакам, эквивалентным заменам (лексическим и грамматическим), вопросо-ответным умениям и умениям перевода, которые благоприятно сказываются на усвоении материала.

Разновидностью интерактивных презентаций являются он-лайн презентации или глогги (создаются в программе глогстер). Такой тип презентаций позволяет включать в себя мультимедийные средства, аудио, видео и другие ссылки.

Одной из последних новинок в интерактивных учебно-методических комплексах (УМК) являются интерактивные плакаты с анимированным изображением и звуком. Такие плакаты могут быть использованы в аудитории для введения нового лексического и грамматического материала, а также дома для повторения лексики и грамматики, при подготовке к контрольным работам.

При использовании обучающих компьютерных программ (ОКП) у преподавателя отпадает необходимость быть единственным источником знаний, организатором самостоятельной работы студентов и обсуждения ее результатов. В большинстве своем ОКП направлены на:

- обучение аудированию;
- отработку лексико-грамматических навыков;
- отработку навыков чтения;
- развитие коммуникативных навыков.

В своей массе обучающие программы подразделяются на универсальные и созданные к конкретным учебникам.

Достоинством универсальных программ является отдельное использование, без УМК. К недостаткам можно отнести частую невыдержанность по уровню сложности грамматического и лексического материала (грамматика простая, а лексика сложная – многие не в состоянии ее перевести) и содержание однотипных заданий (не позволяют откликаться на индивидуальные потребности учащихся).

При использовании универсальных программ стоит помнить, что они не направлены на достижение образовательного стандарта, они являются лишь вспомогательным средством.

Обучающие компьютерные программы, созданные к конкретным учебникам позволяют создать информационную образовательную среду, формирующую личность студента. Информация в таких программах уже отобрана и направлена на поставку перед учеником определенных образовательных задач. Такие программы содержат дополнительные упражнения к учебникам, в них есть вариативность, которая может быть ориентирована на индивидуальные особенности студента. Обучающие компьютерные программы к учебникам, как правило, соответствуют авторской концепции учебников.

Основными задачами таких ОКП являются расширение всех видов речевой деятельности, в том числе и за счет дополнительных упражнений, повышение мотивации студентов. Подобные методики направлены на сознательное выполнение упражнений. В рамках таких программ, как правило, существует вариативность (при многократном включении каждый раз предлагаются новые варианты выполнения, а

иногда даже порядок заданий, существует система разноуровневых упражнений). Обучающие программы, созданные к конкретным учебникам, включают возможность самоконтроля. Из-за того что материал учебника в данных программах не повторяется, существует возможность самостоятельной работы.

В этих программах достаточно простое методическое обеспечение: они понятны и преподавателям, и студентам, вследствие чего могут быть использованы при самоподготовке. Как правило, в них содержится интерактивный грамматический справочник. Некоторые программы также содержат задания на аудирование и письмо. В методическом обеспечении существует возможность проставления оценок и ведения интерактивного журнала.

Как видно из описания, обучающие программы направлены на решение достаточно большого количества задач, но при их использовании не стоит забывать о том, что они являются всего лишь дополнительным средством обучения и не могут в полной мере заменить преподавателя.

Следующим видом интерактивных методов обучения является использование интернет-ресурсов. Всемирная паутина – это десятки миллионов серверов, содержащих страницы интернета, которые могут быть использованы при обучении иностранному языку.

Одним из главных достоинств использования интернета является полное погружение в языковую среду. Необходимо также отметить, что в рамках этого интерактивного метода происходит приобщение к образу сознания другого народа самым естественным образом за счет речевого и межкультурного общения.

Самыми простыми ресурсами, которые могут быть использованы для обмена информацией и обучения письменной речи на уровне предложений, являются системы коротких сообщений типа Twitter и icq. Блоги и он-лайн дневники могут быть использованы для поиска информации и подготовки проектных работ. Социальные сети типа Face-book, V Kontakte и различные интернет-форумы используются для общения и получения нужной информации. При обучении большой отклик у студентов находят различные энциклопедии типа Wikipedia, Britannika, Zhaina и другие, а также онлайн-словари.

В качестве подготовки к занятиям преподаватели, при соблюдении авторских прав, могут использовать различные видеоуроки из интернета (www.teacher.tube.com), интернет-справочники, онлайн-упражнения (www.ruteachers.ru), он-лайн тесты (www.ruteachers.ru) и генераторы заданий (www.textivate.com). В качестве дополнительного материала к занятиям могут быть использованы различные он-лайн аудио/видео книги, радиопередачи, фильмы (с субтитрами и без). Среди интернет-ресурсов можно найти ресурсы с нормативными документами (www.минобрнауки.рф, www.standart.edu.ru, www.edu.ru) и сайты с методическими разработками, которые помогают создать интересные и запоминающиеся занятия (www.tisbooks.com).

Безусловно, использование вышеперечисленных ИКТ способствует достижению любых целей занятия, начиная от разминок и заканчивая оперативным контролем знаний учащихся, и тем самым оказывает способствует повышению качества обучения. Но не стоит забывать, что использование ИКТ на занятии является всего лишь дополнительным педагогическим инструментом. В связи с этим перед началом занятия всегда должен решаться вопрос о целесообразно-

сти применения компьютерной техники на занятии, обоснованности и правильности использования информационных средств обучения, их соответствия содержанию учебного материала и поставленным целям занятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронкова О.В.* Информационные технологии в образовании. - Ростов- н/Д: Феникс, 2010. – 314 с.

Фомушкина О.В.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ АЛЛИТЕРАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Стилистические особенности русского и английского языков имеют свой национальный характер. Стилистические приемы разных языков в основе одни и те же, однако, их функционирование в речи различно. Одни и те же приемы имеют разную степень употребительности, выполняют разные функции и имеют разный удельный вес в стилистической системе каждого языка, чем и объясняется необходимость трансформаций. Стилистические замены так же возможны и необходимы, как и замены грамматические и лексические. При осуществлении лексических и грамматических трансформаций переводчик руководствуется принципом передачи лексического или грамматического значения слова или формы. При передаче стилистического значения переводчик должен руководствоваться тем же принципом — воссоздать в переводе тот же эффект, то есть вызвать у читателя аналогичную реакцию. Переводчик не должен стремиться сохра-

нить самый прием, но должен обязательно воспроизвести его функцию в данном контексте.

Не следует также забывать и о том, что почти все стилистические приемы многофункциональны. И так же как в многозначном слове английского и русского языков могут не совпадать отдельные лексико-семантические варианты, так же могут различаться отдельные функции одного и того же стилистического приема. Таким образом, и при сравнении стилистических приемов выявляются (хотя, может быть, и не так явно, как при сравнении грамматических форм и конструкций) полные совпадения, частичные совпадения и несовпадения их функций. В качестве иллюстрации можно сравнить функции аллитерации в английском и русском языках. Эвфоническая функция аллитерации совпадает в обоих языках — в этой функции аллитерация является одним из основных приемов поэтической речи. Однако использование аллитерации для благозвучия в прозе более характерно для английского языка, чем для русского.

Вторая функция аллитерации — логическая. Аллитерация как бы подчеркивает тесную связь между компонентами высказывания. Особенно ярко аллитерация показывает спаянность эпитета с определяемым словом. Это наблюдается в равной степени и в английской и в русской поэзии. При передаче аллитерации в поэтическом произведении порой трудно сделать выбор между сохранением смысла и сохранением формы.

Третья функция аллитерации в английском языке — привлечение внимания читателя — имеет очень широкое распространение, особенно в названиях литературных произведений, газетных заголовках и часто в самих статьях. Как пишет Т.Р. Левицкая, сохранение аллитерации при переводе таких

названий почти всегда невозможно и совершенно необязательно [Левицкая 1976]. Чаще всего аллитерация употребляется в этой функции в газетных заголовках для придания им броскости и привлечения внимания. И в этом случае ее передача в переводе обычно невозможна и не нужна, ибо в русской газете этот прием не применяется.

Использование аллитерации является убедительным подтверждением того, что различные функции стилистического приема в разных языках далеко не всегда совпадают как в употреблении, так и в употребительности.

Звуковой повтор делает стихотворение стихотворением, делает стихотворение убедительным. Эвфония, благозвучие в стихах — это скорее грань благозвучия, тот необходимый грамматический уровень, при котором стихи остаются стихами.

Как указывает В.Т. Шаламов, «Стихотворение — это смысловое торможение звукового потока, отливка в смысловые формы звуковой расплавленной лавы» [Шаламов 1976]. Стихотворная гармония зависит от сочетания согласных в стихотворной строке. Этот звуковой поток и рождает стихи. Не всегда стихотворная гармония и использование звуковых повторов и аллитераций нацелены на музыкальность и благозвучность поэтического произведения, намного чаще цель их использования заключается в достижении определенной звуковой опоры, структурированности произведения.

Рассмотрим особенности передачи аллитерации при переводе поэтического текста с английского языка на русский на примере поэтического наследия Д.Г. Байрона. Можно сопоставить оригинальный текст стихотворения Д.Г. Байрона "Солнце не спящих" и перевод С.Я. Маршака:

Sun of the sleepless! melancholy star!
 Whose tearful beam glows tremulously far,
 That show'st the darkness thou canst not dispel,
 How like art thou to joy remember'd well!
 So gleams the past, the light of other days,
 Which shines, but warms not with its powerless rays,
 A night-beam Sorrow watcheth to behold,
 Distinct, but distant - clear, but, oh, how, cold!

Бессонных солнце - скорбная звезда,
 Твой влажный луч доходит к нам сюда.
 При нём темнее кажется нам ночь,
 Ты - память счастья, что умчалось прочь.
 Ещё дрожит бывшего смутный свет,
 Ещё мерцает, но тепла в нём нет.
 Полночный луч, ты в небе одинок,
 Чист, но безжизнен, ясен, но далёк!

Сравнивая эти два произведения, одно на языке оригинала и второе, созданное на языке перевода, можно смело утверждать, что С.Я. Маршак полностью сохранил стилистические средства оригинального произведения, воссоздав их в русском переводе. Аллитерации со звуками [s], [t], [d] широко использованные в начале стихотворения были переданы в переводе аллитерациями со звуками [с], [л],[н], создавая таким образом параллелизм конструкций обоих произведений. Замечательную переводческую находчивость проявляет С.Я. Маршак, продолжая использование аллитерации и в следующей строке «Ты — память счастья, что умчалось прочь», хотя в оригинале Д.Г. Байрона эта строка не аллитерирована: «How like art thou to joy remember'd well!». То же явление обнаруживаем и в конце произведений, сопоставляя предпоследние

строки, эквивалентные в смысловом плане, но различные в плане стилистическом: «A night-beam Sorrow watcheth to behold» и «Полночный луч, ты в небе одинок». Таким образом, достигается неразрывность структуры поэтического произведения настолько, насколько это возможно средствами русского языка. Применение аллитерации там, где этого нет у автора оригинального произведения, компенсирует отсутствие аллитерации там, где она может быть обнаружена в оригинале. Это обнаруживается при сопоставлении последних строк произведений: «Distinct, but distant - clear, but, oh, how, cold!» и «Чист, но безжизнен, ясен, но далёк!». Таким образом, можно сделать вывод, что при переводе данного произведения на русский язык, при создании эквивалентного поэтического произведения средствами русского языка и путем применения компенсации была достигнута стилистическая адекватность при сохранении аллитерации во всей полноте ее функций.

Аналізу также можно повергнуть первую строфу произведения Д.Г. Байрона «Она идет во всей красе», написанного в 1814 году и перевод С.Я. Маршака:

She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;
And all that 's best of dark and bright
Meet in her aspect and her eyes:
Thus mellow'd to that tender light
Which heaven to gaudy day denies.

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь её страны.
Вся глубь небес и звезды все
В её очах заключены.

Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.

Во второй строке оригинала можно наблюдать классическое для английской поэзии использование аллитерации как средства усиления смысловой связи между эпитетом и определяемым словом: «cloudless climes» и «starry skies». И далее, заметны аллитерации со звуками [b], [r], [d]. В своем переводе С.Я. Маршаку средствами русского языка удается достичь столь же четкого и последовательного структурного параллелизма – аллитерации, строящиеся на звуках [с], [н], [в], [б] неразрывно пронизывают все произведение логически соединяя эпитеты («во всей красе», «ночь её страны», «глубь небес и звёзды все», «солнце в утренней росе»). Применение аллитерации наряду с рифмой в поэтическом переводе С.Я. Маршака придает стихотворению внутреннее единство и четкую структуру, при этом сообщая ему известную музыкальность и смысловую целостность. Все это говорит о том, что сохранение в русском переводе типичного для английской поэзии стилистического средства, такого как аллитерация, помогло добиться стилистической эквивалентности с оригинальным произведением и не кажется искусственным при эстетическом восприятии текста перевода, что свидетельствует о высоком мастерстве переводчика.

Также можно сравнить стихотворение Д.Г. Байрона «Стансы» 1820 года и его перевод, выполненный Т.Г. Гнедич:

When a man hath no freedom to fight for at home,
Let him combat for that of his neighbours;
Let him think of the glories of Greece and of Rome,
And get knocked on his head for his labours.

To do good to mankind is the chivalrous plan,
 And is always as nobly requited;
 Then battle for freedom wherever you can,
 And, if not shot or hanged, you'll get knighted.

Если дома стоять за свободу нельзя,
 То соседей свободу спасайте!
 Славу римлян и греков храните, друзья,
 И в боях тумачи получайте!

Добрый рыцарский подвиг высок и хорош.
 Так дерись же всегда за свободу!
 Если ты не в тюрьме и не в петле умрёшь,
 Вознесут твоё имя народы!

При сопоставлении оригинала поэтического текста и его перевода очевидно, что многочисленные аллитерации оригинала на звуки [f], [n], [r], [h] переданы переводчиком аллитерациями со звуками [с] и [р], при чем звук [р] используется в звукоподражательной функции, создавая на пряженность и ритм, придавая четкость структуре произведения.

При исследовании передачи в переводе такого стилистического средства как аллитерация большой интерес также представляет перевод стихотворения Д.Г. Байрона «Еврейская мелодия» 1815 года, выполненный в 1836 году М.Ю. Лермонтовым:

My soul is dark—Oh! quickly string
 The harp I yet can brook to hear;
 And let thy gentle fingers fling
 Its melting murmurs o'er mine ear.—
 If in this heart a hope be dear,
 That sound shall charm it forth again—

If in these eyes there lurk a tear,
Twill flow—and cease to burn my brain—

But bid the strain be wild and deep,
Nor let thy notes of joy be first—
I tell thee—Minstrel! I must weep,
Or else this heavy heart will burst—
For it hath been by sorrow nurst,
And ached in sleepless silence long—
And now 'tis doom'd to know the worst,
And break at once—or yield to song.

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!

Вот арфа золотая:

Пускай персты твои, промчавшись по ней,

Пробудят в струнах звуки рая.

И если не навек надежды рок унес,

Они в груди моей проснутся,

И если есть в очах застывших капля слез -

Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. — Как мой венец,

Мне тягостны веселья звуки!

Я говорю тебе: я слез хочу, певец,

Иль разорвется грудь от муки.

Страданьями была упитана она,

Томилась долго и безмолвно;

И грозный час настал — теперь она полна,

Как кубок смерти яда полный.

При анализе данного перевода и сопоставлении его с текстом оригинала можно обнаружить, что вместо аллитераций, объединяющих подлежащее и сказуемое, а также эпитет и

определяемое слово или сказуемое и дополнение («fingers fling», «melting murmurs», «burn my brain»), М.Ю. Лермонтов прибег к использованию другого стилистического приема основанного на звуковом параллелизме – к ассонансу («пробудят в струнах звуки», «не навек надежды рок унес», «долго и безмолвно»). Замена одного средства достижения звукового параллелизма другим, замена аллитерации, основанной на повторе согласных в предударной позиции, на ассонанс, основанный на применении тех же гласных в ударной позиции, ни чуть не обедняет звуковой строй поэтического произведения и также способствует единообразию его структуры. Несмотря на то, что классический для английской поэзии стилистический прием нашел в переводе иное средство выражения, можно говорить о том, что при помощи компенсации и достижения параллелизма посредством гласных, а несогласных в сильных позициях, стилистическая эквивалентность была достигнута.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что целесообразно передавать аллитерацию в переводе прежде всего там, где она отражает национальную специфику английского языка. Ясно, что русский перевод аллитерированного английского стихотворения должен сохранить аллитерацию и не заменять ее рифмой.

Можно предположить, что фонетические особенности германских языков в какой-то мере определили сложение аллитерационного стиха.

Сохранение метрической функции аллитерации при переводе является затруднительным и находит отражение в трудах лишь редких переводчиков, способных средствами русского языка добиться воссоздания этой первейшей из функций ал-

литерации в своем произведении.

Преимущественно в переводе сохраняются аллитерационные повторы, создающие определенный эмоционально-звуковой фон, а также усиливающие семантическую близость в рамках словосочетаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левицкая Т.Р., Фиттерман А.М.* Проблемы перевода. Издательство "Международные отношения". - М., 1976.
2. *Шаламов В.Т.* Звуковой повтор – поиск смысла: (Заметки о стиховой гармонии) // Семиотика и информатика. Вып. 7. - М., 1976.

Хлыстова М.Н.

О СЕМАНТИКЕ СЛОВА *ПАМЯТЬ* (НА МАТЕРИАЛЕ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)

Положение о том, что действительность представляется говорящим на разных языках неодинаковой, что у каждого языка своя картина мира, является общепризнанным. Но большинство исследователей опираются на материал литературного языка, тогда как нетождественность картины мира национального языка является в целом менее очевидной.

Картина мира отдельного диалекта является одной из составляющих картины мира, отражаемой русским национальным языком. Важнейшей задачей, которая встает перед исследователями этого направления, является обнаружение, выделение тех участков макросистемы диалектного языка,

в которых проявляются различия в мировидении носителей диалектов [Нефедова 2008: 7-9].

Известно, что «ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке» [Карасик 1996: 4]. К такой значимой для носителя языка группе можно отнести и лексику, обозначающую интеллектуальные способности человека, в частности – слово *память*.

В литературном языке *памятью* называют способность человека запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, а также нейронную систему, благодаря которой человек помнит, запоминает и вспоминает.

В современных архангельских говорах значение слова *память* таким определением не ограничивается. Оно имеет четыре тесно связанных круга употреблений [Архангельский областной словарь 1980-2011].

1. *Память* – психическая функция, предназначенная для того, чтобы запоминать, помнить, вспоминать. Её назначение - "запомнить, сохранить" выявляется в следующих глагольных сочетаниях:

ПРИЙТИ́, ПРИХОДИ́ТЬ, ДА́ТЬСЯ В ПА́МЯТЬ: Им шы́пко кáк-то ф пáм'ат' даjóца. ВИЛ Пвл, *ВРЕ́ЗАТЬСЯ В ПА́МЯТЬ; БРАТЬ, ВЗЯТЬ В ПАМЯТЬ / НА ПАМЯТЬ; ВОЙТИ́ В ПА́МЯТЬ*: Рáн'шэ говорiли, што náдо на жóрноф сес'т', штобы лúч'шэ вошлó ф пáм'ат'. ЛЕШ Смл, *ПАСТЬ(СЯ), ВПАСТЬ, ПОПАСТЬ В ПАМЯТЬ / НА ПАМЯТЬ* – случайно запомнить, сохранить: А она́ так и назадí-то и стоjит, мне не довер'áют ниц"евó, так мне ф пáм'ат' пáло-то.

МЕЗ Бч. Бежы́те де́фки, красу́л'а ид'о́т, завороти́те да домо́ј приве́дите, как и ш'а́с ви́жу, вот как ф па́м'ат' фпа́ло. МЕЗ Бч.

УДАРИТЬ В ПАМЯТЬ – неожиданно вспомниться: Ф па́м'ат' уда́рило – то́чно не зна́ю, где лежы́т, но по́мн'у, што куда́-то кла́ла. МЕЗ Аз.

Память хранит самое ценное, что есть у человека, оно надолго запоминается, сохраняется: *ДЕРЖИТСЯ В ПАМЯТИ, ОСТАЁТСЯ НА (ВСЮ) ПАМЯТЬ; СИДИТ В ПАМЯТИ*: У мен'а голова́-то не дом Совето́ф. Је́сл'и што-то вы́уч'ила – должно́ ф па́м'ати сиде́т'. ХОЛМ Сия.

Информация, загруженная в *память*, может утрачиваться, забываться:

ВЫХОДИТЬ, ВЫПАСТЬ, ВЫШИБАТЬ ИЗ ПАМЯТИ: У мен'а фс'о ис па́м'ати вышыба́ет. КАРГ Ус. Забы́ла, фс'о ис па́м'ати вышы́бло. КАРГ Крч. Тепе́р' уш не ко́сим, дак фс'о и забы́ли, тепе́р' на по́жни доро́ги нет, фс'о ис па́м'ати вышы́бло. КАРГ.Ух. Э́то наве́рно уш ис па́м'ати вышы́бло. ВЕЛЬ Сдр.; *ВЫБИТЬ ИЗ ПАМЯТИ*: Не зна́ю, ч'о-то фс'о ис па́м'ати вы́било. ВИЛ Трп.

2. *Память* как нейронная система, благодаря которой человек может запоминать, помнить, вспоминать, способна производить невидимые «продукты деятельности», так же называемые *памятью*.

2.1 *Память* – запас впечатлений, информации, оставшихся от кого-либо или чего либо, хранящихся в сознании, могущих быть воспроизведенными:

Вот вам подарки за па́м'ат' за фс'у. ПИН Квр, Сама́ себ'а́ успоко́ю – поје́ду, посмотре'у́, па́м'ат' для себ'а́. ЛЕШ Брз.

ЗАХВАТИТЬ ПАМЯТЬ – набраться впечатлений, жизненного опыта: Кто тут фс'о до́л'ше про́жыл – захвати́л и го́р'ушка, и па́м'ати. ПИН Квр.

ДАТЬ ПАМЯТЬ – оставить след, воспоминание: Сло́ма косте́ј

не было, а пам'ат'-то далó (оставило след) ШЕНК Ктж.

Событие могло запомниться тому, кто был его свидетелем, кто жил в это время: На мојéј пам'атí медвѣт' мужыка т'апал. ВИН Мрж. На бабиној пам'ате пот крыл'цо запóлс уш. ВИН Слц. На мојíх-то пам'ат'ах мно́го тону́ли в реке́-то. МЕЗ Длг. У нас ц"эркоф'-то была́ јеш'о при на́шэј пам'ати, да разворóчали јејó. ВЕЛЬ.Пкш. Один на веку́ до на́шых пам'атéј упал до сватых груди́н. НЯНД Стм.

2.2. На основе метонимического переноса *памятью* может быть назван и день, в который поминают умершего:

Ф како́ число́ он сконча́лси – то пам'ат'. МЕЗ Дрг. Пам'ат' – како́ число́ пом'ор. ПИН Ёр. Пам'ат' – ф тот ден' кто́ умер, так ч'э́рез неде́лу пам'ат', оте́ц тогда́ умер. КАРГ Ух. Он посвящен воспоминаниям об умершем, обычно это отмечается следующим образом: Сего́дн'а пам'ат', похожу́ на моги́лу. ПИН Квр. Как пам'ат' кому́ буд'о, наоста́вл'а́ют на моги́ле ф'о. ПИН Врк. С'о́го́дни хоз'э́жину пам'ат', помени́м јэ́го за сто́пкој. ПИН Ёр.

2.3. *Память* может называть не только день смерти, но и обрядовый обед в честь умершего, поминки, что является результатом метонимического переноса: А у А́нны-то фчера́ пам'ат' была́, мат' помина́ли. ПИН Врк. На пам'ат' пеку́т пироги́ с ја́годами. ПРИМ Ннк.

2.4. *Памятью* может быть назван и церковный праздник, день почитания святого.

Так, *КИРИЛЛОВА(Я) ПАМЯТЬ* – день почитания памяти святого Кирилла: Два́цат' фторо́го ию́ля Кири́лова па́мять. ПРИМ.33. Сра́зу они́ у нас жы́ли Нико́лин ден', Кири́лова пам'ат' – ходи́ли ф ц"эркоф'. ПРИМ Лпш.

2.5. На основе метонимических отношений ПАМЯТЬ также может называть вещь, напоминающую о чем-либо:

Се́јчас ф колхо́зе пам'ат' стои́т. МЕЗ Мц. Э́то мне јешшо́ та́тен'ка

покупал шал'ушэчку, пám'ат'. ПИН Нхч. Јес' појес'јо-то выткано. Спрашывајут (просят), ја не оддавају – пám'ат'! ПИН Ёр. От родителеј-то пám'ати осталос' – вот и пек'ом (о рецептах). КАРГ Ар. Ја тебе машыну не дам – это мáткина пám'ат'. ОНЕЖ Тмц. У мен'а пер'адники гдe-то јес'т'. Пус'т' она стоит у мен'а, пám'ат' родител'ска (об иконе). ЛЕШ Брз.

3. Па́мять – способность помнить, запоминать, вспоминать: Ну, и мен'а прин'али – как прин'али, эгза́мен на́до здава́т'. Пám'ат'-то была́. Мне выпало – до сих пор по́мн'у, ја здала на п'ат'орку. ПРИМ Лпш. У јеј бо́ле пám'ати-то, она́ бо́ле ч'о-то роска́жэт. МЕЗ Аз. Причeм часто человек не обладает этой способностью или она присутствует у него частично.

Память как способность допускает количественные характеристики. Так, *ПА́МЯТЬ ДО ПОРО́ГА* – о забывчивом человеке, который не может помнить что-либо длительное время. Пám'ат' до поро́га, а потóm фс'о забыла. ПИН Штг. Што ты у мен'а спрашывајеш – пám'ат'-то до поро́га. ПИН Ёрк. МЕЗ Мд.

Способность человека помнить, запоминать, вспоминать может постепенно утрачиваться, обычно с возрастом.

ПА́МЯТЬ ТЕРЯ́ЕТСЯ: Пám'ат' ста́ла тер'ац'а, старá уш, ниче́го не по́мн'у. МЕЗ Мсв.; *ОТХО́ДИТ*: Фс'о забыва́ју нонче, пám'ат' отхóдит. ПИН Ёр.

Человек больше не может вспомнить или запомнить что-либо.

ОТШЫ́БЛО ПА́МЯТЬ у кого-н.: У мен'а пám'ат' фс'у отшы́бло, пám'ат'-то повы́шыбли. ПЛЕС Фдв.; *ВЫ́ШИБЛО ИЗ ПА́МЯТИ* кого-н.: Еј ис пám'ати-то вы́шыбло, она́ и не по́мнит ниц'е́го. ПИН Квр.; *ПА́МЯТЬ ВЫ́ШЛА, УБЕЖА́ЛА*: Одна́ з'дeшна, Тамáрка, умá-то пока́ не лишы́лас', а пám'ат'-то фс'а убежала куда́-то. МЕЗ Пгр, *ПРОПА́ЛА*: А сејча́с пám'ат'-то у мен'а пропáла, склерóс. КАРГ Ух.

Полная утрата *памяти* означает утрату способности ориентироваться в действительности, отсутствие *памяти* пугает челове-

ка: Боюсь дажэ этого, што мне софсем бес памяти не зделаца. КАРГ Лкшм. Дедушка остарел да боле бес памяти. ПИН Ёрк. Жыть бес памяти – быць не ф своём рассудке. ПИН Врк.

4. *Памятью* может называться состояние, когда человек в сознании. Человек, потерявший сознание, ничего не помнит:

ВЫЙТИ ИЗ ПАМЯТИ: К рекé пришóу и ис пám'ати вышэл. ПИН Врк.; *ПАСТЬ / ПАДАТЬ БЕЗ ПАМЯТИ*: Ja говор'у, ты, Н'урка, зúбы почис'ти. Она́ говорит, ja не могу́, ja појду́ чис'тит', мен'а пот'анут, ja и падају бес пám'ати. ПИН Яв.; *ВЫПАДАТЬ ИЗ ПАМЯТИ*: Он как jejó тр'ахну́л (волк собаку), она́ ис пám'ати выпадаат. ШЕНК Шгв.; *ПОТЕРЯТЬ ПАМЯТЬ*: Нагáн уронил на холóдноје тéло, и пám'ат' своју потер'ал. Очну́л'а в бол'ницэ. Врач прéдо мно́ју в бéлом халáте стојит. ХОЛМ Сия; *безл. ВЫСТЕГНУТЬ ИЗ ПАМЯТИ*: Мен'а бы ис пám'ати выст'огнуло. ПРИМ Ннк.; *безл. ВЫБИТЬ ИЗ ПАМЯТИ*: Выбило ис пám'ати одно́ј мину́ты. ПРИМ Ннк.; *безл. ВЫШИБАТЬ / ВЫШИБИТЬ ИЗ ПАМЯТИ*: Ja заревéла так, што ис пám'ати вышыбло, водо́ј отливáли. ВИН Зстр.

БЫТЬ БЕЗ ПАМЯТИ – находится без чувств, без сознания: Чéреп-то то́жэ вес' (пробил топором), дак мозги́-ти уш вы́л'езл'и был'и, ну жылы-то н'е п'ер'ес'ек (в'ены на в'иск'е). Ja упáла бес пám'ати, а он заташшы́л на кúхн'у, а ja-то потóм учúхалас'. В-Т Сгр.

ПРИХОДИТЬ, ВОЙТИ В ПАМЯТЬ – выйти из бессознательного состояния, прийти в сознание, в чувства: В теплé-то ja пóлност'ју обуркал'а – ф пám'ат' вошóл, в силу́ вошóл, оддохну́л. ШЕНК Шгв. Она́ кóл'ко рас уш стáла јис', и она́ ф пám'ат' приходит. А она́-то сестру́ как увидела да росстро́жилас', да заревéла, и оп'ат' бес пám'ати. ПИН Яв.

Материал северных говоров подтверждает, что в народном сознании значения способности к запоминанию и её физиологического субстрата не разделены. Это выразилось в представлении о способности как об обязательной функции

нейронной системы. Интеллектуальная деятельность человека в народном сознании связывается с адекватностью человека, с его психическим состоянием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–13. - М., 1980 – 2011.
2. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград; Архангельск, 1996.
3. *Нефедова Е.А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. - М., 2008.

<i>Белых Е.Н.</i> Национально-культурный аспект во фразеологии турецкого языка.....	3
<i>Глаголева Д.М.</i> Метод проектов как одна из интерактивных форм обучения иностранным языкам.....	9
<i>Гольев А.А.</i> Лингвокультурологический аспект в эстонских народных пословицах и поговорках (на примере пословиц и поговорок о пьянстве).....	16
<i>Горшкова О.Ф.</i> Современные проблемы теории политической коммуникации.....	22
<i>Горшкова Ю.А.</i> Семантические неологизмы в современном французском языке: экстралингвистический аспект.....	29
<i>Григоренко Ю.А.</i> Модальные функции временных форм (на примере перфекта).....	39
<i>Евтеева М.Ю.</i> Диатеза глагола <i>делать//сделать</i> и конструкции с глаголами <i>делаться</i> и <i>сделаться</i>	47
<i>Заринов Р.И.</i> Метафора в трудах европейских лингвистов первой половины XX века.....	59
<i>Затолокина Л.Л.</i> Шведское одиночество и его отражение в языке	69
<i>Ибрагимова К.Г.</i> Выявление и элиминирование межъязыковых лакун при переводе англо-американской юридической терминологии.....	80
<i>Исмайлова Л.Г.</i> Становление и развитие азербайджанской культуры эпохи Возрождения после распада Арабского халифата.....	88

- Катаева Е.Б.* Иноязычная коммуникативная компетенция как основа формирования переводческих навыков.....100
- Кудрявцева Ю.В.* К вопросу об основных тенденциях развития юридической терминологии современного болгарского языка..109
- Кулькова Е.С.* Категория *возраст* в английском и русском языковом сознании (на материале анализа ассоциативных полей).....118
- Лашкова И.С.* Ядерные экспликативы модального значения возможности в текстах предвыборных программ российских и литовских политических партий.....133
- Летучева Л.А.* Государственная политика в области русского языка.....142
- Лычева О.В.* Концепт как основная единица лингвокультуры.....152
- Магдалинская Е.Н.* Особенности функционирования модальных экспликативов значения необходимости в русском и польском языках.....162
- Мальшева А.В.* Способы отражения реалий современного российского общества в китайских СМИ.....170
- Мичурин Д.С.* Анализ влияния семиотики текстов на динамику виртуальной коммуникации (на материале имидж-форумов)...181
- Панкратьева Е.С.* Отражение паремииологии в литературе и живописи XVI века (на примере немецких и голландских мастеров).....188
- Петрова Ю.Н.* Информационно-коммуникационные технологии как средство развития профессиональной компетенции будущих сотрудников таможни.....195

<i>Пискарева А.А.</i> Вопрос сохранения национальной идентичности немцев в условиях глобализации.....	201
<i>Роговская А.И.</i> Методологические принципы исследования образа мира инофонов.....	216
<i>Романов А.С.</i> Этностереотип в контексте военной коммуникации.....	226
<i>Таракановская О.С.</i> Особенности интенсифицированного курса перевода как учебной дисциплины.....	235
<i>Тушкова Ю.В.</i> Информационно-компьютерные технологии в обучении иностранным языкам.....	243
<i>Фомушкина О.В.</i> Особенности передачи аллитерации при переводе английской поэзии.....	250
<i>Хлыстова М.Н.</i> О семантике слова <i>память</i> (на материале архангельских говоров).....	259

Всего пронумеровано 268 с.

Подписано к печати

Авт. л.   Усл. печ. л.

Заказ №   Тираж   экз.

Себестоимость экземпляра   руб.

Типография Академии